INDIANA STATE LIBRARY

К. Шуловскій.

БИБЛІОТЕКА
Постоянной
ПОЛЯРНОЙ КОМИССІИ
Р. А. Н.
Поступленіе № 350
Отдѣлъ № II
Номеръ Отдѣла 99

Фритьофъ Нансенъ

Изданіе
А. Ф. Девріена.
С.-Пб.

Изданія А. Ф. ДЕВРІЕНА:

РУССКІЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ: Арктическіе и кругосвѣтные.—Путешествія В. Беринга, Г. Сарычева, Ф. П. Врангеля, графа Ф. П. Литке. П. Пахтусова, А. Норденшельда, И. Ф. фонъ-Крузенштерна и Ѳ. Ѳ. фонъ-Беллингсгаузена. Обработаны по подлиннымъ ихъ сочиненіямъ **М. А. Лялиной**. Со многими рисунками и картою. Въ иллюстриров. перепл. Ц. 3 р. 50 к.

Изданіе это **допущено** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ для библіотекъ средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и для раздачи воспитанникамъ младшаго возраста въ видѣ подарка.*

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ТУРКЕСТАНУ Н. А. Сѣверцова и А. П. Федченки. Изложено по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ **М. А. Лялиной**. Съ 81 рис. и картой. Цѣна въ иллюстрир. переплетѣ 2 руб. 50 коп.

Изданіе это **допущено** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для учительскихъ институтовъ.*

ПУТЕШЕСТВІЯ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО въ восточной и центральной Азіи. Уссурійскій край.—Монголія и страна тунгутовъ.—Лобъ-Норъ.—Тибетъ, верховья и источники Желтой рѣки. Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ **М. А. Лялиной**. Съ предисловіемъ проф. Э Ю. Петри. Съ 53 иллюстраціями и 2 картами. Цѣна 1 руб. 75 коп., въ иллюстриров. переплетѣ 2 руб.

Изданіе это **допущено** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и учительскихъ институтовъ.*

ПУТЕШЕСТВІЯ В. В. ЮНКЕРА ПО АФРИКѢ. Изложено **Э. Ю. Петри**, профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Съ 44 отдѣльными гравюрами, 114 рисунками въ текстѣ, портретомъ и картою. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Изданіе это **допущено** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

ЯПОНІЯ И ЯПОНЦЫ. Путевые очерки современной Японіи Д. И. Шрейдера. 668 + XII страницъ со 145 рисунками въ текстѣ и картою. Цѣна 4 руб.; въ изящномъ переплетѣ, исполненномъ въ японскомъ вкусѣ, 5 руб.

Изданіе это **допущено** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.*

НАТУРАЛИСТЪ ВЪ ЛА-ПЛАТѢ. Картины изъ жизни животныхъ въ Ла-Платѣ. **У. Г. Хедсона**. Переводъ съ англійскаго **Д. Д. Струнина**. Съ иллюстраціями въ текстѣ. Въ иллюстрированномъ переплетѣ. Цѣна 2 р.

Изданіе это **допущено** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

ВОСТОКЪ. Страны креста и полумѣсяца и ихъ обитатели. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе левантскаго міра. Составилъ **П. А. Стенинъ**, дѣйств. членъ Импер. Геогр. Общества. Одинъ большой томъ, болѣе 200 полит. въ текстѣ и 64 отдѣльныхъ гравюръ. Цѣна въ иллюстр. обложкѣ 5 р., въ перепл. 6 р.

Изданіе это **допущено** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Фритьофъ Нансенъ.

БИБЛІОТЕКА
Постоянной
ПОЛЯРНОЙ КОМИССІИ
Р. А. Н.
Поступленіе № 350
Отдѣлъ № II
Номеръ Отдѣла 49

350
II
199

ФРИТЬОФЪ НАНСЕНЪ.

В. Г. Бröггера и Н. Рольфсена

съ стихотворнымъ введеніемъ

Бьёрнстьерне-Бьёрнсона.

переводъ съ датскаго

А. и П. Ганзенъ.

Съ многочисленными рисунками въ текстѣ и тремя географическими картами.

Инв. №

БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 8 Августа 1896 г.

Библиотека Академии Наук СССР

ПРЕДИСЛОВІЕ.

2-го августа сего года весь цивилизованный міръ узналъ о счастливомъ возвращеніи на родину знаменитаго норвежскаго путешественника Фритьофа Нансена, отплывшаго въ крайнія полярныя области еще лѣтомъ 1893 г. Цѣлыхъ три года о смѣломъ путешественникѣ не было никакихъ извѣстій, и это обстоятельство еще болѣе усиливало напряженность, съ которою ожидали исхода грандіозной экспедиціи Нансена, а также общій интересъ къ его личности и судьбѣ.

Желаніе удовлетворить этотъ интересъ и побудило «Сѣверную издательскую фирму» въ Копенгагенѣ предпринять весною нынѣшняго года предлагаемое здѣсь въ русскомъ переводѣ изданіе.

До сихъ поръ Нансенъ былъ извѣстенъ главнымъ образомъ даже у себя на родинѣ—какъ смѣлый путешественникъ и талантливый писатель, авторъ двухъ популярныхъ трудовъ: «На лыжахъ черезъ Грёнландію» и «Жизнь эскимосовъ»; о самой-же его жизни и о его развитіи, какъ человѣка и научнаго дѣятеля, было извѣстно очень мало. Между тѣмъ развитіе такой личности, какъ Нансенъ, совершившій еще въ молодые годы поразительную по своей смѣлости и научному значенію экспедицію—переходъ черезъ материковый ледъ Грёнландіи—и затѣмъ предпринявшій еще болѣе грандіозную экспедицію къ полюсу, безспорно представляетъ чрезвычайный интересъ.

Составленіе изданія было поручено проф. Брёггеру и Нордалю Рольфсену, которые въ сотрудничествѣ съ другими выдающимися учеными, въ числѣ которыхъ находился и нашъ соотечественникъ, баронъ Э. В. ф.-Толь, и выполнили свою задачу весьма успѣшно, не только выяснивъ, какимъ образомъ создалась и развилась такая мощная крупная личность ученаго дѣятеля и путешественника, но и ясно, выпукло и вполнѣ популярно обрисовавъ его чисто-научную дѣятельность.

Вообще-же книга о Нансенѣ является настоящей героической сагой, повѣствующей о юности, трудахъ, служеніи наукѣ и подвигахъ современнаго «викинга».

Какъ уже сказано, книга составлена нынѣшнею весною, когда еще не было извѣстно, гдѣ находится Нансенъ и даже—живъ-ли онъ вообще. Многіе уже прямо считали его погибшимъ, и книга эта имѣла цѣлью успокоить волновавшихся за судьбу путешественника, ознакомивъ ихъ со всѣми подробностями предпринятой имъ экспедиціи.

Книга, однако, еще не успѣла выйти въ свѣтъ, а онъ уже вернулся живымъ и здоровымъ изъ счастливо оконченной экспедиціи. 8 августа, шесть дней спустя послѣ прибытія главы экспедиціи, пришло въ Скервё, (на сѣверномъ берегу Норвегіи) и судно «Фрамъ» съ отважными товарищами Нансена.

Это побудило переводчиковъ русскаго изданія приложить къ книгѣ заключительную главу о возвращеніи Нансена, въ которой въ главныхъ чертахъ разсказанъ ходъ самого путешествія, помѣщенъ перечень достигнутыхъ научныхъ результатовъ и дано подробное описаніе торжественной встрѣчи, выпавшей на долю Нансена и его спутниковъ, при возвращеніи ихъ на родину.

П. Ганзенъ.

Фритьофу Нансену.

(Стихотвореніе Бьёрнстьерне-Бьёрнсона).

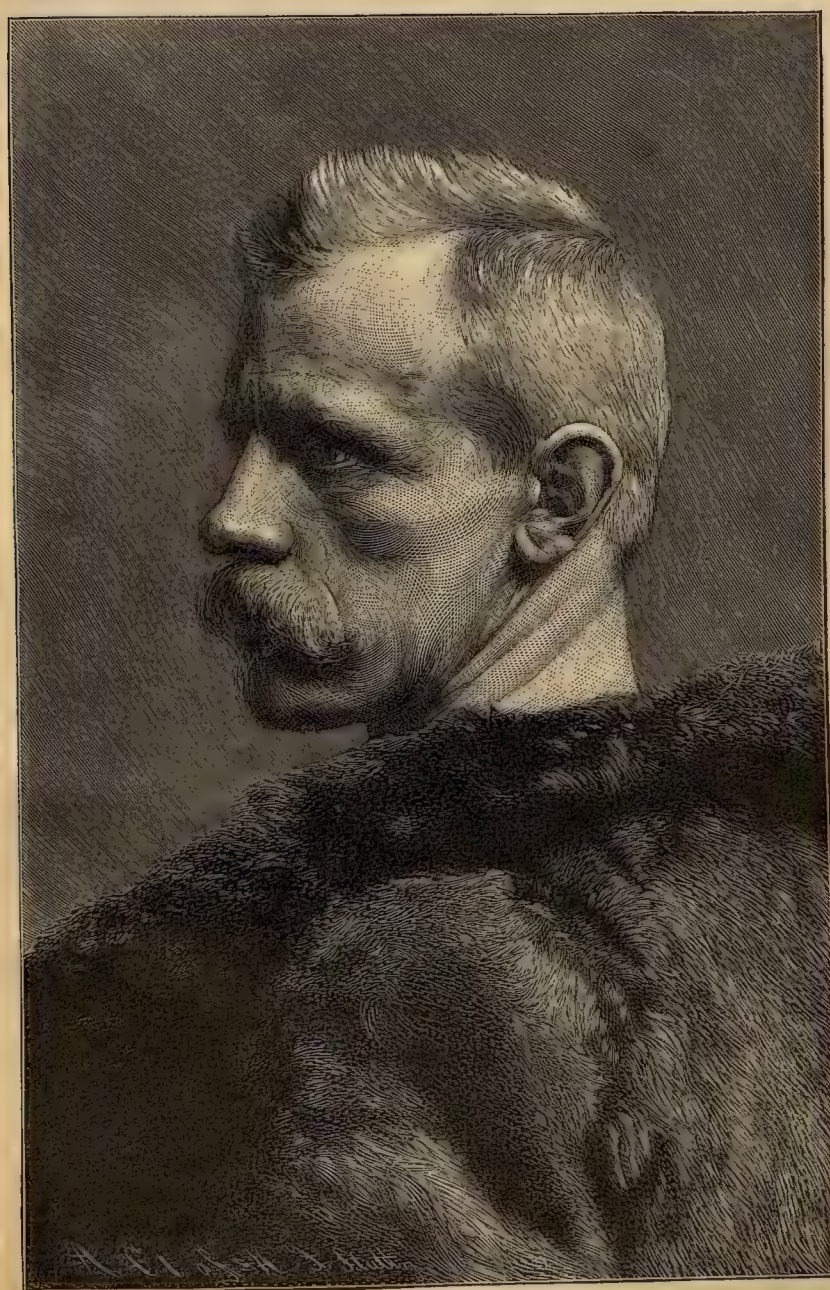
Шелъ отъ извѣстнаго къ невѣдомому онъ,
Какъ мысль, предчувствіемъ однимъ руководимый.
Разгадки тайна ждетъ тамъ съ-испоконъ временъ,
Куда съ собой унесъ онъ флагъ страны родимой.

Тотъ славный флагъ имъ въ путь недаромъ взятъ съ собой:
Будитъ норманов духъ геройскій въ немъ онъ станетъ.
Когда-же снова ихъ увидитъ край родной,
И къ берегамъ норвежскимъ витязь вновь пристанетъ?

На «Фрамѣ» вмѣстѣ съ нимъ — сдается намъ — плыветъ
И счастье юное Норвегіи родимой!
Сдается — солнца блескъ полнощный принесетъ
На нашемъ флагѣ онъ — герой неустрашимый!

Сдается — ринулся онъ встрѣчу духамъ злымъ,
Чтобъ помѣшать раздоръ имъ сѣять между нами!
Вѣдь, подвигъ — что огонь; расплавленные имъ
Сольемся мы въ одинъ побѣдный мечъ сердцами!

Перев. **Анны Ганзенъ**.



Предки.

Подъ тѣмъ же самымъ полярнымъ небомъ, подъ которымъ, вотъ уже три года, плаваетъ отважный путешественникъ Фритьофъ Нансенъ на своемъ „Фрамѣ“—плылъ почти 300 лѣтъ тому назадъ 16-тилѣтній юноша, любуясь на игравшее въ небѣ сѣверное сіяніе. По разумѣнію юноши, это „солнце вытягивало изъ земли пары, частью въ нижніе, частью въ верхніе слои воздуха; пары въ воздухѣ воспламенялись и загорались, отчего и появлялись на небѣ огненные знаки“.

Юноша этотъ былъ родоначальникомъ фамиліи Нансенъ; прибылъ онъ въ Бѣлое море вмѣстѣ съ дядей, на суднѣ послѣдняго, изъ города Фленсборга—для того времени поистинѣ сказочная поѣздка. Въ то время еще не было настоящихъ морскихъ картъ, инструментовъ у нашихъ путественниковъ было мало, да и тѣ плохіе, а кромѣ того имъ во все время пути приходилось держать оружіе на готовѣ,—два раза подвергались они нападенію и грабежу англичанъ. Наконецъ, они застряли во льдахъ у Колы. Но любознательный юноша не палъ духомъ изъ за этого, а пользовался временемъ, чтобы научиться по-русски. Лѣтомъ дядя отплылъ обратно на югъ, но племянникъ не сопровождалъ его, — онъ желалъ научиться бо́льшему и вотъ, сталъ пробираться по Россіи изъ города въ городъ, пока не добрался до города Куванца *), откуда отплылъ

*) Можетъ быть, теперешній Ковно, расположенный при сліяніи Вилейки съ Нѣманомъ. *Прим. авт.*

въ Копенгагенъ. Вообще Гансъ Нансенъ съ юности проявлялъ настойчивость и твердость характера, жажду дѣятельности и настолько уже успѣлъ заявить о своихъ способностяхъ, что ему не было еще и 21 года, когда на него было возложено королемъ датскимъ Христіаномъ IV начальство надъ экспедиціей, отправлявшейся въ богатыя пушнымъ звѣремъ земли на Печорѣ. Ледъ у береговъ Бѣлаго моря оказался, однако, слишкомъ крѣпкимъ, и экспедиціи пришлось зазимовать у Колы. Здѣсь Гансъ Нансенъ получилъ порученіе отъ русскаго царя изслѣдовать нѣкоторыя части побережья Бѣлаго моря, и съ этою цѣлью имъ было предпринято нѣсколько экскурсій. Только въ Архангельскѣ онъ взошелъ на судно дяди и отплылъ на родину. Затѣмъ Гансъ Нансенъ 18 лѣтъ подрядъ плавалъ съ судами Исландской Компаніи. Вообще, это была натура, созданная наблюдать, предводительствовать, управлять, отличавшаяся бодрымъ, здоровымъ духомъ, жаждой знанія и сообщительностью. Въ часы досуга, когда „не было другого дѣла“—какъ онъ и пишетъ самъ—онъ дѣлалъ выписки изъ Библіи и затѣмъ изъ различныхъ спеціальныхъ книгъ по космографіи и географіи, чтобъ составить себѣ нѣчто вродѣ конспекта, краткаго руководства. Перечитывая же впослѣдствіи всѣ составленныя имъ записки, онъ нашелъ, что онѣ,

Гансъ Нансенъ.

пожалуй, могли бы оказаться полезными и другимъ людямъ, которые не имѣли возможности пользоваться обширными-обстоятельными научными трудами. И вотъ, онъ отдалъ напечатать свое краткое руководство, получившее такое заглавіе: „Compendium cosmographicum, или краткое описаніе всего міра, гдѣ даются понятія о небѣ, солнцѣ и мѣсяцѣ купно съ другими планетами и звѣздами, объ ихъ движеніи и направленіи, а также о четырехъ стихіяхъ и ихъ свойствахъ, и о царствахъ и государствахъ земныхъ съ ихъ достоважнѣйшими градами. Къ сему присовокупляется нѣчто о морѣ и мореходствѣ и о вспомогательныхъ къ оному наукахъ, извлеченное изъ различныхъ книгъ и составленное и написанное Гансомъ Нансеномъ. Отпечатано въ Копенгагенѣ Андреемъ Кохъ 1633 г., за счетъ бухгалтера Педера Андерсена и продается у него".

Въ этой книгѣ были собраны всевозможныя свѣдѣнія по астрономіи, физикѣ, географіи и исторіи, указанія, какъ измѣрять высоту, морскія курсовыя таблицы, таблицы приливовъ и отливовъ, заката солнца и звѣздъ и пр. и пр. Для насъ въ этой книгѣ интересно, главнымъ образомъ, тогдашнее представленіе о сѣверныхъ странахъ, слывшихъ подъ именемъ „Бореаліи". „Бореаліей", по словамъ Ганса Нансена, назывались „всѣ земли, которыя лежатъ на сѣверѣ Европы, Азіи и Америки и близъ сѣвернаго полюса; нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны мало, а другія и вовсе неизвѣстны, по причинѣ жестокаго холода и великаго множества льдовъ, постоянно окружающихъ ихъ; наиболѣе извѣстныя изъ этихъ земель: Грёнландія, Гренландія, Медвѣжій островъ, острова Янъ-Майенъ, Новая Земля и Фрисландія—всѣ холодныя и безплодныя, въ которыхъ, собственно, нечего и описывать достопримѣчательнаго.

„Грёнландія весьма обширная земля, принадлежащая къ королевству Норвегіи; прежде ее посѣщали и даже населяли норвежцы, основавшіе тамъ двѣ епархіи, но теперь уже много лѣтъ настоящая Грёнландія болѣе не посѣщается моряками и стала намъ совершенно неизвѣстной, такъ что мы не знаемъ даже ни того—существуетъ ли еще тамъ христіанская вѣра, ни того, какъ далеко простирается Грёнландія на сѣверо-западъ отъ Исландіи.

„Гренландія лежитъ на сѣверъ—сѣверовостокъ отъ мыса Нордкапа; многіе полагаютъ, что она соединена съ Грёнландіей; открыта она англичанами, которые ежегодно отправляютъ туда много судовъ изъ Англіи, Даніи и Голландіи исключи-

Баронъ Христіанъ-Фредерикъ Вильгельмъ Ведель Ярлсбергъ-Форнебо.

тельно для боя китовъ, изъ которыхъ выварпваютъ ворвань. Это самая сѣверная страна, которая до сихъ поръ извѣстна, лежитъ за 80 градусомъ широты и зовется голландцами Шпицбергеномъ. Медвѣжій островъ лежитъ немного на юго-западъ отъ Исландіи и еще необитаемъ. Новая Земля лежитъ непосредственно за самоѣдскими тундрами, принадлежащими Рос-

сіи; раздѣляетъ ихъ островъ Вейгабитъ; Новая Земля открыта русскими, безплодна и потому не посѣщаема".

Современнаго читателя, далеко ушедшаго впередъ въ научномъ отношеніи, многія изъ свѣдѣній, даваемыхъ Гансомъ

Супруга барона Х. Ф. В. Веделя-Ярлсберга-Форнебо.

Нансеномъ, могутъ лишь повергнуть въ крайнее изумленіе, но для того времени книга являлась въ высшей степени полезною и стала прямо таки настольной для народа, особенно для моряковъ и простыхъ горожанъ, и выдержала еще по смерти автора четыре изданія, которыя разошлись всѣ до послѣдняго экземпляра. Да моряки, кажется, пользовались ею чуть-

ли не вплоть до послѣдняго времени. Экземпляръ книги, находящійся теперь во владѣніи семейства Нансенъ, пріобрѣтенъ, по преданію, отъ шкипера, который самъ „плавалъ по ней“, и написалъ на ея обложкѣ слѣдующее: „Сія книга весьма полезна для моряковъ. Оле Бёргесенъ Осъ. 1841 г.“

Итакъ, цѣлыхъ два столѣтія прослужили на пользу людямъ описанія смѣлаго сѣвернаго моряка, отважный потомокъ котораго пытается теперь проложить „новый путь“ къ сѣверному полюсу.

Около сорокалѣтняго возраста Гансъ Нансенъ возвысился изъ шкиперовъ въ градоправители; вмѣсто того, чтобы править судами, онъ сталъ править гражданами Копенгагена, сначала въ качествѣ члена ратуши, затѣмъ одного изъ четырехъ бургомистровъ и въ 1654 г.—перваго бургомистра. Умный, находчивый, краснорѣчивый, съ твердой, непреклонной волей и громаднымъ запасомъ энергіи, онъ былъ какъ бы созданъ стоять во главѣ народа въ наступившія вскорѣ затѣмъ критическія времена. Въ 1658 г. король шведскій Карлъ Густавъ внезапно нарушилъ миръ и вторгся въ Зеландію; въ королевскомъ дворцѣ въ Копенгагенѣ былъ собранъ сословный совѣтъ, и въ отвѣтъ на прочитанную тронную рѣчь и обращеніе короля Фредерика III Гансъ Нансенъ сказалъ, что „граждане положатъ свой животъ и свое добро на защиту города“, за нимъ то-же сказалъ и весь народъ, для котораго дѣло шло не только о спасеніи отечества, но и о собственной свободѣ и самостоятельности: 10 августа 1658 года государственный совѣтъ издалъ постановленіе, которымъ выдавалась своего рода „дворянская грамота“ всѣмъ копенгагенскимъ гражданамъ—купцамъ и ремесленникамъ. Король Густавъ понялъ значеніе этого шага и выразился такъ: „Разъ гражданамъ даются такія привилегіи, они, безъ сомнѣнія, выдержатъ натискъ“. И во все время этого натиска первый бургомистръ Копенгагена не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью: надо было воздвигать валы, копать рвы, снабжать городъ припасами, расквартировывать солдатъ, обучать гражданъ и предводительствовать ими, поддерживать общественный порядокъ во время всеобщей сумятицы, и всегда Гансъ Нансенъ оказывался на высотѣ своего призванія. „То мы видимъ его дома, гдѣ онъ отворяетъ свои сундуки и щедро

раздаетъ взаймы королю свои деньги или одолжаетъ ему лошадей и пр., или ободряетъ свою семью, то видимъ его въ ратушѣ, занятаго городскими дѣлами, то въ государственномъ совѣтѣ, то у короля, то на смотру войскъ, то на сторожевой башнѣ на берегу, то на валу, куда летѣли вражьи ядра и гдѣ онъ днемъ отдавалъ приказанія, совѣтовалъ, ободрялъ, утѣшалъ, а ночью совершалъ обходы позицій".

Ту же энергію, быстроту соображенія и то же присутствіе духа, какъ и при отпорѣ врагу, какъ и при завоеваніи привиллегій и свободы согражданамъ, проявилъ онъ и въ то смутное послѣ войны время, когда Данія готовилась стать изъ страны съ выборнымъ (дворянствомъ) королемъ, страною престолонаслѣдія. Рѣшительный образъ дѣйствій Ганса Нансена, ставшаго съ гражданами на сторону короля, помогъ послѣднему обуздать дворянство и совершить задуманное. Въ данномъ случаѣ Гансъ Нансенъ опять проявилъ свои характерныя качества, заставляющія невольно вспомнить его потомка Фритьофа Нансена, о которомъ пойдетъ рѣчь въ этой книгѣ. Прослѣдить всѣ проявленія этихъ качествъ и способностей въ длинномъ рядѣ нисходящаго потомства Ганса Нансена не представляется возможнымъ, да оно и не нужно, такъ какъ сходство характеровъ знаменитаго предка—Ганса Нансена съ его не менѣе знаменитымъ потомкомъ—Фритьофомъ Нансеномъ и такъ ясно видно. Послѣдній самъ сознаетъ наслѣдственныя черты и въ одномъ изъ писемъ къ отцу прямо упоминаетъ о „нансеновской гордости и непреклонности", перешедшей у него въ несокрушимое упорство въ достиженіи цѣли.

Данныя черты не являются, однако, въ Фритьофѣ Нансенѣ единственно наслѣдіемъ съ отцовской стороны. Съ материнской стороны въ жилахъ его течетъ кровь рода Веделей, давшаго Даніи нѣсколькихъ замѣчательныхъ военныхъ и политическихъ дѣятелей, отличавшихся храбростью, энергіей, даровитостью и честностью; мать Фритьофа была дочерью барона Христіана-Фредерика-Вильгельма Веделя-Форнебо. Если такимъ образомъ гордость Нансена и его жажда подвиговъ и приключеній развились изъ корня родословнаго дерева его отца, то наслѣдственность со стороны матери послужила имъ хорошей почвой. Пропустивъ всѣхъ остальныхъ предковъ зна-

менитаго путешественника по отцу, хотя нѣкоторые изъ нихъ также являются довольно крупными, даровитыми личностями и общественными дѣятелями, мы посвятимъ лишь нѣсколько строкъ ближайшимъ: дѣдушкѣ и бабушкѣ.

Дѣдъ Фритьофа Нансена, областной судья Гансъ Сейердаль Нансенъ, праправнукъ знаменитаго Ганса Нансена и сынъ Анхера Антонія Нансена, переселившагося въ Норвегію и положившаго основаніе норвежской вѣтви рода Нансеновъ, былъ человѣкомъ весьма даровитымъ, артистической и поэтической натурой и пламеннымъ патріотомъ. Патріотизмъ сдѣлалъ изъ него и политическаго дѣятеля (правда, черезчуръ необузданнаго, страстнаго) и поэта, автора многихъ стихотвореній и военныхъ пѣсенъ, дышащихъ любовью къ родинѣ. Жена его, Венделія Христіана Лунза, датчанка родомъ, была натурой, рѣдко одаренной, съ острымъ, гибкимъ умомъ, очень образована и начитана и отличалась замѣчательнымъ знаніемъ языковъ, а также литературными дарованіями. Возможно, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ характерныхъ чертъ дѣда и бабки перешли къ Фритьофу Нансену нѣсколько видоизмѣненными,—и онъ проявляетъ пылкость, нѣкоторую необузданность нрава и поэтическія наклонности—хотя и въ иныхъ формахъ. Свѣтъ знаетъ его, главнымъ образомъ, какъ неутомимаго страстнаго дѣятеля науки и путешественника, но—какъ увидимъ—онъ является также истиннымъ любителемъ литературы и искусствъ, а также даровитымъ и общедоступнымъ писателемъ.

Что-бы тамъ, однако, ни говорили о роли наслѣдственности, воспитаніе и обстановка дѣтства играютъ все таки еще болѣе важную и несомнѣнную роль; къ этому-то мы и перейдемъ теперь.

Дѣтство Фритьофа Нансена.

Бальдуръ Нансенъ съ Фритьофомъ.

Самъ Нансенъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (1885 г): „Да, не удивительно-ли, право! Если кому вообще можно было-бы вообразить себя подъ покровительствомъ особаго генія судьбы—такъ это мнѣ: часто именно въ самые критическіе моменты моей жизни, со мною случалось нѣчто такое, что какъ бы прямо указывало мнѣ путь“.—Справедливость этихъ словъ подтвердится ниже всей вообще біографіей Нансена, но уже и здѣсь можно утверждать, что геній судьбы принялъ его подъ свою руку съ самой колыбели, давъ ему именно ту семейную обстановку, окруживъ его именно тою природою, которыя были ему нужны, могли создать изъ него отважнаго путешественника, стремящагося къ великимъ цѣлямъ.

Отецъ Фритьофа, Бальдуръ Фритьофъ Нансенъ, въ студенческіе годы былъ, что называется, примѣрнымъ юношей,—прилежнымъ, честнымъ, добросовѣстнымъ и въ высшей степени благовоспитаннымъ. Не обладая особенными способностями, онъ

благодаря тщательному домашнему воспитанію, вліянію строгой и умной матери, а также собственному трудолюбію, прекрасно сдалъ всѣ университетскіе экзамены и отлично окончилъ юридическій факультетъ. Занимая должность секретаря суда, онъ занимался еще частными дѣлами, и главною его дѣятельностью было посредничество при совершеніи различныхъ коммерче-

Бальдуръ Фритьофъ Нансенъ.

скихъ сдѣлокъ; въ этой сферѣ онъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ своихъ согражданъ.

При поверхностномъ взглядѣ на этого тщедушнаго, невысокаго, во всемъ осторожнаго человѣка, никогда не вкушавшаго отъ радостей спорта, казалось бы, что отецъ и сынъ являлись полнѣйшими противуположностями и по характеру и по наружности; но тотъ, кто всмотрѣлся бы въ ихъ характеры внимательнѣе, нашелъ бы и существенное сходство. Фритьофу Нансену никогда бы не привести своихъ геніальныхъ плановъ въ исполненіе, если бы онъ съ ранняго дѣтства не развилъ въ себѣ

надлежащихъ чертъ характера, перешедшихъ къ нему отъ отца—сообразительности, сознанія долга, обдуманности, наклонности вникать въ мельчайшія детали дѣла, положительности и умѣнія твердо расчитывать на себя самого и свои силы. Но кромѣ всѣхъ этихъ качествъ Нансенъ-отецъ отличался еще однимъ, превосходящимъ всѣ остальные: онъ былъ отцомъ въ настоящемъ

Аделанда Іоганна Нансенъ.

значеніи этого слова. Правда, онъ держался старыхъ взглядовъ и стоялъ за строгость съ дѣтьми, правда, онъ пускалъ въ дѣло и трость—по старинѣ—но онъ въ тоже время проявлялъ удивительно тонкую душевную чуткость и прозорливость, когда дѣло шло о будущемъ дѣтей. Никогда его воля не становилась поперекъ дороги ихъ развитію, и, напротивъ, онъ часто жертвовалъ собственными желаніями, чтобы только дать дѣтямъ выбиться на дорогу.

Мать Фритьофа Аделанда-Іоганна-Изидора, рожденная баро-

несса Ведель-Ярлсбергъ, была высокая, статная женщина, отличавшаяся умомъ, чисто мужской волей, энергіей и трудолюбіемъ. Еще молодой дѣвушкой она смѣло пренебрегала всякими условными понятіями и шла въ разрѣзъ съ мнѣніемъ свѣта, слѣдуя склонности своей натуры къ спорту, въ особенности къ бѣгу на лыжахъ, считавшемуся тогда для женщины прямо непозволительнымъ, неприличнымъ. Чуждая всякихъ аристокра-

Домъ въ усадьбѣ Сторе-Фрэнъ.

тическихъ предразсудковъ она вышла въ первый разъ (почти противъ воли родителей) замужъ за „сына булочника“ — лейтенанта Боллинга, а во второй — за Бальдура Нансена. Хозяйка изъ нея вышла образцовая; она не боялась никакого труда, не брезговала никакой работой, и если случалось, что у служанки во время стирки начинали болѣть руки, госпожа Нансенъ собственноручно полоскала и выжимала бѣлье. Сама же работала она въ саду и въ огородѣ, сама обшивала своихъ дѣтей и въ то же

время находила досугъ для пополненія разныхъ пробѣловъ въ своемъ образованіи. Отъ нея-то унаслѣдовалъ сынъ силу воли, жажду дѣятельности, безстрашіе, присутствіе духа, рѣшительность и практичность. Съ самой свадьбы родители Фритьофа жили въ принадлежавшемъ госпожѣ Нансенъ подстоличномъ имѣніи Сторе-Фрэнъ,—геній судьбы Фритьофа выбралъ для него наиболѣе подходящее мѣстожительство. Здѣсь Фритьофъ выросъ среди привольной сельской жизни, въ тѣсномъ общеніи съ природою; окружавшіе имѣніе холмы представляли зимою

Дворъ въ усадьбѣ Сторе-Фрэнъ.

раздолье для бѣга на лыжахъ, невдалекѣ находились густые лѣса, и всего въ 3 километрахъ—превосходная школа, одна изъ первыхъ въ Христіаніи. Три километра въ семьѣ Нансенъ не считались ни во что, и мальчики лѣтомъ благополучно дѣлали ихъ по четыре раза въ день: утромъ въ школу и обратно обѣдать, а послѣ обѣда въ крѣпость (христіанійскую) учиться плаванью въ морѣ; итого значитъ, они дѣлали каждый день 12 километровъ, не считая бѣготни туда да сюда; затѣмъ каждый же день ихъ ждала на пути драка съ мальчиками,—словомъ, систематическая тренировка съ ранняго дѣтства!

Первыя экскурсіи Фритьофа ограничивались райономъ двора имѣнія, но онъ уже и тутъ съ 2—3-лѣтняго возраста показы-

валъ себя отважнымъ и предпріимчивымъ путешественникомъ, не разъ рисковавшимъ жизнью. Передъ самымъ домомъ протекала горная рѣчка, гдѣ Фритьофъ съ младшимъ братомъ купались вечерами въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, и младшій братишка чуть не замерзалъ при этомъ. На этой же рѣкѣ зимою оба брата провалились разъ подъ ледъ, но когда прибѣжала мать, Фритьофъ уже вытаскивалъ брата на ледъ. Въ другой разъ самъ Фритьофъ чуть было не распростился съ жизнью въ этой рѣчкѣ.

Фритьофъ Нансенъ-мальчикъ

Лѣтомъ та-же рѣчка манила ихъ обиліемъ рыбы, и мальчики становились страстными рыболовами. Но разъ случилось, что вмѣсто рыбы попалъ на крючокъ нижнею губою самъ Фритьофъ. Мать явилась съ бритвой отца, однимъ рѣшительнымъ взмахомъ сдѣлала надрѣзъ на губѣ и выдавила крючекъ; ни криковъ, ни слезъ ни съ той, ни съ другой стороны, все тихо, смирно, и дѣлу конецъ. На рѣчкѣ-же Фритьофъ получилъ за первую полярную экспедицію по льду свою первую медаль—шрамъ, которую носитъ и до сихъ поръ: онъ поскользнулся на льду, и раскроилъ себѣ лобъ такъ, что, когда явился домой, все лицо у него было залито кровью; но онъ не плакалъ,—лишь бы его не бранили.

Любили мальчики и военные и охотничьи приключенья, на которыя выходили во всеоружіи со щитами, деревянными саблями, копьями, самострѣлами и особаго рода снарядами—длинными стеблями растеній (полыми внутри), начиненными мелкими камешками и пескомъ.

За бѣлками въ лѣсу юные немвроды гонялись съ самострѣлами и съ собакою. Но пудель только вспугивалъ бѣлку на самую вершину дерева, гдѣ она чувствовала себя недосягаемой,—стрѣлы обыкновенно не долетали до нея. Наконецъ Фритьофъ,

умудренный чтеніемъ романовъ о дикихъ индѣйцахъ, рѣшился на адскій маневръ: намазалъ стрѣлы сокомъ мухомора, чтобы онѣ поражали на смерть! Но стрѣлы продолжали недолетать до цѣли, хотя Фритьофъ снабдилъ ихъ еще оловянными шариками ради урегулированія ихъ полета. Пришлось взяться за измышленіе новаго орудія—„пушекъ“, которыя начинялись порохомъ; порохъ, однако, не хотѣлъ загораться, а когда былъ, наконецъ, усердными стараніями Фритьофа доведенъ до воспламененія, то взвился фейерверкомъ прямо въ лицо изобрѣтателю, и самая пушка разлетѣлась въ куски. Опять матери пришлось явиться хирургомъ,—она отвела сына въ сторону и повытаскала изъ его лица крупинки пороха.

О первыхъ лыжахъ и первомъ прыжкѣ Фритьофа Нансена предоставимъ разсказывать ему самому.

„Я подразумѣваю здѣсь не самыя первыя мои лыжи; тѣ были ужь очень скромны, передѣланы изъ старыхъ лыжъ моихъ старшихъ сестеръ, и вышли даже не одинаковой величины. Но вотъ, типографщикъ Фабриціусъ сжалился надо мной: „Я тебѣ дамъ лыжи!“ сказалъ онъ мнѣ. Затѣмъ, настала весна и лѣто, когда при всемъ добромъ желаніи нельзя бѣгать на лыжахъ, но слова Фабриціуса все такъ и звенѣли у меня въ ушахъ, и едва осень наступила, поля по утрамъ стали замерзать, я выбѣжалъ на проѣзжую дорогу караулить Фабриціуса и, завидѣвъ его, закричалъ: „Что же лыжи-то, а?“—„Получишь, получишь!“—отвѣтилъ онъ, смѣясь. Но я день за днемъ продолжалъ являться на то-же мѣсто съ тѣмъ же вопросомъ: „Что же лыжи-то?“ Пришла наконецъ зима. Я еще и теперь вижу, какъ сестра вошла въ комнату съ большимъ-большимъ пакетомъ, который, по ея словамъ, былъ присланъ мнѣ. Кажется, она прибавила еще, что пакетъ изъ Парижа. Но оказалось, что это Фабриціусъ прислалъ мнѣ лыжи—изъ ясеневаго дерева, красныя съ черными полосами, лакированныя; къ нимъ была приложена длинная лакированная же палка съ голубой блестящей головкой. Эти лыжи служили мнѣ десять лѣтъ. На нихъ-то я и сдѣлалъ свой первый большой прыжокъ съ холма Хусебю. На немъ въ прежнее время происходили большія состязанія на призы, и намъ съ братомъ было запрещено бѣгать тамъ. Но холмъ былъ виденъ изъ нашего имѣнія и искушалъ насъ такъ

БИБЛІОТЕКА

долго, что мы наконецъ не выдержали. Сначала я сбѣгалъ съ середины высоты холма, и дѣло шло отлично, но потомъ я увидалъ, какъ то тотъ, то другой изъ мальчиковъ летитъ съ размаху съ самой вершины холма. Надо и мнѣ! Я разбѣжался и сдѣлалъ прыжокъ съ края—долго летѣлъ я по воздуху и затѣмъ врѣзался лыжами въ сугробъ; лыжи въ тѣ времена не привязывались къ ногамъ, и вотъ, онѣ остались въ снѣгу, а я еще описалъ въ воздухѣ дугу головой впередъ и воткнулся въ снѣгъ по поясъ. На холмѣ воцарилась тишина; мальчики думали, что я сломалъ шею; но когда они увидѣли, что я начинаю барахтаться въ снѣгу, стараясь выкарабкаться на свѣтъ Божій, поднялся всеобщій хохотъ.

Нансенъ-подростокъ.

Потомъ я участвовалъ въ состязаніи на томъ же холмѣ и получилъ призъ. Но я не принесъ его домой. Я былъ сконфуженъ. Дѣло въ томъ, что на этомъ состязаніи я впервые увидалъ лыжебѣжцевъ изъ Телемаркена и понялъ, что я никуда не гожусь въ сравненіи съ ними. Они не пользовались палками и съ разбѣга прыгали съ края обрыва, не имѣя другой опоры, кромѣ той, которую предлагали имъ ихъ сильные мускулы и гибкое тѣло; мнѣ казалось, что это былъ единственный вѣрный способъ, и я знать не хотѣлъ ни о какомъ призѣ, пока не научусь тому же.“

* * *

Характерною чертою Фритьофа съ ранняго дѣтства былъ его широкій взглядъ на вещи; онъ никогда не былъ ни мелочнымъ, ни злопамятнымъ: что прошло, то и прошло, какъ будто никогда и не бывало. Объ этихъ чертахъ упоминаетъ другъ

его съ дѣтскихъ лѣтъ, разсказывая о происхожденіи ихъ дружбы. Фритьофъ не былъ уже новичкомъ въ школѣ, когда Карлъ— будущій другъ его — только поступилъ туда и тоже во второй классъ. Фритьофъ и тогда уже смотрѣлъ нѣсколько сурово, какъ здѣсь на картинкѣ, былъ самымъ сильнымъ и игралъ среди сотоварищей роль царька. Но Карлъ также отличался силою. Вотъ они и косились другъ на друга. Однажды въ рекреацію Карлъ началъ пятнать школьниковъ мячикомъ. „Не смѣй!“— повелительно сказалъ ему Фритьофъ. „Не смѣй?“ отвѣтилъ тотъ и напалъ на него самого. Началась драка, такъ что только клочья полетѣли. Явился учитель, ухватилъ пѣтушковъ за крылышки и стащилъ въ пустой классъ: „Сидите тутъ, глядите другъ на друга и стыдитесь!“ Это былъ довольно смѣлый опытъ, но онъ удался. Мальчики глядѣли другъ на друга, конечно не устыдились, но начали болтать между собою, и, когда учитель вошелъ, они сидѣли обнявшись и читали вмѣстѣ. Съ той поры Карлъ и Фритьофъ стали закадычными друзьями на всю жизнь.

* *
*

Каждый день по дорогѣ изъ школы братья Нансенъ подвергались нападенію со стороны мальчиковъ изъ Балькебю *). и у нихъ завязывалась драка. Фритьофъ велъ себя въ такихъ случаяхъ спокойно, не горячился, но, когда было надо, бросался въ рукопашную, не боясь за свою шкуру. Балькебюскіе мальчики были не особенно разборчивы въ средствахъ нападенія и однажды хватили младшаго брата Фритьофа сзади камнемъ по головѣ. Фритьофъ, завидѣвъ кровь, пришелъ въ ярость и разогналъ одинъ всю толпу сорванцовъ.

* *
*

Домашнее воспитаніе мальчиковъ было, какъ упомянуто, спартанскимъ. Вернувшись изъ школы домой, они еще должны были по очереди прислуживать за столомъ. Даже почти юношами они получали отъ отца на мелкіе расходы не болѣе 50 эре (25 коп.) въ мѣсяцъ, да и въ тѣхъ должны были отдавать стро-

*) Кварталъ Христіаніи, заселенный тогда самыми бѣдными жителями.

гій отчетъ. Но такой методъ воспитанія какъ разъ и соотвѣтствовалъ натурѣ Фритьофа. Ему было не болѣе 7—8 лѣтъ, когда его съ братомъ отпустили въ первый разъ однихъ на ярмарку. Тамъ были акробаты, и фокусники, и балаганы съ игрушками, и палатки, биткомъ набитыя медовыми коврижками—словомъ, ярмарочное торжище было для дѣтей обѣтованной землей, и самая ярмарка однимъ изъ важнѣйшихъ годовыхъ праздниковъ, такъ что, когда одинъ священникъ въ Христіаніи спросилъ одного конфирманта о годовыхъ праздникахъ, послѣдній могъ назвать только два: елку да ярмарку. Мальчиковъ на этотъ разъ сравнительно щедро снабдили деньгами: отецъ съ матерью дали по 12 скиллинговъ (12 коп.) каждому, да бабушка съ тетушкой по маркѣ (16 коп.), но юные богачи какъ истые аскеты прошли мимо всѣхъ театровъ и балагановъ съ игрушками и сластями и вернулись домой, истративъ всѣ деньги на покупку различныхъ орудій и ремесленныхъ инструментовъ. Это произвело на домашнихъ такое впечатлѣніе, что малышей вновь снабдили такимъ же капиталомъ. Снова прошагали они 3 километра на ярмарку и пополнили свой запасъ инструментовъ. Осталось всего 4 скиллинга, и на нихъ дѣти на обратномъ пути купили ржаныя лепешки. Можно сказать, что никогда не одинъ христіанійскій мальчикъ не стоялъ во время ярмарки ближе къ Спартѣ!

Фритьофъ былъ вообще склоненъ задумываться, и даже надѣванье чулокъ всегда происходило у него съ значительными перерывами. Тогда сестры кричали: „Глядите на соню! И куда ты будешь годиться—такой увалень!“

А ему нужно было всегда и во всемъ добираться до сути. И онъ могъ прямо довести до отчаянья своими вѣчными вопросами: почему и отчего? Когда въ домѣ появилась первая швейная машина, „почему“ и „отчего“ такъ и посыпались. Мальчику непремѣнно надо было узнать досконально, что это за „звѣрь“, и вотъ однажды мать, вернувшись откуда-то, нашла машину разобранной на части. Если вѣрить преданію, Фритьофъ не успокоился, пока самолично не собралъ ее вновь. Въ начальной школѣ Фритьофъ учился прилежно; въ годы же ученья въ реальномъ училищѣ — спортъ и многочисленныя частныя „почему“ и „отчего“, вѣроятно, иногда черезчуръ от-

влекали Фритьофа въ сторону. По крайней мѣрѣ, въ полугодовомъ училищномъ отчетѣ объ успѣхахъ учениковъ за 1879 г. можно видѣть сердечное сожалѣніе учителей Фритьофа о томъ, что онъ „непостояненъ и по многимъ предметамъ не дѣлаетъ тѣхъ успѣховъ, какихъ можно было бы ожидать отъ него". А ожиданій-то на мальчика, изумлявшаго учителя математики геометрическими рѣшеніями ариѳметическихъ задачъ, возлагалось, какъ можно себѣ представить, не мало.

Нансенъ-юноша.

Но чтоже, если у Фритьофа всегда было на очереди столько постороннихъ „отчего" и „почему"! Любознательность его все росла съ годами, принимая все новыя и новыя формы. Скоро не оставалось ничего ни на небѣ, ни на землѣ, до чего онъ не желалъ бы добраться, чего нехотѣлъ бы разъяснить себѣ. А разъ ему удавалось рѣшить какую нибудь задачу, она какъ бы переставала существовать для него, и онъ брался за новую. Особенно любилъ онъ естественныя науки и ужь, разумѣется, ему вѣчно надо было провѣрить все на опытѣ. Однажды онъ и другъ его Карлъ, когда имъ обоимъ было лѣтъ по 15—16, достали цѣлый ящикъ горючихъ фейерверочныхъ веществъ и фарфоровую ступку. Ступку имъ одолжили съ условіемъ, что они будутъ обходиться съ нею возможно бережнѣе. Вотъ они и наложили въ нее массу снадобій, сущность которыхъ имъ необходимо было выяснить, и принялись за эксперименты, да заронили въ ступку искру. Изъ ступки мигомъ взвился столбъ пламени къ потолку карловой коморки на чердачкѣ деревяннаго дома.

Мальчики, недолго думая, хвать ступку и—за окно ее. Разумѣется, она разбилась въ дребезги. Сѣра текла по стѣнѣ дома, а мальчишки лежали на полу съ вымазанными лицами, въ ожиданіи, когда войдетъ къ нимъ братъ Фритьофа Александръ,—пусть-де сочтетъ ихъ пострадавшими при взрывѣ.

* * *

А вотъ какую картинку изъ дѣтства, дающую надлежащее понятіе о пресловутомъ „спартанскомъ“ образѣ воспитанія дѣтей въ домѣ Нансенъ, который, видно, былъ спартанскимъ не больше, чѣмъ слѣдовало, рисуетъ самъ Фритьофъ въ письмѣ къ отцу отъ 20 декабря 1883 г.

„Дорогой мой старичокъ!

„Да, близокъ уже, близокъ первый сочельникъ, котораго мнѣ не суждено провести дома, близки веселыя, чудесныя святки, которыя въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ рисуются верхомъ радости и блаженства, о какомъ развѣ только вообще мечтаютъ, представляя себѣ загробное блаженство. Святки рисуются въ розовомъ свѣтѣ и внутреннему взору юноши,—картина лишь чуть измѣняется, пожалуй, становится только болѣе яркою.

Мысли тихо несутся на своихъ мягкихъ какъ пухъ, полныхъ грустнаго стремленія крыльяхъ, назадъ въ родимый, несказанно дорогой домъ, окруженный ореоломъ свѣтлыхъ, радостныхъ воспоминаній дѣтства. Сколько проведено тамъ веселыхъ рождественскихъ праздниковъ! Какъ они были торжественно-мирны, какимъ чистымъ, тихимъ, бѣлымъ являлось Рождество, окутанное снѣгомъ! Хлопья, большія, легкія, тихо, кротко опускались на землю и сѣяли серьезныя мысли въ дѣтскую душу, трепетавшую отъ радости. Наконецъ, наступалъ великій день, сочельникъ, и нетерпѣніе достигало высшей точки напряженія. Нельзя было ни минуты посидѣть спокойно, непремѣнно надо было заняться чѣмъ нибудь, чтобы скоротать время и отвлечь мысли. И, если, бывало, не заглядываешь во всѣ замочныя скважины или не ревизуешь мѣшки съ изюмомъ, миндалемъ и финиками, прежде чѣмъ ихъ унесутъ въ спальню,

гдѣ снаряжали елку, то убѣгаешь на дворъ, кататься на салазкахъ, или, если погода позволяла бѣгъ на лыжахъ, бѣгаешь до самаго вечера. Иногда же выпадало и такое счастье, что Эйнару (сводный братъ Фритьофа) или кому другому надо было смахать еще разъ на санкахъ въ городъ; вотъ то раздолье было прицѣпиться гдѣ-нибудь на кончикѣ саней и мчаться по чудному, гладкому пути въ городъ за какими нибудь покупками, а потомъ обратно. Бубенчики такъ и заливались, а на темномъ небѣ выплывали звѣзды... Но вотъ приближалась и самая торжественная минута; ты входилъ въ комнату, чтобы зажечь елку; у насъ сердца такъ и прыгали; Ида сидѣла въ уголку въ креслѣ и гадала, что ей подаритъ тотъ-то и тотъ-то, другіе заранѣе улыбались при мысли о томъ или другомъ сюрпризѣ, о которыхъ знали, а намъ, малышамъ, обыкновенно говорилось, что мы получимъ длинный пукъ розогъ съ ленточкой, и вдругъ—дверь растворялась, и намъ на встрѣчу сіяли ослѣпительные огоньки елки—какое зрѣлище! Мы заикались отъ радостнаго волненія, почти нѣмѣли отъ восторга въ первыя минуты, чтобы затѣмъ шумѣть и бѣсноваться отъ радости тѣмъ неудержимѣе.

Да, никогда, никогда въ жизни не забыть мнѣ васъ, веселые рождественскіе праздники!“

Да, письмо это является немаловажнымъ документомъ, доказывающимъ, что въ семьѣ и въ воспитаніи Фритьофа спартанскій характеръ преобладалъ лишь настолько, насколько это было полезно для развитія и будущаго самого Фритьофа; въ немъ воспитывали будущаго мужа, но не насиловали ребенка, его закаляли, но не уничтожали въ немъ нѣжныхъ душевныхъ свойствъ. Обѣ столь противоположныя стороны его натуры — нѣжная, дѣтская душа и непреклонная воля мужа имѣли возможность свободно развиваться съ самаго ранняго его дѣтства, и съ годами сочетаніе ихъ образовало личность, столь оригинальную и непохожую на тѣхъ знаменитыхъ піонеровъ и путешественниковъ, что, поборовъ и преодолѣвъ въ себѣ все, стали какими-то локомотивами, согрѣваемыми лишь двигающимъ ихъ паромъ.

Нормаркенъ.

Если, стоя на башнѣ Трювандскаго холма *) и уставъ любоваться нѣжною прелестью Христіанійской долины, бросишь взглядъ на сѣверъ, то увидишь необозримое пространство спнѣющихъ лѣсовъ; горный скатъ за горнымъ скатомъ, всѣ сплошь покрытые лѣсомъ, заполняютъ весь горизонтъ. Это и есть Нормаркенъ, лѣсная полоса Норвегіи, тянущаяся непрерывно на 10 географическихъ кв. миль, страна лѣсного уединенія, изобилующая узкими горными долинами, отвѣсными скатами, бурливыми горными рѣчками и укромными уголками. Сюда не долетаетъ шумъ культурной жизни столицы, грохотъ и ревъ локомотивовъ, предостерегающіе свистки пароходовъ, осторожно лавирующихъ по Христіанійскому заливу во время тумана. Сюда не достигаетъ даже грязный христіанійскій туманъ. Какою густою, тяжелою пеленою онъ ни окутывалъ бы столицу, ему не подъ силу бороться съ свѣжимъ, холоднымъ вѣяніемъ, которое высылаетъ ему на встрѣчу это бѣлоснѣжное, залитое солнцемъ лѣсное царство, и вотъ, сѣрое море тумана разбивается у самыхъ границъ Нормаркена. Нормаркенскій туманъ — и здѣсь есть свой — чистъ и насыщенъ водяными парами. На горныхъ хребтахъ скопляется огромное количество атмосферныхъ осадковъ, и въ чащѣ сосенъ лежатъ глубокіе сугробы снѣга и тогда, когда на открытыхъ мѣстахъ нѣтъ ни снѣжинки. У Нормаркена прекращаются сѣрыя про-

*) Близъ горной площадки Фрогне, что лежитъ въ 8 километрахъ отъ Христіаніи.

селочныя дороги, и во всѣ стороны разбѣгаются манящія, вольныя лѣсныя тропинки. Шаловливо бѣжитъ такая тропинка съ горки на горку, съ холма въ оврагъ, въ лѣсную чащу. Но берегитесь! Не вѣрьте плутовкѣ! Вдругъ она возьметъ да раздѣлится на двѣ—на три, столь же надежныя или ненадежныя тропинки и предоставитъ вамъ сдѣлать между ними выборъ наугадъ. А не то съузится мало по малу и поползетъ въ видѣ жалкой тропочки, протоптанной коровами, или сразу уткнется въ болото и—конецъ.

Такихъ сюрпризовъ въ Нормаркенѣ не оберешься, и довольно трудно найти проводника, который не плутая, провелъ бы, васъ по этому десятимильному лабиринту изъ лѣсныхъ тропинокъ. На границѣ Нормаркена сразу прекращаются также всякія удобства культурной жизни. Распростившись съ большими отелями Фрогне и пустившись въ путь по этимъ безконечнымъ лѣсамъ, можно блуждать изо дня въ день, не встрѣчая ничего мало-мальски похожаго на отель.

Отдѣленныя другъ отъ друга болѣе или менѣе короткими промежутками, не менѣе, однако, 5—6 километровъ—выплываютъ изъ чащи лѣса маленькіе домики, выкрашенные красной краской и расположенные у тихихъ озеръ, никогда еще не слышавшихъ пароходныхъ свистковъ. Если подойдешь къ озеру съ противоположнаго берега и захочешь сократить себѣ путь къ селенію, то приходится развести огонь и тѣмъ подать знакъ перевозчику-лодочнику. Вообще, ноги да лодка—вотъ и всѣ средства сообщенія въ этой мѣстности; можно, положимъ, ѣхать и верхомъ на лошади, но какъ же перевозить ее на лодкѣ? Въ этой-то малой доступности и лежитъ, однако, тайна притягательной силы Нормаркена, царства лѣсного уединенія. Здѣсь, всего въ нѣсколькихъ километрахъ отъ неустанной суетни столичной жизни, сразу, безъ всякаго перехода попадаешь въ царство глубочайшей тишины. Здѣсь, всего въ нѣсколькихъ километрахъ отъ электрическихъ омнибусовъ и шумныхъ кафе, сталкиваешься лицомъ къ лицу съ великимъ Паномъ. Здѣсь, въ недалекомъ разстояніи отъ города съ 180,000 населеніемъ, неожиданно встрѣчаешь укромные уголки съ источниками, обросшими кустами, гдѣ хоры птицъ манятъ тебя дальше и дальше въ глубь лѣса! Тутъ забредешь

въ такія мѣста, откуда лѣтомъ покойниковъ тащатъ на спинахъ или везутъ вьюкомъ на лошадяхъ до города, чтобы достать имъ гробы и похоронить.

Да, мпръ и тишина, полная тишина царятъ здѣсь въ Нормаркенѣ, особенно въ лѣтніе дни, когда блестящія озера и темнозеленые скаты какъ бы подергиваются легкой дымкой, когда куропатка прячется въ вереск, и даже пѣвчій дроздъ молчитъ на вершинѣ сосны.

Безмолвная тишина царитъ здѣсь и въ ясные осенніе вечера, когда золотая одежда березки и пурпурное одѣяніе ясеня отражаются въ темномъ водяномъ зеркалѣ, обрамленномъ нѣжнымъ бѣло-краснымъ вѣнкомъ изъ вересковыхъ цвѣтовъ. Безмолвно тихо,—пожалуй, даже еще тише—бываетъ здѣсь и въ долгую зимнюю ночь, когда звѣзды блещутъ надъ бѣлымъ льдомъ озеръ и снѣжною пеленою лѣса, когда здѣсь не слышно ни звука, кромѣ тихихъ вздоховъ рѣчки въ устьѣ.

Но временами тишина эта нарушается. Всѣ скаты и поляны оглашаются криками и смѣхомъ — это появляется молодежь на лыжахъ, спѣшащая сюда еще ночью, чтобы насладиться свободою и чистымъ воздухомъ въ свободный отъ занятій праздничный день. Въ охотничій и рыболовный сезонъ царство великаго Пана кончается: надъ рѣками и озерами вырастаетъ висячій лѣсъ изъ гибкихъ удилищъ, воскресные охотники щелкаютъ, гремятъ ружьями на перебой. И рыбное и птичье богатства порядкомъ уменьшаются за это время. Теченіе рѣкъ останавливается запрудами, запруживаются и озера ради ловли рыбы, и рѣки мѣстами надолго обнажаютъ дно.

Не такъ было въ дни дѣтства Фритьофа Нансена, лѣтъ двадцать тому назадъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, отдѣльныхъ счастливцевъ-піонеровъ въ этой мѣстности. Онъ въ дѣйствительности могъ вволю наслаждаться жизнью Робинзона Крузоэ, которую другіе бѣдные мальчики могутъ лишь переживать въ воображеніи. Пусть же онъ разсказываетъ самъ о своихъ первыхъ шагахъ въ этой обѣтованной землѣ.

„Въ первый разъ я отважился проникнуть только въ долину Сёрке. Было мнѣ тогда лѣтъ 10—11; въ Сёрке жили кое-кто изъ нашихъ школьныхъ товарищей, и они приглашали насъ побывать у нихъ. Однажды, въ іюнѣ мѣсяцѣ, спдѣли мы на

крылечкѣ дома, и вдругъ намъ вспало на умъ, что надо же, наконецъ, воспользоваться приглашеніемъ. Намъ сдавалось, что слѣдуетъ спросить позволенія, но въ тоже время сдавалось навѣрняка, что отецъ съ матерью не дадутъ его. Къ тому же они легли спать послѣ обѣда и разбудить ихъ мы не смѣли, а ждать ихъ пробужденія значило бы упустить время. И вотъ, мы улизнули безъ спросу. Дорогу мы немножко знали, и до Богстада добрались отлично. Потомъ пошло ужь не такъ гладко, но мы спрашивали то тутъ, то тамъ о дорогѣ и такъ пробирались дальше да дальше; сначала добрались до церкви въ Сёрке, а потомъ и до двора товарищей. Пришли мы туда только въ 7 часовъ вечера. Ну, теперь слѣдовало поиграть съ товарищами затѣмъ пойти въ овинъ, а потомъ еще поудить рыбу. Но все что-то не клеилось; дурная совѣсть не дала намъ покою и на полчаса. Нѣтъ, надо идти домой! Сердца у насъ такъ упали, что обратный путь показался куда тяжелѣе. Скоро младшій братишка стеръ себѣ ноги, и только въ 11 ч. вечера плачевное наше шествіе достигло родныхъ предѣловъ. Еще издалека завидѣли мы, что всѣ у насъ на ногахъ, — вѣрно, насъ ищутъ! Мужество наше совсѣмъ упало. Завернувъ за уголъ, мы наткнулись на мать. „Вы-ли это, дѣти?“ „Ну, теперь достанется намъ!“ подумали мы. „Гдѣ вы были?“ спросила мать? — „Да вотъ... въ Сёрке!“ Теперь-то зададутъ! Но мать только какъ-то странно промолвила: „Вотъ удивительныя дѣти!“ И мы увидѣли, что у нея слезы на глазахъ. Но подумайте, ни одного упрека?! Такъ-таки мы и легли спать со стертыми ногами, но безъ брани! А всего удивительнѣе было то, что черезъ нѣсколько дней намъ позволили опять пойти въ Сёрке. Ужь не догадались-ли отецъ съ матерью, что держали насъ какъ будто черезчуръ строго?

Былъ у насъ и еще знакомецъ въ Сёрке; звали его Ола Кнубъ; онъ былъ женатъ на женщинѣ, которая обыкновенно поставляла намъ ягоды. Намъ позволили навѣстить Олу и половить рыбу въ Нормаркенѣ. То-то было ликованье, когда мы пустились въ путь, снабженные кофейникомъ и удочками, заранѣе предвкушая прелести переселенческой жизни въ лѣсу. Я такъ и вижу передъ собою бревенчатую хижину у озера, съ голымъ, каменистымъ скатомъ на заднемъ планѣ. Тамъ ждала

насъ свобода, жизнь настоящихъ дикарей. Ни отца, ни матери, которые заставляли бы насъ ложиться во время спать, звали къ обѣду, къ ужину! Мы были сами себѣ господами, ночи были свѣтлыя и долгія, а нашъ сонъ короткимъ.

Только около полуночи забирались мы въ хижину и проводили нѣсколько часовъ, лежа на лавкѣ, а уже за долго до восхода солнца опять ловили форелей въ рѣчкѣ, шлепая по водѣ, перепрыгивая съ камня на камень, причемъ не разъ случалось и растянуться и побывать подъ водой. Когда же я подросъ еще, мнѣ случалось по недѣлямъ проводить въ лѣсу одному. Я не обременялъ себя дорожными припасами и довольствовался коркой хлѣба да пойманной рыбой, которую пекъ на угольяхъ. Мнѣ нравилось вести въ Нормаркенѣ жизнь Робинзона".

Но часто онъ бывалъ тамъ и съ братомъ и еще съ однимъ родственникомъ постарше, страстнымъ охотникомъ и рыболовомъ. И благодаря такимъ экскурсіямъ, мальчики съ 12-лѣтняго возраста пріучались къ выносливости, укрѣпляли и развивали свои мускулы. Экскурсіи съ теченіемъ времени становились все продолжительнѣе и продолжительнѣе, юные путешественники забирались вглубь Нормаркена все дальше и дальше.

* * *

„Когда листва на дубѣ становится съ мышиное ухо—форель клюетъ на муху".—Эту пословицу мальчики знали твердо, знали они и то, что дня два-три спустя послѣ окончанія сплава по рѣкѣ лѣса, рыба клюетъ лучше всего. Во время сплава слишкомъ много пищи въ водѣ,—теченіе размываетъ верхніе пласты береговъ и захватываетъ землю, а въ ней масса личинокъ и червей. Когда-же рѣка входитъ въ обычную колею, и рыба успѣетъ проголодаться, она клюетъ и на муху. Въ эту то пору, такъ въ концѣ мая, наши трое молодцовъ и отправлялись на рыбную ловлю; какъ только, бывало, проглотятъ послѣдній кусокъ субботняго обѣда, такъ и маршъ изъ дому, взявъ съ собою продовольствіе—немножко хлѣба, масла, колбасы и кофе. И послѣ пятичасовой ходьбы—не въ хижину, не во дворъ на отдыхъ, а прямо къ рѣкѣ, и первымъ долгомъ

не за ѣду, а за удочки. Удили же пока было свѣтло. Затѣмъ двухъ-трехчасовой отдыхъ Варился кофе, жарилась на угольяхъ рыба. Ночевать они могли и въ угольномъ шалашѣ и

Нансенъ студентъ.

подъ кустомъ. А съ разсвѣтомъ опять за дѣло; въ полдень короткій отдыхъ и снова за то-же, причемъ часто увлекались до того, что простаивали по поясъ въ водѣ часы, ловя рыбу до поздняго вечера, и только ночью пускались въ обратный путь въ вымокшихъ и набитыхъ пескомъ сапогахъ. Домой

являлись утромъ въ понедѣльникъ, смертельно усталые, и говорили сами себѣ, что просто безсмысленно такъ мучить себя ради удовольствія. Но стоило имъ выспаться—всѣ мытарства забывались, блестящая форель, лежавшая на кухонномъ столѣ, являлась самымъ пріятнымъ искушающимъ воспоминаніемъ, и въ слѣдующую субботу часа въ три походъ повторялся.

Еще труднѣе были экскурсіи позднею осенью, когда ночи становились холодными, и еще больше выносливости должны были проявлять мальчики, когда они подросли на столько, что имъ позволяли участвовать въ травлѣ зайцевъ. Тутъ приходилось по сутки, по двое проводить безъ отдыха, а часто и безъ пищи. Зато и пробиралъ же охотниковъ голодъ, такъ что если имъ случалось попадать на Сандвикскую желѣзно-дорожную станцію, они въ одинъ мигъ очищали весь буфетъ отъ всего съѣдобнаго. Да, будущему другу эскимосовъ, описавшему ихъ бытъ, рано довелось по опыту извѣдать, что такое голодовка и что такое прожорливость. И неопрятное хозяйство и вся обстановка самоѣдовъ не могли ужаснуть того, кто самъ при ночныхъ трапезахъ въ лѣсу много разъ бралъ щепку прямо изъ грязи, чтобы помѣшать свой кофе, и кто, случалось, поѣдалъ съ удовольствіемъ полусырую или попорченную форель.

Лѣса Нормэркена представляли полное раздолье для лыжебѣжца, избѣгавшаго проторенныхъ путей. Лѣса эти могли развить въ душѣ любовь къ природѣ, впечатлительность и пониманіе красоты ея и въ зимнемъ и въ лѣтнемъ уборѣ. А сколько бѣдныхъ мальчиковъ лишены возможности развить въ себѣ эти чувства! Въ этихъ лѣсахъ могло во время зимнихъ экскурсій и охотъ окрѣпнуть и закалиться тѣло Фритьофа, такъ чтобы впослѣдствіе быть въ состояніи перенести полярный холодъ. Однажды ему съ братомъ случилось провести на охотѣ за зайцами тринадцать дней; подъ конецъ они питались однѣми картофельными лепешками, и чуть не умирали съ голоду вмѣстѣ со своей собакой. Но вотъ, на одномъ дворѣ закололи свинью, и братья до отвалу наѣлись кровяной колбасы. Зато, Фритьофъ вернулся съ охоты съ 7-ю зайцами за спиною.

Его неприхотливость и неразборчивость въ ѣдѣ доходили до того, что часто даже сердили его товарищей-лыжебѣж-

цевъ. Бывало такъ, что они стоятъ всѣ вмѣстѣ на Трювандской башнѣ и смотрятъ на долину Студъ, находящуюся въ 30 километрахъ, и вдругъ Фритьофъ пускается туда, въ чемъ есть, не взявъ съ собою ровно никакихъ припасовъ. Зато, попавъ наконецъ въ какое нибудь жилье, онъ просто изумлялъ хозяевъ своимъ аппетитомъ, надолго доставляя имъ этимъ тему для разговоровъ.

Разъ также предпринялъ онъ съ товарищами экскурсію на лыжахъ, и всѣ, кромѣ него, запаслись мѣшечками съ съѣдобнымъ, но на первомъ же привалѣ Фритьофъ разстегнулъ куртку и вытащилъ изъ грудного кармана, далеко изъ-за подкладки, нѣсколько штукъ блинчиковъ, которые такъ согрѣлись во время его бѣга, что отъ нихъ такъ и валилъ паръ, точно ихъ только что сняли со сковороды. Фритьофъ поднялъ ихъ высоко кверху и сказалъ: „Кто хочетъ блинчиковъ?“—Какъ ни мало брезгливы были его товарищи—отъ такихъ блинчиковъ и они отказались. „Вотъ глупые-то. Вѣдь, они съ вареньемъ!“ сказалъ Фритьофъ и съѣлъ блинчики самъ. Вообще онъ многимъ напоминалъ молодежь поселенцевъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, отличался пренебреженіемъ къ условіямъ и привычкамъ культурной жизни, смѣлостью, доходившею временами почти до дерзости, систематической закаленностью и склонностью къ безыскуственному образу жизни среди природы. Его девизомъ было: „Довольствуйся возможно меньшимъ“—и онъ любилъ дразнить общественное мнѣніе, проводя этотъ девизъ въ жизнь, вполнѣ убѣжденный въ томъ, что правъ онъ, а всѣ другіе неправы. Между прочимъ Фритьофъ Нансенъ, кажется, одинъ изъ первыхъ въ Христіаніи началъ одѣваться съ ногъ до головы во все шерстяное; впослѣдствіе же онъ съ гордостью сообщалъ въ письмѣ изъ Бергена, что это вошло мало по малу въ обычай. При этомъ онъ привелъ исторію, вообще ставшую для него просто поговоркой: „Въ Лондонской больницѣ для умалишенныхъ сидѣлъ одинъ человѣкъ, который обыкновенно говорилъ: „Я утверждалъ, что безуменъ свѣтъ, но свѣтъ сказалъ, что безуменъ я, и вотъ меня засадили сюда“. При Фритьофѣ Нансенѣ слѣдовало также вообще остерегаться говорить о чемъ-либо, какъ о невозможномъ,—онъ въ такомъ случаѣ непремнулъ бы исполнить это. Его юношеская смѣлость часто и при-

водила его чуть не на край гибели. Въ 1870 г., напримѣръ, онъ предпринялъ съ братомъ экскурсію пѣшкомъ, и имъ надо было перебраться изъ одной мѣстности въ другую; предстояло или сдѣлать обходъ или прямо подняться на отвѣсную скалу, и затѣмъ спуститься съ нея. Фритьофъ, конечно, пошелъ напрямикъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ переходѣ братъ Фритьофа. „Подъ скалой находился обледенѣлый снѣжный холмъ, и за нимъ шелъ крутой обрывъ прямо въ долину. У меня закружилась голова, и мнѣ пришлось воспользоваться палкой Фритьофа, а онъ вмѣсто того, чтобы идти осторожно, шагъ за шагомъ, сразмаху соскочилъ на глетчеръ, поскользнулся и покатился внизъ. Я видѣлъ, какъ онъ поблѣднѣлъ. Еще нѣсколько минутъ, и онъ бы очутился внизу разбитымъ. Но онъ напрягъ всѣ силы, уперся ногами и руками и удержался въ самую послѣднюю минуту на краю обрыва. Я никогда не забуду ни этого зрѣлища, ни того, какъ онъ, явившись въ хижину для туристовъ, исчезъ въ панталонахъ, которыя одолжилъ ему толстый секретарь кружка туристовъ. Существенная часть собственныхъ панталонъ Фритьофа сильно пострадала отъ катанья по глетчеру“.

Юношескія экскурсіи Фритьофа способствовали развитію въ немъ, помимо всѣхъ уже упомянутыхъ качествъ, любви и интереса къ животнымъ, желанія наблюдать за ихъ жизнью, а это привело его къ выбору того именно жизненнаго поприща, по которому онъ пошелъ. Въ 1880 г. онъ съ успѣхомъ окончилъ реальное училище (внѣшкольныя увлеченія не окончательно мѣшали его научнымъ занятіямъ) и сначала, было, колебался въ выборѣ дальнѣйшаго пути, записался въ кадеты военнаго училища, но затѣмъ отказался отъ этой карьеры и рѣшилъ продолжать научныя занятія. Проходя курсъ гражданскихъ наукъ, чтобы подготовиться къ государственной службѣ, онъ въ то же время занялся медициной. Но скоро зоологія, выбранная имъ изъ числа необязательныхъ предметовъ, стала интересовать его все болѣе и болѣе и, наконецъ, сдѣлалась его спеціальностью. Въ январѣ 1882 г. Фритьофъ Нансенъ обратился черезъ одного родственника за совѣтомъ къ профессору Коллетъ. Послѣдній, припомнивъ предложеніе, которое онъ недавно получилъ отъ тюленепромышленной компаніи—совершить на одномъ изъ ея судовъ

поѣздку въ Ледовитый океанъ, рѣшилъ предложить такую поѣздку Нансену: онъ такой любитель спорта и страстный охотникъ, — пусть ѣдетъ съ тюленепромышленниками, дѣлаетъ въ пути научныя наблюденія, заноситъ ихъ въ книжку и, такимъ образомъ, подготовится къ дѣятельности естествоиспытателя. Нансену предложеніе пришлось по душѣ, и черезъ недѣлю онъ явился къ профессору сообщить ему, что онъ уже условился съ капитаномъ Крефтингомъ, командиромъ „Викинга“. 23 января отецъ Нансена телеграфировалъ въ Арендаль одному другу, прося его похлопотать о разрѣшеніи со стороны компаніи; другъ отрекомендовалъ Нансена рослымъ, сильнымъ, выносливымъ и дѣятельнымъ молодцомъ, который будетъ небезполезнымъ членомъ экспедиціи, и скоро могъ телеграфировать отцу Фритьофа о согласіи компаніи. Остававшійся короткій срокъ времени Нансенъ посвятилъ изученію анатоміи тюленей, и 11 марта отплылъ на „Викингѣ“ изъ Арендальской гавани. Такъ незамѣтно совершился переворотъ въ его жизни, такъ послѣдовательна была связь между различными моментами его юности, которая для посторонняго человѣка можетъ показаться рядомъ неожиданныхъ скачковъ—отъ нормаркенскаго охотника къ охотнику за тюленями, отъ густыхъ лѣсовъ къ полярнымъ льдамъ. На самомъ же дѣлѣ, онъ, подъ покровительствомъ генія судьбы, просто и постепенно, безъ всякихъ болѣзненныхъ потрясеній, почти незамѣтно, шелъ по пути къ великой цѣли, откуда, быть можетъ, имя его прогремитъ по всему свѣту.

Въ Ледовитомъ океанѣ.

(По путевому дневнику Нансена).

Самъ Нансенъ видѣлъ счастливое предзнаменованіе въ яркомъ солнышкѣ, озарявшемъ въ тотъ мартовскій день море и шхеры. Онъ нетерпѣливо рвался къ вѣчнымъ льдамъ, хотя и чувствовалъ, что покидаетъ весну, горы и лѣса для такихъ мѣстъ, гдѣ рѣдко удастся увидѣть и камень, не то что деревцо или веселую лужайку. Въ первый разъ въ жизни предстояло ему весною не бродить по лѣсамъ, не вдыхать въ себя весеннихъ вѣтерковъ и аромата и вмѣстѣ съ ними весенней радости, жизни и надежды, не плескаться между шхеръ и островковъ и не встрѣчать взоромъ перелетныхъ птицъ, приносящихъ съ собою новую жизнь, новыя надежды.

Скоро океанъ привѣтствовалъ его сначала обломкомъ разбитаго судна, затѣмъ страшнымъ штормомъ. Гротъ-мачта сломалась, волны перекатывались черезъ палубу. Вечеромъ море горѣло фосфорическими огоньками. Въ дневникѣ то и дѣло отмѣчалось появленіе буревѣстниковъ всѣхъ видовъ. 18 марта судно вступило въ область льдовъ. Вотъ какъ вкратцѣ описалъ свое первое впечатлѣніе отъ Ледовитаго океана Нансенъ незадолго до того, какъ отправился въ свою великую полярную экспедицію.

„Ледовитый океанъ—нѣчто особенное, не похожее ни на что другое и меньше всего на то, чѣмъ обыкновенно его представляютъ себѣ. Я прочелъ о немъ не мало прежде, чѣмъ самъ попалъ туда въ первый разъ, и рисовалъ его себѣ заранѣе въ видѣ царства мощныхъ ледяныхъ горъ всѣхъ видовъ и формъ,

великолѣпныхъ, блестящихъ, переливающихся всѣми цвѣтами радуги ледяныхъ башень со шпицами и необозримыхъ сплошныхъ ледяныхъ равнинъ. Ничего такого. Пловучія плоскія бѣлыя льдины, зеленовато-голубая вода, туманъ, солнце, буря и штиль—вотъ что встрѣтило меня.

Много воспоминаній выступаетъ передо мною, когда я, закрывъ глаза, сосредоточусь мыслями на этомъ плаваніи; приведу здѣсь нѣсколько болѣе яркихъ изъ нихъ.

Сильнѣе всего врѣзалось мнѣ въ память первое впечатлѣніе. Было это въ мартѣ мѣсяцѣ. Цѣлую недѣлю въ бурю и непогоду неслись мы на сѣверъ отъ Норвегіи; волны такъ и бушевали, гротъ-мачта сломалась, но и это не помѣшало,—мы отправились бить тюленей и мѣшкать не приходилось.

Первымъ признакомъ близости Ледовитаго океана была зеленая чайка или буревѣстникъ. Мы встрѣтили ее почти около полярнаго круга; она парила на своихъ распростертыхъ крыльяхъ надъ безконечными голубыми гребнями волнъ. Птица эта держится тутъ въ сотняхъ миль отъ берега, словно сторожитъ входъ въ Ледовитый океанъ, куда никто и не проскользнетъ безъ ея сопутствія. Она слѣдовала за нами уже два дня, когда море начало зеленѣть,—мы подходили къ островамъ Янъ Майенъ. И вотъ, на седьмой день нашего плаванія, раздался окрикъ: „Ледъ впереди!“ Я выскочилъ на палубу и вперилъ глаза въ пространство—передо мною чернѣлъ одинъ мракъ ночи. Но вдругъ въ этомъ мракѣ выдѣлилось что-то большое, бѣлое, стало приближаться, розги и бѣлѣть, выдѣляясь на черномъ фонѣ моря. Это была первая ледяная глыба, которую мы встрѣтили. Потомъ стало ихъ попадаться много; онѣ плыли, то ныряя, то подымаясь вверхъ, скользили мимо съ шумомъ и шипѣньемъ. Это были еще отдѣльныя льдины-вѣстники; но вотъ я увидѣлъ на сѣверномъ краю неба удивительное сіяніе, распространявшееся, блѣднѣя, и къ зениту, похожее на зарево сильнаго, но очень отдаленнаго пожара, который случился въ царствѣ духовъ,—сіяніе было призрачно-бѣлое. Вмѣстѣ съ тѣмъ я услышалъ глухой шумъ и шипѣнье, доносившіеся также съ сѣвера, и похожіе на шумъ прибоя. Причиною всего оказались сплошныя массы пловучаго льда. Свѣтъ являлся отраженіемъ, которое онѣ бросали на туманное или облачное небо, а шумъ про-

изводили волны, перекатывавшіяся черезъ нихъ и ударявшія льдины другъ о друга; въ тихія ночи этотъ шумъ былъ слышенъ далеко, далеко. Какъ диковинно было стоять на палубѣ, смотрѣть и слушать, въ то время, какъ мы плыли въ этотъ новый, неизвѣстный міръ льдовъ. Шумъ все усиливался и доносился уже со всѣхъ сторонъ; все чаще и чаще стали окружать насъ ледяныя глыбы. Иногда судно наталкивалось на нихъ, съ трескомъ подымало ихъ носомъ и отшвыривало въ сторону".

Въ Ледовитомъ океанѣ. I.

На слѣдующее утро Нансенъ былъ среди льдовъ. Кругомъ —все бѣлыя, ослѣпительно бѣлыя льдины, ни единаго чернаго пятнышка. Полярныя чайки садились на льдины близъ самаго корабля; снѣжные воробьи прыгали, суя носики въ снѣгъ и опять подымая головки — точь въ точь какъ воробьи у насъ на улицахъ. На слѣдующій день поднялась буря; пароходъ врѣзался въ ледъ; буря усиливалась. (Въ дневникѣ сила вѣтра отмѣчена 6). Судно дрожало какъ листъ и трещало по всѣмъ швамъ. Слѣдующіе дни прошли въ напряженномъ ожиданіи:

предстояло рѣшить, гдѣ искать тюленей, идутъ ли они нынѣшній годъ съ востока или съ запада? На суднѣ всѣ въ одинъ голосъ говорили, что дѣло плохо, если не удастся во время увидѣть тюленей еще въ водѣ. Можно было полагать, что они идутъ съ запада, ну, а вдругъ окажется, что съ востока, и судно напрасно прогуляется на западъ, или наоборотъ, и опоздаетъ захватить тюленей? Тутъ дѣло шло не о томъ, чтобы застрѣлить однимъ зайцемъ больше или меньше, не о благородномъ честолюбіи спортсмэновъ, но о громадныхъ убыткахъ или барышахъ торговой компаніи. Хуже всего было то, что даже неизвѣстно было, гдѣ собственно находится судно,—нельзя было произвести надлежащихъ наблюденій. Когда безпокойство достигло высшаго напряженія, съ подвѣтренной стороны показались два судна. Прибавили паровъ и парусовъ, чтобы приблизиться къ нимъ. Наконецъ „Викингъ“ бокъ-о-бокъ съ однимъ. Это „Вега“, носившая Норденшёльда черезъ Беринговъ проливъ. Судно покачивалось при лунномъ свѣтѣ, словно гордясь своею стройною оснасткой. Нансенъ смотрѣлъ на знаменитое судно съ благоговѣніемъ, а экипажъ „Викинга“ перебрасывался между собою замѣчаніями: „Да, длинную прогулку сдѣлало это судно, парень!“—„Праздникъ-то имъ задали!“—„И я побывалъ бы на томъ праздникѣ въ Неаполѣ!“

Капитаны судовъ держали совѣтъ до утра. На другой день оба судна отправились на сѣверъ, а за ними еще третье „Новая Земля“ изъ Дёнди. Порѣшили двигаться еще къ сѣверу, хотя и были на 74° 50′ сѣв. шир. Тутъ ихъ начала трепать буря, потомъ задержалъ туманъ. Новыя совѣщанія; колебанія усилились. Лучше всего, казалось, было бы идти прямо на западъ! 28-го къ вечеру съ юга показались пять судовъ. Когда послѣднія приблизились, поднялись новыя совѣщанія. Приближалось уже 1-ое апрѣля, а 3-го обыкновенно начинаютъ бить молодыхъ тюленей! Надежды на то, что удастся пробиться сквозь ледъ и двинуться впередъ, было немногое. Но попытаться всетаки слѣдовало. Послали просить помощи у другихъ судовъ, чтобы перебросться черезъ ледъ. Скоро на палубѣ „Викинга“ весело затопталось сто слишкомъ человѣкъ матросовъ со всѣхъ судовъ; сначала дѣло шло отлично; судно скользило между льдинами по свободной ото льда водѣ; вдругъ остановка. Дали задній

ходъ и затѣмъ усиленный передній; всѣ матросы перебѣжали на корму и навалились на борты—носъ судна поднялся надо льдомъ; потомъ весь народъ перебѣжалъ на носъ, который сталъ надавливать на ледъ, ломать его или просто погружать въ воду, и судно продолжало подвигаться. Винтъ ударялся о льдины, такъ что весь корпусъ судна дрожалъ, напоминая о рискѣ подобнаго перехода, но судно все таки двигалось впередъ.

Къ вечеру „Викингъ“ выбрался изъ затора и опять пустился въ путь между голубыми пловучими льдинами.

Была ясная, лунная ночь. Лучи луны такъ и играли въ водѣ и на льду. На сѣверо-западѣ небо рдѣло пурпуромъ, остальная часть неба отливала золотистымъ блескомъ вслѣдствіе отраженія лунныхъ лучей далекими ледяными равнинами.

Расположеніе духа на „Викингѣ“ было, однако, не важное: наступилъ уже вечеръ 2-го апрѣля, и въ 12 часовъ ночи слѣдовало бы начать бить молодыхъ тюленей—тѣмъ, кому удалось напасть на нихъ... 8-го апрѣля поднялась буря. Свободное ото льда пространство стало увеличиваться—точно двери темницы разверзались средь грохота бури. Вся масса пловучаго льда шла на востокъ. На слѣдующій день измѣрили долготу и съ ужасомъ увидѣли, что находятся на $13^1/_2$ град. в. д. Неслыханно, чтобъ на такой долготѣ былъ ледъ; должно быть они очутились среди теченій Гольфштрема. Встрѣтились опять два судна. По счету капитана вышло, что цѣлыхъ двѣнадцать судовъ не напали на тюленей,—все таки легче сердцу. Но дни шли, а „Викингъ“ все плавалъ безъ толку; ужъ не лучше ли было бы плыть на востокъ, къ Грёнландіи, а не гоняться больше за молодыми тюленями? За вѣтромъ показались сначала три судна, а потомъ еще нѣсколько. Новое совѣщаніе, новые расчеты, и выводъ тотъ, что ни одно судно не попало на тюленей, развѣ „Каппела“. Ура! Вновь на поиски! А пока они продолжались, природа Ледовитаго океана все глубже и глубже врѣзывалась въ душу молодого человѣка, способнаго постигать красоту природы во всѣхъ ея проявленіяхъ. Его острый взоръ находилъ разнообразіе оттѣнковъ и среди этого однообразія ледяныхъ полей и моря и радовался имъ: „Небо играетъ разными цвѣтами; то оно покрывается бѣлымъ отблескомъ снѣговъ,

то темнѣетъ, отражая море, то загорается пурпуромъ отъ солнца, то золотится, когда этотъ пурпуръ смѣшивается съ бѣлымъ отблескомъ отъ льдовъ. А самые льды! То они отливаютъ зеленымъ блескомъ, то скорѣе голубымъ, въ гроттахъ же почти ультрамариновымъ. Большинству людей скоро бы прискучило это безмолвное спокойствіе природы вокругъ, эти необозримыя равнины льда. Они бы почувствовали себя здѣсь черезчуръ одинокими, безпомощными, имъ бы недоставало жизни, улыбающихся полей и луговъ, пасущихся коровъ, дымка изъ трубъ хижинъ, гдѣ варится къ ужину каша... Здѣсь ничего такого нѣтъ; здѣсь всякій слѣдъ человѣческихъ трудовъ изчезаетъ съ такой-же быстротой, съ какой исчезаетъ за нами въ водѣ слѣдъ нашего судна. Но тотъ, кто ищетъ въ природѣ мира, постоянства и свободы—найдетъ ихъ здѣсь!“ Духовная жажда Нансена, увлекавшая его въ пустые лѣса Нормаркена, была утолена здѣсь среди простора Ледовитаго океана. Онъ былъ воспитанъ для уединенія и чувствовалъ себя среди него какъ дома, самъ наполняя его жизнью и содержаніемъ.

Зато „Викингу“ эти 5 недѣль тщетныхъ поисковъ были не сладки; всѣ понимали, что самая выгодная пора ловли миновала для нихъ. 25-го апрѣля начали показываться молодые тюлени на льду. Палъ густой туманъ, не настолько однако густой, чтобы нельзя было различить впереди судна съ закрѣпленными парусами; потомъ увидѣли вдали еще нѣсколько. Направили курсъ на ближайшее: это „Нордъ-Капъ“!.. Что же оно стоитъ съ закрѣпленными парусами? Нагрузилось уже? Сидитъ на видъ глубоко. Или оно напало на тюленей и ждетъ, пока уляжется волненіе?

Всѣ лихорадочно возбуждены. Наконецъ, подошли къ судну такъ что можно перекликаться; капитанъ „Нордъ-Капа“ кричитъ въ рупоръ: „Да гдѣ-же это вы пропадали, капитанъ Крефтингъ?“ Всѣхъ словно молнія пронизываетъ, взорамъ открывается судно за судномъ. „Новая Земля“ уже перегружена, „Вега“ нагружена, „Капелла“ почти нагрузилась, на „Альбертѣ“ 14000, на „Геклѣ“ 10 — 12000, даже на „Нордъ-Капѣ“ 6000. Оказалось, что ловля была въ 4 миляхъ на западъ-сѣверо-западъ отъ того мѣста, гдѣ „Викингъ“ и другіе суда тогда застряли; не будь тогда тумана, было бы видно тюленей.

2-го мая завидѣли издали Шпицбергенъ. Нансену не терпѣлось увидать стада сѣверныхъ оленей и мѣста, гдѣ собираютъ гагачій пухъ. Но курсъ держался на западъ.

25-го прошли подъ Грёнландіей. Глетчеры Ейяфьала-Іекуля такъ и горѣли въ лучахъ заходящаго солнца, а темныя очертанія вулкановъ угрожающе поднимались на фонѣ пурпурнаго горизонта. Тутъ Нансену удалось не на долго почувство-

Въ Ледовитомъ океанѣ. II.

вать подъ собой твердую почву. Въ большомъ гроттѣ скалистаго берега оказалась отличная гавань для лодки, и люди вышли на берегъ. Всюду, куда только хваталъ взоръ—простиралась черная лава. Путники зашли къ сторожу маяка, въ его нпзенькую хижину. Неподалеку отъ того мѣста земля дымилась, словно тутъ только что выжгли лѣсъ подъ пашню. Паръ поднимался отъ горячихъ источниковъ; надо, конечно, было посѣтить ихъ. Надѣли деревянные башмаки и отправились по острымъ глыбамъ лавы нюхать сѣрные пары, затѣмъ вернулись опять къ хижинѣ. Тамъ и сямъ чахлыя поросли можевельника и вереска,

былинка тутъ, былинка тамъ—вотъ и весь кормъ для овецъ. Вдобавокъ горная лиса душитъ овецъ, и воронъ таскаетъ ягнятъ.

Снова вышли въ море, и у Нансена отмѣченъ въ дневникѣ всякій разъ, когда спускали лодки за тюленями; особенной удачи въ этомъ отношеніи „Викингу“ не было. Вечеромъ, 16-го іюня пришлось выдержать изрядную схватку съ льдинами; однѣ навалились на корабль, другія съ разбѣга ударялись о его бока, грозя проломить ихъ; корабль то поднимался, то опускался, треща по всѣмъ швамъ и дрожа, какъ листъ. Экипажъ уже сталъ волноваться, но къ счастью все обошлось благополучно. Ночью выбрались изо льда и опять поплыли по чистому морю. На утро капитанъ за завтракомъ сказалъ: „Я увѣренъ, что сегодня будемъ бить тюленей,—въ послѣдній разъ, когда насъ также обласкало льдомъ, мы наткнулись на стадо и убили больше 900 штукъ.“

Капитанъ былъ правъ. Къ вечеру спустили всѣ десять лодокъ. Пошли веселье, шутки, началась настоящая битва, которая продолжалась цѣлыхъ три дня. Когда дѣло кипитъ, тюленепромышленникамъ не до сна, не до отдыха. А другимъ судамъ пришлось въ это время смотрѣть да облизываться: между ними и мѣстомъ ловли была непроходимая преграда изъ льдовъ.—Но и пора было „Викингу“ поживиться; въ эти дни счастье его достигло своего апогея; въ концѣ же іюня судно было затерто льдами у восточныхъ береговъ Грёнландіи на 66° 50′ сѣвер. шир., и тутъ имъ пришлось простоять цѣлый мѣсяцъ, сложа руки, въ самое горячее время. Для „Викинга“ это было потерянное время, для Нансена-же во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе важный и интересный періодъ за всю экспедицію. Прежде всего онъ въ то время не разъ имѣлъ случай удовлетворить своему завѣтному желанію—поохотиться на бѣлыхъ медвѣдей. До сихъ поръ онъ дѣйствовалъ на ряду съ другими въ качествѣ охотника на тюленей, а также работалъ въ качествѣ добросовѣстнѣйшаго наблюдателя-натуралиста, строго слѣдуя инструкціямъ профессора Мона, лежавшимъ въ его дневникѣ. Нансенъ отмѣчалъ и изучалъ всѣ явленія природы и въ морѣ и въ воздухѣ, привыкалъ смотрѣть на все глазами ученаго. Но страстный охотникъ въ душѣ онъ все горѣлъ желаніемъ встрѣтиться съ четвероногимъ властителемъ

Ледовитаго океана, и вотъ, тутъ-то, гдѣ „Викингу“ предстояло стоять безъ дѣла, и ждала Нансена настоящая охота на медвѣдей. Въ дневникѣ Нансена есть удивительно интересныя, живыя описанія схватокъ его съ медвѣдями. Во все это время охотничья лихорадка не покидала молодого ученаго; онъ не зналъ покоя; то и дѣло раздавались крики съ обсерваціоннаго пункта—бочки, что тамъ-то видѣнъ медвѣдь. Эти сообщенія подымали Нансена съ постели ни свѣтъ ни заря, вызывали его изъ за стола, отрывали отъ научныхъ работъ — словомъ, ни отдыха, ни срока. 6-го іюля, когда расположеніе духа экипажа упало почти до нуля, такъ какъ люди стали ужъ думать, что не выйдутъ живыми изъ этихъ льдовъ, но или будутъ раздавлены ими или перемрутъ здѣсь отъ голода, капитанъ и Нансенъ отправились къ нимъ въ ихъ помѣщеніе, чтобы поднять въ нихъ духъ. Людямъ было обѣщано, что ихъ прокормятъ медвѣжьимъ мясомъ, а, если судно будетъ раздавлено, то всѣ они выйдутъ на берегъ и оснуютъ на Грёнландіи новую колонію, гдѣ недостатка въ пищѣ не окажется; тамъ вдоволь: оленей, мускусныхъ быковъ, бѣлыхъ медвѣдей, мху, и другихъ лакомствъ. Но все это мало помогло. Вдругъ съ бочки раздался возгласъ: „Три медвѣдя подъ вѣтромъ“! Эта была самка съ двумя медвѣжатами; застрѣлили всѣхъ трехъ, и людей долго угощали медвѣжьимъ жаркимъ. Изъ стараго же мяса сдѣлали на льду костеръ, который начинили саломъ и поддерживали нѣсколько дней. Запахъ оказался хорошей приманкой, и въ эти дни съ бочки было замѣчено до 20 медвѣдей“. Вотъ выдержка изъ дневника Нансена, помѣченная 12-го іюля.

„Вечеромъ я занялъ постъ въ бочкѣ, чтобы срисовать берегъ Грёнландіи. Прежде всего я внимательно оглядѣлъ кругомъ ледъ, чтобы удостовѣриться въ отсутствіи медвѣдей, и затѣмъ спокойно принялся за дѣло. Люди всѣ ушли на покой, и на палубѣ было тихо; только матросъ „Баллонъ“, стоявшій на вахтѣ, шагалъ взадъ и впередъ. Я такъ углубился въ работу, что почти забылъ, гдѣ я, какъ вдругъ слышу крикъ Баллона, который взошелъ на помостъ: „Да, вѣдь, тутъ медвѣдь!“ Я мгновенно вскочилъ, смотрю — медвѣдь внизу у самаго носа корабля. Карандашъ и альбомъ въ сторону, живо маршъ-маршъ внизъ на палубу, затѣмъ въ каюту за ружьемъ

и патронами. Но медвѣдь испугался и удралъ вмѣстѣ съ товарищемъ, который оказался тутъ же по близости".

Нансенъ, одѣтый въ шерстяную куртку и обутый въ легкіе паруспнные башмаки, пустился было за ними въ погоню, но они удирали съ неимовѣрной быстротою, и вскорѣ на „Викингѣ" былъ выкинутъ флагъ, призывавшій Нансена воротиться; пришлось повиноваться. Разумѣется, капитанъ не упустилъ случая подразнить его за удивительное умѣнье караулить медвѣдей. „Да! да! Славнаго молодца посадили въ бочку: не видитъ медвѣдей даже, когда они подъ носомъ!"—Но Нансенъ свое взялъ: 14 го іюля онъ охотился на бѣлыхъ медвѣдей въ послѣдній разъ и тутъ получилъ полное удовлетвореніе въ бѣгѣ взапуски съ ними. Показался большой медвѣдь и вдали еще два, но всѣ трое пустились въ бѣгство. „Мѣшкать было нельзя; медвѣдь удиралъ со всѣхъ ногъ. Мы *) пустились за нимъ, стараясь при этомъ держаться подъ прикрытіемъ ледяныхъ глыбъ. Въ попыхахъ, однако, часто забываешь объ осторожности, и я забылъ о томъ, что льдины бываютъ обманчивы на видъ: кажутся твердыми, плотными, тогда какъ на самомъ дѣлѣ вода настолько размыла ихъ снизу, что онѣ представляютъ лишь весьма тонкіе, хрупкіе, ненадежные помосты. Мы подбѣжали къ широкой полыньѣ, черезъ которую предстояло перепрыгнуть; я приготовился къ заправскому прыжку, да на бѣду оказалось, что край льдины былъ какъ разъ хрупкимъ, и я вмѣсто того, чтобы перепрыгнуть, очутился съ головой въ водѣ. Немножко холодно, но главное надо спасти ружье; перебросилъ было его на слѣдующую льдину, но опять бѣда: край ея былъ высокъ, и ружье не попало на мѣсто, а скатилось въ воду. Нырнулъ за нимъ, поймалъ. Потомъ подплылъ, отыскалъ мѣсто, гдѣ можно было выкарабкаться, и поднялъ ружье. Одинъ мигъ на осмотръ дула и замка и—снова во весь духъ впередъ. Патроны не пострадали,—у меня были непромокаемые, ремингтоновскіе. Капитанъ между тѣмъ очутился немного впереди; увидѣвъ, что я провалился, онъ перепрыгнулъ на другую льдину и продолжалъ погоню. Къ счастью, я въ тотъ день былъ одѣтъ легко: паруспнные башмаки и шерстяная куртка, такъ что воды набралось немного, и она быстро стекла. Такимъ образомъ я скоро наверстalъ упу-

*) Нансенъ, капитанъ и одинъ изъ матросовъ.

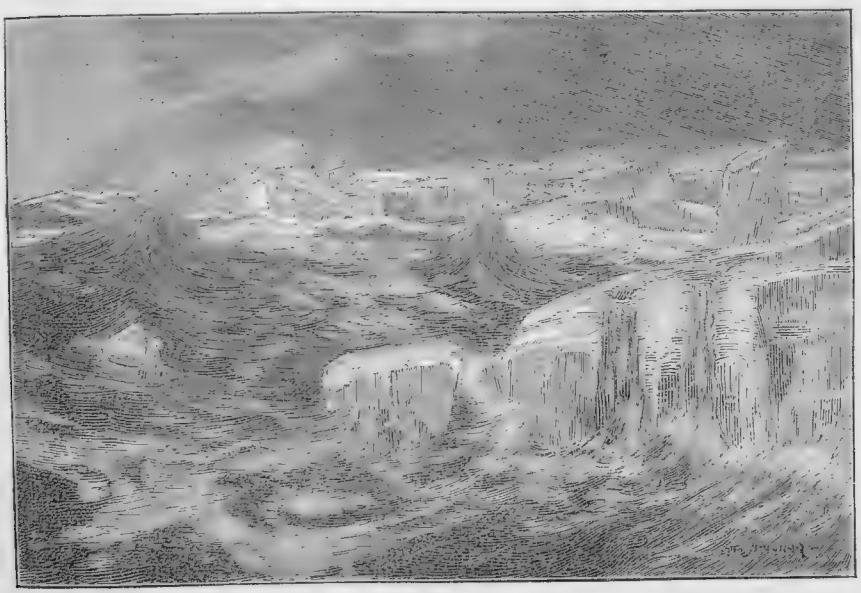
щенное и, увидавъ, что медвѣдь скрылся за высокой ледяной глыбой, пошелъ ему на перерѣзъ. Только что обогнулъ глыбу—столкнулся лицомъ къ лицу съ Мишкой. Ружье къ щекѣ—но онъ быстрѣе меня: моментально бултыхъ въ воду, и пуля попала только въ задъ ему. Подбѣгаю къ краю льдины, чтобы дать выстрѣлъ по Мишкѣ въ водѣ, но его не видать. Куда онъ дѣвался? Вижу въ глубинѣ бѣлѣетъ что-то, ага, вотъ въ чемъ дѣло! Полынья была длинная, надо было перебраться на другой край ея, чтобы принять Мишку тамъ. Въ серединѣ полыньи плавали двѣ небольшія льдины. Прыжокъ предстоялъ большой, но я рѣшился и удачно перепрыгнулъ на первую льдину. Она едва-едва могла сдержать меня. Стараюсь удержать равновѣсіе и вдругъ вижу голову медвѣдя у другой льдины. Съ ревомъ бросается онъ на нее, еще минута, и—бросится на меня. Къ несчастью для него, я предупреждаю его; нахожу точку опоры и влѣпляю ему пулю въ грудь почти въ упоръ, такъ что шерсть вокругъ почернѣла отъ пороха. Мишка закачался и издохъ—чуть не сказалъ: „на моихъ рукахъ“. Въ сущности я поддерживалъ его за уши, такъ какъ онъ выказалъ поползновеніе погрузиться въ воду, что собственно было въ высшей степени удивительно,—ему бы въ это время года слѣдовало какъ разъ всплыть на верхъ, столько въ немъ было жира. Спутники мои скоро подоспѣли мнѣ на подмогу. Пришлось вытащить медвѣдя съ помощью моего кожанаго пояса; другого ничего подъ рукой не было, а онъ былъ коротковатъ. Затянули его вокругъ шеи медвѣдя и втянули тушу въ узкую выемку на льду. Теперь нечего было опасаться, что онъ потонетъ, и мы могли мало-по-малу общими усиліями вытянуть его на ледъ. Онъ оказался огромнымъ, самымъ большимъ изъ всѣхъ убитыхъ нами. Шкура его лежитъ теперь подъ моимъ письменнымъ столомъ, и я въ буквальномъ смыслѣ могу сказать, что „попираю пятою голову своего врага“. Отъ судна мы отбѣжали далеко, и прошло порядочно времени, пока къ намъ подоспѣли оттуда на помощь люди; мы тѣмъ временемъ занялись потрошеньемъ Мишки. Мнѣ-то впрочемъ не пришлось отдаться этому занятію; капитанъ сказалъ, что я промокъ и прозябъ, а потому не угодно ли-де мнѣ отправиться на судно. Какъ ни казалось мнѣ неосновательнымъ такое предложеніе, я все-таки покорился

и отправился къ судну. Я вообще привыкъ соглашаться съ капитаномъ во всемъ и на этотъ разъ мнѣ тоже не пришлось раскаиваться въ моемъ послушаніи. Подходя къ судну, я увидѣлъ вдали трехъ матросовъ, изъ которыхъ двое, повидимому, были съ ружьями. Когда я спросилъ о нихъ на суднѣ, мнѣ сказали, что они отправились на медвѣдя, но что мнѣ нечего надѣяться принять участіе въ охотѣ, такъ какъ они уже на выстрѣлъ отъ медвѣдя. Ну чтожъ, подумалъ я, съ меня довольно на сегодня, пусть себѣ охотятся. Но вдругъ я узнаю, что медвѣдей не одинъ, а цѣлыхъ три. Этого ужъ больно много на ихъ долю! Одного-то я бы имъ уступилъ, но изъ трехъ-то одинъ могъ бы придтись и на мою долю! И я опять пустился бѣгомъ, настолько позволяли ноги. Я ужъ успѣлъ промокнуть, такъ измокнуть немножко больше, немножко меньше, не играло никакой роли, и мнѣ по крайней мѣрѣ не надо было обходить полыньи. Скоро я настигъ людей; они легли стеречь медвѣдя, который шелъ на нихъ. Я остановился на нѣкоторомъ разстояніи, чтобы не помѣшать имъ, но они, боясь, какъ видно, что я предупрежу ихъ, поторопились выстрѣлить и только поранили звѣря, который съ ревомъ бросился прочь отъ нихъ.

Тогда пришла моя очередь. Я пустилъ ему пулю прямо въ грудь. Онъ упалъ, но затѣмъ поднялся опять и продолжалъ путь. Я побѣжалъ за нимъ, и когда онъ обернулся и пошелъ на меня, прострѣлилъ ему голову. Тутъ онъ издохъ. Очередь была за слѣдующимъ. Съ корабля дали намъ знакъ, мы отправились по указанному направленію, и немедленно открыли звѣря, который уплеталъ остатки тюленя. Онъ былъ такъ занятъ, что мы незамѣченными подошли къ нему на хорошій выстрѣлъ. Не надѣясь на другихъ, я рѣшилъ выстрѣлить и свистнулъ, чтобы привлечь вниманіе звѣря,—хоть бы что! Я еще разъ—тотъ же результатъ. Я свистнулъ изо всѣхъ силъ—онъ поднялъ голову. Я прицѣлился въ спину и выстрѣлилъ, и въ то же время выстрѣлили и двое другихъ. Медвѣдь заревѣлъ и шарахнулся задомъ въ воду. Я бросился къ краю полыньи и спокойно остановился тамъ, полагая, что медвѣдю уже досталось, какъ слѣдуетъ, и что я докончу его выстрѣломъ, когда онъ переплыветъ полынью и вылѣзетъ на ледъ по ту сторону ея, чѣмъ избавитъ насъ отъ труда вытаскивать его тушу. Но я ошибся въ

расчетѣ; медвѣдь изловчился выйти подъ прикрытіемъ глыбы, легко какъ кошка вскарабкался на ледъ и пустился удирать. У меня и лицо вытянулось; я послалъ ему въ догонку пулю, но даромъ, а затѣмъ началась гоньба, вполнѣ вознаградившая меня за испытанное разочарованіе. Олуфъ (матросъ) безъ ружья, съ однимъ ломомъ и веревкой въ рукахъ, послѣдовалъ за мной, но отсталъ у первой же широкой полыньи, черезъ которую нельзя было перепрыгнуть. Я же, не желая дѣлать кругъ, пустился прямо вплавь и услышалъ позади себя взрывъ хохота. Это хохоталъ Олуфъ надъ новымъ, еще невиданнымъ имъ, способомъ переправы черезъ полыньи. Онъ хотѣлъ распорядиться похитрѣе, ломомъ сдвинулъ въ середину полыньи льдину и прыгнулъ на нее, чтобы съ нея перескочить дальше. Но тутъ настала моя очередь хохотать: онъ очутился по поясъ въ водѣ и достигъ противоположнаго края полыньи весь мокрый, набравъ полные сапоги воды. Ему пришлось заняться выливаніемъ ея; я въ своихъ низкихъ парусинныхъ башмакахъ не нуждался въ этомъ и не сталъ дожидаться окончанія этой процедуры. Такимъ образомъ состязаніе продолжалось между мной и медвѣдемъ, и мы оба повидимому рѣшились постоять за себя. Для него дѣло шло о головѣ, для меня о чести,—было бы изъ рукъ вонъ упустить медвѣдя изъ подъ носу. Моя пуля угодила ему въ спину, но, по ошибкѣ, я взялъ патронъ съ пустой пулей, которая только слегка поранила звѣря. Кровь изъ его раны, однако, такъ и струилась, и мнѣ нетрудно было гнаться за нимъ по этимъ слѣдамъ. Пули же двухъ моихъ спутниковъ не попали въ него. И вотъ, мы летѣли по льду, какъ только несли ноги; то я почти настигалъ медвѣдя, то онъ вновь далеко опережалъ меня. Мы оставляли позади себя одну полынью за другой; если онѣ оказывались слишкомъ широкими для прыжка, я переплывалъ ихъ,—обходить было некогда. Сначала медвѣдь какъ будто не обнаруживалъ усталости, но когда мы пробѣжали съ милю, онъ началъ дѣлать извороты, я же продолжалъ бѣжать напрямикъ, что не мало помогало мнѣ. Я понялъ, что Мишка началъ уставать и немножко убавилъ ходу, но вдругъ онъ скрылся за глыбой. Пользуясь тѣмъ, что и онъ меня не видѣлъ изъ за глыбы, я припустился на всѣхъ парахъ, чтобы подбѣжать къ нему на выстрѣлъ. Но нѣтъ, онъ пронюхалъ

мою уловку и тоже прибавилъ рыси. Опять пролетѣли нѣкоторое разстояніе, и опять медвѣдь пошелъ тише. Наконецъ, я настигъ его и пустилъ ему пулю, которая прошла грудь. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько прыжковъ и упалъ; пуля въ ухо покончила съ нимъ совсѣмъ. И вотъ, я очутился одинъ съ убитымъ медвѣдемъ. Единственнымъ оружіемъ моимъ были ружье безъ патроновъ, да перочинный ножикъ, такъ какъ капитанъ



Въ Ледовитомъ океанѣ. III.

взялъ мой охотничій ножъ, когда мы начали потрошить перваго медвѣдя. Прежде всего надо было подать знакъ на судно, чтобы мнѣ прислали подмогу, но отъ судна были видны однѣ мачты. Пришлось вскарабкаться на самую высокую глыбу и оттуда махать шапкой, надѣтой на дуло ружья. Потомъ я принялся снимать перочиннымъ ножикомъ съ медвѣдя шкуру, чтобы покрайней мѣрѣ унести съ собой ее. Трудненько было выполнить эту работу,—приходилось, вѣдь, отрѣзать голову и лапы, чтобы не испортить шкуры. Но съ терпѣніемъ и стараніемъ все-таки оказалось возможнымъ справиться съ дѣломъ.

Я уже почти кончалъ его, когда услышалъ вдали чей-то голосъ. Я взлѣзъ на глыбу, чтобы посмотрѣть. Это былъ Олуфъ, который наконецъ добрался по слѣдамъ. Какъ онъ былъ радъ, что напалъ на *меня*, а то онъ бѣжалъ, замирая отъ страха, что наткнется на медвѣдя; вооруженъ же онъ былъ однимъ ломомъ да пачкой патроновъ. Мы сняли съ Мишки шкуру и поволокли ее къ судну,—трудъ не легкій! Шкура вмѣстѣ съ прилегавшимъ къ ней слоемъ жира вѣсила больше тонны. Намъ, впрочемъ, не долго пришлось тащить ее,—насъ встрѣтили высланные намъ на помощь люди. Мы съ радостью отдали имъ и шкуру и мое ружье и патроны, а то бѣдняки, идя безъ ружья все время трусили встрѣчи съ медвѣдемъ.

Полагая, что мы сдѣлали свое, я и Олуфъ отправились себѣ домой на судно. По дорогѣ Олуфъ все интересовался моимъ способомъ переправляться черезъ полыньи; очевидно, онъ не могъ забыть своей остановки съ непромокаемыми сапогами, изъ которыхъ пришлось выливать воду.

На пути мы встрѣтили посольство отъ капитана, выславшаго намъ пиво и кое-чего съѣстнаго для подкрѣпленія силъ. Я былъ почти тронутъ такой заботливостью, и могу увѣрить, что и мнѣ и Олуфу присланное пришлось какъ-нельзя болѣе по вкусу. На суднѣ я узналъ, что и третій медвѣдь былъ неподалеку, но теперь уже скрылся. Надо было-бы и его прибрать къ рукамъ для ровнаго счета; а то мы убили за это время всего 19 медвѣдей, ну да и этого было довольно.

Тѣмъ и окончилась наша охота на медвѣдей. Нѣсколько дней спустя, ледъ разошелся, и судно вышло. Время охоты на тюленей уже было упущено, и намъ не оставалось ничего другаго, какъ повернуть домой. Весело запрыгалъ по волнамъ нашъ „Викингъ“, несясь на всѣхъ парахъ и парусахъ, и какъ мы всѣ обрадовались, когда вдали вынырнули изъ волнъ вершины горъ милой, родимой Норвегіи!“

Нансенъ заканчиваетъ описаніе своей поѣздки выраженіемъ признательности капитану „Викинга“ г. Крефтингу, за тѣ пріятные часы, которые они провели вмѣстѣ въ полярномъ царствѣ. Крефтингъ былъ типомъ здороваго, коренастаго, отважнаго моряка, и можно сказать навѣрно, что Нансенъ и онъ встрѣтили другъ въ другѣ родственныя натуры и что личность Крефтинга

имѣла значительное вліяніе на развитіе многихъ прирожденныхъ качествъ Нансена. Они очень привязались другъ къ другу, да и весь экипажъ „Викинга“ видно считалъ поѣздку съ Нансеномъ одной изъ лучшихъ въ длинномъ рядѣ своихъ полярныхъ поѣздокъ. Привѣтливый и мужественный онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми, и, конечно, общество такого образованнаго человѣка не могло быть лишнимъ тѣмъ отчаяннымъ молодцамъ, какіе были между матросами, тѣмъ болѣе, что онъ былъ такой обходительный, могъ по цѣлымъ ночамъ просиживать съ ними въ каютѣ за бесѣдой и зналъ ихъ всѣхъ по имени и по прозвищу. Еще и теперь у многихъ изъ команды виситъ на стѣнѣ фотографія всего экипажа: передъ тушей убитаго бѣлаго медвѣдя стоятъ 72 человѣка; стрѣлки съ ружьями, другіе съ ломами и топорами. Но гдѣ-же самъ Нансенъ? А онъ фотографировалъ ихъ. Вообще онъ своими затѣями какъ будто вносилъ въ эти ледяныя пустыни смягчающее вѣяніе цивилизаціи. Онъ былъ такой предпріимчивый, любознательный, ему до всего было дѣло вплоть до мельчайшей козявки. Вдоль боковъ судна спускались въ море его сѣти, въ которыя онъ ловилъ разныхъ мелкихъ обитателей моря. А разъ, такъ онъ поймалъ маленькаго тюленя и нянчился съ нимъ цѣлую недѣлю! „Но снять съ него фотографію такъ и не удалось!“—говорятъ, вспоминая этотъ эпизодъ, матросы: „Тюленчики-то къ этому дѣлу непривычны! Ихъ вѣдь не спрашиваютъ, передъ тѣмъ какъ убить ихъ, хотятъ-ли они сниматься! Каждый день его вытаскивали, укладывали на люкъ, и все шло хорошо, до тѣхъ поръ пока надо было снять его,—тутъ-то его бывало всегда и дернетъ пошевелиться, ну, и выходило одно пятно!“

„Охотникомъ Нансенъ былъ горячимъ и забубенной головой, когда дѣло шло о томъ, чтобы поберечься“,—разсказываетъ одинъ изъ экипажа.—„Я помню разъ, мы были на льду, вдругъ слышимъ кричатъ о помощи. Капитанъ и Нансенъ были на суднѣ; штурманъ спдѣлъ на реяхъ съ зрительной трубой. Мы были очень близко и слышали, какъ онъ сказалъ, что нѣсколько нашихъ молодцовъ на льдинѣ и что на нихъ идетъ медвѣдь, который повидимому намѣревается переплыть полынью, чтобы добраться до нихъ, а у нихъ нѣтъ съ собой ружья. Я пустился къ мѣсту со всѣхъ ногъ; капитанъ и Нансенъ тоже,

но я опередилъ ихъ. Когда я увидалъ медвѣдя, онъ былъ уже въ парѣ шаговъ отъ полыньи, мнѣ же оставалось пробѣжать еще порядочно, чтобы очутиться на выстрѣлъ отъ него, а я ужъ запыхался. Но и упускать время я не посмѣлъ: дай я медвѣдю выйти на льдину, нельзя было бы стрѣлять,—я могъ попасть въ людей. Какъ только я выстрѣлилъ, я услышалъ окрикъ Нансена: „Упалъ онъ?“ И когда онъ узналъ, что дѣло уже кончено, онъ пошелъ, какъ въ воду опущенный. Да, молодецъ онъ былъ охотиться на медвѣдей. Медвѣдь и онъ точно изъ одного тѣста были вылѣплены, когда бѣжали въ запуски: медвѣдь перепрыгнетъ и Нансенъ перепрыгнетъ, медвѣдь въ воду, и Нансенъ въ воду. Я говорилъ ему, что онъ этакъ испортитъ себя, но онъ только показалъ на свою шерстяную одежду и сказалъ: „Я не мерзну!“

Этой стоянкѣ у восточнаго берега Грёнландіи суждено было имѣть рѣшительное вліяніе на судьбу Нансена. Онъ не могъ забыть картины, которая открывалась передъ нимъ тамъ и которую онъ рисуетъ такъ: „Днемъ вершины и глетчеры блестѣли вдали за массами пловучаго льда, но вечеромъ и ночью, когда солнце зажигало воздухъ и облака, ихъ дикая красота выступала еще ярче“.

И онъ неутомимо набрасывалъ планы попасть на этотъ манившій его издали берегъ, который тщетно искали столько людей. По его мнѣнію можно было пробраться туда, если только взять съ собой лодку, и онъ намѣревался было немедленно попытаться выполнить свой планъ, но капитанъ Крефтингъ не разрѣшилъ. Замыслы проникнуть во внутрь Грёнландіи начали зарождаться въ немъ тогда-же, а прошло небольше года послѣ возвращенія его въ Норвегію, и онъ уже крѣпко ухватился за мысль совершить по Грёнландіи экспедицію на лыжахъ. Связь между первымъ его знакомствомъ съ Грёнландіей и вторичнымъ посѣщеніемъ ея, такимъ образомъ ясна. Да, недаромъ добрый геній Фритьофа Нансена держалъ его близь этого берега около мѣсяца,—тамъ, въ то время, какъ другіе были объяты страхомъ, въ его душѣ загорѣлось желаніе проникнуть въ эту сказочную страну, пробудилось благородное честолюбіе, заставлявшее его потомъ намѣчать себѣ все болѣе и болѣе высокія цѣли.

Въ Бергенѣ.

Въ то время, какъ Фритьофъ Нансенъ переплывалъ полыньи въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, гоняясь за бѣлыми медвѣдями, директоръ Бергенскаго музея и главный врачъ Люнгегорскаго госпиталя Даніельсенъ *) искалъ для своего музея новаго консерватора,—старый ушелъ. И профессоръ Коллетъ, еще до прибытія Фритьофа Нансена въ Христіанію, получилъ отъ Даніельсена по телеграфу просьбу о совѣтѣ. Коллетъ тотчасъ же подумалъ о Нансенѣ и, едва послѣдній ступилъ ногой на родную почву, профессоръ предложилъ ему занять мѣсто консерватора при Бергенскомъ музеѣ. Нансенъ, конечно, былъ согласенъ. Ему не было еще 21 года, онъ не успѣлъ еще представить никакой научной работы, такъ что предложеніе являлось въ высшей степени заманчивымъ. Но прежде онъ хотѣлъ навѣстить сестру въ Даніи. Объ этомъ было телеграфировано Даніельсену. Знающіе характеръ старика легко могутъ представить себѣ, какую воркотню онъ поднялъ, расхаживая по музею: „Слыхано-ли это? Его, молокососа, зовутъ въ консерваторы Бергенскаго музея, а ему, видите-ли, надо навѣстить сестру! Неслыханное сантиментальничанье“. И онъ телеграфировалъ: „Нансенъ долженъ явиться немедленно!“ Это было первымъ привѣтствіемъ Нансену, характеризующимъ того человѣка, съ которымъ молодому ученому предстояло работать рука объ руку въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

*) Родился въ Бергенѣ 4 Іюля 1815 г. † 13 Іюля 1894 г.

*

Даніель Корнеліусъ Даніельсенъ—сынъ часовыхъ дѣлъ мастера, докторъ медицины, авторъ солидныхъ трудовъ о проказѣ, выдающійся зоологъ, почетный членъ Лундскаго и Копенгагенскаго университетовъ, былъ однимъ изъ интереснѣйшихъ явленій въ ученой и общественной средѣ Норвегіи. Не знающее границъ трудолюбіе, такая-же энергія и увлеченіе сочетались въ немъ съ неутомимостью и выдержкою. Вмѣсто того, чтобы, какъ многіе другіе талантливые люди, опуститься духовно въ такомъ маленькомъ городкѣ, гдѣ не съ кѣмъ состязаться и гдѣ сама окружающая атмосфера мѣшаетъ духовному росту человѣка, или же бѣжать оттуда, Даніельсенъ рѣшилъ пересоздать этотъ городокъ по своему образцу. Вмѣсто того, чтобы, въ виду своего изолированнаго положенія, махнуть рукою на все, онъ вступилъ въ долголѣтнюю, упорную борьбу съ стортингомъ и городскимъ управленіемъ Бергена, заставляя ихъ защищать такіе интересы, которые, хотя и были пока только его личными, но должны бы были быть общественными. Бергенскій музей—созданіе Даніельсена—является и его памятникомъ. Даніельсенъ какъ бы выбралъ девизомъ своей жизни знаменитое изреченіе изъ Гавамола: „Богатство минетъ, родные умрутъ, самъ умрешь,

Д. К. Даніельсенъ

одно знаю я, никогда не умретъ - посмертный судъ надъ человѣкомъ".

И этотъ судъ долженъ былъ, по его мнѣнію, основываться на оставленныхъ имъ трудахъ.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, что не старѣютъ съ годами, очень любилъ молодежь, но и былъ къ ней очень требователенъ. „Онъ полагалъ"—пишетъ одинъ изъ его многолѣтнихъ сотрудниковъ—„что молодежь можетъ справиться со всѣмъ". Онъ былъ веселъ и ласковъ, когда дѣло спорилось, и бранился чуть что шло не такъ, какъ ему хотѣлось. По отношенію къ человѣку, дѣйствительно интересующемуся дѣломъ, человѣку интеллигентному и трудолюбивому, пріемъ этотъ былъ какъ нельзя болѣе кстати. А Нансенъ какъ разъ и былъ такимъ человѣкомъ. Намъ неизвѣстно, вліялъ-ли Даніельсенъ въ прямомъ смыслѣ на занятія Нансена въ бытность послѣдняго консерваторомъ Бергенскаго музея, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что личность маститаго профессора сама по себѣ являлась уже достаточнымъ импульсомъ. Каждый день въ 10 ч. утра 67-лѣтній старикъ являлся въ музей и садился за свой рабочій столъ, уже сдѣлавъ передъ тѣмъ обычный утренній обходъ въ Люнгегорскомъ военномъ госпиталѣ. Молодой человѣкъ, начавшій свою дѣятельность подъ руководствомъ профессора, скоро, однако, убѣдился на опытѣ, что если наука и неумолима въ своихъ требованіяхъ, то все же не требуетъ затворничества или аскетизма: ветерану ея Даніельсену ничто человѣческое не было чуждо. Онъ былъ и членомъ стортинга, принималъ живѣйшее участіе въ политической жизни страны, былъ и членомъ-основателемъ театра въ Бергенѣ, принималъ участіе и въ устройствѣ городской картинной галлереи и въ основаніи Бергенскаго Литературнаго Общества, затѣмъ былъ предсѣдателемъ „Общества взаимной пользы" и членомъ муниципалитета Бергена и постоянно слѣдилъ и лично и по газетамъ за дѣятельностью всѣхъ поименованныхъ учрежденій и обществъ. А когда онъ въ своей маленькой столовой въ зданіи госпиталя, окруженный согражданами, дѣятелями науки и искусства и, главнымъ образомъ, молодежью, подымалъ стаканъ съ виномъ изъ своего превосходнаго погреба, то на лицѣ его такъ и сіяла радость бытія; жизнерадостность олицетворялась всей его фи-

гурой, играла въ его глазахъ, несмотря на то, что имъ изъ года въ годъ приходилось видѣть смерть то того, то другого изъ самыхъ близкихъ, дорогихъ людей *).

Итакъ, Нансенъ снова наткнулся на личность, въ которой его собственная могла найти нужную для ея развитія опору. О томъ же, какія отношенія установились между ними, свидѣтельствуютъ письма, которыми они обмѣнивались и изъ которыхъ мы приводимъ здѣсь два. Первое отъ Даніельсена Нансену, помѣчено 30 января 1893 г., т. е. написано старикомъ за полгода до его смерти.

„Дорогой мой Нансенъ!

Приближается время Вашего отъѣзда въ далекій путь, но насколько я тревожился за исходъ Вашей Грёнландской экспедиціи, настолько же я спокоенъ за исходъ этой полярной. Я съ живѣйшимъ интересомъ прослѣдилъ всѣ ваши доказательства и доводы, а также познакомился со всѣми сыпавшимися съ разныхъ концовъ возраженіями, отрицающими возможность удачи, и пришелъ къ непоколебимой увѣренности, что Ваша экспедиція увѣнчается успѣхомъ. Увы, мой дорогой Нансенъ, мало вѣроятія, что я доживу до этого и приму участіе въ томъ гулѣ привѣтствій, которымъ встрѣтитъ вся земля Фритьофа Нансена, возвратившагося съ сѣвернаго полюса обогащеннымъ всевозможными открытіями, поэтому-то я и тороплюсь заранѣе послать Вамъ свой привѣтъ, который послѣ Евина **) будетъ самымъ сердечнымъ и горячимъ изъ всѣхъ ожидающихъ Васъ. Насколько мнѣ извѣстно, Вы поплывете черезъ Карское море къ Ново-Сибирскимъ островамъ; если это такъ, я надѣюсь, что вы заглянете на пути въ Бергенъ; нечего и говорить, что Вы этимъ доставите большую радость всѣмъ бергенцамъ, а главнымъ образомъ Вашему старому другу и почитателю.

Фритьофъ Нансенъ счастливо вернется съ сѣвернаго полюса! Это такъ-же вѣрно, какъ то, что я пишу эти строки,— на столько-то я старикъ могу быть пророкомъ. Кланяйтесь отъ

*) Даніельсенъ схоронилъ въ 1868 г. единственнаго 25 лѣтн. сына, въ 1869—1873 г.г.—трехъ дочерей и въ 1875 г.—жену.

**) Жена Нансена.

меня Вашей милой супругѣ и всему Сарскому семейству *) и примите сердечный поцѣлуй и привѣтъ отъ любящаго Васъ и преданнаго Вамъ Д. К. Даніельсена".

Вскорѣ послѣ отплытія Фритьофа Нансена отъ береговъ Норвегіи онъ отправилъ изъ Кёллефьорда 16 іюля 1893 г. своему учителю послѣдній привѣтъ, который оканчивался такъ:

„Дорогой Даніельсенъ! Не стану говорить Вамъ всего, что я хотѣлъ, а только еще разъ поблагодарю Васъ за то, чѣмъ Вы были для меня, дорогой другъ-отецъ; судьба развела насъ по разнымъ дорогамъ, такъ что намъ больше не придется трудиться вмѣстѣ. Но близъ-ли Васъ, далеко-ли отъ Васъ, я сохраню къ Вамъ всю мою привязанность и глубочайшее уваженіе. День Вашей жизни склоняется къ вечеру, но этотъ вечеръ такъ хорошъ, а, оглядываясь назадъ, Вы видите прекрасно проведенный день. Для меня наступилъ только еще полдень, и, вѣроятно, мнѣ остается еще время поработать, но Вы всегда будете стоять передо мною живымъ, свѣтлымъ примѣромъ, и, если я устану, ослабѣю, Ваша сила воли, Ваша неутомимая дѣятельность послужатъ путеводной звѣздой и мнѣ, какъ многимъ другимъ. Тысячу разъ прощайте и до свиданія!

Вашъ преданный и вѣрный
Фритьофъ Нансенъ".

Мало что такъ характеризуетъ Фритьофа Нансена, какъ его переходъ отъ рысканья за бѣлыми медвѣдями къ усидчивымъ занятіямъ при Бергенскомъ музеѣ. „Я сталъ заправскимъ домашнимъ поросенкомъ"—пишетъ онъ отцу 17 октября 1882 г. —„и въ сущности продолжаю носить прозвище Исава не по праву". И вотъ ему, спортсмэну и охотнику par excellence, приходится „успокаивать" своего отца сообщеніемъ, что онъ все таки состоитъ членомъ двухъ гимнастическихъ обществъ. Нансенъ съ такою же страстностью отдался наукѣ, съ какой прежде кидался въ приключенія, съ тою же настойчивостью выслѣживалъ подъ микроскопомъ движенія инфузорій, съ какой преслѣдовалъ на ледяныхъ равнинахъ бѣлыхъ медвѣдей. На святкахъ онъ позволялъ себѣ немножко провѣтриваться въ горахъ, во время бури и снѣжной вьюги. А въ январѣ онъ ужь опять

*) Мать и сестры г-жи Нансенъ.

сидѣлъ, какъ пригвожденный къ мѣсту, за новымъ микроскопомъ въ 700 кронъ (350 рублей), подареннымъ ему отцомъ. Этотъ отецъ, такой бережливый, экономный хозяинъ, не зналъ границъ щедрости, когда дѣло шло о пользѣ и будущемъ сына. И сынъ такъ увлекался подаркомъ, что кажется, „рушься вокругъ весь свѣтъ, онъ не замѣтилъ бы“. Время отъ времени, когда онъ чувствовалъ, что ужь слишкомъ засидѣлся, онъ пускался въ горы, любовался солнечнымъ закатомъ на берегу моря, подставлялъ лицо снѣжнымъ вихрямъ и скатывался съ обрывовъ прямо въ сапогахъ. Въ этомъ же году осенью въ его головѣ впервые зародился планъ проникнуть въ Грёнландію. „Разъ я сидѣлъ вечеромъ и равнодушно прислушивался къ чтенію газеты“ — разсказываетъ Нансенъ — „какъ вдругъ мое вниманіе было приковано телеграммой, извѣщавшей, что Норденшёльдъ благополучно возвратился изъ экспедиціи во внутрь Грёнландіи, что онъ не нашелъ тамъ никакихъ оазисовъ, но только безконечную снѣжную пустыню, по которой онъ въ сопутствіи своихъ двухъ лапландцевъ дѣлалъ большіе переходы въ самое короткое время, такъ какъ тамъ былъ отличный путь для лыжъ. Во мнѣ какъ молніей сверкнула мысль: «на лыжахъ можно изрѣзать Грёнландію вдоль и поперекъ“. Планъ сложился и былъ въ точности выполненъ впослѣдствіи.

Какъ извѣстно, до его выполненія протекло $4^1/_2$ года. 4 октября 1883 г., вскорѣ послѣ того, какъ дошло до Нансена вышеприведенное газетное сообщеніе о Норденшёльдѣ, Нансенъ писалъ отцу: „Меня такъ и подмываетъ пуститься въ путь всякій разъ, какъ мнѣ приходится услышать что-нибудь подобное *); во мнѣ просыпаются тоска и желаніе вновь испытать что нибудь новое, желаніе путешествовать. И какъ оно волнуетъ меня, какъ его трудно подавить и сколько оно успѣваетъ надѣлать мнѣ хлопотъ, прежде чѣмъ, наконецъ, уляжется! Лучшимъ лекарствомъ противъ такихъ приступовъ является работа; я и примѣняю ее, и чаще всего съ успѣхомъ“.

Почти около того же времени услышалъ онъ манящій призывъ и другого рода. Одинъ англійскій ученый-зоологъ, посѣтившій предыдущимъ лѣтомъ Бергенскій музей и проводившій

*) Намекъ на счастливую охоту, въ которой участвовалъ его братъ.

много времени въ обществѣ Нансена, спросилъ его въ письмѣ, не захочетъ-ли онъ занять мѣсто въ Америкѣ: профессоръ Марчъ, знаменитый палеонтологъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся ученыхъ дѣятелей Америки, желалъ увеличить число своихъ молодыхъ помощниковъ, и англичанинъ указалъ ему на Нансена. Послѣдній отвѣтилъ, что ему нужно узнать положительныя условія отъ самого Марча, прежде чѣмъ онъ вообще можетъ вступить въ переговоры. „Главное я долженъ узнать навѣрное—будетъ-ли у меня досугъ для самостоятельныхъ работъ“. Предварительный запросъ былъ сдѣланъ въ октябрѣ, но не отъ самого Марча, и въ перепискѣ Нансена съ отцомъ больше не упоминается объ этомъ дѣлѣ. Самая мысль отправиться въ Америку была, между тѣмъ, очень заманчива. Нансену представился бы случай осмотрѣться въ Божьемъ мірѣ и, вѣроятно, ежегодно представлялись бы также случаи дѣлать экскурсіи на западъ Америки. Но, конечно, тяжело было разстаться съ музеемъ. „Мнѣ предстоитъ еще много дѣла здѣсь, и я предпочелъ бы сначала покончить съ нимъ“—писалъ онъ между прочимъ отцу. Весьма возможно, что подобныя же соображенія удерживали Нансена и отъ осуществленія плана грёнландской экспедиціи. Голова у него была достаточно свѣтлая, чтобы понимать, что такая поѣздка сопряжена съ опасностью для жизни, и, желая показать, что поставленная въ такомъ случаѣ на карту жизнь не совсѣмъ лишена значенія, онъ прежде, чѣмъ совершить прыжокъ въ область невѣдомаго, хотѣлъ оставить по себѣ кое-какіе научные труды. А, можетъ быть, онъ отложилъ этотъ прыжокъ и изъ вниманія къ отцу, жалѣя старика и не желая подвергнуть его такому страшному безпокойству. Переписка отца и сына за періодъ времени съ осени 1882 г. по весну 1885 г. весьма характерна. Она рисуетъ намъ разсвѣтъ кипучей дѣятельности молодаго человѣка и сумерки дѣятельности старика. (Послѣдній умеръ 2 апрѣля 1885 г., въ то время, какъ сынъ находился на пути къ нему). Переписка эта служила главнымъ источникомъ утѣшенія для старика въ его тихой, уединенной жизни. Почти каждое письмо сына начинается съ извиненія, что онъ не писалъ такъ долго. Часто письма эти были безсодержательными или отличались чисто дѣтскимъ характеромъ,—Фритьофъ Нансенъ никогда вообще не былъ лю-

бителемъ писать письма—но встрѣчаются между ними и весьма содержательныя, полныя горячаго чувства. Стоило Фритьофу найти свободное время, чтобы имѣть возможность сосредоточиться на чемъ либо другомъ, кромѣ своихъ многочисленныхъ научныхъ работъ, и—онъ посылаетъ отцу книги, подробно бесѣдуетъ съ нимъ въ письмахъ о литературѣ и т. п. А вотъ образчикъ писемъ отца, взятый изъ письма, написаннаго имъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти:

„Я не могъ нарадоваться Пастеру. Такъ какъ я совсѣмъ несвѣдущъ въ химіи, то мнѣ пришлось прочесть его книгу съ помощью разныхъ словарей. И я порадовался, видя, какъ этотъ преданный наукѣ человѣкъ упорно стремится къ намѣченной имъ цѣли, о вѣрности которой онъ можетъ заключать только по разнымъ обстоятельствамъ, благодаря которымъ онъ совершаетъ одно открытіе за другимъ.—Часто при чтеніи твоихъ писемъ у меня навертываются на глазахъ слезы, только не отъ горя, а отъ грустной радости. Богъ благослови твой трудъ и доведи его до хорошихъ результатовъ". Что же касается писемъ отъ сына, то они представляютъ замѣчательную смѣсь ребячества и дѣловитости; тамъ, гдѣ нужно проявить искреннее чувство и ясность мысли, они вполнѣ соотвѣтствуютъ своей цѣли, иными же мѣстами прямо напоминаютъ вымученныя обязательныя письменныя работы школьника; иногда въ нихъ встрѣчаются и изумительныя наивности. Такъ напр., однажды Фритьофъ, выигравъ на базарѣ маленькую картину маленькаго художника, восклицаетъ по этому поводу: „Не замѣчательно ли, какъ иному человѣку везетъ! До сихъ поръ счастье служитъ мнѣ во всемъ." Стоило, однако, заговорить съ этимъ взрослымъ ребенкомъ о серьезномъ дѣлѣ или поднять вопросъ, касающійся его будущаго, и передъ вами былъ истый мужъ, умѣвшій основательно доказать правоту своихъ взглядовъ и вполнѣ знавшій себѣ цѣну.

Одинъ изъ его бергенскихъ друзей, др. Л. Грійгъ, выражается о немъ въ письмѣ къ составителямъ этой книги между прочимъ такъ: „Особенно симпатична мнѣ послѣдовательность, съ которой онъ проводитъ свои взгляды и убѣжденія, отказываясь отъ всякихъ компромиссовъ. Ему и въ голову не приходитъ видѣть въ окружающей средѣ извѣстнаго фактора, съ ко-

торымъ нужно считаться въ своихъ личныхъ дѣйствіяхъ; разъ ему западетъ что-нибудь въ голову, онъ развиваетъ свою идею до ея крайнихъ предѣловъ, не поступаясь ею ни на йоту. Противорѣчіемъ его трудно взять, добротой же и сердечностью можно довести до всего. Чисто дѣтскія стороны его натуры часто проявляютъ себя, и мнѣ не разъ приходилось восклицать: „Вотъ дитя-то!“ Въ такія минуты онъ бываетъ, впрочемъ, чрезвычайно милъ. Большой любитель музыки и пѣнія, онъ охотно слушаетъ романсы Шумана и Шуберта, но больше всего любитъ все таки родныхъ композиторовъ и поэтовъ, изъ твореній которыхъ часто декламируетъ отрывки; извѣстную большую поэму Ибсена „На горныхъ вершинахъ“ (Paa Vidderne) онъ знаетъ наизусть, такъ же какъ и поэму Тегнера „Фритьофъ“. Съ особеннымъ восторгомъ приводитъ онъ изъ нея всегда „Плачъ Ингеборги“ и бесѣду между Фритьофомъ и Бьёрномъ и отъ души хохочетъ, доходя до строфы:

„Фритьофъ, дивлюсь твоему ослѣпленью.
Стоитъ ли женщина вздоховъ такихъ?
Эта измѣнитъ—есть сотни другихъ;
Счету имъ нѣтъ на землѣ, къ сожалѣнью!
Хочешь ли ты, чтобъ тебѣ я привезъ
Цѣлую клажу красавицъ изъ юга
Тише овечекъ, румянѣе розъ?
Мы въ дѣлежѣ не обидимъ другъ друга!“ *)

Смѣхъ Нансена можно, пожалуй, объяснить чувствомъ собственнаго превосходства, сознанія своихъ побѣдъ надъ сердечными слабостями, которымъ и онъ время отъ времени бывалъ подверженъ, какъ всѣ вообще молодые люди.

Доставленныя намъ другомъ Нансена свѣдѣнія о немъ заканчиваются такъ: „Рѣдко можно найти въ человѣкѣ его лѣтъ такую любовь и стремленіе ко всему хорошему и возвышенному, такое упорство въ преслѣдованіи своей цѣли до крайнихъ ея предѣловъ. Онъ всегда вообще страстно отдавался научнымъ изслѣдованіямъ, и высшимъ наслажденіемъ для него всегда было довести начатое дѣло—и большое и малое—до конца“.

Рай Магомета, населенный гуріями, не могъ бы увлечь

*) Переводъ Я. Грота.

Фритьофа Нансена въ этотъ періодъ его жизни; ни женщины, ни dolce far niente не привлекали его. Любимымъ чтеніемъ его были произведенія Бьёрнстьерне Бьёрнсона: „Перчатка“ и „Сигурдъ Слембе“. Проблески другого лучшаго міра, онъ видѣлъ въ Іотунгеймѣ среди зубчатыхъ вершинъ и глетчеровъ. „Отраженіе въ глубокомъ темномъ небѣ дивныхъ очертаній этой величавой природы—вотъ проблескъ потеряннаго рая!“ (Изъ письма къ отцу).

И онъ бросался во время каникулъ въ объятья этой полной дикой красоты природы, расправляя спину, согнутую отъ сидѣнья надъ микроскопомъ, и махнувъ рукой на все, какъ заправскій удалецъ-норвежецъ.

Однажды вечеромъ, въ концѣ января 1884 г. онъ шелъ по улицамъ Бергена подъ сильнѣйшимъ ливнемъ, гадая—проглянетъ ли снова солнышко до наступленія Пасхи или, говоря словами Перъ Гюнта*): „останется только плюнуть, да надѣяться на силу привычки!“ По пути онъ зашелъ въ почтовую контору, взялъ номеръ выписываемаго имъ „Вѣстника Спорта“ и, добравшись до дому, заглянулъ въ газету, прежде нежели взяться за работу.

Въ газетѣ было напечатано: „4 февраля состоится призовый бѣгъ на лыжахъ съ холма Хусебю“. Передъ Нансеномъ сразу всталъ въ памяти сосновый лѣсъ, манящій своей бѣлизной, селенія и скаты, хребты и скалы, сіяющіе на солнцѣ... Онъ уже ощутилъ на своихъ щекахъ дыханіе трескучаго мороза, осыпающаго инеемъ волоса, почувствовалъ давленіе прикрѣпленныхъ къ ногамъ лыжъ, почувствовалъ, какъ кровь переливается по жиламъ и какъ вѣтеръ шумитъ въ ушахъ во время бѣга. Сейчасъ же заглянулъ въ газеты; оказалось, что метеорологическіе бюллетени показывали тепло по всей странѣ. На другой день утромъ онъ уже сидѣлъ въ купэ со своими лыжами и отпускомъ отъ директора музея, а дождь такъ и хлесталъ въ окна купэ. Люди скажутъ: „Сумасшедшая выдумка“.—„Лыжи тянутъ!“—говоритъ Нансенъ.

И вотъ, онъ среди мощной природы горъ; надъ головой его

*) Драма Ибсена.

синее зимнее небо, и онъ несется по извилинамъ горнаго хребта, скользитъ по краямъ обрывовъ. „По дорогѣ“—пишетъ онъ, „промелькнуло испуганное лицо крестьянина; онъ отъ ужаса прижался къ самой стѣнѣ скалы“.

Вотъ Нансенъ въ долинѣ Нэре, гдѣ то и дѣло происходятъ обвалы. Сотрясеніе воздуха бываетъ при этомъ настолько сильное, что, если вѣрить слухамъ, людей переноситъ съ одного берега на другой. На Гудвангенѣ же лежитъ большой камень, который при одномъ изъ обваловъ шарахнулся съ самой вершины хребта внизъ, пронизавъ, точно пушечное ядро, обѣ стѣны перваго дома, попавшагося на пути, пробивъ крышу и стѣну слѣдующаго и убивъ при томъ одну старуху и изувѣчивъ другую. Но всѣ эти примѣры, повидимому, нисколько не страшили Нансена. Въ Лердалѣ онъ преспокойно расположился завтракать. Внизу, съ одной стороны дороги шумѣла и пѣнилась Лердальская рѣчка, съ другой стороны высилась отвѣсная скала, образующая на верху нѣсколько большихъ, отдѣльныхъ круглыхъ вершинъ; сверху до низу скала была разсѣчена глубокимъ, крутымъ ущельемъ; повсюду виднѣлись свѣжіе слѣды огромнаго обвала. А Нансенъ усѣлся себѣ и подъ шумъ водопада замечтался, вспоминая о своемъ рыболовствѣ въ этомъ краю лѣтомъ: тутъ много славныхъ мѣстъ, гдѣ форель клюетъ на муху! Вдругъ его пробудилъ изъ задумчивости рѣзкій окрикъ: „Усѣлся тутъ прямо передъ обваломъ! Худшаго-то мѣста отыскать не могъ?“—„Ничего, услышу, небось, какъ начнется!“—„Начнется! Грянетъ сразу, что твой выстрѣлъ изъ пушки, вотъ и все!“ И проѣзжій помчался дальше. А Нансенъ продолжалъ завтракать. Опять проѣхалъ кто-то во весь духъ съ крикомъ: „Кому еще не надоѣла жизнь — тутъ не мѣсто!“ И слѣдъ его простылъ А тому, кто сидѣлъ тутъ и завтракалъ, видно на этотъ разъ казалось, что ѣда дороже жизни. И Нансенъ таки наѣлся до сыта, затѣмъ завязалъ свой ранецъ, надѣлъ лыжи и отправился по долинѣ. Впослѣдствіи онъ узналъ, что горное ущелье это называется „Саукилень“ и что нѣтъ другого такого скернаго мѣста во всемъ Лердалѣ. Все дно долины было усѣяно каменьями отъ обвала, и это былъ только первый, что очищаетъ дорогу для слѣдующаго, котораго какъ разъ тогда и ожидали. А Нансенъ-то еще сдѣлалъ эскизъ „замѣчательнаго

мѣста“ и тогда только направился дальше. Наступила ночь, когда ему предстояло перебраться черезъ гору. Звѣздное небо ярко сіяло и освѣщало неровнымъ свѣтомъ горныя вершины. „Среди безмолвной тишины величественной природы не слышно было ни звука, кромѣ моихъ шаговъ по снѣгу. Какое-то странное чувство овладѣваетъ тобою, когда шагаешь такъ одинъ-одинешенекъ въ звѣздную ночь по горной равнинѣ, далеко отъ жилищъ, высоко надъ обыденной человѣческой жизнью! Чувствуешь, что тутъ ты одинъ, лицомъ къ лицу съ природою и Богомъ; укрыться тутъ негдѣ, приходится идти впередъ во что бы то ни стало; на оголенныхъ равнинахъ нѣтъ убѣжища“.

Наконецъ ему засвѣтились на встрѣчу окна пастушьей хижины на одномъ изъ горныхъ пастбищъ — Брейстёленѣ. Онъ вошелъ туда. „Господи! Кто это бродитъ тутъ поздней ночью? Ахъ это ты! Поздненько же ты собрался въ путь!“

Но настоящая опасность была еще впереди; на обратномъ пути въ Бергенъ Нансенъ не разъ рисковалъ жизнью. „Сперва пришлось ѣхать на саняхъ высоко по горамъ, по узкой дорожкѣ между отвѣсной скалою съ одной стороны и крутой пропастью съ другой. Внизу шумѣла быстрая горная рѣчка. Дорога была поката и скользка, какъ никогда прежде, и мнѣ приходилось таскать санки чуть-ли не чаще, чѣмъ имъ меня“. Проѣхавъ изрядный конецъ, онъ задумался. „Тутъ что-ли проѣзжалъ изъ Восса король Сверре?“ Въ это время санки скатываются къ обрыву, зацѣпляются за камень, мальчишка-возница подпрыгиваетъ на сидѣньѣ и готовъ свалиться въ подопадъ. Но сильная рука Нансена хватаетъ его за шиворотъ, другая рука схватываетъ санки, и—оба направились на вѣрный путь. Въ Гудбрансгаренѣ Нансенъ, наконецъ, нашелъ пріютъ въ одномъ изъ расположенныхъ на высотѣ дворовъ. Стѣны и крыша дома были черны, какъ уголь, отъ старости и дыма; но тутъ-то ему какъ разъ и по душѣ было. Около 3 часовъ утра ласковые хозяева распрощались съ нимъ съ просьбой—перебираться черезъ горы поосторожнѣе. Узнавъ, что онъ намѣренъ добраться до Восса черезъ Галлингкей и Воссескауль, они высказали свои опасенія по поводу такого перехода въ зимнее время, прибавивъ, что во всей деревнѣ не найдется парня, который рѣшился бы сопровождать его черезъ горы, развѣ только одинъ, что живетъ въ Мюрстелѣ и гоняется за

куропатками и за оленями. Значитъ, Нансену прежде всего приходилось направить свой путь въ Мюрстель. Хозяева еще разъ напомнили ему, что хоть онъ и молодъ и смѣлъ, а всетаки можетъ погибнуть, какъ погибъ уже не одинъ бравый парень, и—онъ отправился.

Путь пришлось держать на лыжахъ при лунномъ свѣтѣ, сначала черезъ лѣсъ, затѣмъ по гладкой широкой равнинѣ. Потомъ опять пошла узкая дорога съ густой порослью по обѣимъ сторонамъ, и вдругъ онъ чуть не ткнулся головой въ скалу. Но мало по малу долина разширилась, деревья и кусты исчезли, и впереди виднѣлся только снѣгъ, бѣлый, сверкающій снѣгъ. Когда путникъ приблизился къ Мюрстелю, день уже давалъ знать о своемъ наступленіи: горные хребты на востокѣ краснѣли все больше и больше, а скоро занялась пожаромъ и вся мѣстность, бросая зарево на небо.

Мюрстельскаго охотника не оказалось дома; онъ ушелъ на другую сторону рѣки съ табуномъ оленей, — было время ихъ мѣтить. Женщины просто испугались, узнавъ, какой дорогой Нансенъ намѣревается отправиться далѣе. Среди нихъ нашлась одна бойкая дѣвушка; онъ попросилъ у нея коробочку спичекъ, и она была готова дать ее ему, „но съ условіемъ, что онъ не станетъ переправляться черезъ гору.“

Онъ пообѣщалъ ей быть осторожнымъ. Ему слѣдовало бы прибавить еще, какъ крестьянинъ, которому предлагали записаться въ члены „Общества воздержанія“: „Да обѣщать-то можно, а вотъ сдержать то нельзя.“

Скоро онъ очутился на перепутьѣ. Надо было рѣшиться: идти ли черезъ Аурландъ или черезъ гору Воссъ. Прямо передъ нимъ разстилалась огромная равнина, обѣщавшая легкій, бойкій путь внизъ къ Согне, но онъ повернулся въ другую сторону, и передъ нимъ встали горные хребты, вершина надъ вершиной, точно лагерь изъ бѣлыхъ палатокъ, уходящихъ въ край неба, свѣтлозеленаго и яснаго; какъ тутъ было устоять? Случалось же ему переходить горы и въ туманъ, и въ ливень, и въ непогоду,— какъ тутъ не пробраться въ ясную погоду по гладкому лыжному пути. Не удастся перебраться за-свѣтло, можно, вѣдь, и переночевать въ пастушьихъ шалашахъ на Галлингкейѣ или Грендалѣ; во всякомъ случаѣ сухой, мягкій снѣгъ куда теплѣе

для ночлега, нежели твердая каменная плита осенью, когда промокнешь до костей.

Итакъ, онъ выбралъ путь черезъ горы, путь оленей. На снѣгу виднѣлись свѣжіе слѣды цѣлаго табуна оленей. Путь былъ превосходный, да еще дулъ попутный вѣтеръ. Вонъ опять слѣды! То слѣды волка, то рыси и россомахи,—видно гнались за оленями. Онъ направилъ свой путь къ пастушьимъ шалашамъ на Галлингкейѣ и Грендалѣ. Тамъ ему нужно было свернуть и спуститься черезъ горы. Рѣчка за рѣчкой, а шалашей все нѣтъ, какъ нѣтъ. Это не можетъ быть Гренда̀ль? Послѣдній разъ, какъ Нансенъ былъ здѣсь, шелъ дождь, всѣ скалы вокругъ стояли голыми, и только горы Воссъ вздымали свой главный мощный бѣлый хребетъ, пзчезавшій въ туманѣ. Теперь все бѣлѣло—и рѣчки, и скаты, и вершины; ему и въ голову не приходило искать здѣсь главнаго хребта. Надо было попасть только на пастушьи шалаши, но вмѣсто того онъ словно попалъ въ заколдованный кругъ. Терпѣніе его лопнуло, и онъ понесся на лыжахъ по извилистымъ долинамъ вдоль длинной рѣчки, дальше, дальше, и вдругъ—передъ нимъ крутой обрывъ. Глядѣть внизъ — голова кружится; въ узкомъ ущельѣ шумитъ водопадъ, съ обѣихъ сторонъ отвѣсныя крутизны. Бывалъ ли онъ здѣсь прежде? Что-то-не помнится. Но, вѣроятно, онъ всетаки на вѣрной дорогѣ; ему, вѣдь, было сказано держаться теченія рѣчки. Наконецъ, онъ нашелъ какой-то спускъ. Спускъ былъ крутой; пришлось крѣпко опираться на палку. Вотъ онъ и у рѣчки. Но тутъ скатъ сталъ до такой степени крутъ, что путникъ ежеминутно рисковалъ свалиться въ бурлящую воду. И онъ всякій разъ, какъ чувствовалъ, что почва уходитъ у него изъ подъ ногъ, вонзалъ въ крѣпкій снѣгъ свою палку по рукоятку и почти повисалъ на ней. Оставалась еще скала, черезъ которую нужно было перебраться. Тутъ онъ медленно двинулся впередъ ползкомъ и такъ дополз до вершины, послѣ чего осталось уже только перевалиться черезъ гребень самому и перетащить затѣмъ собаку. Но вотъ, на пути опять обрывъ съ водопадомъ хуже перваго, и опять рѣчка. Туда ли онъ попалъ? За рѣчкой большой лѣсъ, а дальше, далеко внизу, узкая долина, обросшая по бокамъ березками. Нансенъ сообразилъ, что попалъ въ мѣстность, сосѣднюю съ Согне, и, конечно, находился

недалеко отъ Корской долины. Но ему, вѣдь, нужно было перебраться черезъ Воссъ! И онъ круто повернулъ назадъ. Снова вверхъ и внизъ по ущельямъ. Разъ онъ пробрался сюда, какъ не пробраться обратно, и онъ продолжалъ нестись, нестись... Уже стемнѣло, когда онъ сталъ переползать черезъ послѣднюю скалу. Снѣгъ былъ крѣпокъ, внизу шумѣла рѣка, а съ вершины нависла надъ нею огромная глыба снѣга. „Я таки добрался до вершины, крѣпко вонзилъ и палку и лыжи въ снѣгъ, съ минуту провисѣлъ надъ пропастью, затѣмъ мнѣ удалось опереться колѣномъ о край, я живо перебрался и былъ спасенъ“. Но тутъ стало уже совсѣмъ темно. Звѣздное небо бросало на снѣжныя равнины только слабый отблескъ; кругомъ снѣгъ да снѣгъ, вода да вода, а пастушьяго шалаша все нѣтъ, какъ ни бывало,—словно колдовство какое. Часы, на сколько можно было разсмотрѣть, показывали уже половину десятаго. Пора бы и спать, особенно ему, рыскавшему съ трехъ часовъ утра! Но дулъ такой пронизывающій вѣтеръ, что надо было сначала какъ-нибудь укрыться отъ него. Попался огромный камень, занесенный съ завѣтренной стороны снѣгомъ. Нансенъ протискался между камнемъ и сугробомъ, разгребъ себѣ мѣстечко, надѣлъ на себя шерстяную фуфайку—единственную смѣну, взятую съ собою въ дорогу—обвилъ рукой голову прикурнувшей рядомъ собаки, подложилъ себѣ подъ голову ранецъ и заснулъ.

Когда онъ проснулся и выглянулъ изъ своей норки, надъ снѣжной равниной сіялъ мѣсяцъ. Три часа; пора надѣть лыжи! Кругомъ все были одинокія вершины, спокойно, гордо озиравшіяся далеко по сторонамъ. Да, вотъ бы увидѣть теперь то, что видно имъ съ ихъ высоты! Нансену стало ясно, что онъ вчера сбился съ пути въ боковую долину. Теперь онъ и отправился назадъ по собственнымъ слѣдамъ, но пастушій шалашъ словно въ воду канулъ. Пустился было по другой долинѣ, но скоро увидалъ, что и тутъ попадешь не туда, куда надо. А! Надо взобраться вонъ на ту вершину, чтобъ хорошенько ориентироваться!

Съ вершины Нансену открылось столь дивное зрѣлище, что „если вообще отдать жизнь за зрѣлище, то именно за такое!“ Передъ нимъ разстилалось огромное, уходящее изъ глазъ въ туманную даль, пространство—словно застывшее море съ бѣ-

лыми, какъ кипѣнь волнами, изъ которыхъ однѣ поднялись въ грозномъ размахѣ кверху, другія опустились, третьи образовали широкія равнины, четвертыя высокіе хребты и пики. А на это застывшее море лились потоки мягкаго, луннаго свѣта, играя серебромъ на вершинахъ, сверкая брилліантами на снѣжныхъ равнинахъ, въ то время, какъ углубленія были окутаны черными, зловѣщими тѣнями. Невдалекѣ оттуда, на востокѣ, вздымались мощные кряжи Галлингскарвена, далеко на югъ сіялъ и сверкалъ рѣзко очерченный глетчеръ Гардангеръ, а на западѣ точно упиралась въ самое небо грозная скала. Вотъ она, должно-быть, гора Воссъ! Но лунный свѣтъ обманчивъ, лучше дождаться зари. Нансенъ опять выгребъ себѣ яму въ снѣгу и легъ спать. Когда же онъ черезъ нѣсколько часовъ вновь проснулся, вершины горъ уже слегка золотились брезжущимся свѣтомъ дня. Теперь онъ ясно увидалъ гору Воссъ, но рѣшилъ всетаки дождаться здѣсь восхода солнца,—надо видѣть его именно отсюда. Наконецъ, въ пространство брызнулъ новый, яркій лучъ, скользнулъ по равнинамъ и поцѣловалъ горныя вершины, а за нимъ хлынуло цѣлое море лучей и наводнило пламенными волнами всю окрестность. Вершины загорѣлись, снѣжные покровы скатовъ также, а долины окутались прохладными тѣнями. „Видѣть подобное зрѣлище—значитъ слиться съ природою, почерпнуть новыя силы, возвыситься къ невѣдомымъ мірамъ, увидѣть отблескъ вѣчности!“ И Нансенъ отправился къ Воссъ; повсюду опасность, повсюду снѣжныя скалы, но все шло благополучно. Добравшись почти до самой вершины горы, Нансену захотѣлось вознаградить себя за трудъ: онъ досталъ послѣдній апельсинъ и началъ ѣсть его. Апельсинъ замерзъ и былъ твердъ, что твой кокосовый орѣхъ, но тѣмъ лучше,—точно фруктовое мороженое!

Наконецъ, Нансенъ счастливо выбрался изъ тѣхъ горъ, гдѣ когда-то заблудился король Сверре и такимъ образомъ благополучно совершилъ одинъ изъ труднѣйшихъ переходовъ черезъ горы со временъ названнаго короля. А не будь Нансенъ первокласснымъ спортсмэномъ и, главное, не обладай онъ истиннымъ мужествомъ, онъ бы остался тамъ подъ снѣжными сугробами, и не видать бы ему полей внутренней Грёнландіи.

Въ письмѣ къ отцу Нансену, однако, пришлось жаловаться

на то, что эту его экскурсію обзываютъ непозволительной. Что-жъ, или онъ ужъ такъ глупъ, или другіе черезчуръ умны! Развѣ онъ учинилъ ужь такое ужасное преступленіе противъ прописной морали, предписывающей осторожность! Нѣтъ еслибъ онъ понялъ—съ чего обязательно *ему* жизнь должна претить больше чѣмъ другимъ, онъ бы сдался.

А ему-то жизнь какъ разъ нисколько и не претила; наоборотъ, онъ придавалъ ей большую цѣну. И чѣмъ больше изучалъ онъ ее, чѣмъ больше дѣлалъ наблюденій, тѣмъ становился самоувѣреннѣе.

Одно изъ послѣднихъ его писемъ къ отцу отъ 29 марта 1885 г. проникнуто истиннымъ сыновнимъ чувствомъ, но также и сознаніемъ собственной силы. Видно, что онъ задумалъ оставить музей, и что матеріальный вопросъ его нисколько не озабочивалъ: у него имѣлись въ виду кое-какіе доходы. „Да если и придется туго, то я съ величайшимъ терпѣніемъ сумѣю примириться съ самой скромной обстановкой, разъ дѣло идетъ о дорогой мнѣ наукѣ, въ которой я вижу свое счастье и ради которой мнѣ ничего не стоитъ пожертвовать такъ называемыми потребностями жизни. Живетъ-же лаборантъ нашего музея на 1000 кронъ въ годъ съ женою и взрослыми дѣтьми! И развѣ онъ не здоровъ, не бодръ, развѣ не живется ему на видъ хорошо, даромъ что онъ служитъ за это жалованье уже 15 лѣтъ? Нуждаться въ маломъ—лучшій капиталъ, нежели зарабатывать много. Потребность въ большемъ заработкѣ порождаетъ людей зависимыхъ, связанныхъ; способность же ограничивать свои нужды малымъ создаетъ свободныхъ людей. Человѣку, нуждающемуся въ маломъ, легче стремиться къ цѣли, да и жизнь его вообще будетъ куда полнѣе, богаче содержаніемъ, нежели жизнь того, кто нуждается во многомъ". Думая путешествовать ради научныхъ цѣлей, онъ написалъ отцу и объ имѣвшейся въ виду поѣздкѣ въ Америку. „По моему, если представляется случай, надо имъ пользоваться,—ничто такъ не развиваетъ, какъ путешествіе, возможность увидѣть другія страны, цивилизацію иныхъ расъ, а не возиться вѣчно съ наскучившими европейцами".

До поры, до времени онъ, однако, никуда не отправился. Въ то же утро, когда онъ отослалъ только что приведенное въ

отрывкахъ письмо, Даніельсенъ самымъ предупредительнымъ образомъ предложилъ ему отпускъ. На счетъ поѣздки въ Америку ему предоставлялось устроиться, какъ только ему угодно. Нансенъ рѣшился подождать еще лѣто, а тамъ—видно будетъ. Пока онъ остановился на мысли, что, пожалуй, поѣдетъ. И какъ извѣстно, онъ оставилъ за собой свое мѣсто при Бергенскомъ музеѣ еще на нѣсколько лѣтъ, и только по возвращеніи его изъ Грёнландской экспедиціи его замѣнили другимъ консерваторомъ. Очевидно, энергичный старикъ Даніельсенъ до послѣдней минуты старался сохранить эту молодую силу за учрежденіемъ, которому онъ вообще всегда желалъ всего лучшаго. Это видно также изъ переписки Даніельсена съ Нансеномъ. За-то намъ неизвѣстно, повліялъ ли первый какимъ либо образомъ на переговоры, начавшіеся въ 1887 г. между Нансеномъ и профессоромъ университета въ Индіанѣ Давидомъ Старъ-Іорданомъ.

Въ началѣ 1887 г. Іорданъ сдѣлалъ запросъ профессору Коллету: нѣтъ ли среди его учениковъ или учениковъ профессора Сарса молодого человѣка, который бы пожелалъ попытать счастья въ Америкѣ. Первоначальное жалованье пожелавшему отправиться туда полагалось 1000 долларовъ въ годъ, а затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія дѣла, должны были послѣдовать ежегодныя прибавки. При этомъ Іорданъ упомянулъ имя Нансена.

Затѣмъ, Нансенъ лично вступилъ въ переговоры съ Іорданомъ, которому Коллетъ горячо рекомендовалъ его, и, если переговоры окончились ничѣмъ, то вѣроятно, или потому, что Нансенъ не могъ вообще рѣшиться на этотъ шагъ или потому, что мысль побывать въ Грёнландіи стала уже выступать на первый планъ.

Научныя работы Нансена, надъ которыми онъ трудился въ бытность свою консерваторомъ Бергенскаго музея послужатъ предметомъ для особой статьи. Но прежде чѣмъ перейти къ ней, мы считаемъ нужнымъ остановить вниманіе читателя на эпохѣ, хоть и не продолжительной, но весьма важной въ жизни Нансена. Цѣль его стремленій въ эту эпоху не приходится искать на ледяныхъ равнинахъ Грёнландіи, въ Индіанѣ и т. п.; ему пришлось таки прежде всего прокатиться по наскучившей ему Европѣ, но зато въ одно изъ наиболѣе сносныхъ ея мѣстечекъ—въ Неаполь.

Въ Неаполѣ.

Занимаясь наблюденіями надъ нервной системой, Нансенъ познакомился съ открытымъ итальянскимъ профессоромъ Гольджи способомъ окрашивать нервныя волокна.

Желая пообстоятельнѣе изучить этотъ способъ, столь важный для занимавшихъ его въ теченіи многихъ лѣтъ работъ, Нансенъ рѣшился весною 1886 года съѣздить въ Италію. Занятіями подъ руководствомъ самого Гольджи въ Павіи и самостоятельными на зоологической станціи въ Неаполѣ онъ надѣялся подвинуть свои научныя изслѣдованія куда больше, чѣмъ оставаясь при однихъ старыхъ методахъ. За годъ передъ тѣмъ, ему присудили за его трудъ о мизостомахъ большую золотую медаль; онъ согласился получить ее въ бронзѣ, съ тѣмъ, чтобы ему была выплачена разница въ цѣнѣ, и на эти деньги поѣхалъ въ Италію. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Павіи, гдѣ онъ пользовался совѣтами профессора Гольджи и доктора Фузари, Нансенъ отправился дальше въ Неаполь и тамъ занимался на знаменитой зоологической станціи съ апрѣля по іюль.

У прекрасной бухты Spiaggio di Chiajo между старымъ фортомъ Castello dell'ovo и „La mergellina“ тянется великолѣпная „Via Caracciolo“—неаполитанское „Corso“, но не узкое, прямое, сжатое старыми мрачными дворцами, какъ римское корсо; нѣтъ, это красивая, широкая, извилистая, открытая набережная съ видомъ на голубое море, на Капри и на Cap Misenum.

За этою единственною въ своемъ родѣ набережной, гдѣ во время „сезона“ по вечерамъ движутся нескончаемою цѣпью элегантные экипажи и изящные всадники, раскинулся чудес-

нѣйшій паркъ Неаполя, прелестная „Villa nazionale“ съ ея аллеями изъ акацій и дубовъ, съ купами качающихся пальмъ и бѣлѣющими среди роскошной растительности мраморными статуями — не скучными статуями политическихъ дѣятелей и генераловъ, но копіями различныхъ шедевровъ античной скульптуры. А среди этого знаменитаго своей красотой парка, гдѣ невольно начинаешь грезить, переносясь воображеніемъ за нѣсколько тысячелѣтій назадъ, находится одинъ изъ новѣйшихъ и смѣлѣйшихъ храмовъ современной науки, знаменитая „зоологическая станція“, или, какъ называютъ ее неаполитанцы, „il aquario“. И самое возникновеніе этого храма науки на данномъ мѣстѣ отзывается чѣмъ-то сказочнымъ; онъ воздвигнутъ геніальной мыслью и несокрушимой энергіей одного человѣка, да притомъ же иностранца.

Въ 1870 г. изъ Іены выѣхалъ въ Неаполь 30-ти лѣтній приватъ-доцентъ университета докторъ Антонъ Дорнъ съ цѣлью послужить зоологіи устройствомъ зоологической станціи на берегу Средиземнаго моря, превосходящаго всѣ другія моря богатствомъ и разнообразіемъ животной жизни. Въ настоящее время весь образованный міръ знаетъ или имѣетъ нѣкоторое представленіе о томъ, что такое зоологическая станція, тогда же самая идея подобной станціи была абсолютно нова, принадлежала одному Дорну.

До того времени, какъ Дорнъ пришелъ имъ на помощь, зоологи могли вообще изучать богатѣйшую морскую фауну лишь по мертвымъ заспиртованнымъ экземплярамъ, часто сведеннымъ предсмертной судорогой, во многихъ отношеніяхъ измѣнившимся и часто довольно небрежно хранимымъ въ музеяхъ; изучать же морскіе организмы живыми въ ихъ родной стихіи удавалось лишь весьма и весьма немногимъ. И вотъ, Дорнъ задался грандіозной цѣлью помочь наукѣ, доставивъ ученымъ широкую возможность изучать жизнь во всѣхъ формахъ и жизненные процессы во всѣхъ проявленіяхъ. И онъ неуклонно-прямо пошелъ къ своей цѣли. Выбравъ лучшій пунктъ во всемъ мірѣ, онъ обратился въ 1870 г. къ неаполитанскому муниципалитету съ просьбой отвести ему въ „Villa nazionale“ участокъ земли, для возведенія зоологической станціи — на средства, которыя брался доставить самъ.

Послѣ многихъ проволочекъ мѣсто было отведено, постройка начата. Полный несокрушимой вѣры въ торжество своей идеи Дорнъ положилъ на это дѣло всѣ свои личныя средства, но, какъ и часто бываетъ, оказалось, что этихъ средствъ далеко не хватитъ. Тогда Дорнъ отправился въ Берлинъ просить правительственной субсидіи. Министръ сначала отклонилъ его ходатайство, но затѣмъ, послѣ великолѣпной сцены между нимъ и молодымъ ученымъ, пообѣщалъ принять дѣло къ свѣдѣнію, если проектъ Дорна получитъ одобреніе Академіи Наукъ.

Не сомнѣваясь въ томъ, что одобреніе это послѣдуетъ, Дорнъ вернулся въ Неаполь, гдѣ оставалось только подвести зданіе подъ крышу до наступленія дождливаго времени. Но что же его ожидало тамъ? Архитекторъ, уже раньше не ладившій съ Дорномъ, воспользовался отсутствіемъ послѣдняго и донесъ муниципалитету о совершонныхъ въ постройкѣ—имъ же самимъ—отступленіяхъ отъ плана, и муниципалитетъ, поддавшись только что вспыхнувшему враждебному настроенію противъ иностранца, вздумавшаго строиться среди чудеснаго парка Неаполя, запретилъ продолжать постройку. Неаполитанцы все подозрѣвали Дорна въ какихъ-то заднихъ мысляхъ; нельзя же въ самомъ дѣлѣ было, по ихъ мнѣнію, изъ одной любви къ наукѣ, бросать свои средства такъ, какъ это дѣлалъ Дорнъ!

Съ трудомъ добился Дорнъ разрѣшенія подвести зданіе подъ крышу, но черезъ мѣсяцъ опять послѣдовало новое запрещеніе продолжать работы. Дорнъ испробовалъ всѣ средства, но тщетно, а въ сочельникъ 1873 г. получилъ вдобавокъ письмо изъ Берлина съ извѣстіемъ, что Академія отказала ему въ одобреніи и что такимъ образомъ надежды на субсидію отъ правительства нѣтъ.

Большинство людей опустило бы руки при такомъ отчаянномъ стеченіи обстоятельствъ, но Дорнъ напрягъ всю свою энергію и въ тотъ же вечеръ вторично махнулъ въ Берлинъ. „Бывали у меня болѣе пріятные сочельники!“ замѣчаетъ онъ по этому поводу въ своемъ интересномъ сообщеніи объ основаніи имъ зоологической станціи—и это вполнѣ понятно. Надежды его лично повліять на академиковъ въ Берлинѣ сбылись, и субсидія была обезпечена, но это было еще не все: въ Неаполѣ

дѣла обстояли такъ плохо, что Дорну только и оставалось надѣяться на дипломатическое вмѣшательство. Къ счастью ему удалось заинтересовать своимъ дѣломъ германскаго кронпринца, и въ скоромъ времени, когда вопросъ о зоологической станціи былъ снова поднятъ въ неаполитанскомъ муниципалитетѣ, Дорнъ сумѣлъ добиться того, что его сторонники одержали верхъ, и устройство станціи было разрѣшено. Наконецъ, послѣ четырехлѣтнихъ трудовъ и борьбы, зоологическая станція была открыта, и можно было по всей справедливости сказать, что значеніе вновь созданной мастерской для научныхъ изслѣдованій отзовется на всѣхъ послѣдующихъ временахъ. Теперь Неаполитанская зоологическая станція, благодаря своимъ знаменитымъ акваріямъ, считается одной изъ первыхъ достопримѣчательностей Неаполя, которую не обойдетъ ни одинъ путешественникъ. Въ верхнихъ этажахъ зданія есть еще особые акваріумы и кабинеты, устроенные по послѣднему слову науки и служащіе для работъ ученымъ всѣхъ странъ и національностей. Съ зоологической станціи Неаполя опубликовано множество цѣнныхъ результатовъ научныхъ изслѣдованій, а еще больше пользы принесла она, косвенно вліяя на біологическія изслѣдованія во всѣхъ странахъ. Геніальная идея Дорна, какъ онъ и предсказывалъ, нашла многочисленныхъ послѣдователей и подражателей. Дорнъ предсказывалъ, что „черезъ одно, много черезъ два столѣтія земля покроется цѣлой сѣтью подобныхъ же зоологическихъ станцій“. Въ тѣ же времена такое предсказаніе считалось просто бредомъ, и подобное отношеніе еще больше затрудняло первые шаги геніальнаго основателя первой зоологической станціи. Теперь, какъ сказано, подобныхъ станцій въ Европѣ много, по крайней мѣрѣ съ полсотни, но неаполитанская всетаки занимаетъ между ними первое мѣсто и по величинѣ и по совершенству устройства и по научному значенію.

Само собою разумѣется, что занятія въ такой мастерской науки не могли не имѣть самыхъ плодотворныхъ результатовъ для Нансена, и не только непосредственно потому, что здѣсь онъ имѣлъ подъ рукой все необходимое для его спеціальныхъ работъ по изученію нервной системы, но и вслѣдствіе другихъ причинъ.

Самъ Дорнъ находился во время пребыванія Нансена въ Неаполѣ, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и энергіи. Оба его сына были опасно больны, жена совершенно измучена уходомъ за ними, а онъ всетаки неуклонно продолжалъ свою кипучую дѣятельность, и, конечно, ежедневныя сношенія съ такимъ выдающимся человѣкомъ, должны были оставить слѣдъ въ душѣ Нансена. Почти тотчасъ же по возвращеніи на родину, Нансенъ помѣстилъ въ журналѣ „Природа“ (1887 г.) небольшую статейку о неаполитанской зоологической станціи, и каждая строка этой статьи такъ и дышитъ восторженнымъ преклоненіемъ молодого ученаго передъ Дорномъ—главнымъ образомъ за его несокрушимую энергію. Приведемъ изъ этой статейки краткое описаніе станціи:

„Все подвальное помѣщеніе огромнаго зданія отведено подъ акваріумъ, который открытъ для большой публики и подобный которому, конечно, трудно сыскать. Это огромное сооруженіе съ множествомъ бассейновъ отличается трезвымъ простымъ стилемъ, чуждымъ всякой вычурности или кричащихъ эффектовъ, и привлекаетъ вниманіе не только обыкновенныхъ путешественниковъ, но и людей науки. Естествоиспытатель можетъ провести здѣсь цѣлые часы лицомъ къ лицу съ рѣдчайшими явленіями морской фауны, наблюдая жизнь въ самыхъ рѣдчайшихъ ея формахъ, и можетъ за это время научиться куда большему, чѣмъ прочитавъ массу толстыхъ, мудреныхъ книжищъ и перерывъ мертвыя сокровища всѣхъ музеевъ. Здѣсь онъ можетъ навыкнуть пользоваться своими глазами, изощрить свою наблюдательность и выучиться смотрѣть на живую природу, какъ на главный предметъ изученія. Большинство путешественниковъ и ограничиваются знакомствомъ съ этимъ отдѣленіемъ зоологической станціи. Въ научномъ же отношеніи куда важнѣе тѣ кабинеты, что расположены въ верхнихъ этажахъ зданія. Здѣсь работаютъ естествоиспытатели всѣхъ европейскихъ національностей, имѣя подъ рукою все, что имъ нужно для работъ. Каждый изъ нихъ можетъ явиться на станцію, сѣсть за указанный ему рабочій столъ, заявить консерватору станціи Сальватору Ло-Біанко какіе организмы ему нужны для наблюденія и работъ—и эти организмы приносятся ему живыми, въ ихъ родной стихіи. Такимъ образомъ естествоиспытателю вообще

буквально не приходится дѣлать изъ рабочаго кабинета и шагу—развѣ только затѣмъ, чтобы подкрѣпиться пищей или сномъ,—у него здѣсь подъ рукою все: и инструменты, и маленькіе акваріумы, и превосходная библіотека. Въ этомъ-то и заключается огромное значеніе учрежденія. Когда же ученый устанетъ отъ кабинетной жизни—къ его услугамъ морскія суда станціи, и онъ можетъ отправиться въ море наблюдать за собираніемъ матеріаловъ. Станція имѣетъ нѣсколько лодокъ, два парохода, своихъ водолазовъ и всякія приспособленія для ловли обитателей моря".

Но какъ-бы горячо ни отдавался Нансенъ своимъ научнымъ занятіямъ, онъ все-таки, какъ легко поймете всякій знающій его натуру, не оставался равнодушнымъ и къ чудесной неаполитанской природѣ и къ пестрой народной жизни, бьющей ключомъ въ этомъ веселомъ городѣ. „Er war den Freuden des Lebens nicht abhold und ein flotter Tänzer" (онъ не сторонился отъ радостей жизни и былъ прекраснымъ танцоромъ), пишетъ о немъ проф. Дорнъ въ одномъ письмѣ къ издателямъ этой книги. Письма другихъ лицъ, сдружившихся съ Нансеномъ за время его пребыванія въ Неаполѣ, такъ и пестрятъ воспоминаніями то о прогулкахъ при лунномъ свѣтѣ въ Санъ-Себастіано, то о морскихъ поѣздкахъ на Капри, въ Сорренто и т. п. „Нансенъ былъ душой общества"—пишетъ намъ одинъ изъ этихъ друзей, венгерскій ученый: „Большинство ученыхъ, работавшихъ на станціи, собиралось тогда въ Bosta fina у Corso Vittorio Emmanuele. Каждый вечеръ здѣсь устраивалась маленькая пирушка, съ музыкой, съ дружескими рѣчами. Нансенъ много способствовалъ общему оживленію, и случалось, что мы серьезные ученые такъ бывало разойдемся отъ музыки и вина, что начнемъ отплясывать кадриль, причемъ дирижеромъ всегда бывалъ Нансенъ.

„Разъ мы ѣхали въ Сорренто черезъ Кастелламаре въ экипажѣ. По пути насъ нагналъ другой экипажъ съ двумя дамами. Обѣ дамы ради забавы обогнали насъ, громко смѣясь при этомъ. Тогда Нансенъ выпрыгнулъ изъ экипажа, догналъ экипажъ дамъ и пробѣжалъ рядомъ съ ними изрядный конецъ. Мы также прибавили ходу и такимъ образомъ обогнали дамъ ко всеобщему шумному восторгу. Въ Сорренто Нансенъ встрѣтилъ двухъ

дамъ изъ Норвегіи. Я усталъ отъ прогулки и пошелъ спать, но норвежскимъ дамамъ хотѣлось потанцовать, и такъ какъ кавалеровъ было мало—понадобилось и мое содѣйствіе. Нансенъ не отсталъ отъ меня, пока я не всталъ съ постели и не одѣлся; затѣмъ онъ взялъ меня подъ руку и ввелъ въ салонъ, гдѣ мы удостоились восторженнаго пріема дамъ, посвященныхъ въ суть дѣла. Въ другія минуты онъ бывалъ тихъ и несообщителенъ, могъ по цѣлымъ часамъ не говорить ни слова. Я какъ сейчасъ вижу его у подножія Везувія между развалинами Санъ Себастіано и печальными пространствами, залитыми лавою. Санъ Себастіано разрушенъ извержеміемъ въ 1872 г.; уцѣлѣла одна церковь. Такъ у этой-то церкви Нансенъ и сидѣлъ на глыбѣ лавы нѣсколько часовъ кряду, не шевелясь и вперивъ взоръ въ пространство. Сколько разъ мы старались вывести его изъ задумчивости, звали его—онъ не двигался. И даже на обратномъ пути, идя со мною подъ руку, онъ, не смотря на всѣ мои подходы, остался такимъ-же".

Въ то время въ душѣ Нансена какъ бы происходила борьба юной жизнерадостности натуры съ сознаніемъ задачъ зрѣлаго мужа, и онъ вдвойнѣ наслаждался танцами подъ сѣнью апельсинныхъ и миртовыхъ деревьевъ, такъ какъ впереди, вдалекѣ уже мерещилась ему первая трудная поѣздка въ ледяную Грёнландію. Два года спустя, онъ уже и находился среди ея льдовъ и, сидя у своей палатки, баловался кексомъ со снѣгомъ, лимоннымъ сокомъ и сахаромъ; лунный свѣтъ игралъ на пустынномъ, безконечномъ морѣ снѣговъ, и мысли путешественника перенеслись къ тому времени, когда онъ въ послѣдній разъ ѣлъ „granita", къ лунной теплой лѣтней ночи на берегу неаполитанскаго залива, когда лучи играли на темныхъ волнахъ Средиземнаго моря.

Неаполитанская зоологическая станція занимаетъ совершенно особое положеніе; это въ нѣкоторомъ родѣ цѣлое автономное государство, государство въ государствѣ. Оно существуетъ само по себѣ, но связано контрактами по крайней мѣрѣ съ 24 европейскими государствами. Вообще неаполитанская станція является, какъ охарактеризовалъ ее Нансенъ, „центральнымъ органомъ зоологіи". Она стала чѣмъ-то вродѣ интернаціональной научной биржи, гдѣ встрѣчаются и братаются представители

различныхъ націй, гдѣ изслѣдованія ведутся съ величайшимъ усердіемъ и гдѣ жгучіе научные вопросы дня трактуются и рѣшаются такимъ именно образомъ, что пребываніе на этой станціи становится особенно плодотворнымъ.

Организація станціи также до нѣкоторой степени интернаціональная; она получаетъ ежегодныя субсидіи отъ разныхъ европейскихъ государствъ, имѣющихъ за то право на одно или нѣсколько мѣстъ при станціи для своихъ ученыхъ. За каждое мѣсто платится обыкновенно 1500 марокъ въ годъ. Вотъ какія государства и города имѣютъ при станціи подобныя мѣста: Пруссія, Баденъ, Саксонія, Баварія, Гессенъ, Вюртембергъ, Гамбургъ, Австро-Венгрія, Россія, Голландія, Бельгія, Италія, Испанія, Швецарія, кромѣ того университеты Оксфорда, Кэмбриджа, Страсбурга, Берлинская академія и одинъ американскій богачъ. Скандинавскія государства не обезпечили для своихъ ученыхъ мѣстъ при станціи, такъ что Нансенъ былъ принятъ на станцію, какъ „гость“, лишь благодаря особой любезности Дорна. И не онъ одинъ нашелъ подобное гостепріимство въ этомъ громадномъ центрѣ біологическихъ наукъ, такъ же какъ не однимъ этимъ ученымъ приходилось желать, чтобы отношенія Скандинавскихъ странъ къ станціи измѣнились хотя бы такимъ образомъ, что всѣ три государства сообща обезпечили-бы за собой одно мѣсто. Нансенъ, по возвращеніи на родину, не преминулъ, конечно, пустить въ ходъ плодотворную идею Дорна и сталъ хлопотать въ пользу устройства біологической станціи въ Норвегіи, на берегу Сѣвернаго моря, богатая фауна котораго представляетъ такой интересъ; небольшая статья Нансена въ „Природѣ“ о неаполитанской станціи и оканчивалась поэтому призывомъ къ устройству подобной станціи въ Норвегіи. Затѣмъ, онъ обратился съ предложеніемъ и планомъ устройства станціи въ Бергенѣ къ профессору Даніельсену, но послѣдній не рѣшился взяться за это новое дѣло. Такимъ образомъ Нансенъ былъ первымъ въ Норвегіи, выступившимъ публично съ предложеніемъ объ устройствѣ біологическихъ станцій. Грёнландская экспедиція на время помѣшала ему осуществить эти планы, впослѣдствіи же, одновременно съ тѣмъ, какъ мысль Нансена объ основаніи біологической станціи въ Бергенѣ нашла энер-

ричнѣйшаго сторонника и дѣятеля въ лицѣ доктора І. Брунхорста, самъ Нансенъ вмѣстѣ съ докторами Г. А. Гульдбергомъ, Н. Вилле и др. привелъ въ исполненіе мысль объ устройствѣ біологической станціи въ Дребакѣ, близь Христіаніи; въ 1894 г. станція была уже открыта. Итакъ, пребываніе Нансена въ Неаполѣ принесло богатые плоды не только тѣмъ вліяніемъ, которое оно имѣло на его собственныя научныя работы, но и тѣмъ, что послужило къ проведенію имъ идеи Дорна и въ своемъ отечествѣ.

Прежде чѣмъ закончить данный очеркъ, отмѣтимъ еще вліяніе того-же пребыванія на самую личность Нансена. Несомнѣнно, что колоссальное сооруженіе Дорна, равно какъ и его энергичная, даровитая личность должны были произвести глубокое впечатлѣніе на натуру, подобную Нансену, воплотиться для него въ яркій, живой примѣръ того, что можетъ создать человѣкъ съ идеальными стремленіями и сильной волей, поставившій себѣ дѣломъ жизни высокую цѣль. И несомнѣнно также, что дѣло жизни Нансена—рѣшеніе загадокъ полярныхъ странъ. выросло изъ сѣмянъ, зароненныхъ въ его душу пребываніемъ подъ голубымъ небомъ Неаполя, весною 1886 г., и ежедневными сношеніями съ Дорномъ, и не подозрѣвавшимъ тогда, что скрывается въ молодомъ сѣверянинѣ, на котораго онъ самъ въ то время оказывалъ такое рѣшающее вліяніе.

Нансенъ — біологъ.

(Статья Густава Ретціуса).

Я съ большимъ удовольствіемъ принялъ предложеніе обрисовать въ краткихъ чертахъ дѣятельность Нансена въ области біологіи, какъ гистолога и зоолога. Взялъ же я на себя эту задачу не изъ предположенія, что среди земляковъ Нансена не найдется людей, способныхъ выполнить ее такъ-же хорошо, какъ я, но на основаніи того, что собственная моя дѣятельность заставила меня работать въ томъ же направленіи, какъ и Нансена, и это дало мнѣ случай основательно познакомиться—и по его печатнымъ трудамъ и благодаря непосредственному сближенію съ нимъ—съ воодушевляющимъ его священнымъ огнемъ и съ его дарованіями, какъ научнаго из-

слѣдователя. Не смотря на сравнительную кратковременность дѣятельности Нансена на поприщѣ чистой біологіи, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе ученыхъ прекрасной разработкой нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ.

Первый его значительный трудъ вышелъ въ 1885 г. подъ заглавіемъ „Матеріалы по анатоміи и гистологіи „мизостомъ“ (изданіе in folio въ 80 страницъ, снабжено 9-ью таблицами, исполненными по его собственнымъ рисункамъ).

Мизостомы составляетъ небольшую, описанную впервые въ 1827 г. нѣмецкимъ зоологомъ Ф. С. Лейкартомъ группу червей—паразитовъ, живущихъ на нѣкоторыхъ лучистыхъ животныхъ (Crinoida) и производящихъ повидимому значительныя измѣненія въ органическомъ строеніи послѣднихъ. Нѣкоторые выдающіеся изслѣдователи, какъ Свенъ Ловэнъ (1840), Семперъ (1858), фонъ Граффъ, Мечниковъ (1866), Бэрдъ (1884), изслѣдовали строеніе этихъ червей и отчасти ихъ развитіе, а также пытались опредѣлить, отъ какихъ самостоятельныхъ коренныхъ видовъ они могли бы происходить.

Самъ я не спеціалистъ по этому вопросу и потому обратился къ профессору Г. Впрену, который обязательно доставилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія. Такъ называемый „технической способъ разрѣзовъ“ былъ въ то время уже въ ходу, и съ помощью его Нансенъ производилъ подробныя изслѣдованія тончайшаго строенія мизостомъ, причемъ ему во многихъ отношеніяхъ посчастливилось исправить и расширить открытія своихъ предшественниковъ. На сколько же вѣрны его объясненія функцій нѣкоторыхъ органовъ,—удастся, вѣроятно, установить лишь будущими изслѣдованіями. Во всякомъ случаѣ упомянутый трудъ несомнѣнно доказываетъ, что авторъ его не только былъ вполнѣ освоенъ со всѣми вспомогательными средствами тогдашней техники, но и проявилъ при этомъ замѣчательную настойчивость и большую личную инициативу.

Мизостомы обнаруживаютъ—не въ общемъ строеніи тѣла, но во многихъ важныхъ частяхъ организма—значительное сходство съ многочисленной группой морскихъ червей, Chaetopoda annelida, изъ которыхъ нѣкоторые живутъ паразитами на или внутри другихъ морскихъ животныхъ, проявляя, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, значительныя измѣне-

нія, особенно въ наружномъ видѣ. Въ настоящее время и на миxостомы принято смотрѣть какъ на Chaetopoda или какъ на весьма родственные имъ формы, хотя они и подверглись измѣненіямъ вслѣдствіи своего образа жизни. По другимъ предположеніямъ они являются родственниками нѣкоторыхъ паукообразныхъ. Трудъ Нансена, повидимому — хотя и косвеннымъ путемъ—подтверждаетъ первое предположеніе, особенно если принять во вниманіе даваемыя въ немъ описанія окологлоточной нервной системы. Самъ же авторъ — впрочемъ въ видѣ гипотезы —склоняется къ тому предположенію, что они могутъ происходить и отъ первобытнаго вида, родственнаго съ первобытными видами аннелидовъ и паукообразныхъ.

Въ годовомъ отчетѣ Бергенскаго музея за 1886 г., изданномъ въ 1887 г., былъ напечатанъ новый значительный трудъ Нансена.

Одновременно съ тѣмъ, какъ Нансенъ сосредоточилъ свои изслѣдованія на большой спеціальной системѣ органовъ, онъ значительно расширилъ ихъ въ области фауны. Главнымъ предметомъ страстнаго увлеченія молодого ученаго явилось тончайшее строеніе центральной нервной системы, и въ описываемую эпоху изслѣдованія его касались не только червей, но и раковъ и мягкотѣлыхъ; онъ включалъ въ число предметовъ изученія даже самые низшіе разряды позвоночныхъ, каковы, напр., ланцетникъ (Amphioxus) и миксина (Myxine).

Въ этой обширной и трудно изучаемой области біологіи господствовалъ въ то время полнѣйшій хаосъ. Не мало изслѣдователей пытались разрѣшить крайне сложныя ея проблемы, и не было недостатка въ предположеніяхъ и теоріяхъ относительно внутренней связи нервныхъ клѣтокъ, нервныхъ узловъ и нервныхъ волоконъ. При изученіи поименованнаго прибѣгали главнымъ образомъ къ методу разрѣзовъ и къ окрашиванію, чѣмъ усердно пользовался и Нансенъ. Скоро, однако, убѣдившись въ томъ, что одними этими методами не дойти до цѣли, онъ сталъ искать новыхъ путей. Итальянскій гистологъ Гольджи уже за нѣсколько лѣтъ до того изобрѣлъ способъ примѣнять къ дѣлу хромокислый кали и затѣмъ растворъ лаписа для окрашиванія нервныхъ узловъ и ихъ развѣтвленій въ черный цвѣтъ, благодаря чему форма, расположеніе и развѣтвленія ихъ рѣзко

выступаютъ на вообще свѣтломъ фонѣ. Гольджи примѣнялъ этотъ свой методъ при изслѣдованіяхъ головнаго и спиннаго мозга человѣка, нѣкоторыхъ млекопитающихъ и птицъ, а отчеты о результатахъ своихъ изслѣдованій опубликовалъ отчасти въ мелкихъ статьяхъ въ итальянскихъ журналахъ, отчасти въ большомъ трудѣ, изданномъ въ 1885 г. Результаты эти, повидимому, показались большинству гистологовъ на столько странными, что ихъ встрѣтили недовѣріемъ и даже недружелюбной критикой. Нансенъ же вполнѣ понялъ ихъ значеніе. Онъ прямо отправился въ Италію и, познакомившись на мѣстѣ съ новымъ способомъ, сталъ пользоваться имъ въ обширныхъ размѣрахъ. На сколько мнѣ удалось прослѣдить, Нансенъ впервые сталъ примѣнять хромо-серебряный методъ Гольджи при изученіи нервной системы безпозвоночныхъ животныхъ. Фузари, ученикъ Гольджи, примѣнялъ тотъ-же методъ еще до Нансена по отношенію къ рыбамъ, но не къ низшимъ разрядамъ позвоночныхъ (Amphioxus и Myxine).

Съ помощью, какъ этого новаго метода, такъ и вышеупомянутаго метода разрѣзовъ въ соединеніи съ окрашиваніемъ обыкновеннными красками (heamatoxylin, anilin), Нансену удалось проникнуть въ таинственное строеніе центральной нервной системы нѣсколько глубже, нежели его предшественникамъ. Обширная, изданная на англійскомъ языкѣ статья его: The structure and combination of the histological elements of the central nervous system („Построеніе и связь гистологическихъ элементовъ центральной нервной системы," см. „Годовой отчетъ Бергенскаго музея за 1886 г.") всегда, поэтому, будетъ занимать почетное мѣсто въ научной литературѣ по данной спеціальности. Что же касается тончайшей связи нервныхъ узловъ и волоконъ, Нансенъ снова пустилъ въ ходъ основной взглядъ, высказанный раньше извѣстнымъ нѣмецкимъ гистологомъ Лейдигомъ. Я лично не примкнулъ къ этому взгляду, разъясненіе котораго заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста, но считаю нужнымъ указать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вопросами, на которые нельзя пока отвѣтить съ увѣренностью и что, конечно, еще никто не сказалъ относительно ихъ послѣдняго слова.

Нансену удалось прослѣдить въ центральной нервной си-

стемѣ безпозвоночныхъ животныхъ конечные отростки нервныхъ клѣтокъ на большемъ или меньшемъ разстояніи и во многихъ случаяхъ наблюдать восходящія отъ нихъ мелкія боковыя развѣтвленія, отчасти образующія такъ называемую точечную субстанцію. Если-бы Нансену представился побудительный поводъ продолжать свои изслѣдованія по методу Гольджи и если бы ему случилось еще заняться другимъ, изобрѣтеннымъ почти одновременно съ появленіемъ его труда, методомъ нѣмецкаго ученаго Эрлиха (окрашиваніе нервныхъ элементовъ еще живаго животнаго посредствомъ метилиновой синьки), то ему несомнѣнно удалось бы еще болѣе содѣйствовать тому разъясненію тонкаго строенія нервной системы животныхъ низшихъ разрядовъ, которымъ занимались въ послѣднее десятилѣтіе ученые спеціалисты. Но Нансена, какъ видно, уже сильно тянуло тогда къ арктическимъ изслѣдованіямъ, а научныя занятія требуютъ полнаго сосредоточенія на каждой отдѣльной области. Особенно много времени и труда поглощаютъ работы съ микроскопомъ; какую бы энергію ни проявлялъ человѣкъ, мудрено одновременно совершить еще что-нибудь выдающееся въ другихъ областяхъ. И какъ ни достойно сожалѣнія, что Нансену не было дано продолжать своихъ столь прекрасно и по такому широкому плану начатыхъ изслѣдованій построенія тончайшихъ развѣтвленій центральной нервной системы, надо все-таки согласиться, что въ этой области и безъ него нашлись вполнѣ сосредоточившіеся на ней выдающіеся труженики, тогда какъ въ области полярныхъ изслѣдованій Фритьофъ Нансенъ вполнѣ исключительное явленіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и его Грёнландская экспедиція, и грандіозная экспедиція къ сѣверному полюсу.

Во время изслѣдованій построенія тончайшихъ частей спиннаго мозга у Amphioxus и Myxine, Нансенъ сдѣлалъ открытія, изъ которыхъ считаю нужнымъ назвать нѣкоторыя, представляющія болѣе общій интересъ. Въ спинномъ мозгѣ Amphioxus онъ не нашелъ невроглія— т. е. изолирующей ткани, которою вообще бываютъ окутаны настоящіе нервные элементы—но онъ описалъ открытыя имъ въ области центральнаго канала выходящія наружу эпителіальныя клѣточки (ependyma), въ которыхъ онъ усмотрѣлъ клѣточки neurogliae и утверждалъ, что онѣ пред-

ставляютъ наиболѣе низшую стадію у позвоночныхъ. У Myxine онъ, конечно, также находилъ такія клѣточки-эпендимы, но также и дѣйствительныя клѣточки—neurogliae, хотя и своеобразнаго характера; изъ этого онъ заключаетъ, что клѣтки neurogliae происходятъ отъ наружнаго зародышеваго листка, отъ котораго происходитъ также настоящая нервная ткань, и отъ эпителіальныхъ клѣточекъ центральнаго канала (ependyma). Такой взглядъ Нансена подтвержденъ впослѣдствіи многочисленными наблюденіями и одобряется теперь всѣми. Дальше онъ открылъ у Myxine, что нервныя волокна, составляющія задніе или чувствительные нервные корешки, по входѣ въ спинной мозгъ раздѣляются на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна идетъ подъ прямымъ угломъ назадъ, другая-же впередъ и вверхъ въ спинной мозгъ. Открытіе это впослѣдствіи подтверждено испанскимъ неврогистологомъ Ramon y Cajal и нѣкоторыми другими изслѣдователями и признано важнымъ и общимъ закономъ для позвоночныхъ. Такимъ образомъ развѣтвленію чувствительныхъ заднихъ нервныхъ корней должно по настоящему быть присвоено названіе «Нансенскаго".

Скоро затѣмъ молодой норвежскій ученый взялся за разрѣшеніе другой проблемы, долго не поддававшейся трудамъ ученыхъ. На этотъ разъ дѣло шло о развитіи вышеупомянутой рыбы — Myxine glutinosa. Своеобразное это животное, одно изъ низшихъ видовъ позвоночныхъ, водится въ массѣ въ сѣверныхъ моряхъ, у береговъ всей Норвегіи и западнаго берега Швеціи. Ходъ его размноженія и развитія представлялъ по разнымъ причинамъ большой интересъ для науки. Англійскій зоологъ G. P. Cunningham, одинъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые особенно усердно занимались рѣшеніемъ этой проблемы, высказалъ въ своей первой статьѣ (1886) взглядъ, что большинство изъ этихъ животныхъ гермафродиты, особенно въ періодъ неполнаго развитія. Взглядъ этотъ онъ основалъ на томъ обстоятельствѣ, что задняя часть mesovarium'a образуетъ mesorchium, которое заключаетъ въ своихъ пузыряхъ сперматическое вещество въ различныхъ степеняхъ развитія; онъ описалъ при этомъ также нѣкоторые виды клѣточекъ, принимаемыхъ имъ за сперматозоиды. И вотъ Фритьофъ Нансенъ взялся за разъясненіе этого вопроса.

*

Результаты, достигнутые имъ послѣ упорныхъ изслѣдованій, въ общемъ сходны съ выводами Cunningham'a. Въ изданномъ въ Бергенѣ (Годовой отчетъ музея за 1887, изд. 1888 г.) трудѣ „A protandric hermaphrodite (myxine glutinosa L.) amongst the Vertebrates" Нансенъ высказалъ взглядъ, что Myxine на болѣе раннихъ стадіяхъ своего развитія является животнымъ мужскаго пола, переходящимъ въ большинствѣ случаевъ во время своего дальнѣйшаго развитія въ самку. Онъ описалъ при этомъ развитіе пузырей mesorchium и видъ сперматозоидовъ при различныхъ степеняхъ развитія. Справедливость его изложенія подтверждается многимъ, и хотя, не смотря на многочисленные, энергичные и обширные опыты, ни Нансену, ни кому другому не удалось до сихъ поръ вполнѣ выяснить ходъ развитія этого своеобразнаго животнаго, можно все-таки, съ увѣренностью сказать, что труды Cunningham'a и Нансена значительно подвинули впередъ рѣшеніе этого вопроса.

Была и еще одна важная біологическая проблема, сильно интересовавшая Нансена въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—ходъ развитія китовъ. Слѣдя за развитіемъ этихъ замѣчательныхъ морскихъ млекопитающихъ, которыя очевидно происходятъ отъ животныхъ, обитавшихъ на сушѣ, по мнѣнію Нансена можно было бы напасть на черты, выясняющія такое именно происхожденіе. И не смотря на то, что въ данномъ случаѣ требовался крайне трудно добываемый матеріалъ, Нансенъ не отступилъ передъ интересовавшей его задачей. Взявшись за нее съ свойственной ему энергіей, онъ въ значительной степени расширилъ въ Бергенскомъ музеѣ коллекцію китовъ-эмбріоновъ, а по возвращеніи изъ Грёнландской экспедиціи рѣшилъ углубиться въ изслѣдованіе этихъ интересныхъ эмбріоновъ.

Всю зиму 1891—1892 гг. онъ работалъ въ анатомическомъ музеѣ вмѣстѣ со своимъ другомъ, профессоромъ Гульдбергомъ, уже извѣстнымъ тогда своими первоклассными трудами по анатоміи китовъ. Затѣмъ, приготовленія къ большой полярной экспедиціи стали до такой степени поглощать все время Нансена, что ему пришлось сначала ограничиться случайными сообщеніями по интересовавшему его вопросу, а затѣмъ и всецѣло предоставить дальнѣйшую работу одному Гульдбергу.

Въ теченіе втораго полугодія 1894 г. начала выходить въ

свѣтъ первая часть общаго труда Нансена и Гульдберга, напечатаннаго in folio, подъ заглавіемъ: „On the development and structure of the Whale. Part I. On the development of the Delphin by Gustav Guldberg and Fridtjof Nansen. Bergens Museum".

Вслѣдствіе указанныхъ уже причинъ я не имѣю возможности указать, что̀ именно изъ этого большаго, снабженнаго 7 таблицами, труда принадлежитъ лично Нансену; но во всякомъ случаѣ онъ принималъ существенное участіе въ собираніи матеріаловъ и въ составленіи плана труда, а также и въ первоначальныхъ изслѣдованіяхъ.

Изъ выше приведенныхъ краткихъ данныхъ неоспоримо вытекаетъ, что Фритьофъ Нансенъ въ теченіе какихъ нибудь пяти лѣтъ (срокъ довольно незначительный, гдѣ дѣло идетъ о крупныхъ біологическихъ изслѣдованіяхъ) успѣлъ заявить себя въ области біологіи весьма значительными трудами. Видно, также, что онъ, вѣрный своей широкой натурѣ, всегда брался за крупныя и трудныя проблемы и сразу направлялъ вниманіе на самую суть дѣла. Словомъ, для всѣхъ тѣхъ, кому случилось ближе познакомиться съ личностью Нансена и его трудами, ясно, что если-бы неудержимое стремленіе къ великой цѣли — къ изслѣдованіямъ на сѣверномъ полюсѣ не отвлекли его отъ занятій біологіей, и онъ со свойственной ему энергіей и упорствомъ продолжалъ бы свои столь талантливо и счастливо начатыя изслѣдованія, то навѣрное обогатилъ бы науку еще многими серьезными и цѣнными трудами.

Ревнители біологіи не перестаютъ поэтому питать надежду, что Нансенъ, по счастливомъ возвращеніи изъ льдовъ сѣвернаго полюса, снова всецѣло отдастся прежнимъ своимъ занятіямъ въ любимой области, въ которой ему несомнѣнно предстоитъ рѣшить не мало серьезныхъ вопросовъ, совершить важныхъ открытій и разрѣшить трудныхъ проблемъ.

Для огромнаго большинства людей Фритьофъ Нансенъ является, вѣроятно, только знаменитымъ и отважнымъ путешественникомъ, предпринявшимъ экспедицію въ невѣдомыя ледяныя пространства сѣвернаго полюса, и я потому счелъ бы себя весьма счастливымъ, если бы мнѣ удалось своимъ небольшимъ очеркомъ нѣсколько освѣтить этотъ вопросъ и вы-

яснить— главнымъ образомъ народамъ сѣвера—что Нансенъ въ то же время и первоклассный дѣятель въ совершенно другой области, которая хоть и не удостанвается вообще такого же вниманія, является, пожалуй, областью не меньшей важности и значенія.

Экскурсіи, предпринимаемыя изслѣдователями въ тишинѣ своихъ рабочихъ и физическихъ кабинетовъ, въ мірѣ видимомъ лишь въ микроскопъ, и въ сокровенныхъ мастерскихъ природы, представляютъ также великое значеніе для просвѣщенія человѣчества и прогресса культуры. Подобныя-то экскурсіи предпринималъ и Фритьофъ Нансенъ уже въ самые молодые годы, проявляя чрезвычайно плодовитую дѣятельность. Будемъ же надѣяться, что ему назначено судьбою вновь поднять перерѣзанныя въ настоящее время его полярной экспедиціей нити и продолжать свои экскурсіи по обширной, до сихъ поръ еще мало изслѣдованной, области біологіи, за которой открываются еще все болѣе и болѣе обширныя неизвѣстныя области.

Грёнландія.

Теперь мы дошли до той эпохи въ жизни Нансена, когда онъ серьезно сталъ подготовляться къ экспедиціи въ Грёнландію. Предыдущая глава, вѣроятно, достаточно выяснила многимъ то недоразумѣніе, что Нансенъ будто бы только выдающійся спортсмэнъ; двѣ слѣдующія за нею главы имѣютъ цѣлью выясненіе внутренней связи между его подвигами и наукой. Здѣсь будетъ также данъ и краткій географическій обзоръ страны, которую Нансенъ первый прошелъ съ востока на западъ, а также описаніе того періода нашей земли, на который этотъ подвигъ Нансена пролилъ новый свѣтъ. Итакъ, дѣло пойдетъ о Грёнландіи и о ледниковомъ періодѣ земли.

Эрикъ Рыжій, возвратившись лѣтомъ 985 г въ Исландію, откуда за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ долженъ былъ бѣжать, т. к. совершилъ убійство, разсказывалъ о вновь открытой имъ большой странѣ, находившейся въ океанѣ къ сѣверо-западу отъ Исландіи и названной имъ Грёнландіей (Зеленой страной). Такое названіе онъ далъ ей, чтобы заманить имъ людей, и дѣйствительно, многіе увлеклись „хорошимъ именемъ“, какъ разсказываетъ сага; еще въ то же самое лѣто изъ Брейдафьорда и Боргафьорда (въ Исландіи) отплыло въ Грёнландію 25 кораблей; достигли ея, однако, всего 14; остальные вернулись обратно или погибли. Эрикъ Рыжій, давая новой странѣ имя „Грёнландіи“, позволилъ себѣ—выражаясь мягко—уклониться отъ истины; ему слѣдовало назвать новую страну „Ледяной страной“,—въ „Зеленой странѣ“ не много зеленыхъ мѣстечекъ, зато мало

другихъ уголковъ на земномъ шарѣ, гдѣ было бы столько льда, какъ на ней.

Да, Грёнландія—удивительная страна; и всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы знали о ней немного больше, чѣмъ наши предки 900 лѣтъ тому назадъ. Сѣверянамъ дѣлаетъ большую честь, что большинствомъ новыхъ свѣдѣній о ней міръ обязанъ именно изслѣдователямъ датчанамъ, норвежцамъ и шведамъ.

Грёнландія—какъ можно теперь утверждать съ достовѣрностью—островъ, притомъ величайшій въ свѣтѣ, занимающій пространство въ $1^3/_4$—2 милл. кв. километровъ, т. е. въ два съ половиной раза больше Новой Гвинеи и Борнео, въ три раза больше Мадагаскара. Съ юга отъ мыса Фарвель (Кар Farvel), лежащаго почти на широтѣ Христіаніи, до сѣверной оконечности, достигнутой Локвудомъ въ 1882 году и видѣнной Пири и Аструпомъ въ 1892 г., островъ этотъ захватываетъ почти 23 градуса широты, (приблизительно 2500 километр.). Для уясненія величины Грёнландіи можно еще прибавить, что она почти въ два съ половиной раза больше Швеціи и Норвегіи вмѣстѣ, или, чтобы взять примѣръ болѣе близкій намъ, равняется $^2/_5$ Европейской Россіи. Число же жителей на этомъ огромномъ пространствѣ равняется всего 10,000 чел., т. е. на каждые 200 килом. приходится 1 житель; даже Сахара и Гоби едва-ли населены такъ рѣдко. Итакъ, „Грёнландія“, „страна зелени,“ несмотря на свое привлекательное названіе, одно изъ безплоднѣйшихъ пространствъ на землѣ, безотрадная пустыня, гдѣ ничего не подѣлаешь ни артезіанскими колодцами, ни другими искуственными мѣрами,—эта сѣверная Сахара—ледяная.

Какъ уже сказано, еще сравнительно недавно о ней имѣлось очень мало положительныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній. Знали только изъ превосходныхъ трудовъ датскаго начальника колоній Ринка (1857 г.), что берега Грёнландіи представляютъ узкую скалистую полосу, изрѣзанную заливами, что дно этихъ заливовъ, а также составляющія ихъ продолженіе долины загромождены громадными массами льдовъ, доходящими въ иныхъ мѣстахъ до самаго моря, и что, если попытаться проникнуть изъ упомянутыхъ долинъ во внутрь страны, то прежде всего наткнешься на сплошную ледяную стѣну, а если, съ невѣроятнымъ трудомъ

взберешься на эту, усѣянную трещинами и провалами ледяную стѣну, то взору представится безбрежная ледяная пустыня.

Ринкъ былъ первымъ, познакомившимъ, на основаніи личныхъ многолѣтнихъ наблюденій, цивилизованный міръ со страною, покрытою чуть ли не сплошь толстою ледяною корою, или такъ называемымъ „материковымъ ледянымъ покровомъ“. И свѣдѣнія, данныя Ринкомъ, пришлись какъ нельзя больше ко времени: какъ разъ тогда, т. е. въ серединѣ нашего столѣтія наукой было выяснено, что и сѣверная Европа и Сѣверная Америка были въ недавнемъ—по геологическому счисленію—прошломъ покрыты льдомъ, который и оставилъ на ихъ поверхности многочисленные слѣды.

На основаніи этого, Грёнландія, какъ по нынѣ существующій первообразъ сѣверной Европы въ ея ледниковомъ періодѣ, пріобрѣла огромный интересъ для науки. Изученіе материковаго ледяного покрова Грёнландіи имѣетъ крайне важное значеніе не только для геолога, но и для біолога, и для метеоролога, и для географа, выясняя цѣлый рядъ вопросовъ, имѣющихъ наивысшій интересъ, не говоря уже о томъ, что такое изученіе прежде всего удовлетворяетъ естественной любознательности человѣчества, не терпящей на всемірной картѣ такихъ огромныхъ terrae incognitae.

Въ настоящее время, благодаря главнымъ образомъ самопожертвованію и трудамъ датчанъ, съ приблизительною точностью занесена на карту и изучена въ геологическомъ отношеніи бо́льшая часть береговой полосы Грёнландіи — сначала западный берегъ отъ мыса Фарвель къ сѣверу, а затѣмъ и восточный, какъ извѣстно, наболѣе недоступный, по причинѣ плавучихъ полярныхъ льдовъ. Въ 1875 г. профессоръ Іонструпъ возбудилъ вопросъ о систематическомъ геологическомъ и географическомъ изученіи Грёнландіи, и съ 1876 г. появился цѣлый рядъ цѣнныхъ трудовъ датскихъ ученыхъ, прекрасно изданныхъ подъ заглавіемъ, „Meddelelser om Grönland“. (Грёнландскія извѣстія). Изъ этихъ ученыхъ особенно заслуживаютъ быть названными: геологъ К. Стенструпъ, затѣмъ І. Іенсенъ, Р. Гаммеръ, Х. Рюдеръ, Г. Гольмъ, В. Гарде, А. Корнерупъ и мн. др. Датчане систематически изучили и по большей части занесли на карту весь западный берегъ вплоть до самыхъ сѣ-

верныхъ датскихъ колоній Упернивика и Тессіусака (почти на 73° сѣв. широты). Берегъ же дальше къ сѣверу вдоль бухты Мельвилля, пролива Смита, басейна Кэна, канала Кэннеди и канала Робезона, изслѣдованъ главнымъ образомъ англійскими и американскими полярными экспедиціями, изъ которыхъ двѣ—именно англійская экспедиція Нерса (1875—76 г.) и печальной памяти американская экспедиція Грили (1881—1884 г.) достигли здѣсь самыхъ сѣверныхъ пунктовъ земнаго шара, которыхъ—насколько это пока извѣстно—вообще когда либо достигалъ цивилизованный человѣкъ. Первая экспедиція добралась до 83° 22′, а вторая, по утвержденію лейтенанта Локвуда, до 83° 24′ сѣв. широты. Въ послѣдніе годы систематически изучался датчанами и восточный берегъ, именно экспедиціей на лодкахъ Гольма (1883—1885 г.). Но вообще этотъ мало доступный вслѣдствіе пловучихъ полярныхъ льдовъ берегъ изученъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ главнымъ образомъ экспедиціями Савине, Скоресбю и Кольдевейса, нѣмецкой экспедиціей „Ганза“ (по имени корабля) и шведской экспедиціей „София“; объ остальныхъ же большихъ пространствахъ извѣстно очень мало; между мысомъ Бисмарка (приблиз. на 77° сѣв. шир.) и бухтой Независимости (приблиз. $81^1/_2{}^0$ сѣв. шир.) видѣли землю только въ двухъ мѣстахъ, да и то болѣе ста лѣтъ тому назадъ (1770 и 1775 г.).

Итакъ, берега этой замѣчательной страны извѣстны теперь въ общихъ чертахъ; они не во всѣхъ мѣстахъ одинаково негостепріимны, но во всякомъ случаѣ должны быть признаны такой частью земного шара, гдѣ лишь самая неприхотливая изъ человѣческихъ расъ можетъ, напрягая всѣ свои силы, влачить жизнь безъ помощи извнѣ. Узкая, дикая, голая, скалистая береговая полоса опоясываетъ всю Грёнландію; ширина всей страны больше 1200 километровъ, ширина же непокрытой ледяной корою береговой полосы рѣдко достигаетъ и 150 киллом. (у Гольштейнборга), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ льды занимаютъ весь берегъ сплошь до самаго моря. Флора крайняго побережья—травы, лишаи и мхи; дальше вглубь, по берегамъ глубоко вдающихся заливовъ, изрѣзывающихъ южную часть западнаго берега, встрѣчаются кусты и кустарники ивъ, березки-карлицы и осоки; въ колоніяхъ взращиваютъ капусту, редиску, морковь и петрушку, а въ самыя жаркія лѣта удается вырастить и

немножко зеленаго стручковаго гороху. Но ужъ не встрѣтишь на этомъ берегу ни лѣсочка, ни колоса ржи.

Въ жалкихъ каменныхъ домишкахъ или землянкахъ влачатъ тутъ жизнь тысячъ десять грёнландскихъ эскимосовъ въ жестокой борьбѣ за существованіе, источниками котораго служатъ охота на тюленей, китовъ и рыболовство. Это умный, славный народъ, который, какъ и всѣ первобытные народы, безпощадно обреченъ благами неподходящей для него культуры на вымираніе. Всѣ путешественники въ одинъ голосъ говорятъ, что грёнландцы любятъ свою бѣдную безплодную родину и не стараются искать лучшихъ мѣстъ для поселенія. По своему Грёнландія даже красивая страна съ гордой и дико-прекрасной природой, подобной которой поискать. Скалы съ острыми вершинами и отроги горъ, глубоко-врѣзывающіеся заливы можно, впрочемъ, встрѣтить и въ Норвегіи, вообще много напоминающей, особенно дикими скалистыми мѣстностями Норландіи вдоль Западнаго Фіорда—берега Грёнландіи. Но въ Грёнландіи скалы выше и голѣе, а въ ея заливахъ плаваютъ не только киты да тюлени, но также масса ледяныхъ горъ, высланныхъ движущимися ледниками. А самые-то ледники! И въ Норвегіи есть ледники, но что они передъ грёнландскими—ручейки передъ Амазонской рѣкой или Ниломъ. Норвежскіе ледники Фольгефоннъ, Юстедальсъ или Свартисъ—карлики передъ грёнландскими ледниками: ледникомъ Якобсхаунъ и въ особенности передъ ледникомъ Гумбольда, который спускается широкой дугой въ 110 километр. и заканчивается стѣною въ 90 метровъ высоты.

День и ночь, лѣто и зиму, годъ за годомъ ползутъ эти безчисленные ледники, образующіе какъ бы стоки для материковаго льда Грёнландіи, и ползутъ таки не тихо. Сексе опредѣляетъ суточную быстроту движенія ледника Буаръ приблизительно въ $^1/_{10}$ метра, а Гелландъ суточную быстроту грёнландскихъ ледниковъ Якобсхаунъ въ 20 метровъ, (т. е. они движутся въ 200 разъ быстрѣе). Рюдеръ же опредѣляетъ скорость движенія ледниковъ у Аугпадлартока приблизительно въ 31 метръ. Словомъ, какъ въ Норвегіи рѣки образуютъ стоки для внутреннихъ озеръ, такъ въ Грёнландіи безчисленные колоссальные ледники или рѣки льда образуютъ стоки для внут-

реннихъ ея льдовъ. И эти рѣки-ледники ежегодно уносятъ въ море не малыя количества льда. Ринкъ опредѣлялъ это количество въ 300 милліоновъ кубич. метровъ слишкомъ, но и это, пожалуй, черезчуръ малая цифра; надо, можетъ быть, увеличить ее разъ въ 10, чтобы ближе подойти къ истинѣ. Во времена Ринка сложилось убѣжденіе, что главные ледники—стоки для внутренняго льда, находятся на западномъ берегу; экспедиція Гольма (1883—85 г.), изслѣдовавшая восточный берегъ, доказала, однако, скорѣе противоположное.

Воздухъ у береговъ Грёнландіи холоденъ, сыръ и рѣзокъ; окружающее ихъ море круглый годъ полно льдами: частью извергаемыми ледниками, частью плавучими льдами изъ Ледовитаго океана, приносимыми полярнымъ теченіемъ, которое огибаетъ Грёнландію. И годовая температура на Грёнландіи гораздо ниже, чѣмъ это обыкновенно бываетъ на данной широтѣ,—Грёнландія—островъ, окруженный не только водой, но льдомъ; это—страна великихъ льдовъ, покрытая величайшими изъ извѣстныхъ намъ пока ледниковъ сѣвернаго полушарія, занимающими въ общемъ площадь свыше $1^1/_2$ милліона кв. километровъ. Казалось-бы, что сами грёнландцы первые должны были стараться изслѣдовать или хоть при случаѣ узнать колоссальные внутренніе источники льдовъ, извергающихся ежегодно въ долины и заливы всей береговой полосы. Но нѣтъ, грёнландцы питаютъ суевѣрный ужасъ къ внутреннимъ льдамъ, тамъ обитаютъ всѣ злые духи грёнландцевъ, ихъ покойники, привидѣнія, разныя сверхъестественныя чудовища, ледяные великаны, превосходящіе ростъ обыкновеннаго человѣка вдвое, и проч. и проч. Да къ тому же чего искать грёнландцамъ въ этихъ льдахъ! Ихъ жизнь непрерывная борьба за хлѣбъ насущный, а на внутреннихъ льдахъ не водится ни китовъ, ни тюленей, ни оленей, ни бѣлыхъ куропатокъ, вообще ничего съѣдобнаго; тамъ безжизненная пустыня. Такъ нечего и удивляться, что не грёнландцы ближе ознакомили міръ съ внутреннимъ ледянымъ плато Грёнландіи; сравнительно недавно о послѣднемъ и не зналъ ничего достовѣрнаго ни одинъ человѣкъ въ мірѣ. Предки наши, впрочемъ, имѣли о странѣ довольно точныя свѣдѣнія; еще въ „Зерцалѣ Королей“ можно прочесть: „А если вопросишь—свободна-ли отъ льда

страна или покрыта имъ, какъ и море, то вѣдай, что лишь малая часть страны свободна ото льда, а остальная вся покрыта льдомъ". Но эти свѣдѣнія о внутреннемъ пространствѣ страны какъ-то утратили для насъ съ теченіемъ времени свою достовѣрность, уступивъ мѣсто самымъ сказочнымъ представленіямъ, меньше всего основаннымъ на фактическихъ данныхъ. Первая извѣстная намъ попытка взойти на внутреннее ледяное плато Грёнландіи была сдѣлана датскимъ купцомъ Ларсомъ Далагеромъ, (попытка майора Ганса Эневольда Порса въ 1728 году не удалась), обитавшимъ въ колоніи Фредериксхобъ, на югѣ Грёнландіи. Онъ въ Сентябрѣ 1752 г. поднялся въ сопровожденіи одного грёнландца, его дочери и трехъ молодыхъ эскимосовъ на окраину плато. Послѣднюю ночь въ пути они страшно мерзли, и затѣмъ должны были вернуться обратно за недостаткомъ провіанта и вслѣдствіе того, что обувь ихъ совершенно разорвалась отъ ходьбы. Далагеръ взлѣзъ на высокую, торчащую изъ льда скалу (такъ назыв. „нунатакъ") чтобы оттуда взглянуть на внутреннія пространства Грёнландіи, и увидѣлъ ровное снѣжно-ледяное поле, уходившее изъ глазъ. И ему показалось несбыточнымъ дѣломъ для человѣка перейти черезъ это поле къ восточному берегу, отчасти потому, что для такого перехода потребовалось бы черезмѣрное количество провіанта, отчасти потому, что можно было замерзнуть, проведя много ночей на льду въ такой холодъ. Его утвержденія относительно нестерпимаго ночного холода на ледяномъ плато довольно замѣчательны и подтвердились самымъ неожиданнымъ образомъ во время экспедиціи Нансена. Затѣмъ прошло болѣе ста лѣтъ прежде, чѣмъ вновь была сдѣлана серьезная попытка американскимъ путешественникомъ по полярнымъ странамъ Гейсомъ (J. J. Hayes). Онъ первый отважился взобраться по леднику Брата Джонса на плато и пройти по нему около 100 километровъ. Экспедиція состояла изъ него и пятерыхъ его товарищей (между ними былъ и датчанинъ С. Петерсенъ); исходнымъ пунктомъ послужилъ портъ Фулькъ (на $78^1/_4{}^0$ с. ш.); восхожденіе началось 23 Октября 1860 г., и въ три дня путешественники достигли по собственнымъ указаніямъ приблизительно 1520 метровъ абсолютной высоты надъ уровнемъ моря, когда страшная буря принудила ихъ повернуть обратно.

Температура въ этотъ день была для того времени года очень низка, именно — 37° С. Есть однако большія основанія сомнѣваться въ томъ, что Гейсу удалось сдѣлать такой большой переходъ по такой страшно неровной, разрытой, изломанной ледяной поверхности, какъ онъ ее самъ описываетъ. Другая, но совершенно неудачная попытка пробраться во внутрь ледянаго плато была сдѣлана въ томъ же году англичаниномъ Джономъ Рей.

Въ 1867 г. англійскіе альпинисты Вимперъ и Броунъ предприняли съ денежной помощью знаменитаго англійскаго ученаго общества „Royal society“ новую неудачную попытку, избравъ исходнымъ пунктомъ Якобсхаунъ. Время года (26 Іюля) было выбрано неудачно, такъ какъ по причинѣ теплой погоды весь снѣгъ вдоль границъ ледянаго плато растаялъ, обнаруживъ ледъ, весь покрытый глубокими трещинами и расщелинами. Путникамъ и пришлось послѣ напрасныхъ усилій и трудовъ вернуться, не осуществивъ своего намѣренія. Въ экспедиціи участвовало также нѣсколько грёнландцевъ, которые, однако, струсили еще до начала похода,—одному изъ нихъ почудились на льду три человѣка, которыхъ грёнландцы и приняли за привидѣнія; такимъ образомъ на этихъ спутниковъ была бы плохая надежда въ дорогѣ. Честь-же первой попытки, приведшей къ болѣе серьезнымъ и значительнымъ научнымъ результатамъ, принадлежитъ профессору барону Норденшёльду и доктору Бергрену. Исходнымъ пунктомъ для ихъ экспедиціи (1870 г.) послужилъ южный рукавъ Фьорда Алайтсивикъ (на 68¹/₄° сѣв. шир.; южнѣе колоніи Христіансхобъ); въ путь отважные ученые пустились 19 Іюля, безъ палатки, лишь съ мѣховыми мѣшками для спанья и санками для провизіи и другихъ необходимыхъ вещей. Санки, впрочемъ, скоро пришлось оставить, такъ какъ безчисленныя трещины и бугры на льду черезчуръ затрудняли движеніе, и путешественники взяли съ собой изъ припасовъ лишь-то, что могли унести на себѣ. Двое грёнландцевъ сопровождали ихъ до утра 22 Іюля, но дальше идти отказались; Норденшёльдъ съ Бергреномъ шли одни еще два дня и достигли приблизительно 700 метр. высоты надъ уровнемъ моря, пройдя отъ границы ледянаго плато въ глубь послѣдняго свыше 50 километр., и тогда толь-

ко повернули обратно. Съ поворотнаго пункта имъ открылся видъ на безграничное ровное пространство льда. 26 Іюля, ночью, послѣ двухдневнаго, утомительнаго, быстраго перехода они опять достигли мѣста своего отправленія.

Съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ до новой попытки, предпринятой на этотъ разъ датской экспедиціей, снаряженной правительствомъ; въ ней, кромѣ начальника экспедиціи лейтенанта датскаго флота І. Іенсена, участвовали: молодой талантливый датскій геологъ А. Корнерупъ, архитекторъ Гротъ и грёнландецъ Хабакукъ.

Экспедиція велась съ большой энергіей и достигла въ научномъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Вслѣдствіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ обстоятельствъ пространство, пройденное экспедиціею по ледяному плато, далеко, однако, не соотвѣтствовало затраченнымъ путешественниками трудамъ и времени. Особенно помѣшала погода,—экспедиціи все время пришлось бороться съ страшными и продолжительными буранами и туманомъ; затѣмъ сильно затруднялъ движеніе изрѣзанный, растрескавшійся ледъ; наконецъ, по имѣющимся въ настоящее время даннымъ, можно съ увѣренностью сказать, что былъ неудачно выбранъ самый исходный пунктъ, что и не позволило экспедиціи значительно углубиться въ ледяное плато: экспедиціи пришлось идти какъ разъ вдоль оси одного изъ наиболѣе выдающихся изъ плато ледниковъ, доходящаго до Фредериксхоба (приблизительно на $62^1/_2{}^0$ сѣв. шир., между колоніями Фискернессетъ и Фредериксхобъ). Экспедиція должна была бы заранѣе предвидѣть, что ледяная поверхность на этомъ длинномъ мысѣ-ледникѣ, окажется въ высшей степени неровной, растресканной и опасной для ходьбы. Такимъ-то образомъ путешественники, выйдя въ путь 4 іюля послѣ 10-ти дневнаго невѣроятно труднаго, утомительнаго пути, углубились въ область ледяного плато всего на 40 километровъ. У цѣпи голыхъ торчащихъ изо льда скалъ, получившихъ имя начальника экспедиціи („нунатаки“ Іенсена), путешественники на цѣлую недѣлю были задержаны бураномъ, не позволившимъ имъ выходить изъ палатокъ. Наихудшимъ результатомъ этой задержки было то, что обнаружился недостатокъ въ провіантѣ, вслѣдствіе чего пришлось уменьшить суточную порцію въ пять разъ противъ

обыкновенной, необходимой при такомъ трудномъ путешествіи; въ довершеніе же всего испортился походный аппаратъ для приготовленія теплой пищи, и изорвалась обувь. Положеніе экспедиціи было такимъ образомъ не изъ веселыхъ. Наконецъ, на 7-ой день погода прояснилась, и Іенсену открылся съ высоты 1550 метровъ видъ на страну. Внизу подъ его ногами разстилалось во всѣ стороны безконечное ровное ледяное пространство, на востокѣ переходившее въ возвышенность, сливавшуюся на горизонтѣ съ небомъ. Обратный путь былъ также до крайности тяжелымъ и опаснымъ. Только три недѣли спустя послѣ выступленія экспедиціи въ путь, вернулись путешественники назадъ на мѣсто выступленія, гдѣ ожидали ихъ грёнландцы, давно уже потерявшіе надежду когда-либо увидѣть ихъ вновь.

По грёнландскимъ преданіямъ внутренняя часть страны должна быть свободной ото льда. Желаніе убѣдиться въ этомъ и служило одной изъ побудительныхъ причинъ снаряженія нѣкоторыхъ экспедицій (напр., экспедиціи Вимпера и Броуна въ 1867 г.) во внутрь Грёнландіи.

Знаменитый піонеръ систематическаго изслѣдованія сѣверныхъ полярныхъ странъ, баронъ А. Е. Норденшёльдъ, который послѣ перваго своего путешествія во внутрь Грёнландіи (1870 г.) предпринялъ цѣлый рядъ арктическихъ экспедицій, поддерживалъ вмѣстѣ съ профессоромъ физическихъ наукъ Эдлундомъ гипотезу о свободныхъ ото льда пространствахъ внутри Грёнландіи. И эта гипотеза послужила отчасти поводомъ къ снаряженію въ Грёнландію большой Шведской экспедиціи „Софія“. Начальникомъ ея былъ Норденшёльдъ, который такимъ образомъ вторично предпринялъ путешествіе въ область ледянаго плато, на этотъ разъ лучше вооруженный и подготовленный къ предстоявшимъ трудностямъ пути, почему и добился большихъ результатовъ *).

Норденшёльдъ и въ этотъ разъ избралъ исходнымъ пунктомъ мѣстность къ югу отъ Христіансхоба, именно долину сѣвер-

*) Упомянутая экспедиція была по счету седьмою полярною экспедиціею, всецѣло снаряженной шведскимъ богачемъ барономъ Оскаромъ Диксономъ; въ ея распоряженіи находился собственный пароходъ «Софія» и вообще она была снаряжена во всѣхъ отношеніяхъ превосходно.

наго рукава Фьорда Аплайтсивика (приблизительно на $68^1/_2^0$ сѣв. широты). Собственно въ странствіи по льдамъ принимали участіе, кромѣ самого Норденшёльда, 9 человѣкъ—между ними два лапландца Ларсъ Туорда и Андерсъ Россе. Двинулись въ путь они 7-го іюля, въ наиболѣе теплое время года, съ цѣлью избѣжать чрезмѣрнаго пониженія температуры, столь обыкновеннаго въ области ледяного плато въ болѣе позднее время года. Но зато съ другой стороны теплая погода затрудняла передвиженіе съ санями. Черезъ 2 недѣли оказалось положительно невозможнымъ пробираться дальше съ санями,—люди на каждомъ шагу увязали въ глубокомъ рыхломъ снѣгу. Отъ границы ледяного плато было, однако, пройдено къ востоку всего около 117 километр., и Норденшёльдъ послалъ 22 іюля впередъ однихъ лапландцевъ на лыжахъ; остальные участники остались дожидаться ихъ. Черезъ 57 часовъ лапландцы вернулись, говоря, что побывали приблизительно за 230 километр. къ востоку отъ стоянки и достигли 1950 метровъ высоты надъ уровнемъ моря. Нансенъ впослѣдствіи доказалъ, что врядъ ли они удалялись болѣе какъ на 70 километр. къ востоку отъ стоянки, такъ что все пройденное въ этотъ разъ по ледяному плато шведской экспедиціей пространство равнялось приблизительно 200 километрамъ. На поворотномъ пунктѣ лапландцы видѣли передъ собою лишь ровное ледяное поле, покрытое тонкимъ рыхлымъ снѣгомъ. Обратный путь совершился безъ особенныхъ затрудненій, и 3-го августа экспедиція вернулась къ мѣсту отправленія, проведя на льду 4 недѣли.

Научные результаты этой экспедиціи, проникшей въ область ледянаго плато Грёнландіи дальше, чѣмъ какая либо изъ предыдущихъ, были очень значительны. Никакихъ оазисовъ въ этой ледяной пустынѣ найдено не было, но довольно яснымъ образомъ установлено, что страшно истресканный ледяной покровъ, по которому пришлось идти всѣмъ экспедиціямъ, долженъ былъ указывать на поясъ, окружающій самое ледяное плато. Экспедиція Норденшёльда въ 1883 году была такимъ образомъ въ сущности единственною перевалившею черезъ упомянутый поясъ въ область плато и потому давшей сколько нибудь вѣрное представленіе о поверхности послѣдняго.

Затѣмъ, до экспедиціи Нансена была сдѣлана еще одна

серьезная попытка проникнуть вглубь ледянаго плато; это была экспедиція на лодкахъ, предпринятая въ 1886 г. впослѣдствіи столь знаменитымъ арктическимъ путешественникомъ Робертомъ Пири, гражданскимъ инженеромъ американскаго флота, и датчанномъ Хр. Майгоромъ, ассистентомъ королевскаго Датско-Грёнландскаго Общества торговли. Пири расчитывалъ было воспользоваться для экспедиціи грёнландскими собаками, впряженными въ санки, но въ самую послѣднюю минуту нанятые грёнландцы отказались сопровождать его со своими собаками и санями. Оставалось пуститься въ путь пѣшкомъ и однимъ, везя собственноручно пару легкихъ санокъ съ провіантомъ и проч., что Пири и сдѣлалъ. Чтобы облегчить себѣ возню съ санками, путешественники не взяли палатки, а только брезентъ, подъ которымъ они и спали въ пути, защищая себя отъ вѣтра санями; случалось также, что они устраивали себѣ убѣжище и изъ снѣгу. Путешественники выступили въ походъ 28 іюня и шли, преодолѣвая тысячи трудностей, вызываемыхъ непогодой, до 19 іюля, пройдя за это время приблизительно 160 километровъ, и достигли 2400 метр. высоты надъ уровнемъ моря. Взятые ими съ собой лыжи и коньки очень пригодились имъ во время пути, такъ какъ ледяная поверхность, за исключеніемъ ближайшаго отъ границы ледянаго плато пространства, была ровна и покрыта твердымъ, сухимъ снѣгомъ,—температура по ночамъ (они шли именно ночью, а днемъ отдыхали) большей частью держалась ниже нуля. На обратномъ пути, путешественники связали санки вмѣстѣ, поставили брезентъ вмѣсто паруса, и неслись такимъ образомъ по вѣтру трое первыхъ сутокъ, сдѣлавъ около 25 географическихъ миль. Вернулись же они на мѣсто отправленія 24 іюля утромъ послѣ 23 дневнаго путешествія по льду.

Ни одна изъ предшествовавшихъ экспедицій не была снаряжена такъ скромно, не обошлась такъ дешево и сообразно съ своимъ снаряженіемъ и стоимостью не оправдала себя больше, чѣмъ эта первая экспедиція Пири, въ высшей степени заслуживающая уваженія какъ по своему плану, такъ и по выполненію.

Ледниковый періодъ.

Крестьянамъ, обитателямъ сѣвера, приходится во время полевыхъ работъ бороться съ обиліемъ камней на пахотной землѣ, достигающихъ иной разъ такой величины, что ихъ и убрать нельзя; попадаются, напримѣръ, глыбы величиной съ домъ,—приходится обходить ихъ плугомъ. Если присмотрѣться къ этимъ глыбамъ внимательнѣе, то во многихъ случаяхъ окажется, что онѣ сильно рознятся отъ мѣстныхъ породъ, хотя зачастую находятся на самой почвѣ мѣстныхъ скалъ.

Изъ этого можно заключить, что эти камни—иноземные гости, которые и слывутъ съ давнихъ поръ, когда еще не было извѣстно ихъ происхожденіе, странствующими глыбами.

Въ Саксоніи, близъ Люцена, гдѣ палъ Густавъ Адольфъ, лежитъ одна изъ такихъ огромныхъ странствующихъ глыбъ, изъ гранита, прозванная „Шведскимъ камнемъ“. Справедливость этого прозвища, связаннаго по народному преданію съ выигранной здѣсь шведами битвою, доказана въ нынѣшнемъ столѣтіи наукой, хотя и съ другой точки зрѣнія: глыба эта дѣйствительно иноземнаго, шведскаго происхожденія. Какъ-же попала она въ Саксонію?

Изученіе движенія странствующихъ глыбъ вело мало по малу также къ изученію движенія крупныхъ песковъ и рыхлыхъ земляныхъ слоевъ вообще, и, благодаря такому изученію, установлено, что низменности сѣверной Россіи, особенно Остзейскій край, усѣяны массами глыбъ финскихъ горныхъ породъ; датскіе острова и низменности сѣверной Германіи—массами

шведскихъ горныхъ породъ и сѣверная часть Ютландіи, сѣверо-западная часть Германіи, Голландія и даже восточный берегъ Англіи—массами норвежскихъ горныхъ породъ.

Можно пойти еще дальше и сказать, что вся низменность сѣверо-европейской равнины, со всѣми ея различными породами песковъ и земляныхъ слоевъ, на самомъ дѣлѣ построена по большей части на фундаментѣ изъ породъ, когда-то перемѣщенныхъ туда изъ Финляндіи и со Скандинавскаго полуострова; плодородная датская почва является слѣдовательно дѣтищемъ шведско-норвежской, и преданіе о дѣвѣ Гефіонъ, перенесшей Зеландію съ того мѣста, гдѣ теперь находится озеро Веннернъ, такимъ образомъ, несовсѣмъ лишено смысла.

Какая же сила перемѣстила всѣ эти массы камней и песковъ и разсѣяла ихъ по низменнымъ равнинамъ?

Народная фантазія представляла себѣ эту силу въ видѣ троллей и великановъ, забавлявшихся перебрасываніемъ подобныхъ глыбъ; въ наше время извѣстно, что троллями и великанами этими была въ данномъ случаѣ сама природа.

Въ то время, какъ наука только что начала заниматься разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ, сложилось предположеніе, что сплой, перемѣщавшей въ равнины низменностей тяжелыя странствующія глыбы, огромныя массы песку, камней и земли, должна быть вода, страшный всемірный потопъ, разлившійся по горамъ и долинамъ и унесшій съ горъ эти массы камней и песку. Согласно данному предположенію, сами геологи дали подобнаго рода почвеннымъ наслоеніямъ названіе „Diluvium“ (отъ латинскаго слова, означ. — потопъ), часто примѣняемое и понынѣ.

Затѣмъ, стали связывать происхожденіе песчаныхъ и землистыхъ наслоеній низменностей съ доказаннымъ наукой фактомъ, что Скандинавскій полуостровъ былъ когда-то покрытъ льдомъ на подобіе теперешней Грёнландіи, и утверждать, что странствующія глыбы и слои песку были перенесены изъ Скандинавіи въ низменности Европы посредствомъ плывучаго льда и ледяныхъ горъ, скатившихся въ норвежскіе и шведскіе фьорды. Нагруженные камнями и пескомъ ледяныя поля и горы носились-де затѣмъ надъ низменными частями сѣверной Европы, которая въ то время, какъ предполагалось, находилась подъ водой, и мало-по-малу тая, отлагали песокъ и камни на дно, подобно тому, какъ нынѣ плывучія ледяныя скалы, сползающія съ ледяного плато Грёнландіи, отлагаютъ свои пески и камни на дно моря между Грёнландіей и отмелями Ньюфундлендскихъ острововъ.

Теперь извѣстно, что и это разъясненіе, раздѣляемое многими до сихъ поръ, служитъ лишь крайне неудовлетворительнымъ отвѣтомъ на вопросъ о происхожденіи почвы низменностей сѣверной Европы, и что единственнымъ правдоподобнымъ объясненіемъ этого вопроса можетъ послужить предположеніе, что странствующія глыбы перемѣщены посредствомъ ледниковаго льда. Самое мѣстонахожденіе такихъ глыбъ въ настоящее время вполнѣ ясно доказываетъ, что поверхность Европы была нѣкогда покрыта ледниковымъ льдомъ даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь нѣтъ и помину о ледникахъ.

Уже въ концѣ 50 годовъ, геологи неопровержимо доказали, что и скалистая почва Скандинавскаго полуострова была нѣкогда покрыта сплошнымъ ледянымъ покровомъ, материковымъ льдомъ, и это вполнѣ подтвердилось новѣйшими изслѣдованіями

Грёнландіи. Повсюду въ Норвегіи, Швеціи и Финляндіи встрѣчаются такія же истертыя льдомъ скалы (roches moutonnées), какія есть въ низменной части береговой полосы Грёнландіи. Геологическое изученіе норвежскихъ долинъ и скалъ, скандинавскихъ фьордовъ и шхеръ также мало по малу открыло намъ условія совершенно аналогичныя съ грёнландскими, и во всякомъ случаѣ разъяснимыя лишь предположеніемъ, что вся Скандинавія была нѣкогда покрыта огромнымъ слоемъ такого-же материковаго льда, какимъ покрыта въ настоящее время Грёнландія.

Съ данной точки зрѣнія почвенныя условія сѣверной Европы и Грёнландіи казались тождественными, но съ начала 80-хъ годовъ (или вѣрнѣе еще въ 70-хъ) изслѣдованія неопровержимо доказали, что нельзя остановиться и на такомъ взглядѣ. Благодаря трудамъ шведскихъ геологовъ, особенно-же проф. Торелля, доказано, что европейскій материковый ледъ не ограничивался подобно грёнландскому, окруженному свободною ото льда береговою полосою, территоріей скалистаго Скандинавскаго полуострова. Напротивъ, на основаніи изслѣдованій послѣднихъ 25 лѣтъ, можно считать вполнѣ несомнѣннымъ, что огромные песчаные слои, покрывающіе нынѣ всѣ сѣверо-европейскія низменности и отчасти скрывающіе твердую скалистую почву ихъ, отложены сплошной ледяной корою, облекавшею нѣкогда всю сѣверную Европу.

Здѣсь мы встрѣчаемся слѣдовательно, съ условіями куда болѣе грандіозными, нежели наблюдаемыя нынѣ въ Грёнландіи, и если теперь искать съ чѣмъ сравнить изчезнувшія геологическія условія сѣверной Европы, то вѣрнѣе всего, пожалуй, будетъ обратить взоръ на южный полюсъ—если только вѣрна гипотеза Муррея, что тамъ, гдѣ прежде предполагалось море, скорѣе всего выспится огромный щитъ льда, покрывающій материкъ пространствомъ отъ 10 до 12 милліоновъ кв. километровъ.

Такимъ-же щитомъ покрывалъ нѣкогда въ періодъ своего могущества материковый ледъ всю сѣверную Европу; предположительно толщина его надъ Скандинавіей равнялась по меньшей мѣрѣ тысячѣ или, пожалуй, вѣрнѣе двумъ тысячамъ метровъ; отсюда ледяная кора шла на западъ, на югъ и на востокъ, покрывая сплошь главнымъ образомъ Нѣмецкое море,

Шотландію, большую часть Англіи и Ирландіи, уходила далеко въ Атлантическій океанъ, затѣмъ распространялась надъ Голландіей, Сѣверной Германіей и Даніей, Балтійскимъ моремъ, Ботническимъ заливомъ и Остзейскими провинціями, уходя далеко въ степныя области Россіи. Толщина ледяной коры, уменьшаясь по направленію къ югу, должна была, всетаки, на широтѣ нынѣшняго Берлина достигать приблизительно 400 метровъ.

Границы мощной ледяной коры, отмѣчены согласно новѣйшимъ научнымъ даннымъ на приложенной картѣ, которая въ общихъ чертахъ взята изъ труда Джемса Гейки о ледниковомъ періодѣ (Эдинбургъ 1894 г.).

Пограничная черта пересѣкаетъ, какъ видно, южную часть Англіи, сѣверную часть Бельгіи, Гарцъ, сѣверную часть Рудныхъ горъ и Карпатъ, затѣмъ идетъ на сѣверъ отъ Лемберга въ Галицію, проходитъ южнѣе Кіева, значительно южнѣе западнаго берега Волги, и идетъ ломаной линіей на западъ отъ рѣки Камы и оттуда на сѣверъ къ Ледовитому океану. Отдѣльная область льда въ Тиманскихъ горахъ и въ сѣверной части Урала находилась, можетъ быть, въ связи съ этой ледяной корой.

Пространство-же, охваченное послѣднею приходится, вѣроятно, опредѣлить, по меньшей мѣрѣ, въ 5 милліоновъ кв. километровъ.

Кромѣ того, въ сѣверной Европѣ находились и обширныя мѣстныя пространства ледяной коры: на Исполиновыхъ горахъ, Юрѣ, Вогезахъ, Шварцвальдѣ, Кавказѣ, Пиринеяхъ и др.

Но еще болѣе величественнымъ, нежели въ Европѣ, представлялось по Шамбертэну пространство материковаго льда въ Сѣверной Америкѣ. Лаврентьевскій материковый ледъ покрывалъ здѣсь $^5/_6$ восточной части Канады, затѣмъ почти сплошь 16 изъ нынѣшнихъ сѣверныхъ штатовъ, спускаясь на востокѣ южнѣе Нью-Іорка, а въ срединѣ материка и еще южнѣе (въ Иллинойсѣ вплоть до 37° 35′ с. ш.).

Другое отдѣльное пространство, покрытое сплошной ледяной корой, тянулось на западъ отъ Лаврентьевскаго плато черезъ обширныя пространства Сѣверо-американскихъ Кордильеровъ, почти отъ 48° с. ш., и на сѣверъ къ Ледовитому океану, спи-

ваясь здѣсь, какъ предполагаютъ, съ материковымъ льдомъ Лаврентьевскаго плато.

Существуетъ любопытное и довольно распространенное предположеніе будто Аляска не была покрыта материковымъ льдомъ.

Кромѣ двухъ обширныхъ областей материковаго льда—Лаврентьевской и Кордильерской, раздѣленныхъ, какъ предполагается, на югѣ свободной ото льда полосою, въ сѣверной Америкѣ, какъ и въ Европѣ, находились также большія мѣстныя области ледниковъ, особенно-же въ горныхъ странахъ, на югѣ отъ материковаго льда Кордильеровъ. Общая площадь покрытыхъ въ тѣ времена материковымъ льдомъ пространствъ Сѣверной Америки равнялась слишкомъ 10 милліонамъ кв. километровъ, т. е. почти соотвѣтствовала нынѣшней ледяной пустынѣ (по расчетамъ Муррея) южнаго полюса.

Въ сѣверной Азіи прежде не находили достовѣрныхъ остатковъ значительнаго распространенія ледянаго покрова; въ послѣдніе-же годы баронъ ф. Толь нашелъ у Анабарскаго залива и на Ново-Сибирскихъ островахъ слѣды, доказывающіе вѣроятное существованіе здѣсь довольно обширнаго по пространству, хотя и не особенно мощнаго, материковаго льда. Баронъ Толь предполагаетъ, что полярныя страны въ тѣ времена занимали болѣе возвышенное положеніе надъ уровнемъ моря—достаточно возвышенное для наслоенія обширнаго ледянаго покрова; послѣ же ледниковаго періода страны эти по большей части опустились въ море, и рядъ острововъ, расположенныхъ нынѣ на сѣверъ отъ азіатскаго материка (Ново-Сибирскіе острова и пр.) является такимъ образомъ лишь остатками погрузившагося въ море полярнаго материка.

Въ морѣ между Европой и Америкой находились мѣстныя пространства ледяной коры надъ Фарёрскими островами и Исландіей. Грёнландія, сохраняющая и теперь свой материковый ледъ, который занимаетъ приблизительно площадь въ $1^1/_2$ милліона км., была тогда покрыта льдомъ въ значительно большей степени, если не сплошь. Предполагаютъ, что грёнландскій материковый лёдъ находился посредствомъ Эллесмеровой и Гринелевой земель въ связи съ Лаврентьевскимъ материковымъ льдомъ, но это мало вѣроятно. Если, какъ предполагаетъ ба-

ронъ Толь, въ ту эпоху существовалъ полярный материкъ съ материковымъ льдомъ, тянувшимся черезъ сѣверную Сибирь, то можно допустить, что этотъ полярный материковый ледъ доходилъ и до сѣверной Грёнландіи, непосредственно примыкая къ материковому льду этой страны. За неимѣньемъ данныхъ, нельзя, однако, составить себѣ объ этомъ опредѣленнаго мнѣнія.

Да, удивительную картину долженъ былъ представлять въ тѣ времена сѣверъ Европы и Америки. Вообще принято полагать, что Скандинавія и обширныя области сѣверной Америки были въ ту эпоху во всякомъ случаѣ значительно болѣе приподняты надъ уровнемъ моря, нежели теперь, что и способствовало образованію огромныхъ ледяныхъ покрововъ. Безусловно же вѣрно то, что въ тѣ времена по всей сѣверной части Атлантическаго океана уже отъ широты Нью-Іорка, или со стороны Европы — отъ южныхъ береговъ Англіи, или отъ моря—на западъ отъ Ирландіи и къ сѣверу, тянулась сплошная въ сто метровъ высоты, или еще того выше, ледяная стѣна, отъ которой безпрестанно отрывались огромныя ледяныя горы, уносившіяся оттуда къ морю, точь точь какъ теперь отъ ледника Гумбольдта, въ Грёнландіи. Ледяная стѣна эта должна была тянуться безъ перерыва вплоть до Ледовитаго океана, гдѣ сливалась съ краемъ материковаго льда полярныхъ странъ.

Внутри-же ледяной ограды высилось похожее на выпуклый щитъ безконечное, безжизненное ледяное и снѣжное поле, тянувшееся отъ Ирландіи къ Уралу и, можетъ быть, еще дальше на востокъ,и отъ Ледовитаго океана до подножія Карпатскихъ горъ.

Климатъ внѣ этой ледяной пустыни соотвѣтствовалъ нынѣшнему климату Шпицбергена. Во Франціи, средней Европѣ и Венгріи водились тогда сѣверный олень, полярная лисица, мускусовый быкъ и другіе виды арктической фауны, вмѣстѣ съ покрытымъ шерстью носорогомъ (rhinoceros thichorhinus) и мамонтомъ—слономъ ледниковаго періода, (elephas primigenius), значительно превышающимъ ростомъ теперешніе виды слоновъ и также покрытымъ толстой длинношерстной шкурой, которая защищала его отъ морозовъ. Растительность этихъ странъ, принадлежащихъ теперь по климату къ умѣренному и теплому поясу, изобилующихъ виноградомъ и грецкимъ орѣхомъ, ограничивалась тогда тѣми-же низкорослыми кустами, березками-кар-

лицами и прочими арктическими растеніями, встрѣчающимися и теперь по берегамъ Ледовитаго океана.

Даже въ такихъ южныхъ странахъ, какъ Италія, господствовалъ, какъ это видно изъ сохранившихся тамъ остатковъ фауны и флоры, рѣзкій холодный климатъ, а въ Средиземномъ морѣ обиталъ цѣлый рядъ животныхъ, которыхъ теперь находятъ только гораздо ближе къ сѣверу.

Въ юго-восточной части Европы находилось во времена господства материковаго льда обширное Арало-Каспійское море, простиравшееся одной губой вплоть до Казани, а другой далеко вглубь Азіи, и соединенное съ Азовскимъ и Чернымъ морями. Теперешніе Каспійское море и Аральское озеро являются остатками этого обширнаго моря и заключаютъ еще и понынѣ виды фауны того времени, когда огромное Арало-Каспійское море содержало соленую воду.

Внутри Азіи, даже далеко на югѣ, климатъ былъ и дождливымъ и сырымъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь пустыня Гоби и бассейнъ Тарима, находилось огромное внутреннее море, почти такой-же величины, какъ Средиземное, а вершины Гималайскихъ и другихъ азіатскихъ горъ стояли покрытыя льдомъ.

И даже въ такой южной странѣ, какъ Африка, климатъ по всей вѣроятности былъ сырымъ и дождливымъ, и большія пространства теперешней Сахары и ея окрестностей также были заняты въ ту эпоху обширнымъ внутреннимъ моремъ.

Тоже самое, что въ Европѣ, было и въ Америкѣ. И тамъ внѣ области льдовъ господствовалъ тотъ-же сырой и холодный климатъ, и тамъ—во всякомъ случаѣ въ извѣстное время этой эпохи—находился цѣлый рядъ озеръ, напр., озеро Бонневиль (около 600 км. въ длину), послѣднимъ остаткомъ котораго можно считать Большое соленое озеро въ Утахъ, Лагонтанъ въ сѣверо-восточной Невадѣ и др.

На основаніи изслѣдованій послѣднихъ десятилѣтій можно почти съ увѣренностью заключить, что кромѣ *одного* извѣстнаго ледниковаго періода между третичной эпохой и нашими временами было еще нѣсколько, по мнѣнію нѣкоторыхъ геологовъ—даже цѣлый рядъ такихъ ледниковыхъ періодовъ.

Безусловно-же вѣрно то, что послѣ періода упомянутаго господства материковаго льда въ сѣверныхъ частяхъ Европы,

Америки, Азіи и въ полярныхъ странахъ, наступилъ періодъ болѣе умѣренныхъ климатическихъ условій, когда ледяные покровы мало по малу растаяли, и область льдовъ отступила къ сѣверу—на сколько не извѣстно, но во всякомъ случаѣ установлено, что вся сѣверо-европейская низменность была свободна ото льда; кромѣ того многіе держатся мнѣнія, что ледяная кора совершенно исчезла въ Скандинавіи, между тѣмъ какъ другіе полагаютъ, что она исчезла только въ южной ея части. Довольно вѣроятно, однако, что почва Скандинавіи вмѣстѣ съ этими измѣненіями нѣсколько опустилась. Найденыя въ средней Европѣ геологическія отложенія того времени ясно доказываютъ, что климатъ въ ней по исчезновеніи ледяной коры сталъ совершенно мягкимъ и теплымъ, что сопровождалось появленіемъ всевозможныхъ видовъ южной флоры и фауны въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде ледяная кора исключала всякую жизнь. Земля покрылась лѣсами растущихъ и по нынѣ въ Англіи и средней и южной Европѣ лиственныхъ деревъ; съ юга стали переселяться сюда бегемоты, носороги, слоны (elephas antiquus). Африка была въ то время по всей вѣроятности соединена черезъ Пантеларію и Сицилію съ Европой перешейкомъ, по которому эти виды южной фауны и нашли себѣ дорогу на европейскій материкъ, а также по перешейку черезъ Па-де-Кале въ Англію. Среди этихъ видовъ южной фауны находились исполинскій олень, дикій зубръ и другіе теперь вымершіе животные. Все свидѣтельствуетъ о томъ, что климатъ Европы былъ тогда очень теплымъ, можетъ быть, даже теплѣе нежели теперь. Такія-же климатическія условія господствовали и въ Америкѣ; но затѣмъ климатъ снова измѣнился, становясь все холоднѣе и холоднѣе, и вотъ, со скандинавскихъ скалъ снова сталъ надвигаться огромный ледяной покровъ на все Нѣмецкое и Балтійское моря и на всю сѣверную Европу. Это было вторичнымъ періодомъ господства материковаго льда, но на этотъ разъ ледяной покровъ не распространялся такъ далеко на югъ, какъ въ первый. Границы ледяной коры въ этотъ второй періодъ не вполнѣ точно опредѣлены, но вообще предполагаютъ, что на этотъ разъ почти вся Англія находилась внѣ области материковаго льда, границы котораго протянулись по Европѣ дугою отъ Гамбурга,

нѣсколько южнѣе Берлина и дальше къ Варшавѣ, восточнѣе Петербурга и западнѣе Архангельска до самаго Бѣлаго моря.

Распространеніе ледянаго покрова сопровождалось, конечно, сильнымъ пониженіемъ температуры въ средней Европѣ и увеличеніемъ влажности воздуха, и по ея равнинамъ снова стали бродить сѣверный олень и другія сѣверныя породы животныхъ, снова исчезли высокіе густые лѣса и на мѣстѣ ихъ остались только береза-карлица да низкорослый ивнякъ.

То-же явленіе наблюдалось во вторичный періодъ господства материковаго льда и въ Америкѣ: и здѣсь, какъ въ Европѣ, область льдовъ не такъ далеко простиралась на югъ, какъ въ первый періодъ.

Итакъ, подобно тому, какъ доказано, что въ Европѣ и Америкѣ было два угольныхъ періода *), доказано теперь существованіе и двухъ ледниковыхъ, а для средней Европы также промежуточнаго теплаго періода.

Каждый изъ этихъ ледниковыхъ періодовъ и промежуточный теплый, продолжался, безъ сомнѣнія, тысячелѣтія, если не десятки тысячелѣтій. Сопровождающія смѣну періодовъ измѣненія климатическихъ условій сопровождались, какъ уже упомянуто, соотвѣтственными измѣненіями фауны и флоры, которыя должны были происходить постепенно и незамѣтно въ теченіи этихъ тысячелѣтій. Благодаря разрѣзамъ земляныхъ и песчаныхъ слоевъ, обнаженныхъ или вліяніемъ воды (рѣками и водопадами), или во время работъ по проложенію дорогъ, геологамъ удалось съ годами собрать такой богатый матеріалъ, по которому можно прочесть, какъ по книгѣ, всю исторію нашей земли въ различные періоды. Пласты эти служатъ для геологовъ какъ-бы пергаментами и папирусными свитками съ письменами, по которымъ геологи истолковываютъ, между прочимъ, и исторію ледниковыхъ періодовъ.

Подобно тому, какъ странствующія глыбы сами часто говорятъ о своемъ происхожденіи, такъ и песчаные пласты въ средней Европѣ часто объявляютъ себя моренами—частью конечными моренами, т. е. завалами, образовавшимися у краевъ ледника или материковаго льда, отчасти поддонными моренами, т. е. та-

*) Канзасскій и Іовакскій.

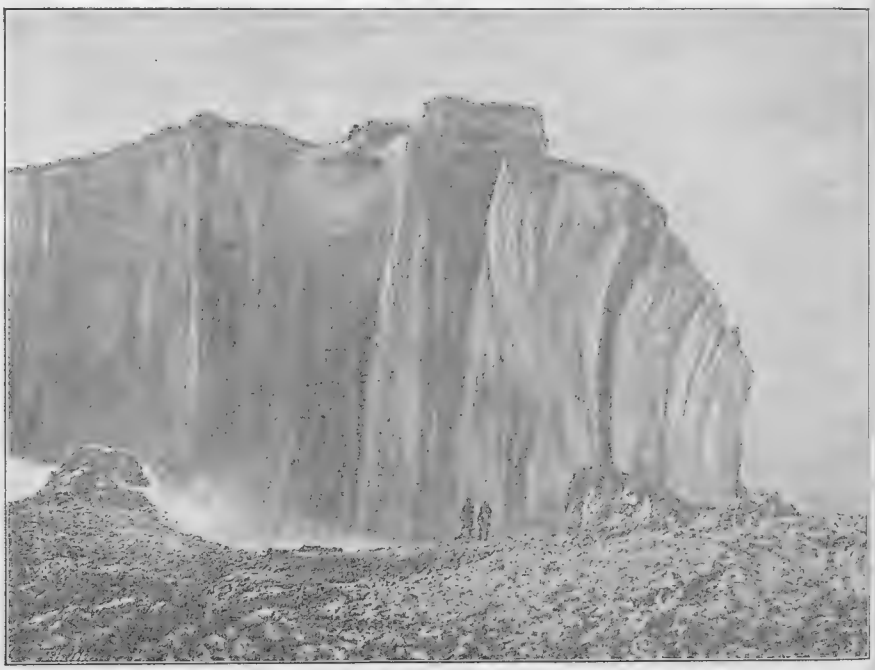
кими пластами, которые, какъ показываетъ опытъ, могли образоваться лишь подъ давленіемъ мощной ледяной коры.

На основаніи того, что въ средней Европѣ среди песковъ поддонныхъ моренъ часто встрѣчаются слои, заключающіе кости полярныхъ лисицъ, сѣверныхъ оленей, мускусныхъ быковъ, россомахъ, горностаевъ, полярныхъ зайцевъ, снѣжныхъ филиновъ, и др. животныхъ, которыя встрѣчаются нынѣ массами въ лѣтніе мѣсяцы въ сибирскихъ тундрахъ, а въ конечныхъ моренахъ—остатки флоры, встрѣчаемой нынѣ въ сѣверныхъ окраинахъ Сибири или у Ледовитаго океана, можно заключить, что почва, послѣ того, какъ материковый ледъ, отслоивъ морены, мало по малу удалился изъ средней Европы на Сѣверъ, постепенно превратилась въ тундру. Но затѣмъ оказывается, что въ другихъ слояхъ, образовавшихся *надъ* только что упомянутыми моренами, находятся остатки богатой, чисто степной фауны, какъ-то, прыгуновъ, хомяковъ, сайгъ, антилопъ, дикихъ степныхъ лошадей, степныхъ львовъ, различныхъ грызуновъ, степныхъ куръ, дрохвъ и т. д. и вмѣстѣ съ ними остатки мамонтовъ. На основаніи этого, и согласно изслѣдованіямъ Меринга, можно съ увѣренностью сказать, что за періодомъ (климатическимъ) тундры послѣдовалъ въ средней Европѣ періодъ, когда почва представляла весной покрывавшуюся травою степь, лѣтомъ сухую песчанную равнину, гдѣ свирѣпствовали смерчи, а зимой снѣжную пустыню, гдѣ свирѣпствовали бураны, словомъ, подобіе нынѣшнихъ азіатскихъ степей съ ихъ флорой и фауной.

И только послѣ этого періода, климатъ началъ дѣлаться все мягче и мягче, а земля покрываться богатой лѣсной растительностью, что сопровождалось и удаленіемъ степныхъ животныхъ вглубь Азіи и появленіемъ на ихъ мѣстъ лѣсныхъ. Такимъ образомъ земные пласты сами показываютъ своими составными частями и остатками флоры и фауны весь ходъ геологическихъ и климатическихъ измѣненій земнаго шара.

Изъ остатковъ исчезнувшей фауны наибольшій интересъ представляютъ остатки знаменитыхъ сибирскихъ мамонтовъ. Въ сѣверной Сибири уже неоднократно находили цѣлые трупы этого слона ледниковаго періода, трупы съ вполнѣ сохранившейся кожей, съ мозгомъ въ большихъ мозговыхъ костяхъ, съ остатками пищи (еловыя шишки) въ желудкѣ. Трудами различ-

ныхъ снаряженныхъ С.-Петербургской Академіей Наукъ экспедицій, подъ начальствомъ ф. Бэра, ф. Шмидта и въ послѣднее время ф. Толя, собранъ богатый матеріалъ для освѣщенія тѣхъ условій, при которыхъ водился мамонтъ. Баронъ Толь нашелъ въ различныхъ мѣстахъ на берегахъ Сибири у Ледовитаго океана, особенно-же на Ново-Сибирскихъ островахъ, обширные слои



Каменный ледъ.

мертваго каменнаго льда, которые, по его мнѣнію, не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ остатками материковаго льда, простиравшагося надъ частью сѣверной Азіи и далѣе къ полюсу, считая при этомъ Ново Сибирскіе и др. острова остатками обширнаго связаннаго нѣкогда съ Азіей полярнаго материка. На крутыхъ обрывахъ этого каменнаго льда, достигающаго, напр., на одномъ изъ Ляховскихъ острововъ высоты въ 23 метра, находятся слои замерзшаго песку, ила и торфа съ многочисленными остатками растительности—ивы и ольхи. Если, слѣдова-

тельно, мнѣніе барона Толя, относительно образованія каменнаго льда, справедливо, то на берегахъ Ледовитаго океана, на широтѣ 74°, ледниковый періодъ смѣнился такимъ, во время котораго мѣстности эти были покрыты материковымъ льдомъ лишь отчасти и климатъ былъ настолько теплымъ, что на тонкомъ земляномъ слоѣ, покрывшемъ каменный ледъ, могли произрастать ольха и ива, но съ другой стороны не на столько теплымъ, чтобы ледъ разстаялъ весь. Въ настоящее время сѣверная граница этой растительности пролегаетъ въ упомянутой мѣстности на 4° (около 450 км.) южнѣе.

Такъ вотъ среди какой растительности жили нѣкогда мамонтъ, косматый носорогъ, мускусный быкъ и многіе др. виды животныхъ, свойственные полярнымъ странамъ; погибшіе такъ или иначе въ то время животные—настигнутые бураномъ или упавшіе въ расщелины каменнаго льда, наполнившіяся затѣмъ снѣгомъ или льдомъ, сохранились до нашихъ дней, благодаря сильнымъ холодамъ, заморозившимъ ихъ.

Мамонтъ заходилъ и на сѣверъ Скандинавіи, о чемъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, найденный въ долинѣ Гульдбрандъ небольшой мамонтовый зубъ. Теперь и мамонтъ и косматый носорогъ вымерли, между тѣмъ, какъ ихъ современникъ, мускусный быкъ, влачитъ еще, точно привидѣніе ледниковаго періода, жалкое существованіе въ самыхъ недоступныхъ мѣстностяхъ сѣверной Грёнландіи, Гриннеллевой земли и пр.

Упомянутое выше вторичное обширное распространеніе материковаго льда оставило въ Англіи слѣды въ видѣ мореновыхъ хребтовъ, придающихъ—напр. части Брандербурга—особый отпечатокъ.

Послѣ этого вторичнаго періода холодовъ климатъ снова началъ дѣлаться мягче, и ледяной покровъ надъ равнинами сѣверной Европы снова растаялъ. Въ этотъ вторичный періодъ материковый ледъ покрывалъ главнымъ образомъ нѣкоторыя части скандинавскихъ странъ, а также Ботническій заливъ и часть Финляндіи; затѣмъ на югъ отъ этихъ странъ выдавался огромный мысъ материковаго льда, который заполнялъ всю часть Балтійскаго моря, омывающую теперь южную часть Даніи и сѣверную часть Германіи, покрывалъ низменность Сконіи (южная часть Швеціи), датскіе острова, восточную часть Ютлан-

діи и сѣверную Германію, останавливаясь къ сѣверу отъ нынѣшняго Берлина. Въ Норвегіи, границы этого ледяного покрова отмѣчены рядомъ мощныхъ моренъ, извѣстныхъ подъ мѣстнымъ названіемъ „Raer“. Оказывается, что въ этотъ вторичный ледниковый періодъ (изученный въ Швеціи главнымъ образомъ де Геромъ), большая часть Скандинавіи была свободна отъ материковаго льда, такъ какъ въ Швеціи онъ покрывалъ только Сконію, въ Норвегіи-же вся береговая полоса за моренами въ Ярлсбергѣ, на Листерѣ и Едернѣ была свободна отъ льда.

По всему видно, что уровень Скандинавіи надъ моремъ въ тѣ времена былъ на нѣсколько сотъ метровъ ниже нежели въ наше время. Это, между прочимъ, видно изъ того, что морены оказываются надъ моремъ. Море, во время медленнаго таянія материковаго льда и постепеннаго удаленія границъ ледяного покрова на сѣверъ, заходило далеко въ нынѣшнія долины, а тогдашніе фьорды, и тутъ отлагало слои глины съ раковинами, (напр. небольшія раковины yoldia arctica), которыя теперь находятъ только въ такихъ мѣстахъ Ледовитаго океана, гдѣ температура колеблется между 0° и —2° (Torell). Одновременно съ этой древнѣйшей ледяной глиной, являющейся самымъ нижнимъ изъ сохранившихся въ Норвегіи и Швеціи слоевъ, отложенныхъ въ соленой водѣ, были отложены также вдоль тогдашнихъ береговъ мели изъ раковинъ, и изъ раковинныхъ скорлупъ, выброшенныхъ соленымъ моремъ, что говоритъ объ арктическомъ климатѣ. Теперь, какъ эти глиняные слои, такъ и арктическія мели изъ раковинъ подняты, вслѣдствіе упомянутаго уже поднятія почвы страны, на нѣсколько метровъ выше нынѣшняго уровня моря. По мѣрѣ того, какъ границы материковаго покрова удалялись все дальше и дальше на сѣверъ, и климатъ становился все мягче, и самая почва Скандинавіи подымалась изъ моря все больше и больше.

Распредѣленіе суши и воды въ сѣверной Европѣ также было совсѣмъ инымъ, нежели теперь. Такъ напр. въ послѣдовавшее за вторичнымъ ледниковымъ періодомъ время Швеція, по всей вѣроятности, была соединена съ Германіей посредствомъ Сконіи, Зеландіи и др. острововъ, между тѣмъ, какъ Сѣверное море было соединено съ озерами Венерномъ, Веттерномъ и дальше черезъ Нерике съ Балтійскимъ моремъ, которое въ

свою очередь было, пожалуй, соединено черезъ Ладожское и Онежское озера, съ Бѣлымъ моремъ. По крайней мѣрѣ озера Веттернъ, Венернъ, Мьёсенъ и другіе до сихъ поръ отличаются фауной соленыхъ водъ, свыкшейся мало-по малу съ прѣсной водой (виды, указанные С Ловеномъ, Г. Сарсомъ и др.). Тюлень, водящійся въ Балтійскомъ морѣ, также является, пожалуй, однимъ изъ такихъ видовъ, остатковъ съ тѣхъ древнихъ временъ, когда Балтійское море было соединено съ Бѣлымъ моремъ.

По мѣрѣ того, какъ материковый ледъ отступалъ на сѣверъ, почва, освобожденная отъ ледяной коры, покрывалась растительностью. Въ началѣ климатъ былъ настолько холоднымъ, что могли произрастать только чисто арктическіе виды флоры, какъ salix polaris, видъ крошечной ивы, и красивый dryas octopetala, которыя оба вмѣстѣ съ другими арктическими растеніями найдены въ глинистыхъ слояхъ, сперва (1870 г.) въ Сконіи и на датскихъ островахъ, затѣмъ въ массахъ, въ странахъ, идущихъ къ югу отъ Балтійскаго моря (вплоть до Саксоніи). По мѣрѣ поднятія почвы, климатъ южной части Скандинавіи становился все мягче и мягче. Арктическую растительность „salix polaris dryas“, бывшую, какъ указываетъ датскій ученый І. Стенструпъ, первымъ растительнымъ покровомъ Даніи на рубежѣ между ледниковымъ періодомъ и смѣнившимъ его, вытѣснили съ теченіемъ времени низкіе кустарники, лѣсныя болота съ осиной и другими растеніями, указывающими на болѣе мягкій климатъ, а эти въ свою очередь уступили мѣсто видамъ флоры, свойственной еще болѣе мягкому климату. *) За флорой слѣдовала и фауна, нѣкоторыя виды которой совершенно исчезли теперь въ Даніи и Сконіи. (Такъ въ торфяныхъ болотахъ Сконіи находятъ остатки зубра, мускуснаго быка, черепахи и т. п. животныхъ того времени).

Въ южной части Скандинавіи почва поднялась даже гораздо выше надъ уровнемъ моря, чѣмъ находится теперь. По пред-

*) Стенструпъ отмѣчаетъ въ Даніи съ окончанія ледянаго періода до настоящаго времени слѣдующія три степени развитія флоры: 1) горную флору, переходящую въ мелкіе кустарники и затѣмъ въ растительность лѣсныхъ болотъ и въ осинникъ, 2) сосновую и 3) дубовую и (нынѣшнюю) буковую.

положенію нѣкоторыхъ ученыхъ, часть сѣверной Европы поднялась тогда настолько, что большая часть Сѣвернаго моря высохла, и возникло сухопутное сообщеніе между Норвегіей и Англіей съ одной стороны, и Англіей и Франціей съ другой. Безусловно-же вѣрно то, (на что настоятельно и указываетъ шведскій геологъ Г. Мунте), что вслѣдъ за растаяніемъ ледяной коры, покрывавшей Балтійское море, послѣдовало время, когда послѣднее было огромнымъ сплошнымъ прѣсноводнымъ озеромъ (Ancylus), уровень котораго превышалъ теперешній его уровень приблизительно на 85 метровъ (наивысшая точка Готланда—Фальдингбо—находится теперь на высотѣ 77 метровъ надъ уровнемъ моря), и границы котораго заходили далеко на западъ за Веттернъ и на востокъ за Ладожское озеро. Вдоль береговъ этого огромнаго прѣсноводнаго озера водилось множество прѣсноводныхъ раковинъ (ancylus fluviatilis, limnea ovata и проч.), остатки которыхъ находятъ во многихъ мѣстахъ въ слояхъ прѣсноводной глины по всѣмъ прибрежьямъ Балтійскаго моря, находящимся теперь выше уровня воды. Балтійское море вѣроятно спускало тогда свои воды черезъ рѣку, которая—во всякомъ случаѣ нѣкоторое время этого періода—протекала черезъ Зундъ въ Каттегатъ.

Періодъ этотъ и называется періодомъ анцилусскаго озера (Ancylus).

Но затѣмъ почва опять стала понижаться, по крайней мѣрѣ по южнымъ побережьямъ Балтійскаго моря и вокругъ Каттегата, Балтійское море снова стало соленоводнымъ моремъ, болѣе соленымъ, чѣмъ теперь (что доказывается нахожденіемъ въ немъ морскихъ раковинъ litorina и другихъ животныхъ, живущихъ въ болѣе соленой водѣ). Ладожское озеро являлось заливомъ этого моря, носившаго имя Литорина (Litorina). Климатъ Скандинавіи въ это время былъ по всей вѣроятности значительно мягче, нежели теперь, что доказывается, напр., нахожденіемъ орѣховъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ теперь орѣшникъ произрастать не можетъ, а также такихъ раковинъ, въ глинистыхъ слояхъ и меляхъ, которыя теперь водятся лишь въ болѣе теплыхъ моряхъ (напр., tapes decussata).

Съ того времени почва Скандинавіи безпрерывно поднимается; но климатъ тѣмъ не менѣе сталъ холоднѣе (что пока-

зываютъ также, по изслѣдованіямъ А. Блитти и др., высоколежащія норвежскія торфяныя болота съ сосновыми стволами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не растетъ больше сосна), чѣмъ въ то время, когда около прибрежій Балтійскаго моря водились морскія раковины.

Какъ ни интересно было-бы прослѣдить весь рядъ климатическихъ и почвенныхъ измѣненій Европы вплоть до новѣйшаго времени, приходится отказаться отъ этой мысли, такъ какъ размѣры данной статьи не позволяютъ вдаваться въ такія подробности. Многіе стоятъ за то, что климатъ становился арктическимъ дважды послѣ періода Балтійскаго ледяного теченія, при чемъ каждый разъ высоколежащія мѣста Скандинавіи покрывались льдомъ, а также, что два эти періода мѣстнаго распространенія льда раздѣлялъ болѣе теплый періодъ. Но эти позднѣйшія измѣненія климата не признаны всѣми вообще геологами, и нельзя считать ихъ вполнѣ доказанными. Можно также привести здѣсь предположеніе многихъ ученыхъ, что періоду наибольшаго распространенія ледяного покрова въ сѣверной Европѣ и Америкѣ предшествовалъ менѣе продолжительный ледниковый періодъ, отдѣленный отъ перваго промежуточнымъ умѣреннымъ періодомъ.

Нѣкоторые писатели (напр., James Geikie) насчитываютъ между третичною и новѣйшею эпохою не менѣе шести ледниковыхъ и пяти умѣренныхъ періодовъ, но послѣдовательность этой серіи невполнѣ доказана. Другіе ученые не допускаютъ между ледниковыми и сравнительно болѣе умѣренными періодами значительнаго климатическаго различія, утверждая, что различіе между этими періодами выражалось только передвиженьемъ границъ ледяного покрова, то выдвигавшагося на югъ, то отступавшаго дальше на сѣверъ. По мнѣнію этихъ ученыхъ, можно отмѣтить по отношенію къ такимъ сѣвернымъ странамъ, какъ Скандинавія, только одинъ великій ледниковый періодъ (между третичною и новѣйшею эпохами, безъ всякихъ интерваловъ. *)

*) Вотъ главныя эпохи въ исторіи образованія земли:

1) самая древняя—палеозойская, 2) мезозойская, 3) кенозойская или третичная, 4) новѣйшая—послѣтретичная, въ которой различаются два періода: болѣе ранній аллювіальный или плейстоценовый и второй—диллювіальный или постпліоценовый.

Съ увѣренностью можно, во всякомъ случаѣ, сказать, что въ средней Европѣ и въ тѣхъ мѣстностяхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ нынѣ климатъ умѣренный, почва была покрыта растительностью, свидѣтельствующей объ умѣренномъ климатѣ въ данныхъ мѣстностяхъ въ періодъ, слѣдовавшій за ледниковымъ (во время котораго почва была покрыта материковымъ льдомъ) и смѣнившійся затѣмъ новымъ ледниковымъ періодомъ. Вообще нельзя отрицать, что предположеніе ученыхъ, полагающихъ между третичною и новѣйшею эпохами цѣлый рядъ смѣнявшихъ одинъ другой ледниковыхъ періодовъ съ интервалами между ними, имѣетъ за собой много вѣроятнаго.

Признаніе того факта, что сѣверная Европа до самыхъ Карпатскихъ горъ была нѣкогда покрыта громадною толстою корою материковаго льда, въ сравненіи съ которою ничтожна даже кора грёнландскаго материковаго льда, встрѣтило первоначально долгое и упорное сопротивленіе. Теперь это сопротивленіе почти побѣждено, равно какъ признанъ почти всѣми и однородный фактъ относительно Америки. Если-же въ наше время вообще и возникаютъ еще по этому поводу споры, то уже не столько о самомъ существованіи великаго ледниковаго періода, сколько о разныхъ частностяхъ въ томъ рядѣ климатическихъ перемѣнъ, который принято подразумѣвать подъ этимъ опредѣленіемъ.

Изученіемъ ледниковаго періода занимается множество ученыхъ; по этому вопросу возникла обширнѣйшая литература, и различныя спеціальныя изданія изо дня въ день продолжаютъ вносить въ науку новые вклады, способствующіе уразумѣнію этого замѣчательнаго и столь близкаго (по счисленію геологовъ) къ намъ періода въ исторіи образованія нашей земли, о которомъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ не имѣли еще и представленія.

Благодаря упомянутымъ трудамъ, съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе громадное значеніе великаго ледниковаго періода, который и считается теперь однимъ изъ важнѣйшихъ критическихъ періодовъ и въ исторіи образованія нашей земли и въ исторіи развитія на ней органической жизни.

Всѣ эти фьорды и озера, составляющіе красу Норвегіи, дикія

и живописныя альпійскія возвышенности, долины и пр., словомъ, весь рельефъ сѣверной и средней Европы обязанъ своимъ окончательнымъ построеніемъ ледникамъ упомянутаго періода и вліянію сопровождавшихъ его климатическихъ условій Почва всей низменности сѣверной Европы—отъ датскихъ острововъ до подножія Рудныхъ, Исполиновыхъ и Карпатскихъ горъ состоитъ главнымъ образомъ изъ массъ, передвинутыхъ льдомъ изъ скалистыхъ странъ сѣверо-восточной Европы. Гелландъ высчиталъ, что съ поверхности Скандинавіи снесено и стерто льдами среднимъ числомъ столько, что она понизилась на 25 метровъ противъ той высоты, которую имѣла при началѣ великаго ледниковаго періода, другими словами, страна потеряла 25 метровъ верхнихъ слоевъ, которые въ видѣ песку, лёсу, ила снесены и отложены въ Балтійскомъ морѣ и на сѣверно-европейской низменности. Если теперь представить себѣ, что эти огромныя массы были какъ-бы сцарапаны движущимися ледниками, которые такимъ образомъ дѣлали на своемъ пути огромныя углубленія (нынѣшнія долины и фьорды въ горахъ), то станетъ яснымъ утвержденіе многихъ ученыхъ, что происхожденіе всѣхъ вообще долинъ, фьордовъ и озеръ слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать ледникамъ великаго ледниковаго періода. Теперь намъ извѣстно, что до ледниковаго періода въ третичную эпоху климатъ даже на Шпицбергенѣ и въ Грёнландіи былъ умѣреннымъ на столько, что подходилъ къ нынѣшнему климату средней Европы и сѣверной Италіи. Затѣмъ, насталъ ледниковый періодъ, и поверхность покрылась безконечною ледяною корою, положившею конецъ всякой жизни. Послѣдующія перемѣны состояли въ томъ, что ледниковые періоды чередовались съ болѣе умѣренными, что сопровождалось и соотвѣтственными измѣненіями въ климатѣ; смѣны эти происходили на безконечно огромномъ съ человѣческой точки зрѣнія пространствѣ времени. По окончаніи же его Европа, Сѣверная Америка и сѣверная Азія существенно измѣнили и свой наружный видъ и свою фауну и свою флору. До ледниковаго періода въ Европѣ, Сѣверной Америкѣ и сѣверной Азіи водились многочисленные виды исполинскихъ млекопитающихъ, теперь вымершихъ, какъ напр. мастодонтъ, мамонтъ и другіе исполинскіе виды слоновъ, вымершіе виды гиппопотамовъ и но-

сороговъ, „elasmotherium“—огромное, родственное носорогу животное, исполинскій олень, пещерные исполинскіе львы и медвѣди „machairodus“—страшное хищное животное съ кинжалообразными клыками, въ сравненіи съ которымъ приходится считать довольно безопасными животными даже тигровъ и львовъ. Въ Южной Америкѣ водились крупные броненосцы (glyptodont), исполинскіе тихоходы (megather) и множество другихъ животныхъ, изъ которыхъ ни одно не пережило ледниковаго періода. „Мы живемъ въ такое время“, говоритъ Wallace, „когда самые исполинскіе и замѣчательныя виды животныхъ исчезли съ лица земли“.

Но *человѣкъ*, пережилъ ледниковый періодъ и сталъ властителемъ всей остальной живой природы. Тѣ самыя суровыя условія жизни, борясь съ которыми погибли конкуренты человѣка въ борьбѣ за существованіе, развили и довели до совершенства особыя качества человѣка, давшія ему затѣмъ возможность приспособиться къ этому ряду климатическихъ перемѣнъ, отъ котораго погибли исполинскія животныя третичной эпохи.

Съ геологической точки зрѣнія, мы находимся, пожалуй, только при началѣ новой эпохи въ существованіи земли, а именно—человѣческаго вѣка, эпохи психозоической, и дальнѣйшее развитіе ея скрыто отъ нашихъ глазъ. Зато первые ея фазисы мы уже изучили, по крайней мѣрѣ—въ главныхъ чертахъ. Для человѣчества нѣтъ ничего естественнѣе, какъ желать вникнуть во всѣ подробности этой эпохи, которая видѣла первые шаги человѣка по пути подчиненія имъ себѣ природы, видѣла великій ледниковый періодъ, переходное время отъ вѣка исполинскихъ животныхъ къ вѣку человѣка, т. е. важнѣйшій и интереснѣйшій моментъ въ исторіи земного шара. Намъ недовольно знать, что ледниковый періодъ дѣйствительно былъ; насъ манитъ проникнуть въ сущность и причину загадочнаго образованія этого чудовищнаго покрова материковаго льда, убившаго всякую жизнь всюду, куда только простерся его бѣлый саванъ. И въ настоящее время едва-ли представляется естествоиспытателю, біологу и геологу задача, болѣе близкая или болѣе настоятельно взывающая къ крайнему напряженію пытливаго человѣческаго ума.

Разрѣшеніе-же этой задачи требуетъ прежде всего основа-

тельнаго изученія тѣхъ мѣстностей, гдѣ и теперь еще господствуютъ условія, аналогичныя съ условіями ледниковаго періода въ Европѣ, Сѣверной Америкѣ и сѣверной Азіи. Ледяной покровъ Грёнландіи является ближайшимъ образцомъ, по которому можно судить о положеніи Скандинавіи въ началѣ ледниковаго періода. Изслѣдованія-же неизвѣстныхъ намъ мѣстностей около сѣвернаго полюса, обѣщаютъ обогатить насъ цѣлымъ рядомъ новыхъ свѣдѣній, необходимыхъ для рѣшенія упомянутой великой задачи. Отсюда ясно, какое значеніе имѣютъ такіе подвиги, какъ прохожденіе Нансеномъ на лыжахъ черезъ материковый ледъ Грёнландіи и его нынѣшняя экспедиція къ сѣверному полюсу. Дѣятели, подобные Нансену, снабжаютъ насъ документальными данными для уразумѣнія одного изъ важнѣйшихъ періодовъ въ исторіи земного шара, того именно періода, благодаря которому человѣкъ сталъ властелиномъ земли.

Подготовленія къ Грёнландской экспедиціи.

„Однажды вечеромъ, зимой 1887 г.“ — пишетъ докторъ Грійгъ—„сижу я въ своей коморкѣ за работой. Вдругъ дверь отворяется настежь, и входитъ Нансенъ со своей длинношерстой, плохо дрессированной собакой Дженной. Не выдавая себя за спеціалиста по этой части, я всетаки могу сказать, что Нансенъ слишкомъ разсѣянъ, чтобы хорошо дрессировать охотничьихъ собакъ. Вечеръ былъ такой холодный, что даже Нансенъ накинулъ себѣ на плечи плэдъ. Онъ усѣлся противъ меня на диванѣ. Съ виду онъ былъ спокоенъ, тщательно взвѣшивалъ въ разговорѣ каждое слово, но я не могъ не замѣтить, что онъ былъ чѣмъ-то очень занятъ.—Хочу попытаться перейти черезъ грёнландское плато,—сказалъ онъ и затѣмъ выяснилъ мнѣ свой планъ съ помощью моей старой географической карты, ставшей съ того вечера достопримѣчательной. По рѣчамъ его видно было, что онъ далеко не льстилъ себя надеждой на легкій успѣхъ и, напротивъ, напрашивался на возраженія. Я старался удовлетворить его желанію, насколько могъ. —Легче всего, — говорилъ онъ — перейти Грёнландію ближе къ югу (гдѣ плато уже), но именно очень важно было-бы показать свѣту, что плато можно перейти и гораздо сѣвернѣе.—И Нансенъ показалъ мнѣ по картѣ предполагаемый маршрутъ. Тогда ему и въ голову не приходило, что береговая полоса, по которой онъ въ тотъ вечеръ такъ свободно „проходилъ“ пальцемъ, представитъ ему впослѣдствіи столь серьезныя препятствія. Узнавъ, что онъ собирается сейчасъ ѣхать въ Стокгольмъ

я спросилъ: Зачѣмъ?—Отыскать Норденшёльда и попросить его разсмотрѣть мой планъ. Затѣмъ, я сначала сдамъ экзаменъ на доктора, и потомъ уже отправлюсь въ Грёнландію. Весна предстоитъ хлопотливая, ну да ничего, справимся!

Въ это время зашелъ еще товарищъ, и мы всѣ трое отправились гулять. Я и товарищъ мой, по обыкновенію будничныхъ людей, продолжали, хоть и слабо, оспаривать возможность подобнаго подвига, а Нансенъ все больше и больше горячился, подстрекаемый твердымъ убѣжденіемъ въ правильности своихъ предположеній.—Да, онъ рѣшился поставить жизнь на карту, и вотъ, увидятъ, что дѣло пойдетъ, какъ по маслу!—Въ тѣ дни процвѣтанія христіанійской богемы подобная готовность отдать жизнь за осуществленіе своей идеи явилась для меня какимъ-то откровеніемъ, и бесѣда этого вечера глубоко залегла мнѣ въ душу."

И Нансенъ дѣйствительно немедля отправился въ Стокгольмъ. Нужно припомнить, что какъ разъ за годъ до того (въ 1881 г.) путешественники Пири и Майгоръ совершили свой удачный переходъ по ледяному плато Грёнландіи, обладая самыми скромными средствами. Ихъ экспедиція была, однако,—что Пири особенно и выставилъ на видъ въ своемъ краткомъ отчетѣ—лишь предварительной рекогносцировкой, и Нансену казалось, что пора уже было взяться за дѣло серьезно. Для него самого какъ разъ открывалось самое удобное время: его зоологическіе и анатомическіе труды были пока окончены, большая диссертація объ гистологическихъ элементахъ центральной нервной системы написана, и ему оставалось только представить ее для полученія степени доктора.

„Въ четвергъ 3 ноября, когда я пришелъ въ свой рабочій кабинетъ въ Стокгольмскомъ минералогическомъ институтѣ"—разсказываетъ профессоръ Брёггеръ—„смотритель сказалъ мнѣ, что меня спрашивалъ какой-то норвежецъ. Оказалось, что онъ не оставилъ визитной карточки и не сказалъ, кто онъ. Такихъ земляковъ ко мнѣ заходило много. „Вѣрно, опять одинъ изъ тѣхъ, кого нужно выручить изъ временнаго затрудненія!" подумалъ я.—А каковъ онъ былъ на видъ?—Долговязый, бѣлокурый!—отвѣтилъ смотритель.

— Одѣтъ порядочно?

— Безъ пальто!—сказалъ смотритель, ухмыляясь:—Видно, морякъ, или что нибудь въ этомъ родѣ.

Значитъ, морякъ безъ пальто! Пожалуй, мнѣ и предстоитъ снабдить его пальто. Не впервые!

Немного погодя, заходитъ ко мнѣ Вилле *) съ вопросомъ:—Засталъ тебя Нансенъ?

— Нансенъ? Такъ этотъ морякъ былъ Нансенъ? Безъ зимняго-то пальто?

— Какъ безъ зимняго пальто? Онъ собирается перейти ледяное плато Грёнландіи!

И Вилле и слѣдъ простылъ. Спустя часъ, заходитъ другой изъ моихъ товарищей, профессоръ зоологіи Лекке и спрашиваетъ:—Ты видѣлся съ Нансеномъ? Вотъ молодецъ-то! Онъ мнѣ разсказалъ объ интереснѣйшемъ открытіи, — о дѣторолныхъ органахъ у тухіпе. А его изслѣдованія нервной системы! Прелесть, что такое!

Послѣ такихъ предварительныхъ извѣщеній зашелъ самъ Нансенъ. Высокій, стройный, широкоплечій силачъ, такъ и дышащій здоровьемъ, молодостью! Дѣйствительно, долговязый и бѣлокурый, какъ описалъ, его смотритель. Волосы, откинуты назадъ съ широкаго лба; одежда порядочно потертая. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и, протягивая мнѣ руку съ какой-то своеобразной привѣтливой улыбкой, самъ представилъ себя.

— Вы собираетесь перейти Грёнландію?—сказалъ я.

— Полагаю.

Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза: невыразимо увѣренный и внушающій довѣріе взглядъ и добрая улыбка на рѣзко очерченномъ мужественномъ лицѣ. По мѣрѣ-же того, какъ онъ говорилъ, онъ—не смотря на то, что обращеніе его оставалось такимъ же простымъ и, пожалуй, даже показывало, что онъ нѣсколько стѣсняется—какъ-бы выросталъ на моихъ глазахъ. Самый планъ его—пройти на лыжахъ отъ восточнаго берега Грёнландіи до западнаго, показавшійся мнѣ сначала ни съ чѣмъ несообразной выдумкой, сталъ во время бесѣды казаться мнѣ напестественнѣйшею вещью въ свѣтѣ. Мало того: я вдругъ проникся

*) Тогда профессоръ ботаники въ Стокгольмскомъ университетѣ, теперь-же въ Христіанійскомъ.

непоколебимой увѣренностью: да конечно, онъ перейдетъ! Это такъ-же вѣрно, какъ то, что мы сейчасъ сидимъ и бесѣдуемъ съ нимъ!

Человѣкъ, совершенно незнакомый мнѣ всего за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, сдѣлался въ теченіе какихъ нибудь нѣсколькихъ минутъ, точно такъ этому и слѣдовало быть, столь близкимъ мнѣ, какъ будто я зналъ его годы, и я почувствовалъ, что счелъ-бы себя гордымъ и счастливымъ, ставъ его другомъ на всю жизнь.

— Отправимся сейчасъ-же въ академію къ Норденшёльду!— предложилъ я. И мы отправились. Оригинальный костюмъ Нансена—плотно обтягивавшая станъ темная трикотовая блуза или куртка — не преминулъ привлечь на моего спутника нѣкоторое вниманіе со стороны прохожихъ въ то время, какъ мы съ нимъ шли по Drottninggatan (Королевина улица). По этому же костюму Густавъ Ретціусъ, принялъ Нансена съ перваго взгляда за акробата или канатнаго плясуна.

Норденшёльдъ находился въ этотъ часъ по обыкновенію въ своемъ физическомъ кабинетѣ. На встрѣчу намъ попался консерваторъ музея Биндстрёмъ, несшій въ рукахъ реторты и разныя вещи.

— Старикъ тамъ, но очень занятъ!—шепнулъ онъ мнѣ мимоходомъ.

Войдя въ физическій кабинетъ, мы увидѣли, что „старикъ Нордъ“ возится со своими минералами. При видѣ его широкой мускулистой спины невольно вспоминается одно приключеніе изъ его Енисейской экспедиціи (1875 г.). По рѣкѣ ходили большія волны, ежеминутно угрожавшія потопить лодку, въ которой плыли путешественники. Норденшёльдъ, не долго думая, взялъ да усѣлся на самый бортъ кормы и предоставилъ холоднымъ, какъ ледъ, волнамъ разбиваться о его широкую спину; и такъ сидѣлъ онъ по цѣлымъ часамъ, изображая устой противъ волнъ. Вотъ изъ людей подобнаго-то закала и создаются изслѣдователи полярныхъ странъ!

Поздоровавшись съ Норденшёльдомъ я представилъ ему своего спутника:—Консерваторъ Бергенскаго музея, Нансенъ. Онъ рѣшилъ совершить переходъ черезъ материковый ледъ Грёнландіи.

— Вотъ какъ!

— Но прежде ему хотѣлось-бы побесѣдовать немножко съ тобой.

— Милости просимъ! Итакъ, господинъ Нансенъ рѣшилъ перейти Грёнландію?

Передъ Норденшёльдомъ какъ будто взорвало бомбу. Первоначальное ласковое, но нѣсколько разсѣянное выраженіе изчезло съ его лица, онъ весь превратился въ слухъ и вниманіе и словно мѣрилъ молодого гостя глазами, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ за человѣкъ. Затѣмъ, онъ вдругъ вымолвилъ весело:

— Могу подарить господину Нансену пару прекрасныхъ сапогъ. Да, я нисколько не шучу. Въ такихъ случаяхъ крайне важно обезпечить себя обувью первѣйшаго сорта.

Ледъ былъ сломанъ. Нансенъ началъ развивать свой планъ. Норденшёльдъ слушалъ, время отъ времени скептически кивая головой и ставя какой-нибудь вопросъ. Въ общемъ планъ Нансена представился ему—насколько я понялъ—хотя и очень смѣлымъ, но не безусловно невыполнимымъ. Видно было, что самая личность Нансена съ перваго-же взгляда произвела на него сильное впечатлѣніе, и старикъ тутъ-же изъявилъ свою полную готовность содѣйствовать молодому смѣльчаку совѣтами и своей опытностью.

Предстояло еще разобраться въ массѣ подробностей плана и рѣшить множество вопросовъ, касающихся практической стороны экспедиціи, но старикъ былъ очень занятъ, и потому мы условились, что Нансенъ зайдетъ къ нему побесѣдовать въ другой разъ. Пока-же мы разстались съ тѣмъ, чтобы свидѣться въ тотъ-же вечеръ въ Геологическомъ обществѣ. Передъ уходомъ я шепнулъ Норденшёльду на ухо:—Ну, а какъ по твоему? Я съ своей стороны увѣренъ въ томъ, что онъ перейдетъ.

— Можетъ быть, ты окажешься правымъ!—отвѣтилъ Норденшёльдъ. Но выраженіе его лица вновь приняло скептическій оттѣнокъ.

Послѣ засѣданія въ Геологическомъ обществѣ Нансенъ зашелъ ко мнѣ. Было уже довольно поздно. Вдругъ, во время нашей бесѣды, которую я велъ съ большою горячностью, а Нансенъ съ спокойной увѣренностью, раздался звонокъ, и явился

Норденшёльдъ. Теперь я понялъ, что онъ серьезно заинтересованъ.

И вотъ мы сидѣли далеко за полночь, толкуя, какъ о проектируемой Грёнландской экспедиціи въ частности, такъ и о другихъ арктическихъ и антарктическихъ (въ области южнаго полюса) экспедиціяхъ вообще. Тогда минуло, вѣдь, всего четыре года со времени послѣдней Грёнландской экспедиціи самого Норденшёльда, а въ данное время онъ — если не ошибаюсь — принималъ живѣйшее участіе въ подготовленіи плана большой австралійско-шведской антарктической экспедиціи, въ которой между прочими долженъ былъ принять участіе и его даровитый, безвременно умершій сынъ *) Г. Норденшёльдъ, предпринявшій, три года спустя, экспедицію на Шпицбергенъ.

Мнѣ на другой день предстояло отправиться къ норвежскому министру Рихтеру, чтобы принять участіе въ обычномъ празднествѣ 4 ноября, и я спросилъ Нансена: не желаетъ-ли и онъ получить приглашеніе? Оказалось, что ему неудобно явиться на торжество: у него только и было съ собой платья, что на себѣ.

— Ну, а ко мнѣ господинъ Нансенъ можетъ придти обѣдать, въ чемъ есть!—предложилъ Норденшёльдъ со своей обычной сердечной простотой. На томъ мы и порѣшили.

Нѣсколько дней спустя, Нансенъ уѣхалъ въ Христіанію. Увезъ-ли онъ съ собою обѣщанную Норденшёльдомъ пару сапогъ, мнѣ неизвѣстно; знаю лишь, что Норденшёльдъ послалъ ему потомъ пару снѣжныхъ очковъ. Зато Нансенъ, безъ сомнѣнія, увезъ съ собой не мало важныхъ указаній и убѣжденіе въ полномъ пониманіи и сочувствіи со стороны знаменитаго изслѣдователя полярныхъ странъ. Снова увидѣться другъ съ другомъ имъ пришлось не ранѣе, какъ черезъ два года, когда смѣлый планъ Нансена былъ уже выполненъ, и переходъ черезъ ледяное внутреннее плато Грёнландіи являлся совершившимся фактомъ.

11 ноября 1887 г. Нансенъ обратился къ шведской академіи наукъ съ просьбой о правительственной субсидіи для проэктированной имъ экспедиціи. Начало прошенія особенно ха-

*) Въ 1894 г.

рактерно: „Имѣю намѣреніе предпринять наступающимъ лѣтомъ переходъ черезъ материковый ледъ Грёнландіи съ восточнаго берега на западный". Испрашиваемая имъ сумма равнялась 5000 кронъ (около 2,500 руб.). Цифра эта въ сравненіи съ величиной и значеніемъ самого подвига такъ безконечно мала, что невольно вызываетъ теперь улыбку.

Но тогда подвигъ оставался еще въ области намѣреній, не былъ совершонъ, и самъ Нансенъ являлся человѣкомъ неиспытаннымъ, такъ что правительство, несмотря на горячую рекомендацію академіи, не одобрило плана Нансена. Одна изъ газетъ правительственной партіи заявила даже, что рѣшительно не видитъ причины—съ какой стати норвежскому народу расходовать такую значительную сумму, чтобы доставить частному лицу возможность совершить увеселительную поѣздку въ Грёнландію! И эта газета, безъ сомнѣнія, явилась въ данномъ случаѣ выразительницей мнѣнія значительной части норвежскаго народа. Тутъ пришли въ столкновеніе двѣ крайне различныя типичныя черты народнаго характера. Нансенъ являлся представителемъ жажды сказочныхъ приключеній, свойственной норманнамъ, а газета—представительницей трезваго неторопливаго отношенія къ вещамъ, свойственнаго норвежскому крестьянину.

Такимъ образомъ тотъ фактъ, что нужныя 5000 кронъ явились изъ за-границы, не былъ простой случайностью. Внѣ тѣснаго круга научно образованныхъ лицъ—притомъ изъ молодежи—вообще относились къ плану Нансена, какъ къ затѣѣ сумасшедшаго, хотя дѣло и не дошло до того, чтобы его, какъ того человѣка, о которомъ онъ самъ такъ любилъ повторять, засадили въ домъ сумасшедшихъ. Между прочимъ, въ одномъ изъ бергенскихъ юмористическихъ листковъ появилось въ февралѣ 1888 года слѣдующее „объявленіе":

„Въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года имѣетъ быть дано консерваторомъ Нансеномъ представленіе—бѣгъ на лыжахъ со скачками на материковомъ льду Грёнландіи. Мѣста для публики въ трещинахъ. Обратныхъ билетовъ можно не брать."

Съ такой юмористической точки зрѣнія смотрѣло на дѣло большинство; большая-же часть смотрѣвшаго на дѣло съ серьезной точки зрѣнія меньшинства, кричала о грѣхѣ содѣйствовать намѣренному самоубійцѣ.

Не надо думать, что такъ относились къ предполагаемой экспедиціи одни профаны. Даже лица, побывавшія въ Грёнландіи, которыя, казалось, должны были быть знакомыми со всѣми условіями данной страны, объявляли планъ Нансена рѣшительно невыполнимымъ. Приведемъ для примѣра помѣщенный Нансеномъ въ описаніи его поѣздки отрывокъ изъ публичной лекціи, читанной въ Копенгагенѣ однимъ молодымъ датскимъ ученымъ-изслѣдователемъ Грёнландіи: „Для тѣхъ немногихъ лицъ, которыя знакомы и съ климатическими и съ географическими условіями датской восточной Грёнландіи, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Нансенъ —если корабль не подойдетъ къ берегу и не будетъ готовъ принять его обратно, когда онъ окажется вынужденнымъ отказаться отъ своего предпріятія— или погубитъ безъ всякой пользы собственную жизнь и, можетъ быть, еще жизнь другихъ, или-же будетъ подобранъ эскимосами и доставленъ въ одну изъ датскихъ станцій на западномъ берегу. Но вовлекать, такимъ образомъ, жителей восточной Грёнландіи въ продолжительную и во многихъ отношеніяхъ опасную для нихъ поѣздку—никто не имѣетъ права.“

Не смотря на такой отзывъ, предложеніе денежной субсидіи для экспедиціи явилось какъ разъ изъ Даніи. Профессоръ Амундъ Гелландъ, который самъ побывалъ въ Грёнландіи и рѣшительно высказался въ датской газетѣ, „Dagbladet“ (24 ноября 1887 г.). *) за планъ Нансена, могъ уже 12 января 1888 г. сообщить Стокгольмской академіи наукъ, что копенгагенскій коммерсантъ Августинъ Гамэль представляетъ въ распоряженіе Нансена означенную сумму—5000 кронъ.

Нансенъ принялъ предложеніе датскаго мецената. Впослѣдствіи, когда экспедиція счастливо закончилась, его стали осуждать за это. Ему, видите-ли, слѣдовало смирно дожидаться, пока подобное предложеніе сдѣлалъ-бы ему кто нибудь изъ

*) „Основываясь на изслѣдованіяхъ материковаго льда Грёнландіи, какъ другихъ лицъ, такъ и моихъ личныхъ, я долженъ сказать, что не вижу основанія—почему его нельзя было-бы перейти молодымъ и смѣлымъ лыжебѣжцамъ, особенно подъ руководствомъ осторожнаго и знающаго вожака, и при соотвѣтствующемъ своеобразнымъ мѣстнымъ условіямъ снаряженіи экспедиціи.— Тщательно взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я долженъ заявить, что *есть шансы за счастливый исходъ этой экспедиціи*“.

земляковъ. Ясно, что такіе критики крѣпки заднимъ умомъ, но слабы разсудкомъ. Фритьофъ Нансенъ занималъ въ то время не такое положеніе, какъ теперь. Тогда онъ почти уже примирился съ мыслью, что ему придется покрыть всѣ расходы по экспедиціи изъ собственныхъ небольшихъ средствъ, *)—такъ неужели-же ему слѣдовало оттолкнуть такъ неожиданно явившуюся помощь, только потому, что она явилась изъ за-границы, и ждать неимѣвшейся даже въ виду помощи отъ земляковъ? Нѣтъ, въ данномъ случаѣ ему было не до того, чтобы смотрѣть на задачу исключительно съ точки зрѣнія норвежскаго патріота. Иное дѣло, по отношенію къ его экспедиціи на сѣверный полюсъ, которую онъ предпринялъ пять лѣтъ спустя. Тогда онъ былъ уже всемірнопзвѣстнымъ путешественникомъ, тогда было дѣломъ первостатейной важности, чтобы деньги и флагъ были норвежскими. Критика, вызванная датской субсидіей для грёнландской экспедиціи Нансена, была еще тѣмъ болѣе лишена основанія, что экспедиція эта, какъ извѣстно, обошлась не въ 5000 кронъ, а слишкомъ въ три раза дороже, и что Нансенъ готовился покрыть остальные расходы изъ собственныхъ средствъ. Онъ и сдѣлалъ-бы это, если-бы общество норвежскихъ студентовъ не устроило въ пользу экспедиціи по счастливомъ ея возвращеніи, подписки, давшей 10,000 кр.

Весна, какъ это и предвидѣлъ Нансенъ, дѣйствительно оказалась „хлопотливой“. Первое полугодіе 1888 г. прошло въ какой-то лихорадочно-кипучей дѣятельности. Въ началѣ декабря 1887 г. Нансенъ вернулся въ Бергенъ. Въ концѣ января 1888 г. онъ слеталъ на лыжахъ отъ Эйдфьорда въ Гардангеръ, затѣмъ черезъ долину Нуме въ Конгсбергъ и оттуда въ Христіанію. Въ мартѣ онъ былъ снова въ Бергенѣ; днемъ читалъ публичныя лекціи о природѣ и народной жизни Грёнландіи, а ночи проводилъ на вершинѣ скалы „Blaamanden“ около Бергена, испытывая свой спальный мѣшокъ, приготовленный для экспедиціи. Недѣлю спустя, онъ уже стоялъ на кафедрѣ въ Христіанійскомъ университетѣ и читалъ свою первую пробную докторскую лекцію „о построеніи органовъ дѣторо-

*) См. „На лыжахъ черезъ Грёнландію“.

жденія у тухіпе", 28 апрѣля защитилъ свою докторскую диссертацію: „Нервные элементы, ихъ построеніе и связь съ центральной нервной системой", а 26 мая уже уѣхалъ въ Копенгагенъ, чтобы отправиться затѣмъ въ Грёнландію. „Я скорѣе примирился-бы съ плохимъ докторскимъ аттестатомъ, нежели съ плохимъ снаряженіемъ нашей экспедиціи!"—говорилъ онъ въ тѣ хлопотливые дни доктору Грійгу. Ему, однако, удалось добиться наилучшихъ результатовъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, но конечно, при крайнемъ напряженіи всѣхъ силъ. Съ одной стороны ему надо было постоять за свою репутацію научнаго дѣятеля, съ другой—обезпечить елико возможно, какъ свою собственную жизнь, такъ и жизнь пятерыхъ смѣльчаковъ, отправлявшихся съ нимъ въ экспедицію. Нансенъ не скрывалъ отъ себя, что изъ всѣхъ безчисленныхъ могущихъ имъ встрѣтиться опасностей, самая главная грозила-бы имъ вслѣдствіе невполнѣ совершеннаго снаряженія экспедиціи. Отъ снаряженія экспедиціи болѣе, нежели отъ чего либо другого, зависѣло—увѣнчается-ли экспедиція успѣхомъ или окончится бѣдою, вернутся-ли участники благополучно домой или погибнутъ.

Въ январьскомъ выпускѣ 1888 г. журнала „Природа", Нансенъ въ первый разъ помѣстилъ полный планъ экспедиціи. Онъ предполагалъ высадиться съ корабля на восточный берегъ Грёнландіи. Имъ, слѣдовательно, предстояло-бы перерѣзать ледяное плато только разъ, такъ какъ на западномъ берегу были колоніи, откуда они могли отплыть домой. Правда, такимъ образомъ, они почти отрѣзывали себѣ отступленіе,—„мало гостепріимный" восточный берегъ, обитаемый лишь нѣсколькими племенами эскимосовъ-язычниковъ, представлялся крайне незавиднымъ мѣстомъ для зимовки въ томъ случаѣ, если-бы непредвидѣнныя затрудненія заставили путешественниковъ вернуться обратно. Зато съ другой стороны, такое положеніе вещей служило бы еще лучшимъ побужденіемъ къ тому, чтобы они приложили всѣ усилія для достиженія западнаго берега. Такимъ образомъ однимъ изъ главныхъ девизовъ экспедиціи являлся девизъ: „ломай за собой всѣ мосты". Вотъ въ чемъ и кроется побѣдная самоувѣренность генія. То, что для людей мало-мальски осторожныхъ представлялось бы первѣй-

шею необходимостью—обезпеченіе себѣ на случай нужды отступленія, является для генія скорѣй препятствіемъ, тогда какъ отсутствіе возможности вернуться обратно принимается еще за преимущество. „Setzet Ihr nicht das Leben ein, nie wird auch das Leben gewonnen sein". (Кто не ставитъ жизни на карту, тотъ и не обрѣтетъ жизни).

Мы не станемъ подробно излагать здѣсь плана экспедиціи,—въ главныхъ чертахъ онъ былъ выполненъ въ точности; оказавшіяся-же впослѣдствіи необходимыми нѣкоторыя отступленія отмѣчены въ самомъ описаніи экспедиціи. Упомянемъ здѣсь только о снесеніи членовъ экспедиціи льдами назадъ къ югу и о страшно-тяжеломъ плаваніи ихъ по направленію къ сѣверу, а также о томъ, что переходъ начался не отъ пункта нѣсколько сѣвернѣе мыса Дана (Kap Dan), какъ первоначально предполагалось, но значительно южнѣе, и что закончился онъ не на западномъ берегу, у фьорда Сермиликъ близъ Христіансхоба, какъ разсчитывали, а у фьорда Амераликъ, близъ Готхоба. (Godthaab—Добрая Надежда). Развивъ самый планъ экспедиціи, Нансенъ въ упомянутой статьѣ поставилъ на видъ тѣ научныя задачи, которыя могли быть разрѣшены вполнѣ или хотя-бы приблизительно, благодаря такому переходу черезъ материковый ледъ. Въ заключеніе-же онъ привелъ слова Норденшёльда изъ вступленія къ его книгѣ: „Вторая Диксоновская экспедиція въ Грёнландію":

„Разъясненіе климатическихъ условій, существующихъ во внутренней части этой страны, представляетъ такое обширное научное значеніе, что въ настоящее время едва-ли можно ставить полярнымъ экспедиціямъ болѣе важную цѣль".

Самъ Нансенъ вполнѣ сознавалъ все научное значеніе предстоявшей экспедиціи. Послѣдняя требовала, впрочемъ, замѣчательной смѣси различныхъ качествъ въ начальникѣ: сказочно-смѣлую фантазію, необходимую, чтобы создать планъ, отвагу викинга, чтобы осуществить его, необыкновенное физическое развитіе и выносливость, необходимыя, чтобы перенести всѣ трудности экспедиціи, и самоотверженность научнаго дѣятеля, чтобы придать ей надлежащее значеніе. Затѣмъ требовалось еще нѣчто не менѣе существенное. Молодому человѣку, слава котораго зиждилась пока только на созданномъ имъ планѣ, пред-

стояло выполнить его во главѣ небольшого кружка храбрецовъ, которые наравнѣ съ нимъ ставили свою жизнь на карту и среди которыхъ находились люди, привыкшіе сами стоять во главѣ. Участники экспедиціи не представляли собой военнаго отряда, которому стоило только приказывать; отъ начальника ея требовалось много такта и особаго рода чутье для того, чтобы вести себя „primus inter pares“, т. е. первымъ среди равныхъ. И Нансенъ, при всей своей самоувѣренности и гордости, обладалъ и этими качествами, въ связи съ какой-то особенной кротостью характера и въ то-же время съ особеннымъ умѣньемъ дѣлать въ рѣшительныя минуты именно то, что нужно. Широкія задачи, занимавшія его съ самой ранней его молодости, отвлекли его отъ общества и помѣшали ему стать, что называется, „заправскимъ товарищемъ“. „Онъ скорѣе солистъ,“—пишетъ о немъ одинъ изъ его друзей—„искренно преданный тѣмъ, съ кѣмъ сходится, но такихъ не много“. Нансенъ вообще былъ слишкомъ занятъ, чтобы быть привѣтливымъ въ томъ смыслѣ, какъ можетъ быть человѣкъ съ природной потребностью завоевывать себѣ друзей; но, въ серьезномъ дѣлѣ, вродѣ даннаго, сердечность и простота его натуры проявлялись сами собою по отношенію къ тѣмъ, у кого хватало мужества и способностей слѣдовать за нимъ. Будь на его мѣстѣ другой, легко могло-бы случиться, что все предпріятіе рушилось-бы, имѣло-бы самые роковые результаты. Если бы все дѣло держалось исключительно на такъ называемой дисциплинѣ, невыразимыя трудности перехода легко могли-бы подорвать эту дисциплину, и разразилось-бы возмущеніе. Въ данномъ случаѣ всѣ участники добровольно согласились на то, что одному изъ нихъ предоставлялось рѣшительное слово, тогда какъ пренія вообще были вполнѣ свободными. Зато этотъ „одинъ“ не имѣлъ никакихъ привилегій тамъ, гдѣ дѣло шло о трудѣ или о лишеніяхъ. И это полнѣйшее равенство участниковъ экспедиціи служило сильнѣйшимъ связующимъ звеномъ между ними. Ходило не мало разсказовъ о взаимныхъ отношеніяхъ шести участниковъ Грёнландской экспедиціи, и нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ отличались довольно мрачнымъ, чтобы не сказать трагическимъ колоритомъ. Но мы имѣемъ возможность, на основаніи вѣрнѣйшихъ источниковъ, утверждать, что всѣ эти разсказы являются

*

плодомъ народной фантазіи, которая, послѣ бурнаго взрыва восторговъ, по благополучномъ возвращеніи Нансена, непремѣнно должна была поддаться потребности реакціи.

Вотъ перечень лицъ, участвовавшихъ въ грёнландской экспедиціи Нансена: норвежцы—капитанъ Отто Нейманъ Свердрупъ (р. 1855 г.), лейтенантъ Олуфъ Христіанъ Дитрихсонъ (р. 1856 г.) и крестьянинъ Христіанъ Христіансенъ Трана (р. 1861 г.); затѣмъ два лапландца—Самуель Іоганнесенъ Балто, 27-ми лѣтъ; и Оле Нильсенъ Равна, 45-ти лѣтъ. Всѣ эти имена стали теперь историческими; особенно много содѣйствовали успѣху экспедиціи, не говоря, конечно, о самомъ Нансенѣ, первые двое изъ поименованныхъ лицъ, заслужившіе великую признательность со стороны всего цивилизованнаго міра. „Людямъ свойственно“—говоритъ Нансенъ въ предисловіи къ своей книгѣ: „На лыжахъ черезъ Грёнландію“—„сваливать всю вину, въ случаѣ неудачи экспедиціи, на голову начальника ея, равно какъ и всю честь за ея успѣхъ приписывать ему одному. Подобный пріемъ оказался-бы особенно несправедливымъ по отношенію къ такой экспедиціи, какъ настоящая, результаты которой всецѣло зависѣли отъ стойкости и вѣрности всѣмъ взятымъ на себя обязательствамъ каждаго участника и отъ его способности въ каждый данный моментъ находиться на высотѣ своей задачи“.

Отвѣтственность за жизнь всѣхъ этихъ лицъ—насколько это вообще зависѣло отъ самого плана и веденія экспедиціи—всецѣло лежала на Нансенѣ и началась уже съ того самого момента, какъ было приступлено къ снаряженію экспедиціи. И всѣхъ перечисленныхъ нами выше качествъ Нансена оказалось-бы въ данномъ случаѣ мало, не обладай онъ еще нѣкоторыми, очень важными и очень рѣдкими среди ученыхъ: Нансенъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ отличался крайней предусмотрительностью и наблюдательностью, не ограничивавшимися только областью спеціально занимавшей его науки, но распространявшимися и на область чисто практической жизни. Мальчикомъ онъ разобралъ швейную машину матери, желая проникнуть въ тайну ея конструкціи, молодымъ человѣкомъ онъ усердно занимался изученьемъ свойствъ и питательности различныхъ пищевыхъ продуктовъ. Вообще онъ рѣшительно былъ человѣкомъ практики и прекраснымъ механикомъ. Затѣмъ характерною его чертою была привычка под-

бирать всякую попадавшуюся на дорогѣ бездѣлушку, какъ, дескать, знать?—можетъ, и пригодится! Нельзя также сомнѣваться въ томъ, что онъ многому научился во время своего непродолжительнаго знакомства съ Норденшёльдомъ, многочисленныя экспедиціи котораго всегда отличались именно образцовымъ снаряженіемъ. Предстоявшая Нансену экспедиція потребовала, впрочемъ, совершенно особаго снаряженія. Въ данномъ случаѣ, когда участникамъ экспедиціи нельзя было пользоваться при передвиженіи ни оленями, ни собаками, а предстояло самимъ изображать вьючныхъ животныхъ и таскать все необходимое, начиная съ съѣстныхъ припасовъ и кончая инструментами для научныхъ наблюденій, на себѣ, въ данномъ случаѣ особенно важно было придерживаться девиза Нансена: „довольствуйся малымъ“ и умѣть выбрать такіе пищевые продукты, которые при наибольшей питательности обладали-бы наименьшимъ вѣсомъ, и наиболѣе практичные и мелкіе инструменты и орудія. Поэтому все, начиная съ сырыхъ матеріаловъ и кончая изготовленными изъ нихъ предметами, подвергалось самому тщательному осмотру и обсужденію; большинство изъ важнѣйшихъ предметовъ было даже изготовлено по рисункамъ самого Нансена. Изъ сдѣланнаго имъ подробнаго описанія снаряженія экспедиціи приведемъ здѣсь вкратцѣ наиболѣе существенныя подробности. Такъ напримѣръ для участниковъ экспедиціи были изготовлены особенныя ясеневыя лыжи съ широкими полозьями, подбитыми сталью; длина лыжъ равнялась 3 метрамъ, ширина $^1/_2$ метру, вѣсили-же онѣ всего $13^3/_4$ килограмма и вмѣстѣ съ тѣмъ были настолько прочно сдѣланы, что, не смотря на страшную носку, ни разу не сломались въ пути. Кромѣ того взяты были еще индійскія и норвежскія лыжи (Snesko, trug); послѣдними пользовались главнымъ образомъ при восхожденіи на плато и при переходахъ по мокрому снѣгу, когда нельзя было употреблять вышеописанныхъ лыжъ. Палатку доставилъ лейтенантъ Ридеръ изъ Копенгагена; величиной размѣровъ она не отличалась; въ ней всего на всего можно было помѣстить два спальныхъ мѣшка. Нижняя одежда участниковъ экспедиціи состояла изъ тонкой шерстяной фуфайки и такихъ-же панталонъ; сверху-же надѣвалась толстая исландская шерстяная фуфайка, затѣмъ куртка, вторые панталоны

до колѣнъ и толстые байковые носки. Наконецъ, для защиты отъ вѣтра и вьюги имѣлась еще верхняя одежда изъ тонкой парусины. Обувь состояла изъ толстыхъ башмаковъ, подбитыхъ гвоздями; головной уборъ изъ шерстяныхъ колпаковъ и байковыхъ капюшоновъ; на руки надѣвались шерстяныя вязаныя рукавицы, а въ большіе морозы рукавицы изъ собачьяго мѣха. Для защиты глазъ отъ снѣжнаго блеска служили очки съ дымчатыми стеклами, снабженными сѣткой изъ стальной проволоки.

Провизія состояла главнымъ образомъ изъ пеммикана, мясного порошка, паштетовъ изъ печенки, сухарей, мясныхъ бисквитовъ, масла, сыра, гороховаго супа въ порошкѣ, шоколада, кофе, чая и сгущеннаго молока. Съ цѣлью пополненія запасовъ провизіи въ пути было взято два двухстволыныхъ ружья. Кушанье должно было изготовляться на спиртовомъ приборѣ, устроенномъ Нансеномъ и механикомъ Шмелькомъ. Спиртъ былъ взятъ только для варки кушанья, а для личнаго употребленія его не полагалось: питьемъ служили только чай, кофе и шоколадъ. Табаку было взято очень не много, зато много инструментовъ для научныхъ наблюденій. Наконецъ, были взяты: брезенты, которые, при переходѣ черезъ матерниковый ледъ, служили отчасти парусами, бамбуковыя трости, масса мелкихъ инструментовъ и предметы ежедневнаго обихода, начиная со спичекъ и свѣчей и кончая штопальными иголками—все, разумѣется, въ возможно меньшемъ количествѣ. Относительно заготовленной провизіи, разсчеты Нансена вполнѣ оправдались. Исключеніемъ явился лишь одинъ продуктъ пеммиканъ, который какъ-разъ долженъ былъ служить путникамъ самой главной пищей. Оказалось, что фабрикантъ изготовилъ его безъ примѣси жира, о чемъ Нансенъ узналъ лишь въ послѣднюю минуту. Послѣдствіемъ явилось то, что участники экспедиціи все время „испытывали голодъ отъ недостатка жира, мученіе, о которомъ врядъ-ли возможно составить себѣ представленіе, не испытавъ его лично“. Даже подъ конецъ экспедиціи, когда имѣлось въ избыткѣ сушеное мясо, невозможно было добиться чувства сытости.

И какъ легко могли-бы объявиться и другіе недочеты въ снаряженіи экспедиціи, отправлявшейся въ эту terra incognita!

Довольно, напримѣръ, сказать, что никому въ голову не могло придти, что экспедиціи въ такое время года (лѣтомъ) грозили такіе страшные морозы, которые встрѣтили ее, какъ это оказалось въ дѣйствительности, въ области материковаго льда. Экспедиціи открылись тамъ совершенно новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя климатическія условія. Остановись Нансенъ, выбирая мѣшки для спанья, на шерстяныхъ, вмѣсто мѣшковъ изъ оленьихъ шкуръ—весьма мало вѣроятія, какъ признается онъ самъ, чтобы участники экспедиціи добрались живыми до западнаго берега Грёнландіи.

Да мало-ли что могло случиться! Но счастье сопутствовало отважнымъ изслѣдователямъ. Геній судьбы Нансена и тутъ не лишилъ его своего покровительства. Въ концѣ-же концовъ тайна успѣха кроется, пожалуй, всетаки въ томъ, что если и везетъ тому, кому предстоитъ такая дьявольская поѣздка — какъ выразился кто-то въ свое время о Норденшёльдѣ—то это главнымъ образомъ потому, что человѣкъ этотъ геній, которому и не можетъ не удастся его предпріятіе, если только онъ не столкнется съ безусловно непреодолимыми стихійными силами.

Нельзя закончить эту статью о приготовленіяхъ къ Грёнландской экспедиціи, не упомянувъ о той пользѣ, которую оказалъ при этомъ Нансену одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ изслѣдователей Грёнландіи, докторъ Г. Ринкъ. Выдающійся ученый съ перваго-же раза не преминулъ указать Нансену всѣ опасности, грозящія его экспедиціи, и тѣмъ не менѣе, когда экспедиція была уже предпринята, этотъ до болѣзненности добросовѣстный человѣкъ упрекалъ себя въ томъ, что не достаточно упиралъ на эти опасности въ бесѣдахъ съ Нансеномъ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ жена Ринка: „Сначала мужъ мой смотрѣлъ на планъ Нансена, какъ на какую-то фантастическую затѣю, но чѣмъ тщательнѣе онъ обдумывалъ планъ и чѣмъ дороже при этомъ становился ему самъ Нансенъ, тѣмъ опаснѣе казалось ему предпріятіе послѣдняго, и онъ не могъ простить себѣ, что недостаточно ясно нарисовалъ Нансену всѣ тѣ опасности, которыя, по всей вѣроятности, грозятъ экспедиціи. И вотъ, мы еще разъ пригласили Нансена исключительно съ цѣлью хорошенько напугать его. Но вечеръ прошелъ больше въ разсматриваніи видовъ Грёнландіи, хотя общее настроеніе и было

на этотъ разъ нѣсколько серьезнѣе, чѣмъ въ предыдущій, когда безъ конца смѣялись надъ грозившими экспедиціи случайностями, включая сюда даже возможность стать людоѣдами. Все-же смѣху было довольно и въ этотъ вечеръ; не смѣялся лишь мой мужъ, и я хорошо помню, что послѣ того, какъ гости разошлись, мнѣ пришлось выслушать не мало нотацій по поводу неудавшихся попытокъ устрашить Нансена".

Въ домѣ Ринка было также дано участникамъ экспедиціи нѣсколько уроковъ эскимосскаго языка. Первый началъ учиться Свердрупъ, но языкъ его не поддавался звукамъ эскимосскаго языка. Зато Дитрихсонъ дѣлалъ большіе успѣхи. „Я почему-то полагала"—пишетъ г-жа Ринкъ—„что нужно заниматься только съ ними двумя и даже не предлагала Нансену принять участіе. А мнѣ развѣ нельзя попытаться?—спросилъ онъ разъ какъ-то нерѣшительно. Затѣмъ и онъ сталъ заниматься и, какъ показало время, съ большой пользой.

О послѣднемъ вечерѣ, проведенномъ въ домѣ Ринка, г-жа Ринкъ пишетъ: „Провожая его до дверей, я высказала ему то, что часто вообще приходило мнѣ на умъ:—Надо вамъ когда нибудь отправиться и къ сѣверному полюсу! И онъ отвѣтилъ на мои слова рѣшительно, какъ на давно обдуманный вопросъ:—Такъ и будетъ!

Члены грёнландской экспедиціи.

Равна. Балто. Христіансенъ.
Нансенъ. Дитрихсонъ. Свердрупъ.

На лыжахъ черезъ Грёнландію.

Второго мая 1888 г. Нансенъ уѣхалъ изъ Христіаніи черезъ Копенгагенъ и Лондонъ въ Лейчъ (Leith), гдѣ ему предстояло примкнуть къ остальнымъ членамъ экспедиціи, которые со всѣми припасами прибыли туда прямо изъ Христіаніи.

Изъ Шотландіи всѣ отправились на датскомъ пароходѣ „Тира“ въ Исландію, и только 4 іюня удалось имъ тамъ пересѣсть на промысловое судно „Язонъ“, которое взялось доставить ихъ къ восточному берегу Грёнландіи, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что промышленные интересы судна будутъ на первомъ планѣ.

11-го іюня вдали показались первыя очертанія восточнаго берега Грёнландіи: высокія зубчатыя скалы на сѣверъ отъ мыса

Дана. Было это почти на той-же широтѣ, на которой въ 1883 г. Норденшёльду на „Софіи“ удалось пробиться сквозь ловучій ледъ. Полоса льда между кораблемъ и берегомъ оказалась, однако, еще слишкомъ широкою—отъ 9 до 10 миль—чтобы можно было рискнуть на попытку пробраться здѣсь къ берегу. И прошелъ еще слишкомъ мѣсяцъ, прежде чѣмъ экспедиціи удалось оставить „Язона“, который ради ловли тюленей долженъ былъ больше держаться въ открытомъ морѣ. Все это время Нансенъ исправлялъ на суднѣ должность „настоящаго доктора“, терпѣливо поджидая подходящаго момента для высадки.

Наконецъ, 17 іюля, утромъ „Язонъ“ очутился отъ берега настолько близко—всего приблизительно въ $2^1/_2$ миляхъ, у фьорда Сермиликъ ($65^1/_2$ с. ш.)—что Нансенъ рѣшилъ пробиться здѣсь черезъ нешрокую сравнительно полосу ловучаго льда. Живо спустили съ корабля лодку экспедиціи, затѣмъ еще другую, предоставленную путешественникамъ капитаномъ „Язона“, и въ 7 часовъ вечера все было готово къ отплытію. Нансенъ въ послѣдній разъ поднялся въ обсерваціонную бочку, чтобы высмотрѣть фарватеръ, и въ подзорную трубу ясно увидѣлъ свободную ото льда полосу воды у самого берега за полосой ловучаго льда.

„Высаживаемся въ лодки съ несокрушимой надеждой на счастливый исходъ нашего плаванія“—писалъ Нансенъ въ наскоро набросанномъ имъ передъ оставленіемъ корабля письмѣ для газеты „Morgenbladet“.

Скоро, однако, надежда эта подверглась весьма суровому испытанію. Вся первая ночь прошла въ тщетныхъ попыткахъ достигнуть въ дождь и непогоду фьорда Сермиликъ, и утромъ члены экспедиціи увидѣли свои лодки стиснутыми ловучими льдинами, которыя несло теченіемъ. Пришлось поспѣшно вытащить лодки на льдины. При этомъ одна изъ лодокъ такъ пострадала, что надо было хоть на скорую руку исправить ее, но какъ ни коротко было потраченное на это время, льдина на которой находились путешественники, успѣла попасть въ другое теченіе и съ непмовѣрной быстротой понеслась къ югу, удаляясь отъ берега. 19-го экспедиція оказалась уже въ 4 миляхъ отъ берега, т. е. вдвое дальше, нежели въ день высадки съ корабля.

Оставалось только продолжать нестись вмѣстѣ съ льдиной на югъ, пока не представится случая снова приблизиться къ берегу.

Цѣлыхъ 10 дней неслись члены экспедиціи вдоль восточнаго берега Грёнландіи вплоть до острова Кудтлека (на 61°41′ с. ш.) съ быстротой среднимъ числомъ почти 6 морскихъ миль въ сутки. Помимо того, что это продолжительное плаваніе подвергало Нансена и его отважныхъ товарищей тысячамъ серьезныхъ опасностей, оно еще удаляло экспедицію отъ выбраннаго ею пункта, откуда долженъ былъ начаться самый переходъ черезъ материковый ледъ, и заставляло ее даромъ тратить дорогое время. Только 29 іюля членамъ экспедиціи удалось, наконецъ, вступить на берегъ, и такимъ образомъ лучшая часть лѣта была уже для нихъ потеряна.

Нансенъ далъ весьма живое описаніе этого интереснаго плаванія на хрупкой, бросаемой волнами и стискиваемой сосѣдками льдинѣ, вмѣсто судна. Въ ясную погоду они явственно могли видѣть рѣзкія очертанія скалистаго берега, отъ котораго— увы! — они все больше и больше удалялись во время этого долгаго и опаснаго плаванія.

Ночь на 20-ое іюля легко могла стать послѣднею для членовъ экспедиціи. Льдина ихъ подошла къ границѣ берегового теченія и касалась морского; море было взволновано, и шквалы одинъ за другимъ безпрерывно окатывали льдину, доходя до самой палатки, разбитой посрединѣ. Тресни льдина посрединѣ, едва-ли удалось-бы членамъ экспедиціи спустить лодки въ такую непогоду, среди этого хаоса крутящихся льдинъ. Много-много, если имъ удалось-бы спустить одну изъ лодокъ, захвативъ лишь кое-что самое необходимое изъ провіанта и матеріаловъ. Читая описаніе этой ночи, не знаешь кому больше удивляться: Свердрупу-ли, который въ качествѣ караульщика расхаживалъ себѣ, жуя табакъ, взадъ и впередъ по льдинѣ между палаткой и лодками и все откладывалъ разстегнуть полы палатки и поставить всѣхъ на ноги, хоть и собирался не разъ—или Нансену съ Дитрихсономъ, которые спокойно почивали въ палаткѣ въ то время, какъ море бушевало и, съ шумомъ перебрасывая черезъ льдину мелкіе осколки льда, грозило смыть самую палатку. Но вотъ, въ ту минуту, когда, казалось, гибель была уже неизбѣжна,

льдина вдругъ измѣнила направленіе и понеслась, словно управляемая невидимой рукой, обратно къ берегу, по болѣе безопасному фарватеру.

Круто приходилось Нансену и его товарищамъ въ эти дни ежеминутной опасности и душевнаго волненія. Хуже всего было, пожалуй, не то, что имъ приходилось выбиваться изъ силъ, стараясь въ дождь и бурю пробиться сквозь ледяные заторы въ свободный фарватеръ, не то, что имъ приходилось питаться сырымъ лошадинымъ мясомъ, и т. п. (горячую пищу они получили всего разъ за все время плаванія на льдинѣ), и даже не то, что смерть ежеминутно глядѣла имъ въ глаза—но то, что имъ угрожала опасность быть вынужденными совсѣмъ отказаться въ этотъ годъ отъ задуманнаго перехода черезъ материковый ледъ. Да, это были дни тяжкихъ испытаній.

Послѣ того, какъ извѣстія о счастливомъ исходѣ экспедиціи дошли до Стокгольма, Норденшёльдъ особенно выставлялъ на видъ проявленную во время упомянутаго плаванія членами экспедиціи достойную удивленія энергію и ихъ ревностное, настойчивое преслѣдованіе цѣли, заставившее ихъ, едва они выбились изъ полосы плывучаго льда, тотчасъ-же грести къ сѣверу, что-бы достичь того мѣста, откуда они расчитывали начать переходъ черезъ материковый ледъ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ объ удивительной энергіи, выдержкѣ и беззавѣтной преданности идеѣ. Такія ощутительныя неудачи, какъ встрѣченныя Нансеномъ и его товарищами при самомъ-же началѣ экспедиціи, могли-бы обезкуражить хоть кого; кромѣ того, лѣто уже близилось къ концу, запасы провіанта, и безъ того небольшіе, порядкомъ поубавились, а соблазны культурной жизни были такъ близки. Ближайшая датская станція, Фредериксдаль, находилась всего въ 270 километр. отъ Кекертарсуака, куда членовъ экспедиціи отнесло теченіемъ, тогда какъ до фьорда Сермилика, который долженъ былъ служить экспедиціи исходнымъ пунктомъ отправленія, предстояло плыть почти вдвое больше. Устоять противъ соблазна—отложить экспедицію до слѣдующаго лѣта, было истиннымъ геройствомъ, на которое оказались-бы способными немногіе. Но для Нансена и его спутниковъ не существовало никакихъ соблазновъ, у всѣхъ у нихъ была одна

мысль—вернуться въ лодкѣ на сѣверъ, какъ только откроется малѣйшая возможность. И разъ они увидѣли передъ собой свободный ото льда фарватеръ, они сразу забыли всѣ опасности и, наоборотъ, воспрянули духомъ.

Первая задача экспедиціи—пробиться цѣлой и невредимой черезъ полосу пловучихъ льдовъ у восточнаго берега Грёнландіи, была, такимъ образомъ, выполнена, хотя и съ большимъ трудомъ и потерею дорогого времени. Экспедиціи предсказывали неудачу подобнаго предпріятія и не удивительно. Множество прежнихъ попытокъ были неудачны и доказали почти полную невозможность пробиться черезъ полосу пловучихъ льдовъ южнѣе 66° ш. *) Лишь въ 1883 г. Норденшёльду удалось на пароходѣ „Софія“ добраться до берега у мыса Дана (гавань короля Оскара). Тѣмъ больше уваженія заслуживаетъ поэтому подвигъ Нансена и его спутниковъ.

Членамъ экспедиціи приходилось теперь напрячь всѣ силы, чтобы поскорѣе добраться до фьорда Сермилика, если они не желали упустить и остальную часть лѣта. И вотъ, они приналегли.

Короткій отдыхъ въ Кекертарсуакѣ былъ ознаменованъ пиршествомъ: члены экспедиціи разрѣшили себѣ горячій шоколадъ и добавочныя порціи овсяныхъ бисквитовъ, швейцарскаго сыра и брусничнаго варенья! Затѣмъ, съ началомъ плаванія они перешли на обычное меню: холодную воду, бисквиты и сушеное мясо. На приготовленіе горячаго кушанья некогда было тратить время,—предстояло, вѣдь, грести изо всѣхъ силъ, чтобы наверстать упущенное время, проведенное на льдинѣ. Плаванье на лодкѣ, вдоль берега, оказалось также крайне тяжелымъ. На большихъ протяженіяхъ приходилось выбиваться изъ силъ, чтобы продвинуть лодки между встрѣчавшимися льдинами, или-же тащить лодки за собой по льду вдоль низкаго пустыннаго берега съ его снѣжными полями и ледниками, доходящими въ иныхъ мѣстахъ до самой воды. Тѣмъ не менѣе экспедиція счастливо миновала пресловутый ледникъ Пунсорстокъ (по близости его, у мыса Билле, экспедиція наткнулась на кочевье эскимосовъ-язычниковъ, быть

*) Подробный перечень этихъ попытокъ данъ Нансеномъ въ его описаніи данной экспедиціи: „На лыжахъ черезъ Грёнландію гл. X.

которыхъ Нансенъ потомъ такъ интересно описалъ въ своемъ трудѣ „На лыжахъ черезъ Грёнландію“) и прошла сплошное поле плавучихъ льдовъ, на югѣ отъ Ингеркайарфика, во время бури и ливня. У фьорда Могенъ Гейнесенъ видъ берега измѣнился; оттуда къ сѣверу идетъ большое пространство голой земли и затѣмъ цѣпь высокихъ горъ.

Постоянно борясь съ льдинами и теченьемъ, члены экспедиціи достигли 3-го августа до Нунарсуака (62°, 43' с. ш.).

Пуисорстокъ.

Отсюда они пытались плыть дальше, но вѣтеръ скоро перешелъ въ штормъ, который чуть не оказался для нихъ роковымъ: лодки грозило разбить о льдины, весла сломались, и въ довершеніе всего лодки разошлись. Но и тутъ члены экспедиціи не пали духомъ, напрягли всѣ силы и благополучно избѣгли бѣды. Зато, какъ сладокъ былъ отдыхъ послѣ такого дня на мягкомъ, зеленомъ травяномъ коврѣ на островѣ Гриффенфельдта, гдѣ они раскинули свою палатку! Чудный, горячій тминный супъ, „который не скоро забудешь“, былъ наградой за упорный и тяжелый трудъ.

5 августа лодки едва не были раздавлены скатившеюся съ горы ледяной глыбой. Поздно вечеромъ въ тотъ-же день послѣ почти невѣроятныхъ трудовъ члены экспедиціи достигли островка въ устьѣ фьорда Инугсуарміутъ, гдѣ предполагали переночевать. Но прибывъ сюда, они увидѣли, что впереди вода свободна ото льда, и мысль объ отдыхѣ была оставлена. Опять за весла и впередъ! „Приналегли“ таки они!

У Сингіартуарфика, 6 августа, экспедиція снова встрѣтила эскимосовъ и затѣмъ неуклонно продолжала свой путь на сѣверъ, то плывя по свободному ото льда фарватеру, то борясь съ пловучими льдами, и довольствуясь все той-же холодной сухой пищей, которая къ тому-же выдавалась весьма скудными порціями. Сытыми они въ сущности никогда себя не чувствовали, даже только что поѣвъ, но „Нансенъ сказалъ, что этихъ порцій достаточно, значитъ, и было достаточно“,—разсказывалъ Христіансенъ. Но даже двумъ лапландцамъ, которые конечно не могли себѣ раньше и представить, что̀ ожидаетъ ихъ во время такой поѣздки, эта безконечная тяжелая борьба съ пловучимъ льдомъ, да еще впроголодь, стала казаться довольно таки невеселою.

Берегъ сталъ опять менѣе крутымъ, скалы болѣе отлогими, и члены экспедиціи уже стали подумывать—не пора-ли имъ перебраться на материковый ледъ и начать переходъ. 8-го августа они достигли фьорда Бернсторфа, приблизительно у $63^1/_2{}^0$ с. ш.; фьордъ былъ наполненъ обломками ледниковъ. Нѣкоторые изъ этихъ обломковъ были настоящими ледяными горами самыхъ причудливыхъ формъ; верхняя часть ихъ, подымавшаяся надъ водой, имѣла въ вышину до 70 метровъ, а нижняя подъ водой въ 6—7 разъ больше, ширина-же достигала одного километра; необозримыми массами лежали эти громады у самаго устья залива, преграждая всякій дальнѣйшій путь. Съ вершины одной открывалась панорама пловучей „ледяной альпійской страны“.

Наконецъ, и тутъ нашлись проходы и открытые протоки между двухъ высочайшихъ ледяныхъ стѣнъ, позволявшихъ путникамъ видѣть надъ собою только сверху узенькую полоску неба.

Не разъ во время этого плаванія рушились передъ ними

огромныя ледяныя горы, приводя море въ страшное волненіе, но смѣльчаки оставались цѣлыми и невредимыми и пробрались таки благополучно. Въ эту ночь они спали въ мѣшкахъ, разложенныхъ прямо на рифѣ, до того ничтожныхъ размѣровъ, что даже нельзя было разбить на немъ палатку.

Но вотъ фарватеръ сталъ расширяться, и можно было уже безъ особенныхъ затрудненій продолжать путь къ сѣверу, если не считать того, что съ ледниковъ продолжали скатываться на ихъ путь огромныя ледяныя глыбы. 9-го августа, какъ разъ въ то время, какъ члены экспедиціи работали надъ тѣмъ, чтобы раздвинуть двѣ льдины, загораживавшія имъ путь, огромная глыба грохнулась на льдину, на которой они стояли, отбила отъ нея край и образовала настоящій водоворотъ. „Двинься мы этимъ путемъ нѣсколькими минутами раньше, какъ мы и предполагали, насъ навѣрно раздавило-бы на смерть. Это было бы уже третье приключеніе подобнаго рода!“—отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Нансенъ и очень характерно прибавляетъ: „Приключеніе довольно странное!“ Еще-бы! Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ объясняется то, что нѣкоторые выходятъ цѣлыми и невредимыми изъ подобныхъ приключеній, ѣздятъ себѣ на льдинѣ среди пловучихъ льдовъ въ то время, какъ прибой ежеминутно грозитъ разбить эту хрупкую льдину, единственную границу, отдѣляющую ихъ отъ смерти, гребутъ въ лодкѣ подъ рушащимися ледяными горами и успѣваютъ проскользнуть за двѣ минуты передъ тѣмъ, какъ происходитъ обвалъ, проваливаются въ трещины матерпковаго льда, но такъ именно, что распростертыя руки и палка удерживаютъ ихъ на краю, гребутъ въ опасномъ мѣстѣ нѣсколько дней подрядъ въ импровизированной парусинной лодкѣ-скорлупкѣ и доплываютъ до мѣста какъ разъ во время, чтобы уйти отъ бури и гибели, спятъ на льду при 45° мороза, не замерзая, десятки разъ падаютъ въ холодную какъ ледъ воду, не схватывая даже насморка, работаютъ какъ волы и голодаютъ какъ собаки по мѣсяцамъ и—все сходитъ имъ съ рукъ, между тѣмъ, какъ иные... да лучше, пожалуй, воздержаться отъ сравненія. Дѣйствительно, все приключенія по меньшей мѣрѣ таки „странныя“!

Но положимъ даже, что девяносто девять процентовъ этого

„дурацкаго счастья“ приходится отнести на долю неусыпной бдительности, здороваго духа въ здоровомъ тѣлѣ, геніальной сообразительности и неуклонной энергіи избранныхъ натуръ, но на долю чего-же отнести остальной процентъ этого счастья? Просто они были въ союзѣ съ самой жизнью, наши грёнландскіе путешественники!

Дальше путь оказался болѣе сноснымъ, и 10-го августа въ 8 ч. вечера экспедиція, наконецъ, высадилась при густомъ туманѣ на восточномъ берегу Грёнландіи, на сѣверѣ фьорда Умивика. Тутъ насталъ конецъ плаванію на лодкахъ, и спутники Нансена съ радостнымъ усердіемъ принялись вытаскивать ихъ на берегъ, въ то время, какъ Нансенъ взялся сварить кофе. Это была „вторая теплая трапеза въ теченіе 12 дней“.

Послѣ предпринятой Нансеномъ и Свердрупомъ крайне тяжелой и трудной рекогносцировки, убѣдившей ихъ въ возможности подняться на плато въ мѣстности, прилегающей къ фьорду Умивикъ, члены экспедиціи принялись налаживать обувь, лыжи и проч., перекладывать багажъ, вообще тщательно готовиться къ предстоящему переходу по льду. Погода къ сожалѣнію все стояла мягкая и дождливая, что мало благопріятствовало выступленію въ путь.

16 августа въ 9 ч. вечера все было готово. Багажъ уложили на пять ручныхъ санокъ; на четырехъ было по 100 килогр. груза, а на пятыхъ вдвое больше, почему эти санки и потащили двое—Нансенъ и Свердрупъ вмѣстѣ.

Подъемъ былъ очень крутъ, и члены экспедиціи подвигались впередъ крайне медленно, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе долго стоявшей дождливой погоды, почва совершенно размокла, а ледъ былъ весь въ трещинахъ, къ счастью, небольшихъ размѣровъ, такъ что можно было шагать черезъ нихъ. Дождь продолжалъ лить, и путники промокли до костей. Въ теченіе 3 сутокъ, отъ полудня 17-го до утра 20-го шелъ настоящій ливень, сопровождаемый такимъ сильнымъ вѣтромъ, что Нансену и его спутникамъ не оставалось ничего другого, какъ сидѣть въ палаткѣ. Наступили невеселые дни, особенно въ виду того, что запасъ провіанта не позволялъ путешественникамъ ѣсть больше одного раза въ день.

20-го можно было опять двинуться. Медленно тащились путешественники по крутой, усѣянной трещинами мѣстности. 21-го погода, наконецъ, прояснилась, и подморозило настолько, что стало удобнѣе ходить по снѣгу. Съ этого дня и вплоть до того, когда члены экспедиціи достигли западнаго берега Грёнландіи, они не находили воды для питья и все время страдали невыносимой жаждой. Единственнымъ средствомъ заготовить себѣ воды для питья было—набивъ небольшія плоскія бутылочки снѣгомъ, носить ихъ на груди, пока снѣгъ не таялъ отъ теплоты тѣла и не превращался въ воду. При морозахъ слишкомъ въ сорокъ градусовъ, которые настали потомъ, такое питье доставалось имъ таки не легко.

Когда члены экспедиціи 22-го въ 2 часа утра вышли изъ палатки, морозъ былъ уже порядочный; находились они на высотѣ приблизительно 900 метровъ, и имъ казалось, что главныя трудности подъема остались позади. Но почва и дальше продолжала быть страшно неровной, такъ что путешественникамъ стоило ужасныхъ трудовъ тащить тяжелыя санки. „Все тѣло ломило, а плечи такъ и горѣли“.

Начиная съ 24-го они продолжали путь днемъ, а ночью останавливались. Морозъ все крѣпчалъ; тѣмъ не менѣе по дорогѣ часто попадались мѣста съ растаявшимъ снѣгомъ, въ который санки глубоко проваливались, а 26-го членамъ экспедиціи пришлось выдержать настоящую пургу. Подъемъ все еще оказывался настолько крутымъ (до 1:4), что каждыя санки приходилось втаскивать тремъ людямъ, и поэтому путешественники вынуждены были по нѣскольку разъ возвращаться и дѣлать тотъ же самый конецъ. Не удивительно, что у Христіансена, рѣдко вообще раскрывавшаго ротъ, послѣ одного изъ такихъ возвращеній вырвалось таки: „Господи и охота-же людямъ самимъ лѣзть на такія мученія!“ Экспедиція находилась въ это время на высотѣ 1990 м. (около 6000 футовъ).

Вѣтреная и снѣжная погода продолжалась и въ слѣдующіе дни, и хотя путешественники старались пользоваться для облегченія движенія вѣтромъ, приспособивъ къ санкамъ брезентъ вмѣсто парусовъ, они подвигались впередъ все-таки довольно медленно. Нансену стало ясно, что такимъ образомъ имъ врядъ-ли достичь Христіансхоба, особенно въ виду наступавшей уже

зимы, и 28-го онъ объявилъ спутникамъ свое рѣшеніе измѣнить маршрутъ и идти прямо на западъ къ Готхобу, или вѣрнѣе, къ фьорду Амералику, находящемуся на 64°10′ с. ш. (чуть къ югу отъ Готхоба), вслѣдствіе чего путь къ западному берегу значительно сокращался. Рѣшеніе это было встрѣчено всѣми членами экспедиціи съ радостью, и вотъ, они снова двинулись впередъ, хотя нѣсколько по иному направленію, борясь съ той-же вьюгой и съ тѣми-же безпрерывными страшными трудностями пути.

Попадавшіяся имъ до тѣхъ поръ на пути черезъ материковый ледъ торчащія изо льда вершины скалъ (нунатаки), прекратились; послѣднюю такую скалу они видѣли вдали 31 августа, а затѣмъ взорамъ ихъ уже не представлялось ничего, кромѣ снѣжно-ледяной волнообразной равнины, вплоть до того, какъ они достигли западнаго берега.

Путь все еще шелъ ввысь, и дни проходили за днями все въ томъ-же безконечно тяжеломъ трудѣ съ утра до вечера. Поверхность, по которой шли члены экспедиціи, была совершенно гладкая, ровная, какъ зеркало, но выпадавшій снѣгъ былъ до того мелокъ и сухъ, что чрезвычайно затруднялъ передвиженіе санокъ, и ежедневные переходы были поэтому довольно небольшими—въ одну, двѣ мили, хотя путешественники и могли уже тутъ пользоваться лыжами.

По мѣрѣ углубленія путниковъ во внутрь страны (на плато), холодъ давалъ себя знать все сильнѣе и сильнѣе. Правда, при ясной погодѣ днемъ солнце пекло еще изрядно, такъ что снѣгъ таялъ, образуя слякоть, и члены экспедиціи промачивали ноги, но едва солнце заходило, наступалъ жестокій холодъ, и путешественники подвергались опасности отморозить себѣ мокрыя ноги. „Часто по вечерамъ, когда мы хотѣли снять сапоги, оказывалось, что они представляли съ чулками одно смерзшееся цѣлое“.

11-го сентября ночью температура упала въ палаткѣ до −40°C., а внѣ палатки до −45°C. Разница между дневною и ночною температурою часто превышала 20°. Даже въ закрытыхъ мѣшкахъ, въ которыхъ спали члены экспедиціи, было до того холодно, что къ утру головы ихъ оказывались всѣ объиндѣвѣвшими. „Постоянно испытывать такіе морозы не всегда пріят-

но",—говорится въ описаніи экспедиціи. Каково-же пришлось ея участникамъ, когда къ морозамъ прибавилась еще вьюга! Всякій поймет, какъ тяжело было тащиться при такихъ условіяхъ впередъ, изо дня въ день, черезъ безконечную ледяную пустыню, на высотѣ 8—9000 метровъ надъ моремъ, да еще волоча за собой тяжелыя санки. Вьюга продолжалась съ 4-го по 8-е сентября при температурѣ ÷ 40°C.; весь день 7-го сентября пришлось держаться въ палаткѣ, которую возможно тщательнѣе закрыли со всѣхъ сторонъ, чтобы вѣтеръ не разнесъ ее въ клочья; въ такомъ случаѣ сагѣ этой былъ-бы, пожалуй, конецъ. Но даже и при такихъ обстоятельствахъ, порядокъ жизни шелъ своимъ чередомъ, и экспедиція, не смотря на морозы и вьюгу, на жажду и голодъ отъ недостатка жира, на всѣ другія тяготы, неуклонно подвигалась впередъ къ западному берегу. 5-го сентября экспедиція перевалила черезъ наивысшую точку плато, на высотѣ 2716 метровъ (8860 футовъ) надъ уровнемъ моря.

11-го и 12-го сентября экспедиція находилась уже на высотѣ только 2,600 м. (около 8,300 ф.), и съ этихъ поръ, хотя и не особенно замѣтно, путь пошелъ по наклонности внизъ. 16 сентября наклонъ сталъ довольно замѣтнымъ, и температура вечеромъ пала только до ÷ 18°, что всѣмъ показалось ужъ вовсе теплой погодой.

17-го путешественники увидали снѣжнаго воробья и заключили изъ этого, что „земля" близка.

19-го подулъ попутный вѣтеръ; тотчасъ-же къ санямъ прикрѣпили паруса изъ брезентовъ, связавъ ихъ по два вмѣстѣ, и скоро затѣмъ понеслись во весь духъ—уже по наклону къ берегу. Послѣ обѣда взоръ ихъ впервые встрѣтилъ вдали „землю"! Продолжая „плыть на парусахъ по льду" при свѣтѣ мѣсяца, они чуть было не покончили поѣздку въ расщелинѣ, такъ какъ достигли уже усѣяннаго трещинами и расщелинами (часто въ нѣсколько сотъ метровъ глубины) края плато. Самъ Нансенъ отморозилъ себѣ въ этотъ вечеръ всѣ пальцы и „терпѣлъ почти невыносимую боль" (вѣрно и впрямь ему плохо пришлось!). Къ тому-же и поѣсть-то имъ до-сыта не приходилось, но все было ни почемъ, разъ они знали, что теперь не далеко до западнаго берега.

Высунувшись на другое утро изъ палатки, они увидѣли передъ собой внизу всю мѣстность къ югу отъ фьорда Готхобъ. Легко представить себѣ, какія въ эту минуту волновали ихъ чувства. „Мы были словно дѣти. Что-то подступило намъ къ горлу въ то время, какъ глаза наши разсматривали очертанія долинъ и тщетно искали увидѣть море хоть мелькомъ“.

Подъ парусами при лунномъ свѣтѣ. Впереди трещены.

На другой день они подвигались впередъ довольно быстро, хотя и соблюдая крайнюю осторожность изъ-за множества трещинъ, которыя не разъ грозили имъ бѣдой. 21 вечеромъ они впервые съ того дня, какъ покинули восточный берегъ, напали на *воду*, и въ первый разъ за столько недѣль утолили свою жажду, какъ слѣдуетъ. И пили-же они! „Мы явственно ощущали, какъ раздувались у насъ желудки“—говорится въ описаніи экспедиціи. Дни эти остались для всѣхъ незабвенными.

Теперь путь сталъ клониться къ фьорду Амералику, но путь съ препятствіями. Почва была до невѣроятности неровная, трещины попадались на каждомъ шагу, такъ что часто приходилось дѣлать большіе обходы; не разъ также то тотъ, то

другой изъ членовъ экспедиціи проваливался въ трещину, но къ счастью всякій разъ успѣвалъ такъ повернуть свой посохъ (отъ лыжъ) или топоръ, служившій для раскалыванія льда, что онъ ложился поперекъ трещины и задерживалъ паденіе. „Замѣчательно, что не проваливались глубже.“

Не взирая на такія опасности и препятствія, путешественникамъ удалось въ теченіе слѣдующихъ дней пройти и этотъ послѣдній конецъ по истрескавшейся краевой полосѣ матери-

Нансенъ и Свердупъ плывутъ въ парусиной лодкѣ.

ковaго льда, и 24 сентября они достигли, наконецъ, настоящей земли; материковый ледъ остался позади.

„Словами нельзя выразить ни тѣхъ чувствъ, которыя волновали насъ, когда мы почувствовали подъ ногами землю и камни, ни того чувства несказаннаго блаженства, которое разливалось по всѣмъ нашимъ жиламъ, когда мы почувствовали подъ ногами мягкій коверъ вереска и вдохнули въ себя чудный ароматъ травъ и мховъ.“

Тѣмъ не менѣе трудностямъ еще не насталъ конецъ; до фьорда оставалось пройти еще порядочное пространство по долинѣ Аустмана, при чемъ весь багажъ предстояло нести на

плечахъ. Но въ теченіе нѣсколькихъ дней одолѣли и этотъ переходъ и достигли верховья фьорда.

Здѣсь Свердрупъ и Балто взялись смастерить лодку изъ парусины, служившей поломъ въ палаткѣ, а Нансенъ принялся срѣзывать вѣтки кустовъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ шпангоуты. Весла изготовили изъ бамбуковыхъ тросточекъ и раздвоенныхъ вѣтвей, обвернутыхъ парусиной. Для скамеекъ-же не нашлось ничего другого, кромѣ подставки отъ одного изъ инструментовъ, да двухъ тоненькихъ бамбуковыхъ тросточекъ.

Вышла какая-то странная скорлупка, въ $2^1/_2$ метра длины, $1^1/_2$ метра ширины и лишь .61 сантиметръ глубины, еле-еле вмѣстившая только Нансена и Свердрупа съ самымъ необходимымъ багажомъ, да и то они не смѣли даже языкомъ пошевельнуть, чтобы она не опрокинулась.

Послѣ страшной возни доставили таки эту импровизированную лодку, вмѣстѣ съ багажомъ, къ открытому фарватеру фьорда, и 29 сентября Нансенъ и Свердрупъ могли, наконецъ, взяться за весла и начать грести по направленію къ устью фьорда Амералика. Хотя лодка само собой оказалась далеко не перваго сорта и къ тому-же скоро дала изрядную течь, требовавшую выкачиванія воды каждыя десять минутъ, смѣлые пловцы тѣмъ не менѣе благополучно добрались въ ней до намѣченнаго пункта.

Погода вообще благопріятствовала плаванію, и они, проработавши до седьмого пота 4 дня, прибыли 3 октября въ своей скорлупкѣ въ новый Гернгутъ, откуда уже пѣшкомъ отправились въ Готхобъ. Едва они достигли цѣли, поднялась страшная буря съ юга.

Дитрихсонъ, Христіансенъ и оба лапландца оставались, между тѣмъ, съ большею частью багажа, хотя съ очень малымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, у верховья фьорда. Какъ только погода позволила, за ними поѣхали и благополучно доставили и ихъ въ Готхобъ. Такимъ образомъ замѣчательная экспедиція эта безъ всякаго несчастія завершилась 16 октября.

„Работали мы шибко, вытерпѣли не мало невзгодъ, чтобы достичь этой, теперь столь близкой намъ цѣли. И что-же? Какія волновали насъ чувства? Чувства счастливыхъ побѣдителей?

Нѣтъ, мы такъ долго стремились къ намѣченной цѣли, такъ нетерпѣливо ждали ее, что когда, наконецъ, она была достигнута, событіе это застало насъ какъ-то врасплохъ!“ — вотъ какъ самъ Нансенъ описываетъ свои чувства вечеромъ, наканунѣ прибытія въ Готхобъ. Да и не трудно, пожалуй, согласиться съ нимъ. И онъ, и Свердрупъ были слишкомъ измучены продолжительной непосильной работой, чтобы непосредственное чувство чистой радости могло при достиженіи цѣли взять верхъ надъ другими ощущеніями, болѣе матеріальнаго характера, вызванными, напримѣръ, возможностью наѣсться до-сыта и лечь спать въ „настоящую постель“.

Да и кромѣ того, чувство радости было испытано ими уже не разъ во время самой экспедиціи; они испытали его, когда ступили, воодушевляемые смѣлой надеждой на твердую почву восточнаго берега, послѣ того, какъ счастливо миновали плавучіе льды; они испытали его, впервые завидѣвъ „землю“ съ высоты ледяного плато, впервые послѣ долгой жажды напившись воды, впервые послѣ продолжительнаго перехода по льду ощутивъ подъ ногами твердую почву съ вереском и мхомъ, испытали его, достигнувъ на собственноручно изготовленной лодкѣ устья фьорда Амералика. Чувство радости лежало вѣдь въ самомъ выполненіи подвига, въ напряженной и трудовой жизни на вольномъ воздухѣ, въ борьбѣ за достиженіе цѣли! Разъ-же она была достигнута — она была достигнута, вотъ и все! И больше уже не было цѣли, къ которой надо было стремиться, прилагая всѣ силы, оставалась одна усталость — до тѣхъ поръ, пока на горизонтѣ не покажутся новыя цѣли. Да, такъ оно и должно быть съ каждымъ истинно-великимъ изслѣдователемъ; пока только у него есть силы и охота искать новыхъ задачъ, радость, возбуждаемая въ немъ достиженіемъ цѣли, можетъ быть лишь очень непродолжительной. Она быстро должна уступить мѣсто помысламъ о новыхъ цѣляхъ, а Нансену-ли было долго искать этихъ новыхъ, болѣе значительныхъ цѣлей? Вѣрнѣе всего, что въ это пребываніе Нансена въ Грёнландіи, по окончаніи экспедиціи, въ немъ успѣлъ зародиться планъ его слѣдующей, еще болѣе грандіозной экспедиціи къ сѣверному полюсу.

Когда экспедиція достигла, наконецъ, Готхоба, оказалось

что заходившій туда корабль, уже отплылъ обратно. Нансену удалось, однако, послать ему въ догонку письма съ эскимосами на каякахъ; эскимосы захватили судно въ Ивигтутѣ (70 миль южнѣе Готхоба) и сдали письма. Судно это было пароходъ „Fox“, участвовавшій въ экспедиціи М'Клинтока, розыскивавшей Франклина. Такимъ образомъ, извѣстіе о счастливомъ исходѣ Грёнландской экспедиціи пришло въ Европу той-же осенью; за недостаткомъ угля „Fox'у“ пришлось зайти въ Скуденэсъ и, благодаря этому случайному обстоятельству, родина отважныхъ путешественниковъ первая получила извѣстіе о ихъ судьбѣ.

Доставленныя письма — одно отъ Нансена Гамэлю, другое отъ Свердрупа отцу—скоро затѣмъ обошли по телеграфу весь міръ, всюду, какъ извѣстно, возбуждая всеобщій восторгъ.

Нансену и его спутникамъ пришлось, между тѣмъ, перезимовать въ Готхобѣ, гдѣ начальникъ колоніи Бисструпъ, докторъ Бинзеръ, священникъ Балле съ семьями и другіе датскіе колонисты, оказывая имъ самое широкое гостепріимство, старались сдѣлать ихъ пребываніе всзможно пріятнымъ. Нансенъ почти все это время посвятилъ изученію жизни и быта эскимосовъ. Онъ самъ жилъ съ ними въ ихъ юртахъ, изучая ихъ нравы и обычаи, способы ловли и охоты, и выучился говорить по эскимосски, править каякомъ, стрѣлять эскимосскими оружіями, словомъ не остановился ни передъ чѣмъ, чтобы основательно изучить этотъ замѣчательный народъ, который скоро полюбилъ.

Кромѣ того, имъ было за это время предпринято съ эскимосами нѣсколько продолжительныхъ экскурсій. Они ѣздили на охоту во фьордъ Амераликъ и побывали въ Сардлокѣ и Кангекѣ, гдѣ по цѣлымъ недѣлямъ жилъ у эскимосовъ.

Плодомъ этимъ изученій явилась его книга „Жизнь эскимосовъ“, въ которой вылилась вся горячая симпатія Нансена къ этому обреченному на вымираніе первобытному народу; прекрасное описаніе быта и нравовъ упомянутаго народа представляетъ большой интересъ не только само по себѣ, но и какъ характеристика самого автора *).

*) См. главу „Дома и на чужбинѣ“.

15-го апрѣля, въ ту минуту, когда Нансенъ съ товарищами сидѣлъ за кофе и веселой бесѣдой въ домѣ Бисгрупа, по всей колоніи раздались крики, скоро слившіеся въ одинъ вой, „Umiarsuit, umiarsuit!“ (корабль, корабль!) Дѣйствительно, явился давноожидаемый корабль „Hvidbjoernen“ (Бѣлый Медвѣдь) подъ командой лейтенанта Гарде.

Часъ разлуки насталъ. Члены экспедиціи живо собрались въ путь на родину. „Не безъ грусти мы разстались съ мѣстечкомъ и людьми, среди которыхъ чувствовали себя такъ несказанно хорошо!“—говорится въ описаніи Грёнландской экспедиціи. И можно быть увѣреннымъ, что со стороны Нансена слова эти служили выраженіемъ искренняго чувства. Такая натура, какъ его, созданная для жизни на вольномъ воздухѣ, среди природы, не могла не чувствовать себя хорошо, живя одною жизнью съ этимъ милымъ, первобытнымъ народомъ. Описывая свой отъѣздъ, Нансенъ приводитъ трогательныя слова одного изъ своихъ друзей-эскимосовъ, въ домѣ котораго онъ часто бывалъ. Послѣдній сказалъ Нансену на прощаніе: „Теперь ты уѣзжаешь отъ насъ опять въ великій міръ, откуда пріѣхалъ; тамъ тебя встрѣтитъ много людей, много новаго и ты скоро позабудешь насъ; мы-же тебя никогда не забудемъ!“

Но тотъ, кто знаетъ Нансена, знаетъ, что и онъ не забылъ своихъ дорогихъ друзей-эскимосовъ, а тотъ, кто прочтетъ книгу объ ихъ жизни, пойметъ насколько онъ привязался къ нимъ.

21-го мая „Бѣлый Медвѣдь,“ посдѣ благополучнаго плаванія сталъ на якорь во внутреннемъ рейдѣ Копенгагена. Прошелъ годъ слишкомъ съ тѣхъ поръ, какъ Нансенъ на пути въ Грёнландію, ненадолго завернулъ въ Копенгагенъ, ради послѣднихъ приготовленій къ экспедиціи. Много воды утекло за этотъ годъ, многое свершилось въ этотъ промежутокъ, и самъ Нансенъ, хотя и остался въ сущности такимъ-же, какимъ былъ въ первый свой пріѣздъ, сталъ другимъ въ глазахъ свѣта. Тогда въ немъ видѣли только молодого отчаяннаго смѣльчака, стремящагося къ великой цѣли, теперь-же это былъ всемірно-извѣстный путешественникъ, счастливо достигшій цѣли.

И вотъ, пошли торжества. Сперва недѣля празднествъ въ Копенгагенѣ, затѣмъ праздники по случаю возвращенія на ро-

дину, гдѣ Нансена чествовали, какъ врядъ-ли когда либо другого норвежца.

Въѣздъ экспедиціи въ Христіанійскій фьордъ былъ истинно тріумфальнымъ въѣздомъ. День стоялъ прекрасный, лѣсъ только-что одѣлся молодой листвой, отовсюду сыпались цвѣты, раздавалась музыка, всюду развѣвались флаги... Цѣлый потокъ красокъ, звуковъ, свѣта и тепла несся на встрѣчу этимъ выходцамъ изъ страны льда.

Впереди плылъ почетный авангардъ военныхъ судовъ, а за ними пароходъ „М. Г. Мельхіоръ“ съ членами экспедиціи, конвоируемый миноносками; кругомъ-же и сзади, и спереди, и съ боковъ кружила, словно стая чаекъ, цѣлая флотилія пароходовъ, парусныхъ лодокъ и лодченокъ. Нансенъ стоялъ у борта въ своей сѣрой одеждѣ, успѣвшей изрядно запачкаться въ хижинахъ эскимосовъ. Выпавшіе на его долю почести были слишкомъ подавляюще-грандіозны, чтобы онъ могъ въ эти минуты испытывать чувство гордости. Вѣрнѣе всего, онъ просто радовался, какъ дитя, чувствуя, что сливается душою съ роднымъ народомъ. Онъ, вѣдь, явился какъ-бы почетнымъ вѣстникомъ отъ этого маленькаго народа къ остальному великому міру. На его долю выпало счастье и честь вынести на свѣтъ Божій мужество и самопожертвованіе этого народа, который выслалъ столько сыновъ на безвѣстную, темную гибель среди ночного мрака полярныхъ морей... Но многіе-ли изъ всѣхъ этихъ тысячъ людей, махавшихъ ему платками съ крѣпостныхъ валовъ Акерсхуса, прорывавшихъ полицейскія цѣпи на улицахъ, чтобы добраться до его экипажа, многіе-ли изъ нихъ думали въ эти минуты о наукѣ? Этихъ людей занималъ только свершонный подвигъ; въ ихъ глазахъ Нансенъ являлся витяземъ, связавшимъ саги отдаленнаго прошлаго съ сагой вчерашняго дня, съ сагою о лыжебѣжцѣ, скатывавшемся съ головоломной высоты въ долину, съ сагою о сплавильщикѣ бревенъ, развязавшемъ свой плотъ передъ самымъ водоворотомъ. Нансенъ являлся для нихъ олицетвореніемъ національнаго типа. И по своему они были правы. Онъ самъ въ эти минуты, навѣрное, глубоко ощущалъ крѣпкія узы, связывавшія его съ той почвой, на которой выросъ его подвигъ. Навѣрное въ душу ему хлынулъ цѣлый потокъ воспоминаній дѣтства, когда экипажъ его

остановился передъ домомъ, гдѣ жили сестры Ларсенъ, и онъ вбѣжалъ туда поздороваться съ женщиной, бывшей когда-то экономкой въ домѣ его родителей и перевязывавшей его окровавленное лицо послѣ того, какъ онъ впервые „расцѣловался со льдомъ.“

Мы-же, взявшіе на себя задачу дать полную картину жизни Нансена, не можемъ не отдать здѣсь должнаго и наукѣ, которая въ глазахъ всего цивилизованнаго міра является главнымъ условіемъ, придававшимъ этому торжественному возвращенію Нансена настоящее историческое значеніе.

Научное значеніе Грёнландской экспедиціи.

По окончаніи Грёнландской экспедиціи весь цивилизованный міръ единогласно отдалъ Нансену и его товарищамъ должное за ихъ подвигъ; большинство смотрѣло, однако, на этотъ подвигъ съ чисто спортсмэнской точки зрѣнія, въ научномъ же значеніи экспедиціи мало кто, кромѣ настоящихъ ученыхъ, отдавалъ себѣ отчетъ *).

Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить, что главнымъ лозунгомъ экспедиціи было „впередъ". Объ отступленіи какого бы то ни было рода не могло быть и рѣчи. Сойдя съ „Язона", члены экспедиціи, какъ бы сломали за собой всѣ мосты, и съ той минуты жизнь ихъ зависѣла отъ возможно быстраго, непрестаннаго, неуклоннаго движенія впередъ. Движеніе же это и на лодкахъ, и на льдинахъ, и на лыжахъ по материковому льду было сопряжено съ непомѣрнымъ трудомъ, требовавшимъ безпрерывнаго напряженія всѣхъ силъ до послѣдней возможности, если хотѣли достигнуть цѣли.

Мѣшкать, тратить время поэтому нельзя было, даже на наблюденія; развѣ лишь въ такихъ случаяхъ, когда все равно

*) Первыя свѣдѣнія о научныхъ результатахъ Грёнландской экспедиціи были даны въ видѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сообщеній Нансена (въ 1889 г.), затѣмъ въ сочиненіи его „На лыжахъ черезъ Грёнландію" (въ 1890 г.) и, наконецъ, болѣе обстоятельныя въ статьѣ „Wissenschaftliche Ergebnisse von Dr. Nansens Durchgehung von Grönland 1888. Von Prof. H. Mohn und Dr. Fridtjof Nansen. Ergänzungsheft № 105 zu „Petermanns Mittheilungen" (Gotha 1892) P. I—III mit. 6 Taf. und 10 Fig. in Text.

приходилось останавливаться изъ-за другихъ причинъ. Собирать коллекціи также нельзя было,—багажъ и безъ того пришлось сократить до минимума, взявъ только самое необходимое для насущныхъ потребностей. Итакъ, по отношенію къ наукѣ приходилось по самому ходу вещей ограничиваться тѣмъ, чего удавалось достигнуть, такъ сказать „на ходу", не замедляя и не затрудняя чѣмъ либо самаго движенія впередъ.

Что касается собиранія зоологическихъ и ботаническихъ матеріаловъ во время плаванія на кораблѣ, то это было и совсѣмъ исключено изъ программы въ силу условія, заключеннаго съ владѣльцами „Язона", котораго нельзя было отвлекать отъ его главныхъ, чисто коммерческихъ цѣлей. Будь у Нансена въ то время собственный пароходъ, какъ у Норденшёльда, когда послѣдній предпринялъ свою грёнландскую экспедицію, условія были бы совсѣмъ иными.

Причина же того, что Нансенъ не собралъ никакихъ зоологическихъ или ботаническихъ коллекцій и матеріаловъ на самой аренѣ своего подвига—во внутренней Грёнландіи—еще проще: въ этой области не оказалось и слѣда жизни. Засвидѣтельствованіе этого факта—первый важный и интересный результатъ экспедиціи, хоть и отрицательнаго свойства. Во время зимовки въ Готхобѣ также не было возможности ни собирать, ни сохранять какіе либо матеріалы за неимѣньемъ инструментовъ и другихъ пособій.

Неудивительно поэтому, что зоологическіе и ботаническіе результаты экспедиціи оказались незначительными. Да и какъ ни важно и полезно само по себѣ собираніе подобныхъ коллекцій, едва-ли эта работа соотвѣтствуетъ такой натурѣ, какъ Нансенъ. Ему гораздо больше по душѣ направить всю свою энергію на рѣшеніе различныхъ великихъ задачъ общаго значенія.

Зато экспедиція Нансена имѣла тѣмъ болѣе важные результаты для географіи, геологіи и метеорологіи. Метеорологическія данныя собиралъ, главнымъ образомъ, Дитрихсонъ.

Вотъ что пишетъ объ этомъ въ своей книгѣ „На лыжахъ черезъ Грёнландію" Нансенъ:

„Неутомимость и самопожертвованіе, съ которыми Дитрихсонъ исполнялъ свою задачу, достойны удивленія. Значеніе подобнаго труда, исполненнаго при данныхъ условіяхъ, можетъ

понять лишь тотъ, кто испыталъ, что́ значитъ дѣлать наблюденія и съ безукоризненной точностью заносить ихъ изо дня въ день въ тетрадь при 30 градусахъ мороза, когда пальцы распухли отъ холода и едва держатъ карандашъ, когда чуть не падаешь отъ усталости, и когда въ глаза тебѣ отовсюду глядитъ гибель. Да, на это нужны недюжинный характеръ и недюжинная энергія!"

Всѣ метеорологическія, астрономическія, магнитныя и тригонометрическія наблюденія экспедиціи разработаны профессоромъ Г. Мономъ (въ вышеназванной статьѣ въ „Petermanns Mittheilungen"). Огромный интересъ представилъ впервые вообще имѣвшій мѣсто рядъ наблюденій надъ температурой воздуха возвышенной снѣжно-ледяной пустыни. Особенно поразительно колебаніе суточной температуры: при холодахъ, которые преслѣдовали экспедицію отъ 11-го до 15-го сентября (на высотѣ 2600 – 2300 метр. надъ уровнемъ моря), температура ночью падала до ÷ 45 С. (12-го и 14 сент.), а среди дня поднималась до ÷ 20, т. е. получалась разница въ 25° С. Подобное сильное колебаніе температуры было наблюдаемо лишь во внутренней Сахарѣ и другихъ пустынныхъ областяхъ, гдѣ тепловое лученспусканіе, вслѣдствіе сухости воздуха, также очень велико.

Согласно наблюденіямъ экспедиціи, Монъ опредѣлилъ среднюю годовую температуру внутренняго плато Грёнландіи на высотѣ 2000 метровъ въ ÷ 25°, среднюю температуру января мѣсяца въ ÷ 40° и іюля въ ÷ 10° С.

Затѣмъ съ приблизительной достовѣрностью можно сказать, что въ самое холодное время года температура внутри грёнландскаго плато падаетъ до ÷ 65° (т. е. на 25° ниже средней температуры января) и, пожалуй, даже до ÷ 70°.

Такимъ образомъ, по наблюденіямъ экспедиціи, на материковомъ льду Грёнландіи находится свой „полюсъ холода", второй по счету на сѣверномъ полушаріи, притомъ на такомъ же разстояніи отъ сѣвернаго полюса, какъ и извѣстный прежде въ г. Верхоянскѣ, въ Сибири.

Всѣ эти данныя относительно температуры явились совершенно новыми. Изъ другихъ добытыхъ экспедиціей метеорологическихъ данныхъ можно отмѣтить, что горное снѣжно-ледяное плато Грёнландіи отличается высокимъ атмосфернымъ давле-

ніемъ, безусловно сухимъ воздухомъ, сильнымъ лучеиспусканіемъ и низкой температурой, представляющей значительныя суточныя колебанія.

Предположеніе, что теплый сухой воздухъ—фэнъ *) переносится съ одной стороны Грёнландіи на другую, предположеніе, которое раздѣлялъ, между прочимъ, Норденшёльдъ, этими новыми метеорологическими данными опровергается.

Географическо-геологическіе результаты экспедиціи сводятся, главнымъ образомъ, къ свѣдѣніямъ, добытымъ относительно самого материковаго льда. Прежде всего, благодаря экспедиціи Нансена, разъ навсегда опредѣлена область его распространенія и установленъ тотъ, имѣющій для науки крайне важное значеніе, фактъ, что Грёнландія является довольно точной копіей сѣверной Европы въ ледниковый періодъ, т. е. въ наиболѣе важную эпоху исторіи земнаго шара.

И до экспедиціи Нансена имѣлись основанія полагать, что вся внутренняя часть Грёнландіи покрыта льдомъ, но окончательно установить достовѣрность этого могъ только переходъ черезъ материковый ледъ. Даже такой опытный изслѣдователь, какъ Норденшёльдъ, самъ предпринимавшій экспедиціи въ область материковаго льда Грёнландіи, считалъ возможнымъ, — и послѣ своей послѣдней экспедиціи 1883 г., когда ему удалось проникнуть вглубь страны дальше, чѣмъ кому либо до тѣхъ поръ — высказывать предположеніе, что внутренняя область Грёнландіи отчасти свободна ото льда; при этомъ ему еще сдавалось, что онъ въ 1883 г. „перешелъ черезъ широкую ледяную полосу, проходящую подъ 60°—70° поперекъ страны“. Послѣ же экспедиціи Нансена пришлось окончательно оставить всѣ прежнія предположенія относительно „оазисовъ“ или свободныхъ ото льда пространствъ внутри Грёнландіи, и результаты экспедиціи Нансена вполнѣ подтверждены впослѣдствіи экспедиціей Пири и Аструпа черезъ сѣверную часть Грёнландскаго плато.

*) Влажный морской вѣтеръ, ударясь о горные кряжи, охлаждается и осаждаетъ на нихъ свои водяные пары, вслѣдствіе чего освобождается скрытая теплота водяныхъ паровъ, и вѣтеръ переносится на другую сторону горнаго кряжа въ видѣ теплаго сухого вѣтра, извѣстнаго въ Швейцаріи подъ названіемъ „Föhnwind“.

Установленіе экспедиціей факта существованія въ Грёнландіи мощнаго ледянаго покрова материковаго льда можно считать результатомъ высокаго научнаго значенія. Вокругъ же этого главнаго результата группируется еще цѣлый рядъ результатовъ болѣе спеціальнаго характера, благодаря которымъ окончательно измѣнились всѣ прежнія представленія о материковомъ льдѣ, о его поверхности, построеніи и метеорологическихъ свойствахъ, опиравшіяся по большей части на наблюденія надъ краевой полосой этого льда.

Относительно самой формы ледянаго плато экспедиціей Нансена добыты слѣдующія свѣдѣнія: ледяной покровъ образуетъ надо всей Грёнландіей—исключая окружности, образуемой ея узкой береговой полосой—нѣсколько заостренный къ югу, довольно правильный, выпуклый щитъ, при чемъ поперечные разрѣзы его приближаются къ дугамъ циркуля, радіусъ которыхъ все увеличивается съ юга къ сѣверу. Поверхность щита, болѣе выпуклая къ югу, становится все болѣе и болѣе плоской къ сѣверу. Наивысшая точка плато, достигнутая экспедиціей, возвышается на 2716 м. (около 8660 футовъ) надъ уровнемъ моря отъ этой точки поверхность опускается на обѣ стороны (на востокъ и западъ) съ чрезвычайной симметричностью, точь въ точь какъ это можно было бы ожидать отъ расплавленной тягучей массы.

Тѣмъ не менѣе эта наивысшая точка оказалась нѣсколько ближе къ западному, чѣмъ къ восточному берегу. И весьма вѣроятно, что линія ледораздѣла въ Грёнландіи (т. е. линія, раздѣляющая ледъ, сползающій на западъ, отъ льда, сползающаго на востокъ) должна идти приблизительно параллельно съ продольной осью материковаго льда; такимъ образомъ линія ледораздѣла можетъ не имѣть никакого соотношенія съ линіей водораздѣла, которая образовалась бы въ свободной ото льда Грёнландіи *).

*) Многими изслѣдователями, особенно-же Г. де-Геромъ доказано, что и въ Скандинавіи линія нынѣшняго водораздѣла не имѣетъ ничего общаго съ линіей ледораздѣла, имѣвшаго мѣсто впродолженіи большей части ледниковаго періода (т. е. съ линіей, раздѣлявшей ледъ, сползавшій въ Сѣверное море отъ льда, сползавшаго въ Балтійское.

Исключая „нунатакъ“ береговой полосы, экспедиція нигдѣ не встрѣтила и слѣда горъ или скалъ, которыхъ и нѣтъ нигдѣ, кромѣ береговой области. Мощный покровъ материковаго льда, достигающій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пожалуй, двухъ, трехъ тысячъ метровъ въ толщину, совершенно скрываетъ подъ собой весь рельефъ страны, и на всемъ протяженіи этой ледяной коры нѣтъ и слѣда камней, песку или мелкой пыли *), какъ нѣтъ и слѣда животной жизни. Почти математически-правильная форма этого щита показываетъ, что она опредѣлена исключительно самымъ осажденіемъ атмосферныхъ осадковъ, вѣтрами и законами образованія поверхности на застывающихъ расплавленныхъ тягучихъ массахъ, а не особенностями „фундамента“. Самый фундаментъ материковаго льда — твердая скалистая почва представляетъ, по всей вѣроятности, и въ Грёнландіи, какъ въ Скандинавіи, неправильную поверхность, изрѣзанную скалами и долинами **).

Выпуклая, щитообразная форма поверхности материковаго льда зависитъ, слѣдовательно — по мнѣнію Нансена — не отъ

*) Внутри плато не оказалось и мелкой пыли, найденной Норденшёльдомъ въ краевой полосѣ материковаго льда и названной имъ „kryokonit'омъ“. Ласо, Лоренценъ, Вюльфингъ и др. давно доказали, что пыль эта не космическая, а принесена туда вѣтромъ съ свободной ото льда береговой полосы страны.

**) Образованіе материковаго льда должно представлять себѣ такъ, что въ наиболѣе высоко расположенныхъ частяхъ страны, поднимавшейся тогда, вѣроятно, значительно выше надъ уровнемъ моря, нежели теперь, годъ отъ году скоплялись все большія и большія массы атмосферныхъ осадковъ въ видѣ снѣга, не таявшаго вслѣдствіе того, что климатъ страны становился все холоднѣе и холоднѣе, и сама страна, пожалуй, все поднималась надъ уровнемъ моря. Такимъ путемъ образовались—сначала въ наиболѣе высокихъ мѣстахъ страны—обычнымъ образомъ ледники, которые мало по малу распространились по всей странѣ заполнивъ всѣ углубленія и, наконецъ, одѣли страну сплошной ледяной броней. Какъ показываютъ ледники въ загроможденныхъ ими фьордахъ, ледъ ползетъ извнутри во *всѣ* стороны; затѣмъ ледники также подтаиваютъ снизу, и изъ-подъ ледниковъ Грёнландіи повсюду вытекаютъ рѣчки и ручьи даже зимою; этимъ сползаніемъ и таяніемъ оказывается противодѣйствіе постоянному наростанію ледяной коры, благодаря продолжающемуся накопленію снѣга на высотахъ. Уменьшается-ли вообще въ настоящее время толща материковаго льда вслѣдствіе сползанія ледниковъ и ихъ таянія, или увеличивается, благодаря новымъ атмосфернымъ осадкамъ, еще невозможно опредѣлить. Вѣрно только то, что въ прежнія времена ледяная кора въ Грёнландіи была еще толще, чѣмъ теперь.

того, что будто-бы находящійся подъ нимъ твердый скалистый фундаментъ имѣетъ наибольшую высоту именно подъ осью высоты ледяного покрова, но отъ того, что расплавленная тягучая масса должна, застывая, сама по себѣ подняться всего выше тамъ, гдѣ сопротивленіе стеканію въ стороны всего сильнѣе, т. е. вообще посерединѣ. Поверхность материковаго льда внутри плато всюду снѣжная, а не ледяная; слой снѣга можно было вездѣ пробить палками отъ лыжъ, которыя и уходили въ снѣгъ цѣликомъ, т. е. на 3 метра. Общій составъ этого верхняго слоя—сверху рыхлый, а потомъ обледенѣлый снѣгъ, образовавшійся вслѣдствіе незначительнаго таянія снѣга на поверхности. Но хотя палки и уходили, какъ сказано, въ глубину покрова на три метра, материковаго льда еще не доставали. Вѣтеръ сметалъ внутри плато снѣгъ въ длинныя, плоскія, почти незамѣтныя дюны, по направленію отъ сѣвера на югъ. Этотъ образовавшійся внутри Грёнландіи надъ покровомъ материковаго льда верхній снѣжный покровъ доказываетъ, что тамъ на высотѣ болѣе 2000 м. снѣгъ во время лѣта хоть и таетъ, но не настолько, чтобы на поверхности образовалась гладкая ледяная кора; незначительное количество воды, образующееся при таяніи въ теплые дни верхняго слоя снѣга, не стекаетъ, но задерживается ночнымъ морозомъ *).

Всѣ эти важныя и интересныя свѣдѣнія о внутренней области материковаго льда оказались въ главныхъ чертахъ совершенно новыми, такъ какъ всѣ прежнія экспедиціи или не переступали за краевую полосу материковаго льда, или, если и переступали, то во всякомъ случаѣ не углублялись настолько во внутрь плато, чтобы имѣть возможность дать о немъ столь обстоятельныя свѣдѣнія. Нечего и говорить о томъ, какое значеніе представляетъ ознакомленіе съ климатическими и другими условіями, господствующими внутри области материковаго льда въ Грёнландіи, для пониманія условій, господствовавшихъ въ сѣверной Европѣ и Сѣверной Америкѣ во время великаго ледниковаго періода.

*) Стоитъ припомнить, ради сравненія, какъ Норденшёльду пришлось въ 1883 г. отказаться отъ продолженія пути потому, что вся поверхность образовала настоящую снѣжную кашу, въ которой опасались даже утонуть.

О подробностяхъ-же отчета Нансена, касающихся самого построенія материковаго льда, его движенія, толщины, таянія, особенностей краевой полосы, образованія ледяныхъ горъ, полярныхъ теченій, и пловучихъ льдовъ вдоль береговъ Грёнландіи, здѣсь не мѣсто распространяться, тѣмъ болѣе, что подробности эти, не смотря на всю ихъ цѣнность, не представляютъ такого общаго значенія, какъ вышеприведенныя свѣдѣнія. По мѣрѣ того, какъ больше будутъ сознавать значеніе, которое представляетъ для науки подробное ознакомленіе со всѣми условіями великаго ледниковаго періода, будутъ и больше цѣнить результаты, достигнутые Грёнландской экспедиціей Нансена.

Вѣдь, это безконечное, пустынное, ровное снѣжное поле, отличающееся почти математически-правильной выпуклой формой, обильнымъ лученспусканіемъ, страшными ночными морозами и ужасающими вьюгами, изображаетъ наиболѣе точную картину сѣверной Европы и Сѣверной Америки во время великаго ледниковаго періода.

Припомнивъ съ одной стороны простоту снаряженія экспедиціи Нансена и незначительность затраченныхъ на нее, въ сравненіи съ нѣкоторыми изъ прежнихъ экспедицій, средствъ, а съ другой стороны всѣ трудности и опасности, черезъ которыя пришлось пройти экспедиціи, чтобы достигнуть этихъ результатовъ—нельзя не отдать дани глубочайшаго уваженія лицамъ, совершившимъ этотъ научный подвигъ, переходъ черезъ материковый ледъ Грёнландіи отъ одного берега до другого.

Ева Нансенъ.

Неудавшееся интервью. (*Нордаля Рольфсена*).

Въ ночь на 12 августа 1889 г., дождь такъ и барабанилъ въ окна квартиры сводной сестры Фритьофа Нансена, съ которой онъ былъ очень друженъ. Вдругъ раздался

спльный стукъ въ окно; мужъ сестры — тотъ самый родственникъ, что сопровождалъ мальчика Фритьофа въ его экскурсіяхъ по Нормаркену и научилъ его управляться съ ружьемъ и съ удочкой—вскочилъ съ постели и пріотворилъ окно. „Это еще что такое?“—гнѣвно закричалъ онъ, стараясь разглядѣть, кто за окномъ. Тамъ виднѣлась высокая сѣрая фигура, настоятельно требовавшая, чтобы ее впустили въ домъ. Изъ окна посыпались бранныя слова, отличающія нормаркенцевъ, но сѣрая фигура всетаки настаивала на своемъ: „Впусти!“

И вотъ, въ спальнѣ сестры очутился Фритьофъ Нансенъ. Было уже 2 часа ночи. Онъ стоялъ, широко разставивъ длинныя ноги, заложивъ руки въ карманы брюкъ, и угрюмо посматривалъ на сестру. Она сидѣла, приподнявшись на постели.

— Боже мой, Фритьофъ! Что случилось?

— Женюсь, матушка!

— На комъ-же?

— На Евѣ, конечно!

Затѣмъ онъ сообщилъ, что проголодался. Зятю пришлось отправиться въ кладовую за холоднымъ жаркимъ, и слазить въ погребъ за шампанскимъ. И вотъ, за этимъ ночнымъ пиромъ освятили новую главу саги Фритьофа, причемъ онъ, конечно, не преминулъ пропѣть слова древней пѣсни изъ „Гавамола“:

„Любовь—никому не въ укоръ. Прекрасныя черты часто плѣняютъ мудрецовъ, невѣждъ-же никогда!“

И Фритьофъ написалъ о случившемся своему „Бьёрну“ *). Но Свердрупъ не отвѣтилъ ему словами Бьёрна: „Фритьофъ, дивлюсь твоему ослѣпленью“ *), а приблизительно такъ:

„Я не могъ заснуть всю ночь, раздумывая объ этомъ. Богъ знаетъ, съ чего я такъ обрадовался? Теперь, вѣдь, прощай сѣверный полюсъ!“

Но далѣе сага гласитъ,—и за справедливость ея ручаются вполнѣ достойные довѣрія люди—что, сватаясь за Еву, Фритьофъ Нансенъ тутъ-же сказалъ: „Только мнѣ надо будетъ отправиться къ сѣверному полюсу!“—„Онъ, вѣдь, не хотѣлъ

*) См. стр. 59, гдѣ приводится вышеприведенная цитата изъ поэмы Тегнёра „Фритьофъ“. Бьёрнъ (медвѣдь) другъ поэтическаго Фритьофа.—
Примѣч. перев.

быть обманщикомъ!" говоритъ то лицо, которому надлежитъ лучше знать все это.

Но кто-же была *она?*

Далѣе сага повѣствуетъ: жилъ былъ въ Норвегіи одинъ очень знаменитый человѣкъ, слава котораго достигла даже Америки и Австраліи. И случалось ему идти по улицѣ, до того углубившись въ свои мысли, что онъ не кланялся Евѣ Нансенъ. Она пеняла ему за это. И знаменитый поэтъ сказалъ: „Если это случится еще разъ, шепните мнѣ мимоходомъ: Да поклонись-же, чортъ!" И она послѣдовала его указанію.

„Да поклонись-же, чортъ!" Вотъ было мое первое внутреннее обращеніе къ госпожѣ Евѣ Нансенъ, когда я проходилъ мимо нея по улицѣ, почтительно обнажая голову, въ то время, какъ она хоть-бы кивнула мнѣ въ отвѣтъ. Я чувствовалъ только на своемъ обнаженномъ лбу ледяное вѣяніе ея горделиваго превосходства.

И ее-то предстояло мнѣ подвернуть интервью!

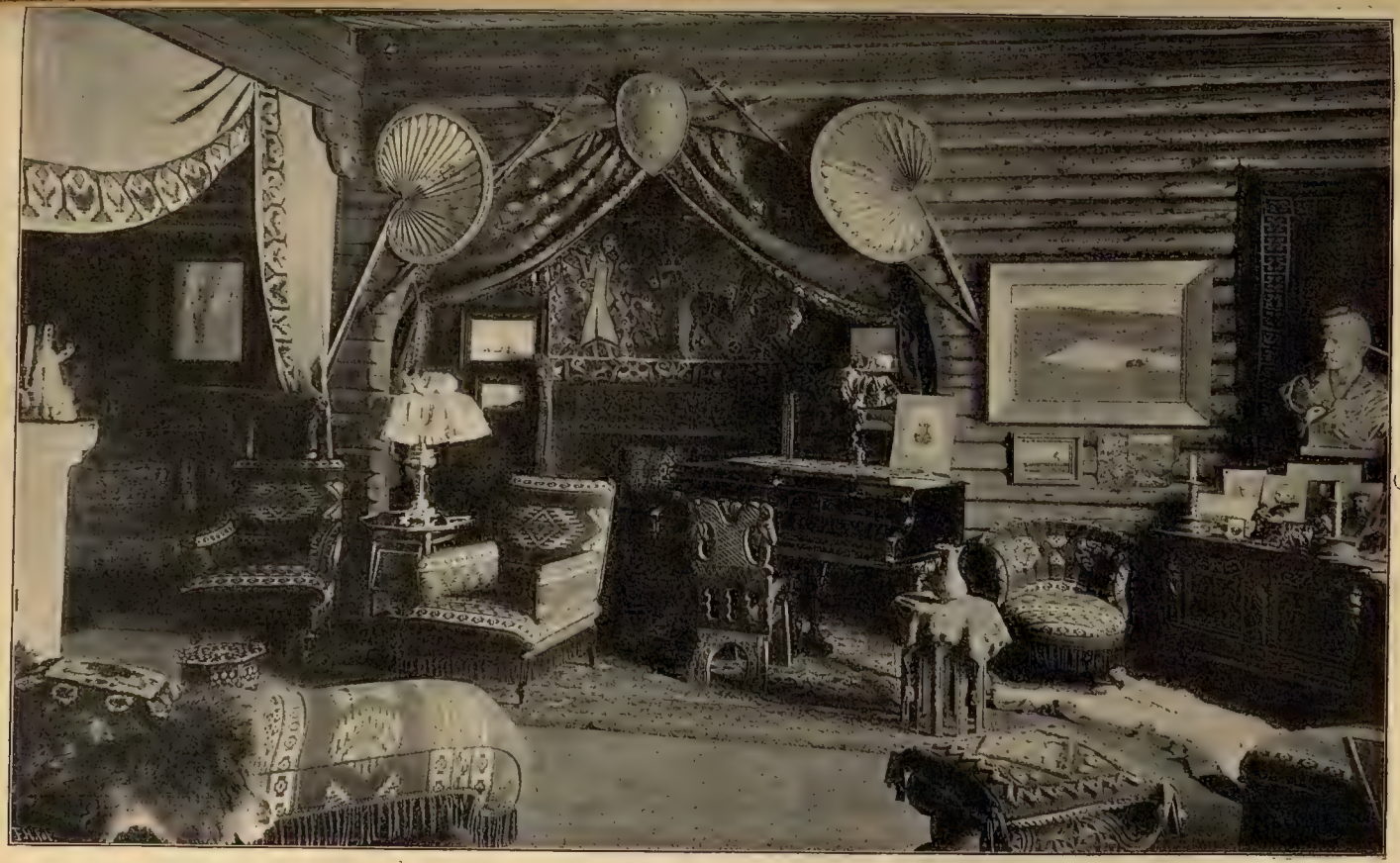
Я трепеталъ. Разъ я уже побывалъ у нихъ въ Готхобѣ *) передъ отъѣздомъ Нансена. Тогда *она* выпустила на меня двухъ желтыхъ охотничьихъ собакъ. И онѣ всласть потеребили мои икры, но я не жаловался, отлично понимая, что бѣдныхъ собакъ тренируютъ, моря ихъ голодомъ; и я съ удовольствіемъ готовъ былъ принести свою довольно солидную лепту въ пользу экспедиціи на сѣверный полюсъ.

Теперь *она* была одна. И мнѣ предстояло проникнуть къ ней. Я не смѣлъ и пытался сначала обдѣлать дѣло по телефону, да и тутъ предварительно заручился посредникомъ. Послѣдній отправился къ ней отъ моего лица. Она отвѣтила, что теперь очень занята и не можетъ обѣщать ничего навѣрное, но такъ—недѣли черезъ три—по телефону.

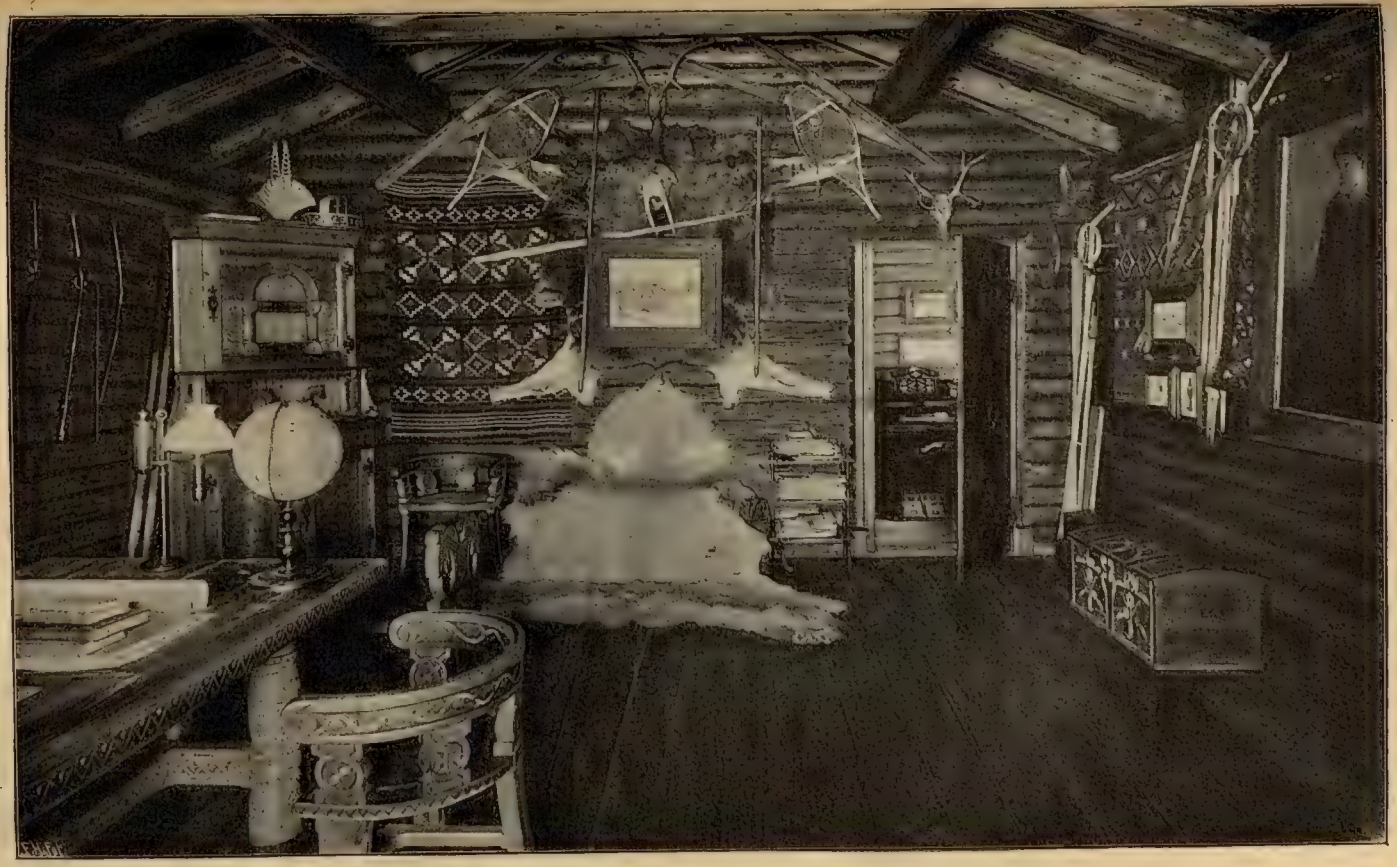
Я вспомнилъ слова поэта: „Въ такіе холода теплѣе не бываетъ", и понялъ кстати, что посвататься за *нее* могъ лишь тотъ, кто побывалъ на материковомъ льду Грёнландіи и готовился отправиться на сѣверный полюсъ.

---

*) Усадьба Нансена, названная по имени той датской колоніи въ Грёнландіи, куда экспедиція его прибыла по окончаніи перехода черезъ ледяное плато. *Примѣч. перев.*



Гостиная въ „Готхобѣ“.



Рабочій кабинетъ Фритьофа Нансена.

Черезъ три недѣли книга эта уже должна была быть готовой къ печати. Волей неволей пришлось поѣхать къ *ней* самому. У меня были санки, и я могъ слѣдовательно не дожидаться отхода поѣзда, а отправиться немедленно. Снѣгъ уже почти стаялъ, и я подвигался впередъ по холмистой мѣстности очень медленно. Глядя на таявшій ледъ и снѣгъ, я невольно вздыхалъ: „Дай-то Богъ, чтобъ и *она* растаяла!“ Увы! Словно въ отвѣтъ на мое пожеланіе изо всѣхъ дворовъ, мимо которыхъ я проѣзжалъ, раздавался отчаянный лай и вой дворняшекъ; въ тѣхъ краяхъ не ожидаютъ визитовъ—развѣ только со стороны воровъ.

Она приняла меня. Она велѣла покормить мою лошадь. Она сказала еще что-то, несовсѣмъ понятное, но, какъ мнѣ показалось, означавшее, что и мнѣ дадутъ поѣсть!

Я былъ совсѣмъ смущенъ такимъ ласковымъ пріемомъ и не зналъ какъ быть. Я скинулъ шубу и вынулъ карандашъ. Въ глазахъ ея сверкнула какая-то особенная искра, и мнѣ невольно вспомнилась сказочная принцесса, провожающая взглядомъ тѣхъ, кому послѣ неудачнаго искуса приходилось отправляться во свояси со взрѣзанной и посыпанной солью спиною. Но она была безконечно вѣжлива. Вдругъ съ плачемъ и крикомъ вбѣжала Ливъ *). Я вспомнилъ, что читалъ интервью одного англичанина, описывавшаго, какъ госпожа Нансенъ положила руку на голову дочери, говоря: „Вотъ мое единственное утѣшеніе“. На этотъ разъ Ливъ плакала и кричала, что было мочи. Ей, видите-ли, непремѣнно нужны были ножницы, чтобы разрѣзать скатерть пополамъ. Ева Нансенъ съ сердцемъ сказала: „Ишь, какая гадкая дѣвчонка!“ И Ливъ выпроводили. Я былъ смущенъ, но сказалъ растроганнымъ голосомъ: „Да, да, знаю, что она ваше единственное утѣшеніе!“

Тогда она засмѣялась мнѣ прямо въ глаза.—Да ея въ тотъ день и дома-то не было!

— Когда англичанинъ интервьюпровалъ васъ?

— Ея не было дома.

Я стоялъ, грызя карандашъ, и вдругъ бухнулъ:

---

*) Дочка Нансена. „Ливъ“ по-русски значитъ —жизнь. *Примѣч. перев.*

— Не разскажете-ли вы мнѣ чего-нибудь о Нансенѣ?

— О Нансенѣ? Я Нансена не знаю.

Но при этомъ въ ея глазахъ опять промелькнулъ какой-то огонекъ, точно проблескъ солнца въ дождливый день.

Я съ удовольствіемъ отмѣтилъ это.

Надежда.

— Пишете вы другъ другу?

— Нансенъ не охотникъ писать.

— Но всетаки иногда, вѣдь, пишетъ?

— Да, иногда.

— О чемъ нибудь, представляющемъ общій интересъ?

— Нѣтъ, о такихъ вещахъ мы не пишемъ.

Молчаніе. Я заходилъ по комнатѣ, тупо глядя на картины. Вдругъ мое вниманіе остановила одна, висѣвшая гдѣ-то въ углу.

Это была прекрасная копія съ картины одного англійскаго художника. Подпись подъ ней гласила: „Надежда". Послѣдняя была изображена въ видѣ женщины, сидящей на земномъ шарѣ; глаза женщины завязаны, но нижняя часть лица озарена свѣтомъ.

Было это какъ-разъ въ тѣ дни, когда имя Нансена облетѣло этотъ самый земной шаръ вмѣстѣ съ загадочною вѣстью о томъ, что онъ дошелъ до сѣвернаго полюса и открылъ новую землю. Достовѣрно, однако, никто ничего не зналъ. И женщины всего цивилизованнаго міра, вѣрно, говорили другъ другу: „Каково-то теперь женѣ Нансена?".

И я долго стоялъ въ углу растроганный, утирая глаза карандашомъ; наконецъ, я спросилъ глухимъ голосомъ:

— Когда вы пріобрѣли эту картину?

— Когда были въ Лондонѣ. Мы съ Нансеномъ купили ее тамъ.

— Имѣла-ли... картина эта... какой-нибудь смыслъ... т. е. я хочу сказать—придавали-ли вы ей... какую нибудь особенную цѣну?...

— Нисколько.

Я такъ и сѣлъ на стулъ около камина, или очага, или какъ его зовутъ тамъ у нихъ въ „Готхобѣ".

Она бросила мнѣ на столъ какія-то бумаги. Это было послѣднее сообщеніе норвежско-шведскаго посланника въ С.-Петербургѣ, содержащее все, что можно было сказать за и противъ письма Кушнарева.—„Самыя свѣжія новости!"—сказала она при этомъ сухо. Съ большимъ пренебреженіемъ она не могла предложить мнѣ нумера „Утренней Почты".

— Какъ по вашему,—правдоподобность все уменьшается?—прибавила она небрежнымъ, слегка презрительнымъ тономъ.

Я внимательно прочелъ увѣсистый документъ и затѣмъ сталъ серьезно и съ искреннимъ убѣжденіемъ говорить въ пользу Кушнарева и его племянника.

— А по моему оба врутъ!—сказала она рѣзко.

Меня, наконецъ, просто взорвало. Я-то явился сюда узнать и разсказать потомъ всему свѣту, какъ жена Нансена сидитъ и дрожитъ за него, что осиновый листъ, переходя отъ чувства радости къ страху, а тутъ...

Но прежде чѣмъ я успѣлъ сказать что-либо, я невольно весь

вздрогнулъ,—морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ. Это она отворила позади меня дверь:—Не угодно-ли вамъ посмотрѣть рабочій кабинетъ моего мужа?

Теперь мнѣ съ особенной ясностью вспомнилось, что сообщалъ объ этомъ самомъ рабочемъ кабинетѣ Нансена англичанинъ-интервьюеръ: „Тутъ все приводитъ на умъ слова Писанія о дѣвахъ, безпрерывно поддерживающихъ огонь въ свѣтильникахъ въ ожиданіи жениха“.

— Все, что найдете тамъ—къ вашимъ услугамъ!—сказала она любезно, затѣмъ затворила за мной дверь и—усѣлась въ своей теплой комнатѣ у камина, очага или какъ тамъ его зовутъ у нихъ.

Я-же остался одинъ, едва переводя дыханье отъ холода. Должно быть, нѣчто подобное испытываютъ любители, погружаясь въ ледяной бассейнъ римскихъ бань, гдѣ вода доводится до температуры въ три градуса. И я отмѣтилъ въ своей книжкѣ:

„Нашелъ третій ледяной полюсъ земли“.

Больше тамъ и нечего было искать. Въ жизни своей я не видалъ подобнаго хаоса! Повсюду шкафы, сундуки, ящики, биткомъ набитые книгами, рукописями, письмами, инструментами, консервами... А изъ подъ кучи старыхъ стеколъ выглядывалъ—страшно сказать—дипломъ члена корреспондента самой парижской Academie des sciences!

Я принялся ворочать эти замерзшія глыбы книгъ, и мнѣ удалось-таки возстановить у себя кровообращеніе. Изъ кучи хлама я вытащилъ старую испачканную фотографію, изображавшую какъ-разъ гостиную дома. Съ одной стороны камина сидитъ самъ Фритьофъ Нансенъ, слегка нагнувшись впередъ, съ другой виднѣется что-то демоническое, какая-то черная фигура, которая, какъ я догадался, должна была изображать его жену. Стопло-же мнѣ перестать возиться, я начиналъ дрожать отъ холода. И бормоча про себя сравненіе интервьюера-англичанина: „Это дѣва ожидаетъ своего жениха. Все готово и убрано по праздничному“—я перебрался въ теплую комнату. Ева Нансенъ сидѣла, склонясь къ камину и смотрѣла какъ будто совсѣмъ другой. Щелканье моихъ зубовъ отъ холода привело ее въ себя.

— Прохладно тамъ?—спросила она вкрадчиво, затѣмъ усѣлась, скрестила руки на груди и сказала:

— Теперь задавайте вопросы. Можете не стѣсняться!

Не стѣсняться! Помилуй Богъ! Я даже не рискнулъ спросить, въ которомъ году она родилась. Такъ-таки и не рискнулъ. И теперь не знаю этого, а такія данныя все-же спрашиваются въ біографіи.

Я началъ спрашивать о разныхъ пустякахъ,—о чемъ могъ-бы узнать изъ любого энциклопедическаго словаря—и не коснулся ничего интимнаго, о чемъ спросили-бы въ подобномъ случаѣ другіе, болѣе опытные интервьюеры-спеціалисты, напр., о томъ: ласкалъ-ли онъ свою жену, часто-ли они дрались наединѣ и о тому подобныхъ щекотливыхъ и самыхъ интимныхъ вещахъ, о которыхъ поэтому-то именно и надлежитъ знать всѣмъ и каждому. Въ концѣ концовъ говорилъ я одинъ; я разсказывалъ *ей* о *немъ* различныя исторіи изъ его дѣтства и юности, которыя я успѣлъ насбирать въ свою нищенскую котомку и которыя не были еще извѣстны г-жѣ Нансенъ.

Явились гости, приглашенные къ чаю. Меня, кажется, не просили оставаться, но я остался, какъ будто такъ и надо было. Гости были веселы, сама хозяйка много смѣялась звонкимъ пріятнымъ и заразительнымъ смѣхомъ.

Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, всѣ на минуту замолчали. Свѣтъ отъ лампы падалъ на лицо Евы Нансенъ. Оно было блѣдно. Вдругъ она быстро встала. „Извините, дѣтки! Надо мнѣ руки вымыть.“ Я невольно быстро взглянулъ на ея руки. Онѣ были бѣлѣе снѣга; ни одной пылинки.

— Вы вѣрно хотите проститься съ Ливъ? — началъ я съ участіемъ.

— Она давно храпитъ!

Я просидѣлъ съ минуту одинъ въ углу. Другіе гости ушли въ столовую, откуда и раздавались громкіе и веселые голоса. Сидя, какъ потерянный, одинъ въ углу и размышляя о своемъ пораженіи въ качествѣ интервьюера, я невольно перешелъ мыслью на эти бѣлыя ручки, которыя вдругъ понадобилось вымыть. Не оттого-ли, что она бесѣдовала съ интервьюеромъ? Но разъ онъ настолько чистъ, неиспорченъ и простоватъ, какъ я, была-ли въ этомъ надобность?..

Она вѣрно пошла всетаки проститься съ Ливъ. Интересно знать: скучала-ли она о ребенкѣ, во время своихъ артистическихъ турнэ? Да, конечно, скучала. Я, вѣдь, самъ слышалъ объ этомъ.

Извѣстно, что есть вещи, о которыхъ не знаешь хорошенько—самъ-ли пережилъ ихъ, слышалъ-ли о нихъ, или видѣлъ ихъ во снѣ. Такъ было и со мной на счетъ даннаго вопроса. Она вѣдь, то и дѣло снилась мнѣ въ послѣднія ночи.

Было это въ Гётеборгѣ, въ гостинницѣ. Блѣдная и грозная стояла она передъ своимъ импрессаріо.

— Все еще нѣтъ телеграммы? Она спрашивала не о телеграммахъ, возвѣщавшихъ о ея новыхъ концертахъ, или о выпавшихъ на ея долю новыхъ овацiяхъ. Дѣло шло о телеграммѣ на счетъ Ливъ. Импрессаріо затруднялся отвѣтомъ.

— Еще рано...

— Уже десять часовъ!

— Да, вѣдь, Ливъ здорова—вы сами знаете.

— Нѣтъ. Я велѣла имъ каждое утро телеграфировать мнѣ. Сегодня они не смѣютъ, да, не смѣютъ.

Вечеромъ ей предстояло пѣть. Цѣлый день импрессаріо тихонько отъ нея посылалъ домой къ ней телеграмму за телеграммой. Она ходила по своему нумеру взадъ и впередъ, не присаживаясь ни на минуту, не говоря ни слова. Въ пять часовъ она прилегла на постель. Тогда пришла телеграмма: „Ливъ здорова.“ И слезы брызнули у нея изъ глазъ.

Неужели это была галлюцинацiя, „second sight,“ какъ говорятъ англичане? Но если я обладалъ внутреннимъ зрѣніемъ, то у меня долженъ быть и внутренній слухъ. Такъ немудрено, что я въ данную минуту явственно разслышалъ, какъ кто-то сказалъ въ корридорѣ: „Крѣпись!“ на что другой голосъ отвѣтилъ: „Развѣ я не крѣплюсь?“—„Конечно, конечно!“—Затѣмъ у кого-то словно вырвалось изъ груди:—„Если я терплю его, такъ это ради Фритьофа... Можетъ быть онъ напишетъ хорошую книжку... Не то я давно выгнала-бы его!“

Въ ту-же минуту дверь въ гостиную отворилась, и съ веселымъ смѣхомъ вошла Ева Нансенъ, свѣжая и сіяющая, и предложила мнѣ руку, чтобы идти къ столу.

И я сидѣлъ рядомъ съ ней, очарованный ея жизне-радост-

ностью, ея неподдѣльной веселостью, ея звонкимъ смѣхомъ, уносившимся въ ночную даль къ темному заливу.

Часъ спустя, я ѣхалъ обратно, совсѣмъ ошеломленный впечатлѣніями, и, проѣзжая опять вдоль залива, я слышалъ, какъ вода тихо, жалобно шептала и плакалась въ глубинѣ подъ слоемъ таявшаго льда.

* * *

На другой день я опять поѣхалъ на приступъ, запасшись настоящей шубой. Изъ вчерашней нашей бесѣды я вывелъ заключеніе, что мнѣ предоставлялось сколько угодно мерзнуть въ „рабочей", или какъ ее называли съ убійственной ироніей „каминной комнатѣ", лишь-бы я не трогалъ большого ящика, гдѣ хранились письма Евы Нансенъ.

— Барыня уѣхала въ городъ?—спросилъ я отворившую мнѣ дверь горничную.

— Барыня спитъ.

Но, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, пока я перебирался изъ умѣреннаго пояса въ холодный, она уже успѣла одѣться и вдругъ очутилась vis-à-vis меня у противоположнаго конца большого стола. Она была въ утреннемъ капотѣ, собрала всѣ свои письма, кивнула мнѣ, засмѣялась и исчезла.

Итакъ, она не довѣряла моему честному слову. Я чувствовалъ себя польщеннымъ. Для мужчины все-таки предпочтительнѣе, чтобы его приняли за подлеца, нежели за идіота.

Но бо̀льшаго я въ этотъ день и не добился отъ нея.

Три дня подъ-рядъ я продолжалъ свой приступъ. На третій день я попалъ на сеансъ: Веренскьольдъ рисовалъ съ нея портретъ для этой книги. И онъ и она смотрѣли довольно невесело. Веренскьольдъ былъ не въ духѣ, такъ какъ переѣзжалъ съ квартиры, а тутъ еще долженъ былъ возиться съ портретомъ. Ева Нансенъ, сидя спиной ко мнѣ и лицомъ къ нему (всякому подобающее) и отчеканивая каждое слово (нельзя было не согласиться съ рецензентами, восхвалявшими отчетливость ея пѣнія), говорила: „Вчера заходилъ отъ вашего имени одинъ молодчикъ. Я дала ему портретъ мужа. Чтобы онъ вернулъ мнѣ его немедленно! И дня не хочу быть безъ него!"

Ливъ.

Она говорила, точно бесѣдовала съ безотвѣтнымъ фотографическимъ аппаратомъ. Я бросился въ санки и задалъ тягу.

Въ тотъ-же день, послѣ обѣда, я сидѣлъ у ея матери, почтенной старушки за восемьдесятъ, такъ что я, не нарушая правилъ скромности, могу сказать, что люблю ее. Она одна изъ первѣйшихъ разсказчицъ въ Норвегіи. Она ожидала меня. На столѣ уже стояли три кофейника и корзинка, наполненная до краевъ пирожными необычайной величины.

Тутъ-то я думалъ польется на меня потокъ разсказовъ о дочери. Но почтенная дама оказалась въ этотъ вечеръ какъ-то особенно неразговорчивой. На всѣ мои подходы она только радушно тыкала пальцемъ въ огромныя пирожныя. Ясно было, что отъ меня хотѣли отдѣлаться кормежкой. Не безъ нѣкоторой горечи всталъ я и простился, сказавъ при этомъ: „Мнѣ сдается, милостивая государыня, что вы, съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлся съ вами въ послѣдній разъ, позаимствовали у своей дочери нѣкоторыя неособенно симпатичныя свойства. Съ сожалѣніемъ вынужденъ буду поставить подъ ея портретомъ слова того датчанина, который собиралъ свѣдѣнія о предкахъ Нансена: „Въ семействѣ его въ Норвегіи я встрѣтилъ мало предупредительности.“ Старуха стояла передо мной, выпрямившись, съ самымъ неприступнымъ видомъ, и лицо ея удивительно живо напомнило мнѣ аншлаги, которыхъ мнѣ столько приходилось видѣть на домахъ въ Германіи: „Bettelei und Hausieren ist hier verboten.“ (Нищимъ и разносчикамъ входъ воспрещенъ).

Оттуда я поѣхалъ прямо къ пѣвцу Ламмерсу, женатому, какъ мнѣ говорили, на сестрѣ Евы. Было это въ февралѣ мѣсяцѣ. Ламмерсъ сердечно пожалъ мнѣ руку, какъ умѣетъ пожимать только онъ, и своимъ прекраснымъ, внушительнымъ басомъ сталъ завѣрять меня, что какъ только покончитъ съ большимъ вокальнымъ празднествомъ — такъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ—непремѣнно удѣлитъ мнѣ съ четверть часа. Такъ вотъ, каковъ тотъ матеріалъ, который послужилъ мнѣ для нижеслѣдующихъ біографическихъ данныхъ. Я ничего не знаю; пришлось догадываться обо всемъ. Поэтому я съ полнымъ правомъ могу расчитывать на снисхожденіе, на которое вообще можетъ претендовать недостовѣрность.

*
* *

Начну съ того, что возьму назадъ свои опрометчивыя слова,

сказанныя почтенной старушкѣ. Не мать позаимствовала у дочери эти качества, а дочь у матери. Маренъ Сарсъ, сестра покойнаго поэта Вельгавена и жена знаменитаго научнаго дѣятеля, врядъ-ли во всю свою жизнь написала хоть строчку или пропѣла хоть одну строфу—развѣ только убаюкивая своихъ дѣтей—но она одна изъ тѣхъ женщинъ, что производятъ на свѣтъ художественныя натуры. Въ такихъ женщинахъ таится скрытый запасъ художественныхъ силъ, достаточныхъ для созданія истинно художественной активной личности во второмъ поколѣніи.

Въ самой Маренъ Сарсъ не было потребности сознательнаго творчества, стремленія облечь свои художественные инстинкты въ формы, предлагаемыя искусствомъ, не было никакихъ данныхъ для этого. Ей и въ голову никогда не приходило выступить публичною дѣятельницей въ какой бы то ни было отрасли искусства. Но послушали-бы вы ее въ воскресный вечеръ, когда она въ сумерки разсказываетъ въ кругу родныхъ и знакомыхъ свой сонъ! Послушали-бы вы, какъ она разсказываетъ, будто ей снилось разъ, что она вошла ночью въ церковь Дѣвы Маріи, и вдругъ на кафедру стали всходить всѣ бергенскія покойницы и каяться въ своихъ грѣхахъ передъ большимъ распятіемъ, изъ котораго въ это время сочилась кровь—вы былибы поражены такимъ повѣствовательнымъ талантомъ внѣ области литературы. Что за глубина чувства, что за драматическая мощь и богатая фантазія, всегда выбирающая для произведенія должнаго эффекта надлежащее выраженіе, что за первоклассное искусство устной передачи! Такое-же сильное впечатлѣніе производитъ она и тогда, когда передаетъ комическій эпизодъ, который въ устахъ всякаго другого человѣка показался-бы сущимъ пустякомъ. Она придаетъ дѣлу особый оборотъ, особое освѣщеніе, сразу превращающія его изъ обыденнаго въ интересное, словомъ—подвергаетъ его художественной переработкѣ.

Маренъ Сарсъ говоритъ намъ какимъ образомъ создались наши народныя пѣсни, сказки и саги. Она представляетъ крупный, непосредственный художественный талантъ, эпическо-драматическій темпераментъ. Въ сущности она импровизаторъ, но тѣмъ не менѣе никогда не бываетъ, чтобы она въ одинъ вечеръ упустила воспользоваться тѣми удачными оборотами, которые

пришли ей въ голову въ предыдущій. Она всѣ ихъ удерживаетъ въ памяти, благодаря безсознательному художественному инстинкту. Говорятъ—мнѣ-то, вѣдь, гдѣ-же судить объ этомъ!—что Ева страстно любитъ мать. Въ такомъ случаѣ это одна изъ немногихъ, вполнѣ объяснимыхъ страстей. Въ исполненіи Евой Нансенъ романсовъ замѣтенъ темпераментъ матери, перешедшій въ сознательное искусство. Въ манерѣ пѣнія дочери выступаетъ на свѣтъ эпическо-драматическій талантъ матери, обработанный и сглаженный, но вполнѣ сохранившій тотъ священный внутренній огонь, который составляетъ душу пѣсни. Выступая на эстраду, эта знаменитая теперь пѣвица, однако, нисколько не напоминаетъ своей симпатичной, уже однимъ внѣшнимъ видомъ подкупающей разсказчицы-матери. Къ Евѣ Нансенъ видно перешло кое-что изъ Вельгавенской спѣси и холодности. Сразу видно, что она вовсе не намѣрена располагать публику въ свою пользу внѣшнимъ своимъ видомъ, зная, что все равно побѣдитъ ее своимъ пѣніемъ.

Избалованная успѣхомъ съ юности, она не привыкла добиваться его униженьемъ. И пѣніе, навѣрно, много лѣтъ было для нея только любимой забавой, а никакъ не орудіемъ честолюбія. Публика сразу приняла ее съ распростертыми объятіями. Что было-бы, если-бы ей, какъ многимъ изъ выдающихся артисткъ, предстояло подвигаться впередъ медленно, въ постоянной борьбѣ съ равнодушіемъ и холодностью публики, перенося униженье, являющееся для весьма многихъ первой неизбѣжной ступенью къ успѣху—объ этомъ сага умалчиваетъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, она ни за что не согласилась-бы поставить ногу на эту ступень, но сразу повернулась-бы къ публикѣ спиной—на всегда. „Искусство“—говорятъ эти нѣкоторые—„не было еще для нея тѣмъ рѣшающимъ участь человѣка дѣломъ, за которое человѣкъ готовъ на все, готовъ даже отдать жизнь“. Она одно время отдавалась двумъ искусствамъ за-разъ—пѣнію и живописи, но скоро оставила послѣднюю, найдя сама, что у нея нѣтъ настоящаго таланта.

Между тѣмъ, какъ пѣвица, она легко и незамѣтно переходила изъ семейнаго кружка въ общественныя гостиныя, а изъ гостиныхъ въ концертные залы. Первыми учителями ея были, по всей вѣроятности, самые близкіе ей люди. Отъ матери она

получила огонекъ, первые уроки, пожалуй, отъ сестры, а остальные отъ зятя.

Такъ я представляю себѣ исторію ея развитія, какъ пѣвицы, и надѣюсь, что г. Ламмерсъ, прочитавъ эти строки, подтвердитъ справедливость моихъ словъ. Говорятъ еще, что она брала уроки въ Берлинѣ у madame Арто.

Но не въ madame Арто главная суть, а въ Фритьофѣ Нансенѣ. Развѣ не благодаря ему въ пѣніи Евы Нансенъ появились новые звуки, вызванные любовью, материнскимъ чувствомъ, страданіемъ?...

Первая встрѣча ихъ произошла въ лѣсу Фрогне, когда еще не было и помину ни о переходѣ черезъ Грёнландію, ни объ экспедиціи на сѣверный полюсъ. Молодой спортсмэнъ замѣтилъ тамъ однажды въ снѣгу слѣды пары ногъ. Онъ поинтересовался узнать, кому принадлежатъ эти слѣды, приблизился и увидалъ на вершинѣ сугроба напудренную инеемъ маленькую, но гордо закинутую назадъ головку. Головка эта принадлежала Евѣ. Но она нисколько не смутила душевнаго покоя Фритьофа, и такъ дѣло осталось на долго. Что-же въ сущности свело ихъ вмѣстѣ? Что извѣстно объ этомъ мнѣ? Да ровно ничего. Но я не думаю, чтобъ были правы люди, утверждающіе, будто онъ сватался за Еву въ первый разъ еще до своей грёнландской экспедиціи и что отказъ ея именно и вселилъ въ него желаніе кончить свою жизнь въ трещинахъ материковаго льда. Такой поступокъ во всякомъ случаѣ мало соотвѣтствовалъ-бы столь практичной натурѣ, какова его, да и зачѣмъ въ такомъ случаѣ было-бы ему брать съ собою Дитрихсона, Свердрупа и прочихъ? Ради того развѣ, чтобы имѣть, подобно старому коннунгу, провожатыхъ въ царство Гелы? *)

Я-же думаю, что они сошлись, какъ родственныя натуры въ духѣ нашихъ древнихъ сагъ. Разница между обоими лишь въ томъ, что его душа открыта всему свѣту, благодаря совершаемымъ имъ подвигамъ; ея-же душа, святая святыхъ ея существа, сохраняется какъ-бы за семью печатями. Для нихъ обоихъ все мелочное является мелочнымъ, пожалуй, даже

*) Гела—по древне-сѣв. миѳ.—богиня смерти и владычица ада.
Примѣч. перев.

слишкомъ мелочнымъ. Эти вѣчныя соображенія и взвѣшиванія обстоятельствъ обыденной жизни, чѣмъ завоевываются обыденные друзья, имъ незнакомы. Вотъ почему образъ ихъ жизни и поступки возбуждаютъ раздраженье, кажутся вызывающими, даютъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Какъ онъ, такъ и она, каждый самъ по себѣ, носитъ въ себѣ нѣчто великое, существенное; въ *ней* это ея страсть. Въ обыденной жизни *она* можетъ быть и шаловливой и сверкать холоднымъ блескомъ снѣжинокъ на солнцѣ, но въ глубинѣ ея души живетъ одностороннее и потому сильное чувство. *Она* похожа на Свангильду изъ „Комедіи любви“ *). *Она* не изъ тѣхъ женщинъ, которыя:

Добро свое раздали сотнямъ людей,—
Никто имъ не долженъ всей суммы сполна
Имъ нѣ съ кого требовать полной уплаты,
И некому всю свою жизнь посвятить.

Онъ—мужчина, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Для него весь смыслъ въ трудѣ, въ подвигѣ. И признавшись въ любви, онъ не забываетъ указать на сѣверный полюсъ. Съ первой-же минуты на ихъ любовь какъ-бы падаетъ тѣнь полярнаго мрака, въ первой-же ихъ встрѣчѣ брезжитъ страхъ передъ разлукой.

Онъ любитъ ее со всей искренностью своей отзывчивой натуры. Когда она бываетъ больна, онъ бросаетъ все и просиживаетъ дни и ночи у ея постели. Но онъ мужчина, онъ не можетъ жить безъ дѣла, онъ жаждетъ дѣятельности.

Она женщина. Воспитанная въ любящей, богатой духовно семьѣ, избалованная общей любовью и поклоненіемъ, она идетъ за нимъ и безъ ропота раздѣляетъ его аскетическія привычки, привыкаетъ не мерзнуть въ „собачьей конурѣ“, ѣстъ сердитую смѣсь сыра съ пеммиканомъ, питательность которой нужно подвергнуть испытанію передъ полярной экспедиціей, или-же, если не въ силахъ ѣсть ея, голодаетъ по цѣлымъ суткамъ, сопровождая мужа въ его небольшихъ экскурсіяхъ. Свое дѣло, свою художественную личность она скромно ото-

*) Пьеса Генрика Ибсена.

Примѣч. перев.

двигаетъ на задній планъ. Она хоть и выступаетъ еще въ концертахъ, но очень рѣдко. Можетъ быть, она говорила ему: „И я хочу участвовать! И я хочу переносить все, хочу быть наравнѣ съ другими! Хочу страдать для нихъ, играть для нихъ, пѣть для нихъ! Важнѣе всего, вѣдь, тамъ поддержать бодрость духа,—она поддерживаетъ самую жизнь! Я хочу быть радостью жизни среди полярнаго мрака!“ А что-же отвѣтилъ онъ на этотъ натискъ? Можетъ быть, у него хватило духу сказать непреклонно, что это невозможно? Или помѣхой явилась Ливъ?

Послѣ его отъѣзда она на цѣлыя недѣли заперлась у себя ото всѣхъ, какъ вдова. Она переживала великій кризисъ вѣчной трагедіи человѣческой жизни, трагедіи, разыгрывающейся въ отношеніяхъ мужчины и женщины. Онъ сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать. Она и не желала бы, чтобы онъ былъ другимъ. Но она не была-бы той горячей, страстной натурой, какова она есть, если-бы изъ глубины ея души не вздымались при этомъ мятежныя мысли. Вѣдь, и у нея было свое призваніе, безконечно дорогое ей, и все-же, что́ оно для нея въ сравненіи съ любовью къ *нему*? Развѣ она могла-бы когда нибудь промѣнять на это призваніе *его*? Никогда!... Когда-же она вновь отперла свои двери для свѣта, она предстала передъ нимъ стройная, гибкая, улыбающаяся. Она похожа на женщинъ сагъ и вполнѣ равна *ему*. Если у нея и бываютъ минуты слабости, то никто не увидитъ ее согнувшейся подъ ихъ бременемъ.

Лишь одно осталось у нея теперь, въ чемъ она вполнѣ можетъ отвести душу. Это—искусство. Послѣ страшнаго кризиса, оно кротко, но властно заняло свое мѣсто у опустѣвшаго домашняго очага. Сидѣть, сложа руки, и ждать, значило-бы для нея сойти съ ума. И у нея, вѣдь, было свое дѣло и свои права. Она не только женщина, но и человѣкъ. Чувство окружающей пустоты порождаетъ потребность дѣятельности, независимости, потребность серьезно пробить себѣ дорогу, усовершенствоваться, подняться въ своей сферѣ до одной высоты съ *нимъ*, чтобы подать ему руку, какъ равная равному, если онъ когда нибудь вернется къ ней.

До сихъ поръ она только время отъ времени выступала въ

родномъ городѣ, гдѣ знаютъ ея талантъ и привыкли цѣнить его. Теперь она отважилась перешагнуть границы родины и выступить на чужбинѣ, среди народа, гдѣ хорошіе голоса и умѣнье пѣть не въ рѣдкость. Появившись въ ноябрскій вечеръ 1895 г. въ первый разъ на концертной эстрадѣ въ столицѣ Швеціи, она чувствовала, что у нея въ глазахъ темнѣетъ отъ страха. Впервые въ жизни почувствовала она, что эстрада является помостками, обозначающими свѣтъ, впервые сознала значеніе побѣды и пораженія. Но съ виду она осталась такою-же, какъ всегда, гордою и замкнутою въ себѣ. И публика въ свою очередь приняла выжидающее положеніе. Но вотъ, полились волною чарующіе, задушевные звуки, полные то грусти и печали, то яркой жизнерадостности и ликованія, публика почувствовала себя побѣжденной совершенствомъ искусства, почувствовала живую душу артистки, вложенную въ эти звуки, и—разразилась буря восторговъ, въ которой вылилось глубокое внутреннее чувство. Пѣвица начала колыбельной пѣсенкой для лошадки:

Спи, лошадка, почивай!
Грезь о стойлѣ, да о сѣнѣ,
Да о легкомъ сѣдокѣ—
О малюткѣ на спинѣ!

И какъ она спѣла эти слова, положенныя Грійгомъ на дивную музыку, какъ передала послѣднія двѣ строфы въ какомъ-то особенномъ темпѣ! Всѣ словно видѣли передъ собой эту веселую лошадку, слышали легкій топотъ ея копытъ, а сама пѣвица видѣла на ней свою Ливу! Когда-же она пѣла „Erlkoenig“ (Лѣсной царь), холодъ пробѣгалъ по спинамъ слушателей; она, вѣдь, сама испытала однажды эту погоню смерти за ребенкомъ и знала, о чемъ поетъ. А кто-жъ бы, кромѣ нея, сумѣлъ вложить столько чувства въ простыя слова народной пѣсни:

И не хочу крушиться, а все-же рвется грудь...
Вернется-же мой милый назадъ когда нибудь!
Когда цвѣты и травка луга украсятъ вновь,
Вернется другъ желанный,
Такъ долго, долго жданный!
Не скоро, знаю, вянетъ горячая любовь!

Историческій обзоръ полярныхъ экспедицій.

(Акселя Арсталя).

Если изслѣдованіе полярныхъ странъ и не представляетъ собой величайшей задачи человѣчества, то все-же нельзя не видѣть въ стремленіи къ этому изслѣдованію одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ проявленій вѣчно ищущаго и не передъ какими трудностями не останавливающагося пытливаго человѣческаго духа.

Исторія изслѣдованія полярныхъ странъ начинается болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; но если сопоставить результаты, которые достигнуты людьми въ столь огромный промежутокъ времени, то окажется, что люди подвигались впередъ въ своемъ изученіи полярныхъ странъ всего на одинъ километръ въ годъ. Теперь разстояніе отъ флага, водруженнаго лейтенантомъ Локвудомъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ на названномъ по его имени островкѣ къ сѣверу отъ Грёнландіи, до сѣвернаго полюса, не превышаетъ разстоянія, которое безъ труда прошелъ-бы по одному изъ европейскихъ туристскихъ трактовъ любой порядочный ходокъ-спортсмэнъ въ мѣсяцъ. Но путь по льдамъ не такъ-то скоро пройдешь. Даже въ лѣтнее время, когда между льдинами то и дѣло встрѣчаются полыньи, Парри и Россъ подвигались впередъ не болѣе, какъ на 5 кил. въ день.

Первый вступилъ на порогъ арктическаго пояса — согласно дошедшимъ до насъ историческимъ даннымъ — современникъ Александра Великаго, отважный астрономъ и географъ Питей,

изъ древняго Марселя, города, граждане котораго унаслѣдовали свое влеченіе къ странствованіямъ отъ своихъ предковъ — малоазійскихъ грековъ. Питей раздѣлилъ общую долю большинства піонеровъ въ области науки. Современные ему ученые географы только вознегодовали на него за „ложныя, ни на чемъ не основанныя свѣдѣнія", когда онъ вернулся изъ своихъ странствованій, приведшихъ его къ величайшей пустынѣ земного шара.

Тысячу лѣтъ тому назадъ начали бороздить сѣверныя моря ладьи и корабли викинговъ-норманновъ. То носимые волею волнъ, то влекомые непреодолимымъ желаніемъ отыскать новыя заморскія страны, норманны совершали открытіе за открытіемъ; къ сожалѣнію, за отсутствіемъ у нихъ всякаго научнаго образованія, ихъ открытія не стали общимъ достояніемъ и тѣмъ лишились универсальнаго значенія.

Экспедиціями Лейва Эйриксена и Торфина Карлсевна въ „Винландію" (древнее названіе Грёнландіи), предпринятыми въ началѣ XI ст., была перейдена великая пограничная черта между Атлантическимъ и Сѣвернымъ океанами, черта, которая совпадаетъ вообще съ чертой средней годовой температуры въ нуль градусовъ. Пограничная черта эта, раздѣляющая холодный и умѣренный пояса, идетъ приблизительно отъ пролива между Ньюфаундлэндомъ и Лабрадоромъ до моря, что́ между Норвегіей и Медвѣжьимъ островомъ. Только на востокѣ отъ Гринвичскаго меридіана, а именно отъ точки пресѣченія его съ 70-й параллелью, пограничная черта плавучихъ льдовъ и только что названная нулевая изотерма приблизительно совпадаютъ на довольно большомъ протяженіи — между Норвегіей и Шпицбергеномъ. Между Азорскими и Фарёрскими островами ледъ задерживается внутри большой дуги, оттиснутый къ Грёнландіи и Исландіи; до Фарёрскихъ острововъ пограничная черта плавучихъ льдовъ проходитъ на большомъ протяженіи параллельно—на 600 киллом. южнѣе—изотермѣ съ показателемъ 0°.

На всемъ этомъ протяженіи тянется и пограничная черта, отдѣляющая Атлантическій океанъ отъ Сѣвернаго Ледовитаго, отъ Нордкапа и юго-восточнаго берега Лабрадора, захватывая 4—5000 километровъ. И эта-то черта являлась приблизительно границей извѣстной въ тѣ времена части земного шара. Въ

теченіи слѣдующихъ 500 лѣтъ географическія свѣдѣнія человѣчества ничуть не подвинулись впередъ, точно тутъ сдѣланъ былъ привалъ. Да и имѣвшіяся-то свѣдѣнія принадлежали лишь тѣмъ, кто говорилъ на одномъ языкѣ съ людьми, совершавшими открытія; остальное человѣчество оставалось ни при чемъ. Весьма возможно, что древне-сѣверные викинги доходили и до тѣхъ полярныхъ странъ, которыя были вновь достигнуты лишь въ наши дни Девисомъ и Гудсономъ. Вѣдь, и открытую древними норманнами Америку пришлось открыть вновь.

Бюстъ Фритьофа Нансена.
(Работа скульптора Лессинга).

О томъ, какой вообще малой извѣстности достигли морскія открытія древнихъ сѣверянъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, хоть то обстоятельство, что даже въ Англіи — гдѣ свѣдѣнія о путешествіи въ Бьярмеландъ Оттара Гологалэндинга записаны самимъ Альфредомъ Великимъ—считалось, что англичане Willoughby и Chancellor первые обошли въ серединѣ XVI ст. вокругъ мыса Нордкапа и проникли въ Бѣлое море, причемъ это плаваніе приравнивалось къ подвигу, достойному стать наравнѣ развѣ съ открытіемъ морского пути въ Индію и въ Америку.

Подобное пренебреженіе документальными данными находится въ связи съ довольно обычнымъ недовѣріемъ къ разсказамъ мореплавателей, посѣщающихъ дальнія страны. Мореплаватели тѣхъ временъ часто сами не умѣли разобраться во всемъ

новомъ, видѣнномъ имп, а окружающіе ихъ, охотно слушая ихъ разсказы и безъ всякой критики принимая на вѣру самыя нелѣпыя подробности, часто всетаки, по свойственной тѣмъ непросвѣщеннымъ временамъ узости взгляда, отказывались вѣрить какъ-разъ такимъ подробностямъ, которыя являлись единственно вѣрными въ этихъ вообще сказочныхъ сообщеніяхъ.

Въ средніе вѣка, представленіе о дальнемъ сѣверѣ связывалось съ представленіемъ о „великомъ океанѣ, изображавшемъ конецъ земли“. Открытія новыхъ земель въ другихъ частяхъ свѣта заставили мало по малу измѣниться прежнія представленія о распредѣленіи суши и воды. Извѣстія о новыхъ открытіяхъ являлись первоначально въ видѣ слуховъ, которые, по своей неясности и неполнотѣ, усваивались медленно и вначалѣ только способствовали еще большей путаницѣ въ представленіяхъ о вселенной. Нѣкоторые представляли себѣ, что тамъ, на крайнемъ сѣверѣ, одно море, другимъ-же казалось, что тамъ должно быть больше земли. На одной картѣ того времени обозначенъ сѣверо-западный проливъ—путь къ Молуккскимъ островамъ, на другой сѣверо-восточный. Болѣе общимъ представленіемъ было, что сѣверный полюсъ окруженъ однимъ или двумя рядами острововъ. На картѣ 1587 г. проливы между этими островами показаны свободными ото льда, не замерзающими никогда, вслѣдствіе проходящихъ по нимъ сильныхъ теченій изъ океана, для котораго-де проливы эти служатъ стоками. На картѣ 1570 г. показанъ длиннѣйшій проливъ, отдѣляющій главныя страны міра отъ острововъ сѣвернаго полюса, между которыми тамъ и сямъ проходятъ проливы къ самому полюсу.

* *
*

Одновременно съ тѣмъ, какъ прекратились морскія поѣздки въ Грёнландію и, быть можетъ, въ томъ-же году, когда Колумбъ проплылъ въ „100 льё“ отъ Исландіи, землякъ его Джіовани Кабо (John Cabot), высадился въ Бристолѣ и, нѣсколько лѣтъ спустя, этотъ истинный сынъ генуэзско-венеціанской предпріимчивости задалъ недоразвитымъ еще тогда англійскимъ

мореплавателямъ задачу—отыскать для англійскихъ купцовъ кратчайшій морской путь къ азіатскимъ рынкамъ, плывя на сѣверъ и кругомъ земли на западъ или на востокъ.

И вотъ, болѣе чѣмъ столѣтіе (впродолженіе всего XVI ст.) мысль Кабо, воодушевляла первыхъ мореплавателей Англіи, пока, наконецъ, Баффинъ не объявилъ задачу, выставленную Кабо, невыполнимой. Но къ тому времени англійское мореходство уже заняло первенствующее положеніе, развившись съ небывалой въ лѣтописяхъ быстротой.

Въ 1517 г., когда Кабо Младшій (Sebastian Cabot) положилъ начало плаванію по непрерывному направленію на сѣверо-западъ, въ Лондонѣ имѣлось всего 4—5 кораблей, емкостью болѣе 120 тоннъ, во вторую-же половину XVI столѣтія, когда Фрэнсисъ Драке обошелъ землю вокругъ по слѣдамъ Магеллана—на обломкахъ „Непобѣдимой Армады“ выплыли изъ волнъ морскихъ первые ряды того всемірнаго флота, который емкостью своихъ судовъ представляетъ нынѣ величину, равную флотамъ всѣхъ другихъ націй вмѣстѣ взятыхъ.

— —

Большая часть первыхъ полярныхъ экспедицій новѣйшаго времени была вызвана исключительно торговыми интересами. Экспедиціи эти дѣлятся на двѣ главныя группы: „экспедиціи сѣверо-западныя“ и „экспедиціи сѣверо-восточныя“. Съ одной стороны онѣ заканчиваются знаменитой франклинской экспедиціей и ея отголосками въ серединѣ нынѣшняго столѣтія, съ другой стороны наиболѣе удачною изо всѣхъ полярныхъ экспедицій—плаваніемъ Норденшёльда на „Вегѣ“ въ 1878—79 г.г.

Рядъ первыхъ сѣверо-западныхъ экспедицій XVI ст., начало которымъ положилъ Кабо, отмѣченъ проходомъ Байлота (Bylot) и Баффина въ бассейнъ, названный „Баффиновымъ *заливомъ*“, въ предположеніи, что онъ закрытъ съ сѣвера. 5-го Іюля 1616 г., т. е. въ эпоху тридцатилѣтней войны, Байлотъ и Баффинъ остановились на суднѣ „Дисковери“ передъ проливомъ Смита, южнымъ входомъ въ тотъ замѣчательный проливъ, 4—500 кил. въ длину, который соединяетъ Баффиновъ заливъ съ моремъ, принимаемымъ нами пока за крайнее полярное. Нѣсколько дней спустя, Байлотъ и Баффинъ пересѣ-

кая Баффинов залив отъ пролива Уэльскаго до пролива Джона, открыли острова, названные ими Карейскими; въ 1892 г. острова эти были мѣстомъ гибели экспедиціи, предпринятой двумя шведскими учеными Бьёрлингомъ и Кальстеніусомъ.

Практическими результатами сѣверо-западныхъ экспедицій XVI ст. были открытіе богатыхъ рыбныхъ промысловъ у Ньюфаундлэнда, звѣриныхъ (пушныхъ звѣрей) промысловъ около Гудсоноваго залива и китобойныхъ главнымъ образомъ около береговъ Грёнландіи.

Баффинъ, не найдя выхода изъ названнаго его именемъ залива, объявилъ невозможнымъ разрѣшеніе задачи дойти этимъ путемъ до Японіи. Вслѣдствіе этого попытки пробраться упомянутымъ путемъ въ полярное море были пріостановлены на цѣлыя два столѣтія; исключеніемъ явился проходъ Кука Беринговымъ проливомъ.

Предпринимавшіяся съ практической цѣлью сѣверо-восточныя экспедиціи берутъ свое начало также съ XVI столѣтія.

Распространеніе свѣдѣній объ европейско-азіатскомъ Ледовитомъ океанѣ шло довольно ровно и безъ особенно-значительныхъ перерывовъ; самыя свѣдѣнія пріобрѣтались гораздо проще и естественнѣе, нежели въ области сѣверо-западныхъ экспедицій, которымъ приходилось идти на авось, пускаться въ самыя рискованныя приключенія. 25 лѣтъ спустя послѣ того, какъ М'Клуръ обошелъ кругомъ Америки, Норденшёльдъ обошелъ вокругъ Стараго свѣта и установленіе этимъ плаваніемъ факта существованія такъ называемаго „Сѣверо-восточнаго прохода“ явилось не результатомъ стеченія случайностей и догадокъ, но результатомъ тщательно разсчитанныхъ научныхъ соображеній и выводовъ изъ экспедицій цѣлыхъ трехъ столѣтій.

Неудачи англичанъ въ XVI столѣтіи надолго отняли у нихъ охоту продолжать попытки отыскать сѣверо-восточный проходъ, которыхъ и не предпринималось почти вплоть до нашихъ дней (капитанъ Виггинсъ). Англичанъ смѣнили на этомъ пути голландцы, въ лицѣ Виллима Баренца, положившаго своей геройской борьбой съ полярною зимою начало цѣлому ряду—если можно такъ выразиться—„арктическихъ походовъ“.

Въ наши дни зимовка въ арктическихъ странахъ перестала

быть чѣмъ-то необычайнымъ и даже опаснымъ—конечно, при условіи тщательнаго подготовленія къ ней. Помимо огромныхъ преимуществъ, представляемыхъ въ наше время, въ сравненіи съ прежними временами, пользованіемъ пароходами и болѣе совершенными видами оружія, а также усовершенствованными способами заготовленія впрокъ провіанта, причиной успѣха нынѣшнихъ арктическихъ экспедицій является, конечно, болѣе близкое знакомство съ условіями арктическихъ странъ, знакомство, добытое опытомъ прежнихъ изслѣдователей, поплатившихся жизнью.

Баренца первая зимовка застала врасплохъ. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ онъ съ экипажемъ всего въ 17 человѣкъ былъ арестованъ льдами на сѣверо-восточномъ берегу Новой Земли. Тамъ онъ съ людьми построилъ для зимовки домъ,—главнымъ образомъ изъ выброшенныхъ моремъ на берегъ въ большомъ количествѣ бревенъ. Уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ настали сильные холода; ледяная кора отвердѣла настолько, что нельзя было похоронить умершаго товарища; самая постройка дома также очень затруднилась. Стоило кому-нибудь взять по привычкѣ во время работы гвоздь въ ротъ, онъ тотчасъ-же примерзалъ къ губамъ, и приходилось отдирать его вмѣстѣ съ кожей. Затѣмъ сильно донимали людей бѣлые медвѣди, такъ что имъ приходилось работать съ оружіемъ въ рукахъ, причемъ отбиваться отъ медвѣдей тѣми тяжелыми орудіями, которыя имѣлись у нихъ, было, разумѣется, очень не легко. Странно сказать, что они, повидимому, не пользовались мясомъ убитыхъ медвѣдей, а только саломъ, которое шло на освѣщеніе. Самымъ-же главнымъ ужасомъ арктической зимы была, какъ и теперь, сплошная трехмѣсячная ночь. „Тогда весь міръ человѣка—въ окружности, освѣщенной лампой“. Внутреннія стѣны дома были покрыты двухвершковымъ слоемъ льда, а одежда людей напоминала „бѣлые кафтаны крестьянъ ихъ родины, когда послѣдніе подъѣзжаютъ рано утромъ къ городу, проѣхавъ всю ночь въ саняхъ“.

Во время вьюги у входа въ домъ накоплялось столько снѣгу, что обитателямъ дома приходилось пользоваться трубой вмѣсто дверей. Ванной служила имъ большая кадка изъ-подъ вина. Быть можетъ, экипажъ Баренца такъ терпѣливо сносилъ

всѣ свои невзгоды отчасти потому, что флегматичные голландцы вообще по характеру склонны къ однообразію и легче другихъ націй переносятъ невзгоды. А гдѣ только расположеніе духа сносно, тамъ сносно и здоровье. Люди бросили между собою жребій—кому быть королемъ королевства Новой Земли и утвердили въ этомъ санѣ повара, вынувшаго высшій нумеръ.

Смерть постигла Баренца вскорѣ послѣ того, какъ было рѣшено вернуться обратно на лодкахъ. Приближеніе смерти, однако, не убило въ немъ мужества; онъ скончался смертью героя, разложивъ передъ собой на льду карты и давая экипажу послѣдніе добрые совѣты относительно предстоявшаго имъ плаванія на родину подъ командой больного штурмана.

При совершенно иныхъ условіяхъ происходила въ тѣхъ-же мѣстахъ зимовка на кораблѣ австро-венгерской арктической экспедиціи 1872—73 гг. Пайеръ описываетъ ужасный напоръ льдовъ на судно: „Точно возмущенная народная толпа возстали на насъ ледяныя глыбы. Среди плоскихъ равнинъ вдругъ вздымались грозныя ледяныя горы, легкій трескъ переходилъ въ грохотаніе, разроставшееся въ какой-то бѣшеный гулъ". Громоздившіяся подъ кораблемъ льдины мало-по-малу выпирали его изъ моря. Всѣ наскоро приготовились покинуть корабль, по первому знаку; высадка, благодаря окружавшимъ корабль льдамъ, казалась, впрочемъ, одинаково гибельнымъ исходомъ. Сила напора льдовъ была ужасна, и можно было предвидѣть, что если ледъ не выпретъ судна цѣликомъ, оно будетъ сокрушено въ щепки. То и дѣло раздавался трескъ и шипѣніе, точно на пожарѣ. Въ такомъ положеніи, притомъ при почти сплошной тьмѣ, корабль пробылъ 130 сутокъ, въ теченіе которыхъ опасность казалась неминуемой по нѣскольку разъ въ день. Всѣ спали, не раздѣваясь, и по первому сигналу выбѣгали на палубу, готовые оставить корабль.

Однообразіе жизни на узкомъ пространствѣ корабля, невозможность удаляться по окружающему льду на значительное разстояніе отъ судна и, вслѣдствіе этого, недостатокъ движенія и разнообразнаго труда сильно давали себя чувствовать, особенно во время трехмѣсячной ночи: „Никакая привычка не въ состояніи примирить культурнаго человѣка съ мглистой пустыней; онъ всегда будетъ чувствовать себя чужимъ среди приро-

ды, съ которой постоянно приходится бороться, и которая является родною только для немногихъ животныхъ и людей, проводящихъ свою жизнь въ ѣдѣ, да во снѣ, не мучась воспоминаніемъ о лучшихъ дняхъ. Привычка къ морозамъ и къ лишеніямъ является лишь средствомъ физической защиты. Истинное-же спасеніе въ неустанномъ трудѣ".

Третью захватывающую картину арктической зимовки рисуетъ намъ Кэнъ (Kane). Вторая Гриннельская экспедиція 1853—55 гг. тоже зимовала на кораблѣ; но корабль замерзъ въ гавани, у южнаго берега бассейна Кэна, въ проливѣ Смита. Образцовое описаніе Кэна, нѣсколько напоминающее по изложенію недавно появившееся сочиненіе Эйвинда Аструпа: „Blandt Nordpolens Naboer" (Среди сосѣдей сѣвернаго полюса), знакомитъ читателя съ однообразной жизнью на кораблѣ. Передъ читателемъ воочію встаетъ картина, какъ ученый сидитъ на опрокинутомъ ящикѣ, въ тщательно устроенной на берегу астрономическо-магнетическо-метеорологической обсерваторіи, одѣтый въ штаны изъ тюленьяго мѣха, шапку изъ собачьяго, жилетъ изъ оленьяго, и сапоги изъ моржеваго; морозъ такъ силенъ, что инструменты покрываются тонкимъ слоемъ инея не только отъ дыханія, но отъ одной теплоты лица и тѣла. „London Brown Stout" и „Old Brown Sherry" замерзаютъ въ шкафахъ въ каютахъ, а съ потолковъ каютъ висятъ ледяныя сосульки, снабжающія насъ водой для питья. Лампы не горятъ, запасъ масла изсякъ, и приходится работать при тускломъ свѣтѣ ночниковъ-блюдечекъ съ плавающими въ жиру фитилями изъ пробки и ваты. У насъ не осталось ни фунта мяса и лишь одна бочка картофеля. Изъ насъ всего двое не страдаютъ скорбутомъ, и уже одинъ видъ блѣдныхъ лицъ и робкихъ взоровъ моихъ товарищей, даетъ мнѣ почувствовать, что мы изнемогаемъ въ борьбѣ за жизнь, и что арктическій день старитъ человѣка быстрѣе и неумолимѣе, вежели годъ въ другой области этого вообще полнаго печалей и невзгодъ земного міра".

Морозъ и безпросвѣтная долгая ночь ведутъ за собой болѣзни: отмораживаніе, столбнякъ, скорбутъ, затѣмъ смерть и похороны, т. е. „перенесеніе въ ледяной склепъ"; вмѣсто земли „сыплютъ на гробъ горсточку снѣгу".

Погибли: Гудсонъ, два брата Кортереаль (Cortereal), два

брата Фробишеръ, Баренцъ, Берингъ; погибъ во главѣ небольшаго отряда храбрецовъ Франклинъ, избѣгшій смерти вражьихъ пуль подъ Копенгагеномъ и подъ Трафальгаромъ, спитъ двадцать пять лѣтъ вѣчнымъ сномъ на границѣ полярныхъ льдовъ, подъ звѣзднымъ знаменемъ и британскою могильною плитою, отважный Галль... Да кто перечтетъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ покончили морозы, мракъ, непосильные труды, голодъ или скорбутъ въ этихъ странахъ, непобѣдимая природа которыхъ не убиваетъ пигмея-человѣка открыто, какъ насыщенныя лихорадкой тропическія страны, но какъ-то исподтишка, мало-по-малу, стискивая его въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ.

Со смертью Баренца, исчезновеніемъ Гудсона и отказомъ отъ цѣли Баффина наступаетъ продолжительный перерывъ въ исторіи арктическихъ изслѣдованій. И только въ нашемъ столѣтіи изслѣдованія эти возобновляются съ новой силой отъ того пункта, на которомъ остановилась исторія арктическихъ изслѣдованій предыдущихъ двухъ столѣтій, отмѣченныхъ главнымъ образомъ лишь открытіями Челюскина, Беринга и Мэкензи.

Въ нашъ вѣкъ, лозунгъ котораго: „Къ сѣверному полюсу!“, вѣкъ научныхъ арктическихъ изслѣдованій, экспедицій, предпринимаемыхъ не ради сокращенія пути въ Японію или открытія золотыхъ розсыпей, но, какъ сказано въ приказѣ англійскаго адмиралтейства капитану Нэрсу, „ради преуспѣянія науки и естествовѣдѣнія“, въ нашъ вѣкъ первые воззвали къ рѣшенію великой полярной загадки два кабинетныхъ ученыхъ.

„Рано или поздно“,—пишетъ Норденшёльдъ:—„жажда знанія, заставляющая людей измѣрять огромныя разстоянія, отдѣляющія насъ отъ неподвижныхъ звѣздъ, и узнавать составныя части свѣтилъ посредствомъ спектральнаго анализа, должна также пробудить въ насъ стремленіе не отступать ни передъ какими жертвами, ради всесторонняго изученія обитаемаго нами крошечнаго атома вселенной“.

Допустимъ, что эти „кабинетные географы“ и ошибались иногда. „Одно — разумѣть морскую карту, другое — править

кораблемъ“ *), или, какъ говоритъ Мирабо: „Путешествующему у себя дома по картѣ все представляется совершенно иначе, нежели оказывается въ дѣйствительности“.

Во всякомъ случаѣ огромнымъ прогрессомъ нашего столѣтія — въ смыслѣ срыванія покрововъ съ тайнъ полярнаго міра—мы обязаны полярнымъ экспедиціямъ, начавшимся благодаря иниціативѣ англійскаго географа Баррова, закончившимся рядомъ франклинскихъ экспедицій, начавшимся вновь, благодаря ревности къ наукѣ нѣмецкаго географа Петерманна и приведшимъ къ основанію обсерваціонныхъ станцій восьмидесятыхъ годовъ. Первый изъ названныхъ географовъ подкрѣпилъ своимъ авторитетомъ возможность найти путь черезъ американскій Ледовитый океанъ, второй—путь черезъ европейско-азіатскій Ледовитый океанъ.

Наконецъ, мы дѣлаемся свидѣтелями произведшихъ такое огромное впечатлѣніе на весь міръ подвиговъ Фритьофа Нансена—перехода его черезъ Грёнландію въ 1888 г., и—самаго выдающагося—экспедиціи его на „Фрамѣ“ къ сѣверному полюсу, предпринятой въ 1893 г.

Что-же это за міръ, этотъ полярный міръ, изъ за котораго столько людей ставило свою жизнь на карту?

Отвѣтъ: это невѣдомый міръ, „meta incognita“, какъ назвала англійская королева Елисавета сѣверную часть Америки, въ тѣ дни, когда Фробишеръ, Дэвисъ и многіе другіе англійскіе мореплаватели стяжали себѣ безсмертную славу, завоевывая для человѣческаго знанія и предпріимчивости новыя области.

„Meta incognita“ королевы Елисаветы—вотъ первое, внесенное въ исторію указаніе на архипелагъ между Грёнландіей и Америкой—„a mark and bound hitherto (т. е. 1577 г.), utterly unknown“ (совершенно непзвѣстная доселѣ страна). Названіе это „meta incognita“ и до сихъ поръ примѣняется къ прилегающей къ Гудсонову проливу части обширной Баффиновой земли.

*) Изреченіе изъ комическаго эпоса Гольберга „Перъ Порсъ“.
Примѣч. перев.

Причиной того, что упомянутый опасный архипелагъ къ сѣверу отъ Америки явился не только первою и главною областью изслѣдованій, но и ареной наибольшихъ трудовъ и великихъ жертвъ, было во первыхъ то, что до открытія Кукомъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, проливовъ Дешнева и Берингова, воображали, будто можно значительно сократить путь къ богатымъ приморскимъ странамъ, находящимся по ту сторону открытой Колумбомъ земли, если обогнуть съ сѣвера именно Америку, а не Европу и Азію; во вторыхъ-же то, что на этомъ пути лежала Грёнландія, представлявшая уже давно извѣстную береговую линію, доходящую до значительной сѣверной широты. Такъ напр. Баффинъ, плывя вдоль обращенной къ Америкѣ стороны Грёнландіи, достигъ той-же сѣверной широты, до которой дошелъ только два съ половиной столѣтія спустя Пайеръ, предпринявшій экскурсію на саняхъ вдоль обращенной къ Европѣ стороны Грёнландіи (германская экспедиція „Ганзы“).

Между Лабрадоромъ и Грёнландіей открываются три пути. Одинъ изъ нихъ названъ по имени знаменитаго Гудсона, который, послѣ многократныхъ плаваній по Ледовитому океану, вплылъ въ Іюлѣ 1610 г. въ названный его именемъ проливъ. 3-го Августа у сѣверо-западнаго края Лабрадора взору его открылось широкое море, величина котораго допускала предположеніе, что это-то и былъ самый Тихій океанъ. Съ того дня Гудсонъ пропалъ безслѣдно; возмутившійся противъ него экипажъ разсказывалъ, по возвращеніи въ Англію на слѣдующій годъ, что высадилъ Гудсона съ сыномъ и семерыми изъ экипажа въ лодки, а самъ, послѣ тяжелой зимовки, отправился въ обратный путь.

Второй путь идетъ между сѣверною частью обширной Баффиновой земли и Грёнландіей по Дэвисову проливу, Баффинову проливу и по проливамъ, служащимъ ихъ продолженіемъ на сѣверъ.

Третій-же путь идетъ по проливамъ, являющимся продолженіемъ Баффинова залива на западъ. Тамъ-то и находится „Сѣверо-западный проходъ“. Изученіе этихъ проливовъ началось съ розысками погибшей экспедиціи Франклина. Исходной точкой является здѣсь небольшой бассейнъ—заливъ

Мельвилля, къ юго-востоку отъ котораго и разыгралась Франклинская драма.

Въ маѣ 1845 г., капитанъ Франклинъ отправился во главѣ двухъ испытанныхъ въ полярныхъ плаваніяхъ военныхъ кораблей, „Эребуса“ и „Террора“, снабженныхъ—что являлось въ тѣ дни сравнительно новизной—паровыми машинами.

Первыя свѣдѣнія о судьбѣ Франклина и его 130 спутниковъ послѣ того, какъ ихъ видѣли въ послѣдній разъ на сѣверѣ Баффинова залива, доставилъ снаряженный самой г-жей Франклинъ корабль „Принцъ Альбертъ“. Корабль этотъ доставилъ добытыя имъ свѣдѣнія въ 1850 г., и тогда-же было снаряжено на розыски еще около 14 кораблей, изъ нихъ 10—англійскимъ правительствомъ. Была найдена первая зимняя стоянка Франклина въ „Unions bai“ на юго-западѣ отъ острова „Сѣверный Девонъ“, при южномъ входѣ въ каналъ Веллингтона. Три могилы съ надписями были единственнымъ слѣдомъ, оставленнымъ здѣсь экспедиціей Франклина.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы были найдены слѣды экспедиціи на берегахъ двухъ сѣверо-американскихъ рѣкъ Мѣдной и Рыбной, что̀ не мѣшало всетаки людямъ давать вѣру баснямъ вродѣ той, что экспедиція Франклина въ одинъ прекрасный день покажется около сѣверныхъ береговъ Сибири!

Въ томъ-же году, когда англійское адмиралтейство послѣ трехлѣтнихъ безуспѣшныхъ попытокъ прекратило высылку своихъ судовъ на розыски экспедиціи Франклина, и когда возвратился въ Англію М'Клуръ, открывшій сѣверо-западный проходъ и обошедшій весь сѣверо-американскій-грёнландскій архипелагъ, не найдя и слѣда Франклина, получилось отъ агента общества „Гудсонова залива“ письмо, извѣщавшее о судьбѣ Франклина. Встрѣченный агентомъ въ апрѣлѣ 1854 г., на полуостровѣ Боотія у Рыбной рѣки эскимосъ заявилъ, что какіе-то бѣлые люди умерли года четыре тому назадъ голодной смертью у большой рѣки на западѣ. „Нѣсколько семей эскимосовъ, занятыхъ ловлей тюленей на сѣверномъ берегу большого острова, называемаго нами островомъ короля Вильгельма“—говорится въ письмѣ—„видѣли сорокъ бѣлыхъ людей, направлявшихся къ югу по льду съ лодками и санями. Эскимосы не могли понять ихъ языка, но заключили по ихъ

жестамъ, что корабль ихъ разбился во льдахъ и что они теперь отправляются на охоту за звѣрями. Эскимосы продали имъ нѣсколько тюленей. Позже, весной, на материкѣ было найдено болѣе тридцати труповъ и нѣсколько могилъ, а на ближайшемъ островѣ еще пять труповъ. Нѣкоторые лежали въ палаткѣ, другіе подъ лодкой, перевернутой ради защиты кверху дномъ, третьи разбросанными тамъ и сямъ". Въ донесеніи, адресованномъ англійскому адмиралтейству, перечислены были также различные предметы, которые агенту удалось достать у эскимосовъ, напр. серебряныя ложки, вилки и другія вещи съ иниціалами нѣкоторыхъ изъ членовъ злополучной экспедиціи.

Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что члены экспедиціи дошли до устья Рыбной рѣки, т. е. спустились приблизительно на 7° къ югу отъ мѣста первой ихъ зимовки, и это разстояніе, равняющееся разстоянію отъ Шпицбергена до Тромсё, было пройдено въ три — четыре года. Устье большой Рыбной рѣки находится какъ разъ за полярнымъ кругомъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о судьбѣ экспедиціи были получены только въ 1859 г., когда знаменитый путешественникъ М'Клинтокъ достигъ на саняхъ зимовки эскимосовъ на западномъ берегу полуострова Боотіи, на югъ отъ сѣвернаго магнитнаго полюса. Отъ эскимосовъ узнали, впрочемъ, лишь то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, экипажъ большого корабля, застрявшаго во льдахъ, у находящагося противъ Боотіи большого острова „Короля Вильгельма", направился къ Рыбной рѣкѣ, у устья которой и погибъ. Затѣмъ, М'Клинтокъ натолкнулся на южномъ берегу острова Вильгельма на одѣтый въ лохмотья человѣческій скелетъ, положеніе котораго указывало, что человѣкъ этотъ упалъ на ходу, направляясь на юго-востокъ. Другой отрядъ М'Клинтока нашелъ на сѣверо-западномъ берегу документъ, подписанный 28-го мая 1847 г. начальникомъ погибшей экспедиціи, самимъ Франклиномъ. Въ документѣ говорилось, что экспедиція перезимовала на вышеупомянутомъ мѣстѣ; затѣмъ на поляхъ были еще замѣтки двухъ помощниковъ Франклина отъ 25-го апрѣля 1848 г., въ которыхъ говорилось, что экспедиція нѣсколько дней тому назадъ бросила оба корабля во льдахъ, гдѣ эти корабли застряли еще годъ и 8 мѣсяцевъ тому назадъ, что самъ Франклинъ уже годъ

какъ умеръ, и что на слѣдующій день экспедиція отправится далѣе по направленію къ большой Рыбной рѣкѣ. Другихъ никакихъ документовъ найдено не было ни М'Клинтокомъ, ни Галлемъ, искавшимъ слѣдовъ Франклинской экспедиціи въ 60-хъ годахъ, ни санной экспедиціей Шваткп въ 70-хъ годахъ. Послѣднею было только установлено, что всѣ результаты изслѣдованій экспедиціи Франклина, внесенные въ дневники, потеряны для насъ, такъ какъ дневники эти уничтожены эскимосами. Изъ разсказовъ эскимосовъ и расположенія найденныхъ могилъ и скелетовъ можно было вывести заключеніе, что корабли Франклина послѣ первой зимовки застряли во льдахъ на сѣверѣ отъ острова Вильгельма и что послѣ смерти самого Франклина, товарищи его оставили корабли, одинъ изъ которыхъ впослѣдствіи былъ унесенъ теченіемъ на югъ черезъ проливъ Викторіи и потонулъ въ восточной части маленькаго залива, въ который впадаетъ этотъ проливъ. Остатки экспедиціи тащились, словно странствующіе мертвецы, изъ которыхъ то и дѣло падалъ то тотъ, то другой, вдоль западнаго края острова Вильгельма, пока, наконецъ, не добрели до материка, гдѣ слегъ и послѣдній человѣкъ, до конца берегшій драгоцѣнные дневники— увы! затѣмъ, чтобы ихъ изорвали дѣти эскимосовъ. Ужасы, претерпѣнные экспедиціей, усугублялись, какъ видно, еще случаями каннибализма; довольно вѣроятно также, къ сожалѣнію, и то, что многіе изъ несчастныхъ больныхъ путешественниковъ пали жертвою эскимосовъ.

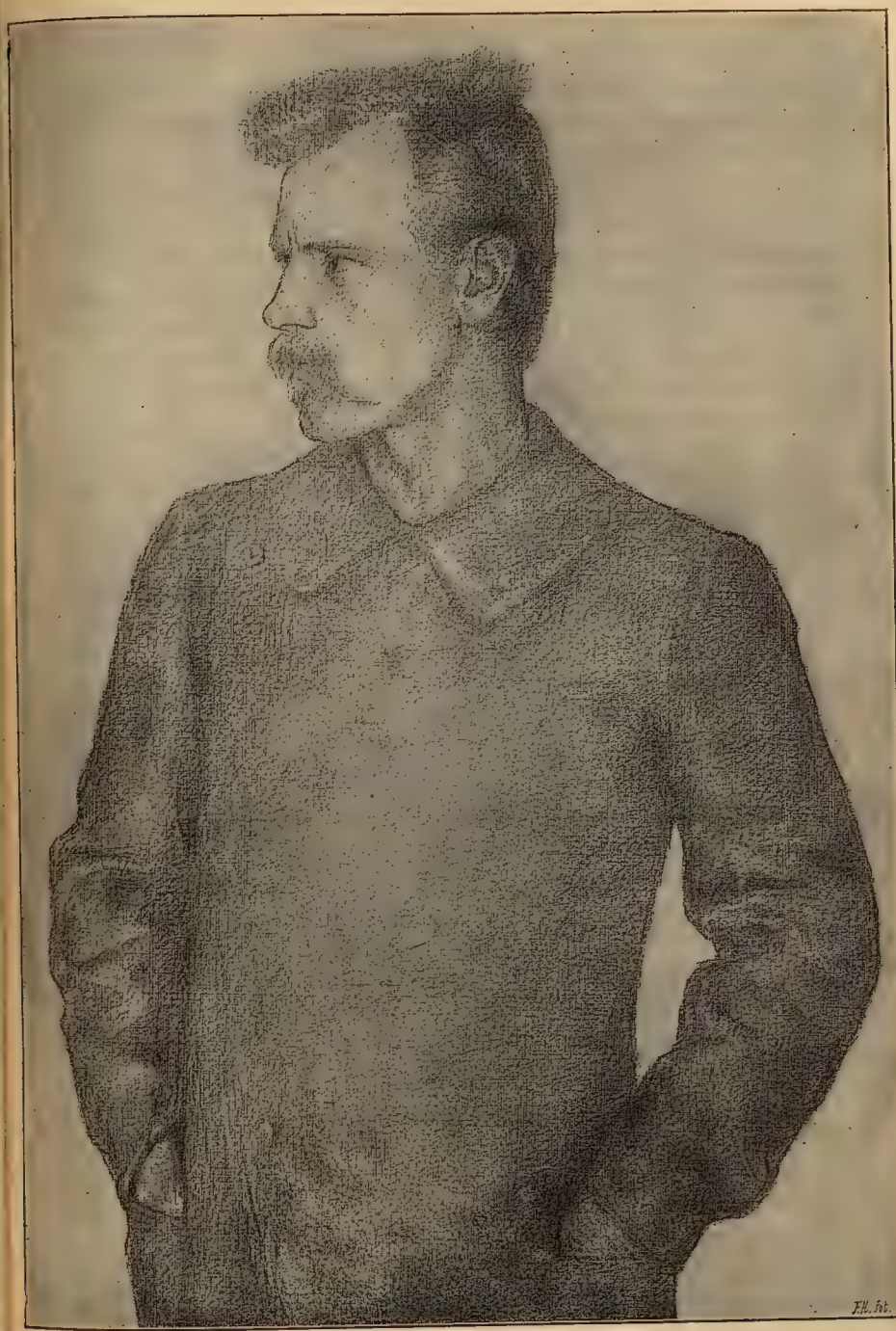
„Сэръ Джонъ Франклинъ и его 130 смѣлыхъ спутниковъ отправились на розыски сѣверо-западнаго прохода и нашли его...“ говорится въ подробномъ отчетѣ о подвигѣ, который считается разрѣшеніемъ вопроса о сѣверо-западномъ проходѣ. Разъясненіе условій этого прохода, пройденнаго между 105-мъ и 115-мъ западными меридіанами (отъ Гринвича) только пѣшкомъ, приписывается М'Клуру, который вышелъ на розыски этого прохода и слѣдовъ Франклина черезъ Беринговъ проливъ. 26-го октября 1850 г., тридцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ Парри побывалъ, пройдя западные проливы, у южной части острова Мельвилля, М'Клуръ увидѣлъ съ высоты около пролива принца Уэльскаго, гдѣ корабль его „Investigator“ застрялъ въ льдахъ, въ направленіи острова Мельвилля

сѣверо-западный проходъ—ледяной проливъ, который не соединялъ, а скорѣе раздѣлялъ и—пожалуй, навсегда—восточные и западные пути. Полтора года спустя, въ 1852 г. послѣ того какъ „Investigator“ давно высвободился изо льдовъ и, отправляясь обратно на югъ вокругъ земли Банкса, дошелъ до сѣвернаго берега этого острова, М'Клуръ примкнулъ къ экспедиціямъ, прибывшимъ съ востока, и, отправился на саняхъ отъ новой своей зимней стоянки на сѣверномъ берегу острова Банкса черезъ проливъ къ острову Мельвилля, котораго какъ Парри, такъ и М'Клинтокъ (въ 1851 г.) достигли съ востока.

Наконецъ, въ 1853 г. М'Клуръ встрѣтился съ экспедиціей послѣдняго, послѣ чего всѣ еще остававшіяся въ проливахъ экспедиціи отправились (въ 1854 г.) обратно на высланныхъ за ними особыхъ корабляхъ.

Въ послѣднюю половину нашего столѣтія былъ открытъ проливъ Смита; изслѣдованіе его подвигалось впередъ шагъ за шагомъ, изъ которыхъ одинъ обходился дороже другого.

Проливъ Смита видѣлъ, какъ говорилось выше, еще Баффинъ; 200 лѣтъ спустя Джонъ Россъ нашелъ, однако, этотъ проливъ закрытымъ. Въ 1852 г. одинъ изъ кораблей великой экспедиціи, отправленной на поиски Франклина, достигъ подъ начальствомъ Инглефильда до середины пролива и Инглефильду показалось, что далѣе шло открытое море вплоть до Берингова пролива и Сибири. По слѣдамъ Инглефильда отправился, годъ спустя, энергичный мореплаватель Кэнъ и высланные имъ санные отряды подъ начальствомъ Гейса (Hayes) и Мортона достигли названнаго именемъ Кэна расширенія пролива, (бассейнъ Кэна), откуда они увидѣли свободный ото льда проливъ Кэннеди; такимъ образомъ на этотъ разъ изслѣдованія подвинулись впередъ на цѣлыхъ 3 градуса широты. Мортонъ, впрочемъ, увидѣлъ еще больше того: онъ увидѣлъ и „услышалъ“ открытое море, простирающееся до самого сѣвернаго полюса. „Слухъ его ласкала необыкновенная музыка плещущихъ волнъ“. Шесть лѣтъ спустя, Гэйсъ добрался на саняхъ почти до того-же мѣста, которое видѣлъ издали Мортонъ. Затѣмъ, почти на одинъ градусъ широты сѣвернѣе пробрался на кораблѣ Галь (Hall) въ 1871 г., т. е. достигъ почти конца канала Робезона. Послѣ того, какъ корабль Галя „Polaris“ вернулся обратно черезъ бас-



Фритьофъ Нансенъ. Съ рисунка карандашемъ Э. Верпескьольда.

сейнъ Кэна и проливъ Смита, во время высадки экипажа у пролива Уэльскаго, часть экипажа—девятнадцать человѣкъ—была унесена въ море на льдинѣ. Съ 15 октября 1872 г. по 30 апрѣля 1873 г. плыли они на льдинѣ черезъ Баффиновъ заливъ и Дэвисовъ проливъ и достигли восточнаго угла Лабрадора, гдѣ были приняты на китобойное судно. Разстояніе, пройденное ими на льдинѣ, равняется разстоянію между южной частью Шпицбергена и Гамбургомъ! Столь-же продолжительное, хотя и не столь дальнее, плаваніе на льдинѣ совершили члены нѣмецкой полярной экспедиціи „Ганза“ вдоль другой стороны Грёнландіи, года за три передъ тѣмъ.

Зимою 1875—1876 г. въ каналѣ Робезона было, по увѣренію мореплавателя Де, затерто льдами трехмачтовое судно. Это былъ „Алертъ“, посланный подъ командой капитана Нэрса англійскимъ адмиралтействомъ съ приказаніемъ „дойти до наивысшей сѣверной широты, а если возможно, то и до сѣвернаго полюса!“ И если Нэрсъ не достигъ полюса, то лишь потому, что—какъ доноситъ онъ самъ—„этимъ путемъ черезъ проливъ Смита его достичь нельзя“.

Вначалѣ, когда „Алертъ“ разстался съ судномъ „Discovery“, оставленномъ для наблюденія въ заливѣ того-же названія, Нэрсъ полагалъ еще, что поставленная ему задача разрѣшима. При этомъ, однако, предполагалось, что каналъ Робезона является узкимъ проливомъ, соединяющимъ бассейнъ Галя съ подобнымъ-же сѣвернымъ бассейномъ.

„Алертъ“ шелъ впередъ на всѣхъ парахъ до 82° 24′, т. е. до самой сѣверной точки, достигнутой до тѣхъ поръ кораблемъ, но затѣмъ наткнулся на лёдъ, черезъ который уже невозможно было пробиться.

„Тотъ, кто серьезно предлагаетъ пробраться черезъ подобный лёдъ, или притворяется, или самъ не вѣдаетъ, на что идетъ... Безспорно, что пароходы могутъ пробиваться черезъ некрѣпкій лёдъ, который капитаны парусныхъ кораблей принуждены были въ прежнія времена объявлять непроходимымъ... но не было еще построено такого судна, которое могло-бы выдержать напоръ и давленіе сплошного крѣпкаго льда“.

Вотъ что было написано въ 1878 г. Съ того времени построенъ „Фрамъ“.

„Алертъ“ остановился у мыса Шеридана Грантовой земли, т. е. сѣвернѣе находящейся на восточномъ берегу Грёнландіи бухты Независимости. Зимовка продолжалась 11 мѣсяцевъ, причемъ температура падала иногда до ÷ 58,75° С.

Лейтенанты Бомонъ (Beaumont), Альдрихъ и др. предпринимали экскурсіи на саняхъ и доходили до 83° сѣв. широты, захватывая при этомъ приблизительно 30° долготы, такъ что въ общей сложности изслѣдованное ими пространство равнялось почти 400 километр. 12 мая 1876 г. Маркгамъ и Парръ достигли 83° 20′ 26″ сѣв. шир. почти на 63° западной долготы отъ Гринвича.

Маркгамъ задался цѣлью пробраться на саняхъ со своимъ отрядомъ возможно дальше на сѣверъ. Ночуя на льдинахъ, пробивая себѣ дорогу черезъ непроходимыя дебри ледяныхъ глыбъ, падая въ расщелины, доходя почти до полной потери зрѣнія отъ блеска снѣговъ и льда, шелъ лейтенантъ Парръ съ авангардомъ, расчищая путь для остальныхъ людей, слѣдовавшихъ за нимъ съ санями, спотыкаясь, скользя и падая... „Единственнымъ утѣшеніемъ была мысль, что ужъ хуже не будетъ“— пишетъ отважный морякъ. Сѣверный вѣтеръ при —55° С. „словно перерѣзывалъ ихъ пополамъ!“ А что приходилось имъ терпѣть при перемѣнахъ погоды!

Берега земли Гранта само собой оказались загроможденными ледяными глыбами. Отъ мыса Іосифа-Генриха, гдѣ Маркгамъ, снабженный провіантомъ на 60 сутокъ, оставилъ берегъ, чтобы отправиться прямо на сѣверъ, видно было крайне неровное ледяное море изъ небольшихъ, но толстыхъ льдинъ и огромныхъ глыбъ, разбившихся другъ о друга, и образовавшихъ цѣлые валы и рвы. Путешественникамъ попадались и отдѣльныя огромныя льдины, изъ которыхъ одна напр. имѣла 10 кил. въ окружности и 2 кил. въ длину. Встрѣчались также глыбы съ приставшимъ къ нимъ пломъ и землей, „точно онѣ имѣли дѣло съ сушей“. На протяженіи почти 30 кил. отъ берега попадались еще слѣды волковъ, мышей, и даже зайца.

Страшно низкая температура при сѣверномъ вѣтрѣ заставила Маркгама отказаться отъ мысли найти на сѣверѣ или на сѣверо-западѣ открытое море.

Несходство описаній путешественниковъ, изъ которыхъ

одинъ видѣлъ на сѣверѣ „открытое“ море, а другой „ледяное“, напоминаетъ несходство описаній Австраліи, гдѣ въ одномъ и томъ же мѣстѣ одинъ путешественникъ находилъ оазисъ, а другой, годъ спустя или за годъ до перваго, одну безотрадную пустыню.

Безконечныя трудности пути черезъ ледяныя дебри, болѣзнь, постигшая пятерыхъ изъ семнадцати участниковъ экскурсіи и полное изнуреніе еще четверыхъ заставили, наконецъ, Маркгама повернуть обратно. „Палатки наши во время ночного привала скорѣе походятъ на больничные бараки, нежели на помѣщенія людей, принужденныхъ работать изо всѣхъ силъ“. При развернутыхъ флагахъ и вымпелахъ была объявлена достигнутая полярная высота: 400 англійскихъ миль—600 килом. отъ сѣвернаго полюса, 110 килом. отъ суши.

Видъ, представлявшійся въ ясный день съ высокой скалы на берегу, Нэрсъ описываетъ такъ: „На сѣверѣ нѣтъ и малѣйшаго слѣда суши. Нагроможденныя другъ на друга ледяныя глыбы покрываютъ все пространство вплоть до самого горизонта; не видно даже ни единой полыньи. На протяженіи 130 километровъ къ сѣверу отъ мыса Іосифа Генриха не встрѣчается никакой крупной земли. Во всякомъ случаѣ полоса сплошныхъ льдовъ доходитъ до 84-го° широты. Существуетъ-ли, нѣтъ-ли земля между достигнутой нами границей и сѣвернымъ полюсомъ—безразлично, такъ какъ при имѣющихся теперь орудіяхъ нельзя далѣе пробраться черезъ такія ледяныя преграды. Я, не колеблясь, утверждаю, что вообще немыслимо достичь сѣвернаго полюса, слѣдуя по пути, предлагаемому проливомъ Смита“.

Приблизительно въ то-же время, полярный изслѣдователь Вейпрехтъ (Weyprecht) предложилъ предпринять съ различныхъ полярныхъ станцій общее одновременное международное изслѣдованіе полярныхъ областей.

Изъ снаряженныхъ съ этой цѣлью экспедицій одна окончилась трагически, именно экспедиція Грили.

Въ августѣ 1881 г., экспедиція эта остановилась въ гавани Дисковери на землѣ Гранта, вблизи канала Робезона.

11 сентября того-же года сопровождавшее экспедицію транспортное судно вернулось въ Ньюфаундлэндъ, и съ тѣхъ поръ прошло почти три года, прежде чѣмъ объ экспедиціи были

получены какія нибудь извѣстія. Экспедиціи, отправленныя на поиски Грили въ первые два года не добились ничего. Лишь на третьемъ году удалось отыскать семь изстрадавшихся членовъ злополучной экспедиціи, состоявшей изъ двадцати пяти, и доставить на родину шестерыхъ изъ нихъ.

Дать понятіе о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ экспедиціей въ борьбѣ съ холодомъ, голодомъ, болѣзнями и лишеніями всякаго рода, возможно лишь приведя дословныя выдержки изъ веденнаго Грили изо дня въ день дневника. 6 Іюня 1884 г. Грили приказалъ разстрѣлять солдата Генри за покражу изъ запаса провіанта, т. е. за кражу имъ ремней изъ тюленьей кожи. „Подобные примѣры были-бы пагубными для отряда, и безъ того рѣдѣющаго отъ голода,—половина команды уже умерла; лишь полное единодушіе и честный дѣлежъ могутъ спасти еще остающихся въ живыхъ“. Нѣсколько дней спустя, умеръ военный врачъ Пэви, смерть котораго, безъ сомнѣнія, ускорило то обстоятельство, что онъ, какъ врачъ, имѣлъ въ рукахъ усыпляющія средства. „Всѣ люди по мѣрѣ силъ собираютъ разные съѣдобные мхи“. Одинъ изъ умершихъ, который при жизни также былъ заподозрѣнъ въ кражѣ провизіи изъ общаго запаса, очистилъ свою память заявленіемъ, сдѣланнымъ имъ въ своемъ дневникѣ и гласящимъ, что онъ съѣлъ только свои собственные сапоги и кусокъ своихъ старыхъ брюкъ!

Погибшій, не дождавшись спасенія, членъ той-же экспедиціи лейтенантъ Локвудъ водрузилъ, вмѣстѣ съ сержантомъ Брайнардомъ и эскимосомъ Христіансеномъ, въ маѣ 1882 г., американскій флагъ (the glorious Stars and Stripes) на островѣ Локвудѣ, у сѣвернаго берега Грёнландіи, на 83° 24′ сѣв. шир., дойдя такимъ образомъ до наивысшаго сѣвернаго пункта, достигнутаго когда либо человѣкомъ. Маркгамъ, за шесть лѣтъ до того, не дошелъ до этого пункта всего $6^1/_2$ километровъ. Въ описаніи экспедиціи Грили говорится со словъ Локвуда:

„На сѣверѣ до самого горизонта разстилалось непрерывное пространство льда. Ни я, ни сержантъ Брайнардъ, сколько ни вглядывались, не видѣли передъ собой ни признака земли“. Брайнардъ прибавляетъ: „На сѣверѣ передъ нами разстилалось полярное море—огромное пространство разбитаго льда и

снѣга. Мы могли видѣть безпрепятственно на 60 миль (100 кил.) впередъ, но и за этимъ предѣломъ не было видно и слѣда земли".

О Грёнландіи и ея значеніи въ исторіи полярныхъ изслѣдованій уже говорилось въ предыдущихъ статьяхъ, и здѣсь остается только сказать еще нѣсколько словъ о Шпицбергенѣ, о землѣ Франца-Іосифа и о сѣверо-восточномъ проходѣ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ аванпостовъ на пути къ сѣверному полюсу является Шпицбергенъ, который въ нынѣшнемъ году можетъ справить 300 лѣтній юбилей своего открытія Виллимомъ Баренцомъ. Помимо того, что группа острововъ Шпицбергенъ оказывалась до второй половины нашего вѣка однимъ изъ наиболѣе близкихъ къ сѣверному полюсу пунктовъ, она представляла еще то преимущество, что являлась исходнымъ пунктомъ, достичь котораго въ лѣтнее время можно было разсчитывать всегда навѣрняка.

Въ 1827 г. Парри отправился къ сѣверу отъ Шпицбергена на двухъ лодкахъ-санкахъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца отрядъ его шелъ по льду все впередъ; потомъ оказалось, что ледъ относилъ ихъ назадъ больше, чѣмъ они успѣвали подвинуться на своихъ лодкахъ-санкахъ впередъ. Находились они тогда почти на 3° ближе къ сѣверу, или на 82°45' сѣв. шир., т. е. достигли такой близости къ сѣверному полюсу, которая была превзойдена лишь 50 лѣтъ спустя, а лейтенантомъ Локвудомъ въ 1882 г. превзойдена только на 1°. Экскурсія Парри была первою санною экскурсіей въ исторіи изслѣдованія областей сѣвернаго полюса.

Почти у того же градуса долготы (между 18-мъ и 19-мъ меридіаномъ къ востоку отъ Гринвича), у котораго удалось въ 1806 г. Скоресби (Scoresby), а въ 1827 Парри пересѣчь въ открытомъ морѣ 81° сѣв. широты, достигъ въ 1868 г. Норденшёльдъ на шведскомъ пароходѣ „Софія" 81°42' сѣв. шир.,— т. е. „Софія" зашла сѣвернѣе какого либо другого корабля. Удалось это, лишь благодаря тому, что передъ пароходомъ постоянно расчищали путь, взрывая ледъ порохомъ. Пароходъ повернулъ обратно не раньше, чѣмъ „впереди оказалось такое пространство почти сплошного льда, по которому человѣкъ съ

помощью багра могъ-бы пройти по крайней мѣрѣ съ милю". Въ этой экспедиціи, кромѣ фонъ Оттера, Норденшёльда и нѣсколькихъ шведскихъ естествоиспытателей, участвовалъ еще въ качествѣ помощника начальника экспедиціи столь извѣстный впослѣдствіи Паландеръ.

30 августа 1873 г. съ австро-венгерскаго военнаго корабля „Тегетгофа", достигшаго 79°43' сѣв. шир. и 59°53' вост. долг. (на сѣверѣ отъ Новой Земли), увидѣли на сѣверо-западѣ землю. Изумленнымъ взорамъ экипажа открылась вдругъ въ туманной дали горная страна. „Тегетгофъ", стиснутый льдами, плылъ къ сѣверу отъ Новой Земли больше года. Снаряженіемъ этого корабля Австро-Венгрія внесла свою лепту въ совмѣстный международный трудъ по изученію полярныхъ областей. На кораблѣ находилась снаряженная на средства графа Вильчека экспедиція Пайера-Вейпрехта, имѣвшая цѣлью испробовать рекомендованный географомъ Петерманомъ путь къ сѣверному полюсу между Шпицбергеномъ и Новой Землей.

Лишь два мѣсяца спустя послѣ того, какъ съ „Тегетгофа" завидѣли землю, удалось экипажу перебраться со скованнаго льдами судна на эту новую землю, названную „Землей Франца-Іосифа". Открытіе послѣдней является однимъ изъ интереснѣйшихъ открытій послѣднихъ столѣтій.

На добрыхъ два градуса широты по направленію меридіана проникла австрійская экспедиція въ новооткрытую землю, состоящую изъ острововъ, раздѣленныхъ проливами, и дошла до 82°5' сѣв. широты (мысъ Флигели на островѣ принца Рудольфа), слѣдовательно, почти до той широты, которой достигли въ сѣверной Грёнландіи Пири и Аструпъ въ 1892 г.

У берега передъ мысомъ разстилалось водяное пространство. Но это было не открытое море, а только обширная огораживаемая старымъ льдомъ полынья. Пайеръ не вѣритъ въ открытое полярное море; оно для него—„устарѣвшая гипотеза". На горизонтѣ, среди бѣлой равнины, вырисовывались далеко на сѣверѣ двѣ вершины: земля Короля Оскара и земля Петермана.

Оставивъ корабль, экипажъ отправился съ новооткрытой земли по льду, взявъ съ собой лодки. Почти три мѣсяца шли

путешественники по льду; затѣмъ, наконецъ, могли сѣсть въ лодки и послѣ двухнедѣльнаго плаванія вдоль берега Новой Земли наткнулись на замѣшкавшіяся русскія промысловыя суда, которыя и доставили ихъ въ Вардё.

Зимою 1882-83 г. по Карскому морю шли бокъ-о-бокъ два судна: норвежскій пароходъ „Варна“, везшій ученую голландскую экспедицію, и датскій пароходъ „Діймфна“ подъ командой лейтенанта Ховгора, участвовавшаго впослѣдствіи въ экспедиціи Норденшёльда на „Вегѣ“. Теперь онъ отправился съ цѣлью оказать содѣйствіе экипажу исчезнувшей „Жанетты“, но, по полученіи по дорогѣ извѣстія о судьбѣ послѣдней, хотѣлъ ограничиться попыткой пройти мимо мыса Челюскина. Въ Карскомъ морѣ его, однако, затерло льдами, и ему пришлось удовольствоваться сдѣланными имъ во время этого невольнаго плѣна интересными наблюденіями надъ вѣтромъ и теченіемъ.

Въ 1874 г. началъ свои неутомимыя попытки установить торговыя сношенія между Англіей и Сибирью черезъ Карское море—капитанъ Виггинсъ.

21 іюля 1878 г. началась знаменитая экспедиція Норденшёльда на „Вегѣ“. Три недѣли спустя „Вега“ была въ гавани Диксона у устья Енисея, а 19 августа бросила якорь у самой сѣверной оконечности стараго свѣта, у мыса Челюскина, „самой однообразной и пустынной мѣстности, которая вообще попадалась мнѣ на сѣверѣ“—пишетъ Норденшёльдъ. Съ 27 сентября 1878 г. по 18 іюля 1879 г. „Вега“ стояла затертая льдами всего въ двухъ дняхъ пути отъ Берингова пролива, который затѣмъ и прошла 20 іюля.

Этимъ плаваніемъ былъ установленъ такъ называемый „сѣверо-восточный проходъ“ (Nordostpassage), и открыта для изслѣдованій сѣвернаго Ледовитаго океана и полярныхъ областей твердая и связная основная морская линія.

До прохода Норденшёльда черезъ Беринговъ проливъ и до гибели „Жанетты“, область сѣвернаго Ледовитаго океана, прилегающая къ сѣверной части Восточной Сибири, была извѣстна Европѣ очень мало. Между тѣмъ, еще за 200 лѣтъ до того, передовые піонеры цивилизованнаго человѣчества уже открыли

расположенные въ этой области Ново-Сибирскіе острова, и со временъ тридцатилѣтней войны русскіе рыболовы и промышленники стали пробираться въ эту сѣверно-азіатскую terra incognita все дальше и дальше.

Въ томъ-же году (1742 г.), когда Челюскинъ достигъ на саняхъ самой сѣверной оконечности Азіи, сталъ извѣстнымъ и сѣверо-западный уголъ Америки—Аляска.

Всѣмъ извѣстны результаты большой Сѣверной экспедиціи, снаряженной русскимъ правительствомъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія и покрывшей безсмертіемъ имена Беринга и Челюскина. Съ затраченными на эту экспедицію средствами и трудами могутъ сравниться развѣ только затраты англійскаго правительства на отысканіе злополучной экспедиціи Франклина.

Экспедиціи, имѣвшія цѣлью изслѣдованія сѣверныхъ береговъ Азіи, носили и научный и политическій характеръ, изслѣдованія-же береговъ сѣверной Америки вызывались чисто коммерческими интересами. Но въ то время, какъ изслѣдованія сѣверныхъ береговъ Сибири и близъ лежащихъ острововъ и областей завершены въ главномъ изслѣдованіями Врангеля и Анжу въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, прошло уже сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланы были первыя попытки точнѣе опредѣлить очертанія сѣверныхъ береговъ Америки. Съ тѣхъ поръ и здѣсь, какъ въ Азіи, отдѣльныя, вновь открытыя мѣста связаны общей линіей, благодаря одновременнымъ стремленіямъ Коллинсона и М' Клинтока проникнуть на востокъ, въ поискахъ за Франклиномъ, со стороны Берингова пролива.

Географическое значеніе Берингова пролива становится, впрочемъ, извѣстнымъ не ранѣе 1730 г. Дешневъ и Берингъ установили только восточныя границы Азіи и фактъ существованія водянаго пути изъ Ледовитаго въ Тихій океанъ, не зная, однако, что путь этотъ является проливомъ.

Какимъ въ сущности новымъ представляется намъ теперь міръ! Вѣдь, всего за сто лѣтъ до того, какъ „Вега“ прошла Беринговымъ проливомъ въ Тихій океанъ, Джемсъ Кукъ въ свое послѣднее плаваніе безуспѣшно пытался проникнуть черезъ него и на востокъ и на западъ. Въ 1849 г. Келлетъ высадился на островѣ „Геральдъ“, въ 1867 г. Лонгъ открылъ землю Врангеля.

Быть можетъ, для того, чтобы націи сплотились для энергичнаго изслѣдованія географическихъ условій выше упомянутой обширной области, надобенъ такой призывъ, который-бы тронулъ всѣ сердца, заставилъ-бы отозваться всѣхъ, объединивъ всѣхъ какимъ нибудь общимъ чувствомъ, вродѣ напримѣръ чувства человѣколюбивой тревоги, заставившей цивилизованный міръ въ теченіи тридцати двухъ лѣтъ отыскивать экспедицію Франклина, а затѣмъ положить столько трудовъ и силъ ради спасенія „Жанетты“. Надо надѣяться, впрочемъ, что причиной подобной тревоги явится не экспедиція, всецѣло приковывающая теперь вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Остается посвятить нѣсколько словъ только-что упомянутой злополучной „Жанеттѣ“. Купленный извѣстнымъ американскимъ богачомъ Гордономъ Беннеттомъ и названный по имени его сестры „Пандорой“ пароходъ этотъ предназначался первоначально для экспедиціи къ сѣверному полюсу черезъ Беринговъ проливъ, но когда въ 1879 г. возникъ тревожный вопросъ „что́ сталось съ „Вегой“ и Норденшёльдомъ?“—пароходъ былъ переименованъ въ „Жанетту“ и отправленъ съ цѣлью розыскать слѣды „Веги“.

Въ концѣ августа 1879 г. „Жанетта“, подъ командою 34 лѣтняго лейтенанта Де-Лонга и съ экипажемъ международнаго состава изъ 33 лицъ, прошла черезъ Беринговъ проливъ пять недѣль спустя послѣ того, какъ „Вега“ благополучно вышла въ Тихій океанъ!

Прошло слишкомъ два года, а о „Жанеттѣ“ не было ни слуха, ни духа. Но вначалѣ это обстоятельство не казалось тревожнымъ. Корабль былъ, вѣдь, снабженъ провіантомъ на три года, снаряженіе его было доведено до возможной въ тѣ времена степени совершенства, такъ какъ богатый владѣлецъ его не пожалѣлъ на это средствъ. Самъ Эддисонъ снабдилъ корабль электрическимъ освѣщеніемъ; при экипажѣ состояло еще два охотника-эскимоса съ семью санями и сорока собаками. Какія-же опасности могли угрожать этой столь тщательно обставленной первой серьезной попыткѣ проникнуть до сѣвернаго полюса по линіи меридіана отъ Тихаго океана?

Но въ декабрѣ 1881 г. изъ Якутска дошли тревожныя вѣсти о томъ, что люди Де-Лонга высадились въ сентябрѣ въ крайне

пзнуренномъ состояніи около устьевъ Лены; и только въ мартѣ 1882 г. были найдены трупы Де-Лонга и его одиннадцати спутниковъ.

Пережившіе катастрофу сообщили, что „Жанетта“ была затерта льдами еще въ сентябрѣ 1879 г. Образовавшаяся течь заставляла экипажъ „Жанетты“ въ теченіе семнадцати мѣсяцевъ работать помпами почти денно и нощно. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ корабль кружился вмѣстѣ съ сковывавшими его льдами около земли Врангеля, затѣмъ былъ унесенъ на сѣверо-западъ.

17 мая 1881 г. съ „Жанетты“ увидѣли новые неизвѣстные до тѣхъ поръ острова: Жанетту, Генріетту и островъ Беннетта (общее названіе этой группы: „Острова Де-Лонга“). Экипажъ вынесъ впечатлѣніе, что теченіе въ данныхъ мѣстахъ не бываетъ постояннымъ, а зависитъ отъ вѣтра, тѣмъ не менѣе люди все-таки надѣялись, что теченіе отнесетъ ихъ къ землѣ Франца-Іосифа и что, такимъ образомъ, имъ удастся выбраться въ открытое море около Шпицбергена. *) Но уже 12 іюня экипажу пришлось оставить корабль, раздавленный льдинами.

Произошло это всего въ 700 килом. отъ земли, находившейся на югѣ и на нѣсколько сотъ килом. дальше отъ устьевъ Лены. Команда направилась на югъ къ устьямъ Лены, шла по льду уже съ недѣлю, какъ вдругъ оказалось по наблюденіямъ, что сѣверное теченіе отнесло ихъ съ льдомъ вмѣстѣ на 27 миль назадъ. Къ счастью, встрѣчаемые на пути островки оказались хорошими точками опоры. Въ сентябрѣ команда пустилась на трехъ лодкахъ въ открытое море; во время бури лодки разошлись, и одна изъ нихъ пропала безъ вѣсти.

*
* *

Отличающее наше время лихорадочное движеніе впередъ въ области открытій является, можетъ быть, однимъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ того, что съ новымъ вѣкомъ наступитъ и новая эра. Англійскій философъ Бэконъ говоритъ: „Съ однѣми руками или съ однимъ разумомъ не далеко уйдешь; ни въ области

*) Кромѣ кораблей, искавшихъ въ 1881 г. „Жанетту“ въ области Берингова пролива, въ томъ-же году искала ее въ водахъ Грёнландскаго полярнаго моря экспедиція Грили.

умственнаго, ни въ области ручного труда ничего нельзя сдѣлать безъ необходимыхъ орудій и средствъ".

Исторія изслѣдованій полярныхъ областей заключаетъ безконечный рядъ именъ, послужившихъ „орудіями" и дававшихъ тѣ „средства", о которыхъ говоритъ философъ. Имена эти сохранены для потомства названіемъ въ честь ихъ различныхъ отдѣльныхъ частей полярнаго міра—острововъ, горъ, мысовъ, заливовъ, рѣкъ, проливовъ, ледниковъ, и пр. Таковы напр. имена: Боота, Гринелля, Диксона, Гамэля, короля Оскара, императора Франца Іосифа, графа Вильчека, Томаса Смита, Дудлэя Дигса, Вольстенгольма, Джонса, Карея, леди Франклинъ и другихъ меценатовъ, снаряжавшихъ полярныя экспедиціи, не говоря уже о тысячахъ мелкихъ соревнователей, пожертвовавшихъ въ общей сложности милліоны. Одни поиски Франклина обошлись Англіи въ 15—20 милліоновъ рублей. Не менѣе почетной памяти заслуживаютъ и ученые теоретики нашего столѣтія съ Петерманомъ во главѣ, а также цѣлый рядъ моряковъ-промышленниковъ. Если и приходится признать, что нѣтъ области человѣческаго знанія, въ которой теорія терпѣла бы крушеніе такъ часто, какъ именно въ области географіи арктическихъ странъ, надо все-таки согласиться и съ тѣмъ, что было-бы напрасно предпринимать полярныя экспедиціи на авось, рисковать жизнью людей и капиталами, не основываясь на самомъ точномъ знаніи всѣхъ раньше достигнутыхъ результатовъ, не опираясь на сильно развитое умѣнье ученыхъ теоретиковъ обобщать факты и наблюденія и строить на нихъ твердыя теоріи, а также на ихъ способность проникать взоромъ сквозь скрывающіе горизонтъ туманы и прозрѣвать за ними необозримую даль новыхъ областей.

Столь дорого стоющія и связанныя со столькими опасностями полярныя экспедиціи могутъ, пожалуй, многимъ казаться далеко не цѣлесообразными, если не прямо безразсудными.

Но человѣкъ живъ не хлѣбомъ однимъ; ему нужно еще кое-что и для души, что могло-бы поднять его духъ и заставить кровь быстрѣе течь по жиламъ. Изслѣдователь ставитъ свою жизнь на карту ради того, чтобы завоевать хоть пядь земли въ постепенно увеличивающейся области человѣческихъ познаній, и лучшаго, болѣе поучительнаго и подымающаго духъ зрѣлища для народовъ и быть не можетъ.

Вклады норвежскихъ моряковъ въ географію арктическихъ странъ.

(Статья проф. Г. Мона).

Область арктическихъ странъ, изслѣдованная норвежскими моряками, простирается отъ восточнаго берега Грёнландіи до сѣверныхъ береговъ Сибири, отъ 27° западной долготы (отъ Гринвича) до 86° в. д., т. е. занимаетъ 113° долготы.

Расширеніемъ свѣдѣній о странахъ и моряхъ сѣверныхъ полярныхъ странъ географія обязана главнымъ образомъ капитанамъ промысловыхъ судовъ, отправлявшихся въ Ледовитый океанъ бить тюленей и китовъ.

Начались такія морскія промысловыя экспедиціи еще въ прошломъ столѣтіи, и пунктомъ ихъ стремленій являлся собственно Шпицбергенъ, но вниманія на нихъ до конца 50-хъ годовъ, когда начались шведскія экспедиціи на Шпицбергенъ, обращалось очень мало, хотя значеніе ихъ въ смыслѣ изслѣдованія нѣкоторыхъ частей Ледовитаго океана и было очень велико: ими, можно сказать, положено начало новой эры въ изученіи этихъ мало доступныхъ мѣстностей.

То же обстоятельство, что именно съ конца 50-хъ годовъ промысловыя экспедиціи пріобрѣли такое значеніе для науки, объясняется попросту тѣмъ, что въ то время капитаны промысловыхъ судовъ были вынуждены искать новыхъ мѣстъ для ловли китовъ и тюленей, бѣлыхъ медвѣдей и оленей, такъ какъ количество добычи на старыхъ мѣстахъ у Шпицбергена уменьшилось настолько, что не вознаграждало трудовъ. Вниманіе, возбужденное новыми открытіями среди ученыхъ, особенно шведскихъ

среди членовъ шведской академіи наукъ и позже—шведскаго антропологическо-географическаго общества, а также живѣйшій интересъ со стороны редакціи „Извѣстій Петермана“ и норвежскаго метеорологическаго института, несомнѣнно немало содѣйствовали къ возбужденію въ этихъ смѣлыхъ мореплавателяхъ отваги и желанія проникнуть въ невѣдомыя моря дальше, чѣмъ если-бы ихъ побуждали однѣ только промышленныя цѣли.

Эллингъ Карлсенъ.

Рядъ открытій норвежскихъ моряковъ въ Ледовитомъ океанѣ начинается съ 1859 г. Капитанъ Эллингъ Карлсенъ (род. 1819 г. въ Тромсё) находился тогда на промыслахъ на востокѣ отъ Шпицбергена у острововъ, лежащихъ на восточной сторонѣ Большого Залива. Карлсену сопутствовалъ другой извѣстный полярный мореходъ Свертъ Тобисенъ (род. 1821 г. въ Тромсё, †1873 г. на Новой Землѣ). 21-го іюля 1859 г. Карлсенъ увидѣлъ на сѣверѣ землю, а 22-го прошелъ всего въ 2-хъ миляхъ отъ нея. Впослѣдствіи оказалось, что земля эта—группа острововъ, получившихъ имя земли короля Карла и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, открытыхъ еще въ 1617 г. англичаниномъ Томасомъ Эдге, который назвалъ ихъ „Wilke's land“. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, давно было забыто, и самые острова исчезли съ картъ, такъ что Карлсенъ дѣйствительно „открылъ“ ихъ въ свою очередь.

Въ 1863 г. Карлсенъ, опять вмѣстѣ съ Тобисеномъ, совершилъ на бригѣ „Янъ-Майенъ“ доселѣ небывалый, по крайней мѣрѣ не отмѣченный еще до тѣхъ поръ въ исторіи, подвигъ—

обогнулъ кругомъ всю группу Шпицбергенскихъ острововъ. Проплывъ вдоль западнаго и сѣвернаго береговъ и по проливу Гинлопа до южнаго берега Сѣверовосточнаго острова, онъ вынужденъ былъ вслѣдствіе напора льдовъ повернуть обратно въ проливъ и поплылъ дальше, мимо Семи острововъ, и 5—6 августа достигъ, крейсируя, 81° с. широты. 13-го августа онъ поплылъ „вдоль ледниковъ“ и прошелъ мимо сѣверовосточной оконечности сѣверовосточнаго острова, получившей впослѣдствіи имя мыса Смита. 14 августа онъ прошелъ между „Большимъ Островомъ“ и „ледникомъ“ 16 августа онъ увидѣлъ на югѣ землю, уже видѣнную имъ, но съ юга, въ 1859 г., а именно землю короля Карла. 18 го августа онъ былъ у юговосточной оконечности сѣверовосточнаго острова Шпицбергена, названной впослѣдствіи мысомъ Мона, и поплылъ наискось черезъ проливъ Гинлопа, въ „Unicon Bay“ и въ проливъ Тимоне. Отсюда онъ направилъ курсъ вдоль восточнаго берега острововъ Баренца и Эдге къ „Тысячѣ острововъ“ и мысу Уэльскаго въ Большомъ заливѣ, а отсюда по извѣстному фарватеру къ Западному Шпицбергену.

Сивертъ Христіанъ Тобисенъ.

Этимъ плаваніемъ Карлсенъ доказалъ: 1) что Шпицбергенъ можно въ благопріятные годы, при отсутствіи льдовъ, объѣхать кругомъ, 2) что восточная часть сѣверовосточнаго острова покрыта сплошными ледниками, которые доходятъ до самаго моря и 3) что на юговостокѣ отъ этого острова лежитъ островъ, видѣнный имъ раньше съ юга—земля короля Карла.

На слѣдующій годъ Тобисенъ на бригѣ „Эолъ“ побывалъ на восточномъ берегу сѣверовосточнаго острова. Отъ мыса Мона ему была видна западная оконечность земли короля Карла, такъ называемое „Шведское предземелье“. Потомъ ему пришлось покинуть вполнѣ нагруженное судно у Большого острова и спасаться на лодкахъ.

Лѣтомъ 1865 г. мы находимъ Тобисена на Медвѣжьемъ островѣ; онъ перезимовалъ на сѣверномъ берегу, производилъ метеорологическія наблюденія съ августа 1865 г. по іюнь 1866 г. и собралъ обширный матеріалъ для климатологіи арктическихъ странъ; зато въ коммерческомъ отношеніи эта зимовка не принесла прибыли и дальнѣйшихъ зимовокъ здѣсь поэтому не предпринималось.

Въ 1867 г. капитанъ Ренбэкъ изъ Гаммерфеста объѣхалъ кругомъ всего западнаго Шпицбергена и открылъ во время этого плаванія группу острововъ около восточнаго берега его на 79° с. шир.

Въ 1868 г. норвежцы начали плавать по Карскому морю. Море это, лежащее между Новой Землей и Сибирью, названо было русскимъ натуралистомъ ф. Бэромъ „ледникомъ Европы“, такъ какъ оно лѣтомъ часто до такой степени наполнено льдами, что температура на немъ куда ниже, чѣмъ на западѣ и на востокѣ отъ него. Попытки русскихъ найти удобный морской путь изъ Европы въ Западную Сибирь черезъ Карское море не имѣли успѣха.

Первымъ капитаномъ промысловаго судна, который отважился пройти Карскимъ моремъ, и былъ уже выше названный Эллингъ Карлсенъ; онъ въ 1868 г. вмѣсто того, чтобы плыть обычнымъ путемъ на Шпицбергенъ, поплылъ на востокъ мимо острова Вайгача, и вошелъ въ Карское море, но скоро повернулъ обратно черезъ Югорскій шаръ и поплылъ дальше на сѣверъ вдоль всего западнаго берега Новой Земли.

Добыча на этотъ разъ имъ досталась богатая, и Карлсенъ и на слѣдующій 1869 годъ рѣшился плыть въ Карское море. Пройдя Карскія ворота, онъ плылъ вдоль восточнаго берега Карскаго моря до острова Бѣлаго. Сибирскій берегъ оказался здѣсь совсѣмъ плоскимъ, а омывающее его море изобилующимъ мелями. Въ томъ-же году въ Карскомъ морѣ побывалъ одинъ

англійскій путешественникъ Джонъ Пэллисеръ; онъ прошелъ черезъ Маточкинъ шаръ, пересѣкъ Карское море и также дошелъ до острова Бѣлаго, собравъ по пути богатую добычу—китовъ и бѣлыхъ медвѣдей.

Но самое значительное плаваніе совершилъ совсѣмъ юный норвежскій морякъ—промышленникъ Эдвардъ Гольмъ Іоганнесенъ (род. въ 1844 г.).

На шкунѣ „Нордландъ“ Іоганнесенъ поплылъ сначала вдоль западнаго берега Новой Земли вплоть до мыса Насау ($72^1/_2{}^0$ с. шир.), оттуда обратно въ Маточкинъ шаръ, на югъ вдоль восточнаго берега Новой Земли и до Карскихъ воротъ. Отсюда-же онъ направился на востокъ, къ Землѣ Самоѣдовъ и затѣмъ на сѣверъ мимо острова Бѣлаго, на западъ къ Новой Землѣ и на югъ вдоль восточнаго берега ея опять до Карскихъ воротъ.

Эдвардъ Гольмъ-Іоганнесенъ.

Со временъ открывшаго Карское море голландца Виллима Баренца, зимовавшаго въ 1596—97 г.г. на восточномъ берегу сѣвернаго острова Новой Земли, ни одинъ морякъ не подходилъ къ этому берегу такъ близко, какъ Эдвардъ Іоганнесенъ въ 1869 г.

Норденшёльдъ справедливо причисляетъ эти первыя плаванія по Карскому морю къ „замѣчательнѣйшимъ изъ сохранившихся въ исторіи арктическихъ морскихъ плаваній“ и вообще придаетъ имъ огромное значеніе, говоря, что они „открыли какъ-бы новую эру въ исторіи сѣверныхъ полярныхъ плаваній“.

Іоганнесенъ, которому тогда было всего 25 лѣтъ, удостоился получить за эту поѣздку серебряную медаль отъ шведской

академіи наукъ, которой онъ представилъ докладъ о научныхъ результатахъ своего плаванія. Пересылая, по порученію академіи, эту медаль Іоганнесену, Норденшёльдъ шутя высказалъ, что теперь послѣднему еще остается получить золотую медаль, обойдя кругомъ всю Новую Землю. И это шутливое предсказаніе сбылось.

Уже въ слѣдующемъ 1870 г. Іоганнесенъ обогнулъ на суднѣ всю Новую Землю кругомъ. Изъ Карскихъ воротъ онъ поплылъ на востокъ, въ Карское море (12 іюля) къ Землѣ Самоѣдовъ; затѣмъ къ Новой Землѣ и обратно къ Землѣ Самоѣдовъ (Яймалъ). Судно было уже вполнѣ нагружено, но Іоганнесенъ, не смотря на это и на то, что лѣто кончилось, рѣшилъ еще попытаться обойти вокругъ всей Новой Земли, что ему и удалось, не взирая на позднее время года (онъ прошелъ мимо сѣв. оконечности острова 3 сентября). За этотъ подвигъ Іоганнесенъ, опять сообщившій результаты своихъ изслѣдованій шведской академіи наукъ, получилъ отъ послѣдней золотую медаль. Въ то-же лѣто внесли свои вклады въ картологію Карскаго моря и Новой Земли полярные мореходы: Торкильсенъ, Ульве, Маккъ, Квале и Недревогъ; результаты ихъ изслѣдованій были опубликованы въ „Petermanns geografische Mittheilungen“ 1869 г. и слѣдующихъ годовъ.

Въ 1871 г. свѣдѣнія о Шпицбергенѣ и Новой Землѣ расширились въ значительной степени. Англичанинъ Веніаминъ Лейгъ-Смитъ, извѣстный впослѣдствіи своимъ путешествіемъ въ Землю Франца-Іосифа (1882 г.), зафрахтовалъ шхуну „Самсонъ“ съ капитаномъ Ульве и отправился въ Ледовитый океанъ. Въ августѣ они были у южнаго края пролива Гинлопа. Отъ мыса Тумбъ на островѣ Вильгельма они имѣли возможность увидѣть, что сѣверовосточный островъ Шпицбергена простирался на востокѣ гораздо дальше, чѣмъ показывали карты, и что юговосточная оконечность этого острова или, какъ назвалъ ее Петерманъ, мысъ Монъ, лежитъ на 4 градуса восточнѣе. Въ началѣ сентября Смитъ и Ульве поплыли вдоль сѣвернаго берега сѣверовосточнаго острова и нашли, что и тутъ онъ простирается на 4 градуса долготы дальше къ востоку, чѣмъ показано на картѣ. Здѣсь же нашли они много мелкихъ острововъ, которые всѣ и названы были потомъ именами норвежскихъ полярныхъ моряковъ и ученыхъ.

Въ 1871 г. была существенно исправлена, по указаніямъ норвежскихъ моряковъ-промышленниковъ, карта сѣвернаго острова Новой Земли, и исправленія эти остаются неизмѣнными и до сихъ поръ. Важнѣйшія указанія въ данномъ случаѣ сдѣланы были Карлсеномъ, братьями Іоганнесенъ, Тобисеномъ, Маккомъ, Дёрма и Исаксеномъ.

Въ этомъ же году Карлсенъ вновь открылъ зимнюю стоянку Баренца на восточномъ берегу сѣвернаго острова Новой Земли и привезъ оттуда остатки этой зимовки Баренца съ его экипажемъ въ 1596—97 г. Затѣмъ, въ томъ-же 1871 году обогнулъ Новую Землю капитанъ Маккъ. 3 августа 1871 г. онъ обогнулъ сѣверный мысъ Новой Земли и 12 сентября достигъ $82^1/_2{}^0$ вост. д. (отъ Гринвича) на 75° 25 с. ш.; 26 сентября онъ прошелъ черезъ Югорскій шаръ, и Новая Земля была такимъ образомъ обойдена кругомъ во второй разъ, что всего за нѣсколько лѣтъ до того считалось вообще невыполнимымъ.

Важные вклады были сдѣланы норвежскими моряками въ картологію арктическихъ странъ и въ 1872 году.

Земля на востокъ отъ Шпицбергена, видѣнная Карлсеномъ въ 1859 и 1863 г., Тобисеномъ въ 1864 г., Шведской экспедиціей въ 1864 г., Генгліеномъ въ 1870 г, Ульве въ 1871 г., была въ 1872 г. достигнута и частью изучена норвежскими моряками-промышленниками: Альтманномъ, Нильсеномъ и Іонсеномъ. Земля эта, названная землею короля Карла, оказалась островомъ, или вѣрнѣе группой острововъ; западная часть земли получила названіе „Шведскаго предземелья", сѣверная возвышенность—Горфагрегаугена, а южная возвышенность—мыса Торденскьольда.

Въ 1889 г. землю короля Карла посѣтила высланная Бременскимъ географическимъ обществомъ экспедиція, подъ начальствомъ доктора Кюкенталя и доктора Вэльтера. И эта экспедиція воспользовалась однимъ изъ норвежскихъ промысловыхъ судовъ подъ командой капитана Гемминга Андреасена, и подтвердила своими изслѣдованіями всѣ сдѣланныя раньше, а также основанныя на нихъ карты. Оказалось, что земля дѣйствительно, какъ предполагалъ Альтманъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ острововъ, раздѣленныхъ проливами (см. карту Карла Петтерсена въ „Имерѣ" 1889 г.). Въ 1872 г. Карское море было заперто льдами, такъ что промысловыя суда не могли попасть

въ него, и многіе изъ нихъ держались поэтому преимущественно западнаго берега Новой Земли. Между капитанами этихъ судовъ находился и извѣстный ветеранъ Сиверъ Тобисенъ. Онъ, по своимъ прежнимъ смѣлымъ плаваніямъ въ области льдовъ, былъ уже хорошо знакомъ съ зимою въ Ледовитомъ океанѣ; такъ въ 1864 г. два его судна, послѣ того, какъ обошли кругомъ сѣверо-восточный островъ Шпицбергена, были затерты льдами въ проливѣ Гинлопа; пришлось оставить суда и пробираться на лодкахъ въ Ледяной Заливъ, гдѣ ихъ всѣхъ спасла шведская шпицбергенская экспедиція 1864 года. Зиму же 1865—66 г. Тобисенъ провелъ, какъ упомянуто выше, на Медвѣжьемъ островѣ. Такимъ образомъ, ему не въ первый разъ пришлось зимовать во льдахъ, когда въ сентябрѣ 1872 г. его затерло льдомъ у западнаго берега Новой Земли. Семеро изъ его экипажа попытались на лодкахъ спуститься къ югу, надѣясь встрѣтить тамъ судно, которое-бы спасло ихъ; судна они однако не встрѣтили, но шестеро изъ нихъ достигли послѣ многихъ мытарствъ, терпя голодъ и холодъ, зимовки самоѣдовъ на берегу Гусиной Земли (западная часть берега южнаго острова Новой Земли на 71°—72 с. ш.). Здѣсь они перезимовали, а на слѣдующій годъ имъ посчастливилось выбраться оттуда на лодкѣ къ югу и встрѣтить суда, на которыхъ четверо изъ нихъ и вернулись въ Норвегію; остальные двое много лѣтъ оставались у самоѣдовъ. Самъ Тобисенъ и его сынъ съ двумя людьми изъ экипажа остались при суднѣ; къ несчастью, они были плохо подготовлены къ зимовкѣ, не имѣли въ достаточномъ количествѣ ни съѣстныхъ припасовъ, ни другихъ необходимыхъ вещей. Первую часть зимы, они, однако, провели сносно, благодаря удачной охотѣ на бѣлыхъ медвѣдей, но когда затѣмъ къ веснѣ у нихъ осталось въ запасѣ одно попорченное соленое медвѣжье мясо, а температура продолжала держаться на $39^1/_2$ С. у всѣхъ сдѣлался скорбутъ; 23 апрѣля умеръ Тобисенъ, а 5 іюля скончался и заболѣвшій въ маѣ сынъ его. Двое пережившихъ ихъ матросовъ пустились въ августѣ на лодкѣ къ югу и были спасены русскимъ промысловымъ судномъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что Тобисенъ и его сынъ до послѣдняго дня вели метеорологическій журналъ (у нихъ были съ собой инструменты, провѣренные метеорологи-

ческимъ институтомъ) и внесли тѣмъ богатый вкладъ въ метеорологію данныхъ странъ. Наблюденія велись съ октября 1873 по май 1874 г. О какомъ величіи духа, поглощеннаго страстью къ наукѣ, о какой несокрушимой добросовѣстности свидѣтельствуютъ эти записи, веденныя людьми въ самомъ отчаянномъ положеніи, вплоть до смерти! Одновременно съ зимовкою Тобисена на Новой Землѣ, зимовали на Мосселѣ, на Шпицбергенѣ баронъ Норденшёльдъ, и у мыса Тордсенъ въ Ледяномъ Заливѣ Шпицбергена 17 норвежскихъ моряковъ-промышленниковъ. Послѣдніе всѣ стали жертвой скорбута. Зимовка ихъ на мысѣ Тордсенъ не осталась, однако, безплодною; и они вели метеорологическій дневникъ съ половины октября до конца марта, пользуясь для наблюденій термометромъ, полученнымъ отъ Норденшёльда. Наблюденія ихъ были затѣмъ разработаны и послужили полезнымъ вкладомъ въ климатологію Шпицбергена.

Въ 1875 г. Норденшёльдъ зафрахтовалъ норвежское промысловое судно „Пробу“ съ капитаномъ Исаксеномъ и экипажемъ изъ 12 опытныхъ моряковъ-промышленниковъ для своей знаменитой Енисейской экспедиціи. Какъ извѣстно, „Проба“ была не единственнымъ промысловымъ судномъ, послужившимъ для ученой экспедиціи; зафрахтовка научными полярными экспедиціями норвежскихъ промысловыхъ судовъ стала уже съ давнихъ поръ обычнымъ явленіемъ. Капитаны промысловыхъ судовъ не могутъ, конечно, особенно претендовать на честь за достигнутые такими экспедиціями научные результаты, но нельзя все таки не признать и за ними нѣкоторой доли заслугъ въ этомъ отношеніи.

Въ 1876 г. капитанъ Хр. Бьерканъ изъ Вадсё отправился на промыслы къ Новой Землѣ и, зазимовавъ съ 1 октября въ бухтѣ у Малаго Кармакула, дѣлалъ метеорологическія наблюденія всю зиму и весну до 10 іюня 1877 г.; инструменты онъ получилъ также отъ метеорологическаго института; наблюденія были потомъ разработаны кандидатомъ Акселемъ Стенъ и напечатаны въ отчетѣ института въ 1876 г.

Въ 1877 г. норвежская полярная экспедиція посѣтила Янъ-Майенъ; результатами этого посѣщенія были: новая, болѣе вѣрная карта острова и описаніе его, подтвержденныя впослѣд-

ствіи австро-венгерской полярной экспедиціей въ 1882 и 1883 гг.

1878 г. ознаменованъ новымъ открытіемъ норвежца Эдварда Іоганнесена, открывшаго земли между берегами Сибири и землей Франца Іосифа. Пройдя вдоль западнаго, сѣвернаго и восточнаго береговъ Новой Земли къ зимовкѣ Баренца, Іоганнесенъ направился затѣмъ 10 августа 1878 г. на востокъ и 16 августа былъ у береговъ Сибири, нѣсколько западнѣе мыса Таймыра. 13-го августа здѣсь прошелъ на „Вегѣ“ Норденшёльдъ, а Іоганнесенъ направился отсюда на западъ, сѣверо-западъ и сѣверъ и 28 августа увидѣлъ на сѣверо-западѣ островъ, который въ слѣдующіе дни и обошелъ кругомъ, прежде чѣмъ вновь направить курсъ на западъ. Новому острову Іоганнесенъ далъ имя „Острова Уединенія“; занимаетъ послѣдній 4 географ. квадр. мили; высота-же его всего 30 метровъ.

1881 годъ былъ замѣчательнымъ годомъ; большая часть моря къ западу и сѣверо-западу отъ Новой Земли была совсѣмъ свободна ото льда, такъ что капитану Исаксену на „Пробѣ“ удалось дойти 19 августа по совершенно чистому ото льда фарватеру до 77° 35 сѣв. шир., при чемъ и дальше къ сѣверу и сѣверо-западу не было замѣтно ни слѣда льдовъ; Исаксенъ говорилъ поэтому, что будь его сорокалѣтнее судно 30 годами моложе, онъ-бы безъ всякаго труда дошелъ до земли Франца Іосифа или до какой нибудь еще болѣе близкой къ полюсу неоткрытой земли.

Въ 1889 г. капитанъ Кнудсенъ на тюленепромысловомъ суднѣ „Гекла“ побывалъ у восточныхъ береговъ Грёнландіи и имѣлъ случай исправить карты даннаго берега (на протяженіи 73—76° с. ш.). Въ 1893 г. капитанъ Кнудсенъ былъ въ Датскомъ проливѣ у берега Блоссевиля и также сдѣлалъ кое-какія исправленія на картѣ.

Въ 1894 г. Мартинъ Экролль прибылъ на шкунѣ „Виллимъ Баренцъ“ на восточный Шпицбергенъ, зимовалъ на восточной конечности у Большого Фіорда и вернулся изъ этого плаванія съ значительно исправленной картой, большимъ запасомъ наблюденій и метеорологическимъ дневникомъ, который послужилъ важнымъ вкладомъ въ климатологію юговосточнаго

Шпицбергена, относительно зимняго климата котораго до тѣхъ поръ вовсе не имѣлось данныхъ.

Большинство наблюденій и изслѣдованій норвежцевъ, сдѣланныхъ ими въ области Ледовитаго океана, были разработаны норвежскимъ метеорологическимъ институтомъ и затѣмъ опубликованы. Въ „Petermanns Mittheilungen“ можно найти свѣдѣнія о всѣхъ экспедиціяхъ и добытыхъ ими научныхъ результатахъ. Въ настоящемъ краткомъ обзорѣ научныхъ вкладовъ норвежскихъ моряковъ въ географію, метеорологію и картологію полярныхъ странъ затронуты лишь добытыя имъ существенно новыя данныя объ этихъ странахъ, но, разумѣется, здѣсь нечего искать полной картины тѣхъ опасностей, трудовъ и проявленнаго моряками мужества, которыми сопровождалось добываніе упомянутыхъ данныхъ. А картина эта поистинѣ грандіозна. Отважные моряки, плававшіе по берегамъ Грёнландіи, Шпицбергена, Новой Земли, изо дня въ день должны были бороться съ пловучими льдами, съ туманами и бурями, шагъ за шагомъ защищать свою собственную жизнь, и въ то-же время они тихо, безшумно исполняли великую въ научномъ отношеніи работу, тѣмъ болѣе достойную удивленія, что она была совершенно безкорыстна,—научными наблюденіями сытъ не будешь, точно такъ-же, какъ и честью за нихъ. А сколько изъ этихъ 20—40 судовъ, ходившихъ изъ года въ годъ за китами, тюленями и научными наблюденіями, не вернулось вовсе на родину, сколько тяжелыхъ зимовокъ кануло въ Лету забвенія, сколько совершено было во время этихъ плаваній геройскихъ подвиговъ, не занесенныхъ еще въ лѣтописи? Эти моряки, искавшіе новыхъ мѣстъ для ловли, проложили новые пути на сѣверъ, къ Шпицбергену, въ Карское море и пр. и заслужили тѣмъ почетное мѣсто въ исторіи.

Когда нибудь они и найдутъ своего историка, который прольетъ свѣтъ не только на ихъ службу наукѣ, но также на нихъ самихъ и ихъ жизнь, и тогда имъ воздадутъ честь не одни земляки. Да, когда, наконецъ, будетъ создана сага этихъ безвѣстныхъ подвижниковъ, имена ихъ затмятъ, можетъ быть, не одно прославленное въ нашъ вѣкъ имя.

По теченію.

Въ началѣ 1890 г. Нансенъ прочелъ въ норвежскомъ географическомъ обществѣ рефератъ, въ которомъ изложилъ планъ новой полярной экспедиціи.

Сдѣлавъ предварительно краткій обзоръ полярныхъ изслѣдованій, Нансенъ высказалъ слѣдующее: „Мнѣ кажется, что если обратить должное вниманіе на самыя силы природы и попытаться работать совмѣстно съ ними, а не противъ нихъ, то можно найти вѣрнѣйшій путь съ сѣвернаго полюсу. Мало толку пытаться, какъ это дѣлали прежнія экспедиціи, идти противъ теченія; надо посмотрѣть, не найдется ли тамъ попутнаго теченія. И въ пользу существованія такого теченія имѣются вѣсскія данныя.“

Въ общемъ планъ Нансена основывался на предположеніи, что отъ Берингова пролива и восточно-сибирскихъ острововъ направляется къ сѣверному полюсу постоянное и сравнительно сильное теченіе, которое отъ полюса сворачиваетъ снова къ югу или юго-западу между Шпицбергеномъ и Грёнландіей, идетъ вдоль восточнаго берега послѣдней, огибаетъ ея южную оконечность и сворачиваетъ въ Дэвисовъ проливъ.

Въ 1879 г., отправилась черезъ Беринговъ проливъ на „Жанеттѣ“ полярная экспедиція подъ начальствомъ Де-Лонга, имѣвшая цѣлью направиться оттуда къ сѣверному полюсу. Въ сентябрѣ „Жанетту“ затерло льдами и затѣмъ несло въ теченіе двухъ лѣтъ на западъ и сѣверо-западъ, гдѣ она и потонула въ іюнѣ 1881 г., на сѣверѣ отъ Ново-Сибирскихъ острововъ. Три

года спустя послѣ гибели корабля, на плавучихъ льдинахъ къ югу отъ западнаго берега Грёнландіи была найдена масса вещей, являвшихся несомнѣнно остатками погибшей „Жанетты". Такъ, между ними оказалась опись провіанта съ собственноручной подписью Де-Лонга, опись лодокъ „Жанетты", пара шароваръ съ мѣткой одного изъ спасшихся матросовъ и т. п. Извѣстія объ этихъ находкахъ произвели огромное впечатлѣніе, надѣлали много шума, и ученые скоро пришли къ тому заключенію, что льдины эти, по всей вѣроятности, были принесены къ данному мѣсту именно вышеупомянутымъ теченіемъ, идущимъ отъ Ново-Сибирскихъ острововъ черезъ полюсъ или около полюса. Вычисленія показали, что найденные предметы неслись со скоростью полумили въ сутки, что и соотвѣтствуетъ скорости, съ которой неслась въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ затертая льдами „Жанетта", пока не погибла.

Остатки „Жанетты" являются, однако, далеко не единственными предметами, совершившими далекій путь на льдинахъ по теченію отъ границъ сѣверо-восточной Сибири черезъ полюсъ и вдоль восточнаго берега Грёнландіи. Около Готхоба (на западномъ берегу Грёнландіи) однимъ грёнландцемъ былъ найденъ метательный снарядъ, вродѣ употребляемаго грёнландцами на охотѣ за птицами. Находка была доставлена доктору Ринку, который принесъ ее въ даръ христіанійскому университету. Оказалось, что данный снарядъ, отличаясь конструкціей отъ употребляемыхъ грёнландцами, вполнѣ соотвѣтствуетъ снаряду эскимосовъ Аляски и сѣверо-западной части Сѣверной Америки, граничащей съ Беринговымъ проливомъ. Такимъ образомъ можно было утверждать, что и этотъ предметъ совершилъ путь черезъ полюсъ.

Большая часть строеваго лѣса, прибиваемаго къ берегамъ безлѣсной Грёнландіи и столь полезнаго ея жителямъ, принадлежитъ къ сибирскимъ породамъ и, слѣдовательно, тоже проплываетъ по вышеупомянутому теченію.

Во время своихъ плаваній по Датскому проливу, между Исландіей и Грёнландіей, Нансенъ не разъ замѣчалъ на плавучихъ льдинахъ густой слой тины. Взятыя пробы, разслѣдованныя впослѣдствіи проф. Клеве (въ Упсалѣ) и доцентомъ Тёрнебомомъ (въ Стокгольмѣ), подтвердили предположеніе

Нансена, что тина эта также сибирская и совершила такое-же продолжительное плаваніе вокругъ сѣвернаго полюса *).

Приведенныхъ здѣсь примѣровъ довольно, чтобы вполнѣ увѣровать въ существованіе сообщенія между морями, находящимися—одно къ сѣверу отъ Сибири, другое къ востоку отъ Грёнландіи. Сообщеніе это нельзя, конечно, отождествлять съ постоянно открытымъ фарватеромъ, который вѣроятно встрѣчается только на небольшихъ сравнительно протяженіяхъ; оно сводится лишь къ постоянному теченію, уносящему въ извѣстный промежутокъ времени и цѣлыя ледяныя поля и отдѣльныя ледяныя глыбы по указанному направленію.

Основываясь на этихъ данныхъ, Нансенъ и вывелъ весьма правдоподобное заключеніе, что разъ ледъ со всѣмъ на немъ находящимся проплываетъ по этому направленію въ извѣстный промежутокъ времени черезъ сѣверный полюсъ, то проплыветъ по теченію вмѣстѣ со льдами и корабль.

Его намѣреніемъ было поэтому отправиться на небольшомъ, но прочно построенномъ суднѣ къ Ново-Сибирскимъ островамъ и тамъ дожидаться благопріятнаго времени, когда ему возможно будетъ выйти какъ можно дальше въ свободное отъ льда море. Затѣмъ, когда настанетъ моментъ, онъ пробьется съ судномъ черезъ ледъ еще возможно дальше къ сѣверу и, по всѣмъ расчетамъ, подымется выше Сибирскихъ острововъ. „Разъ-же мы дойдемъ туда, мы попадемъ въ то же теченіе, въ которое попала „Жанетта“. Тогда вся задача сведется къ тому, чтобы плыть все къ сѣверу, пока не застрянемъ во льдахъ, когда надо будетъ выбрать наиболѣе удобное мѣсто, хорошенько укрѣпить судно среди наиболѣе подходящихъ для этой цѣли льдинъ и предоставить льдинамъ сжать его въ своихъ объятіяхъ чѣмъ крѣпче, тѣмъ лучше. Онѣ лишь приподнимутъ судно, и оно засядетъ во льду тѣмъ тверже.“ Дальнѣйшее движеніе предоставится ужъ самому теченію; судно перестанетъ служить средствомъ сообщенія, а превратится въ обыкновенное жилище. Теченіе понесетъ его черезъ полюсъ и дальше между Грёнлан-

*) См. рефератъ Нансена, читанный въ норвежскомъ географическомъ обществѣ 22 сентября 1892 г.: „О будущей полярной экспедиціи и ея снаряженіи“.

діей и Шпицбергеномъ. На 80° с. ш., или, быть можетъ, даже раньше, судно, если дойдетъ туда во время лѣта, встрѣтитъ открытое море и можетъ плыть домой. Но если оно будетъ потоплено объятіями льдовъ? Въ такомъ случаѣ люди перенесутъ багажъ и провіантъ на крѣпкую большую льдину и раскинутъ на ней теплыя палатки изъ двойной парусины на подкладкѣ изъ оленьяго мѣха. На льдинѣ-же можно уплыть далеко: люди съ „Ганзы“ плыли на льдинѣ отъ пролива Смита вплоть до пролива Дэвиса. Но если льдина разобьется? Отвѣтъ: все имущество экспедиціи будетъ утверждено не прямо на поверхности льдины, но на подстилкѣ изъ бревенъ, связанныхъ въ большой плотъ.

Когда-же экспедиція приблизится къ Грёнландіи, и льдина или плотъ выйдетъ въ открытое море, то люди пересядутъ въ лодки. Не впервые норвежскимъ морякамъ переправляться въ лодкахъ черезъ Ледовитый океанъ; пробраться между льдами въ хорошей лодкѣ дѣло вовсе не непреодолимое. Надо также полагать, что расчетъ, опредѣляющій нужный для завершенія экспедиціи срокъ въ два года окажется вѣрнымъ. Во всякомъ случаѣ запасъ провіанта на пять лѣтъ нужно считать вполнѣ достаточнымъ. Опасаться скорбута при тѣхъ пищевыхъ продуктахъ, которые въ наше время имѣются къ услугамъ подобныхъ экспедицій, нечего; кромѣ того Нансенъ полагалъ, что можно будетъ во время пути пополнять запасъ свѣжей пищи: на дальнемъ сѣверѣ попадаются бѣлые медвѣди и тюлени; да кромѣ того и самое море навѣрно предложитъ не мало мелкихъ животныхъ, которые могутъ послужить пищей въ случаѣ нужды. Но если теченіе, унесшее „Жанетту“, идетъ не прямо черезъ полюсъ, а наискось, напр. между полюсомъ и землей Франца Іосифа? Это обстоятельство не представляетъ особаго значенія. „Мы отправляемся въ путь не ради того, чтобы отыскать конечный сѣверный пунктъ земли; достиженіе этого пункта не имѣетъ само по себѣ значенія. Наша цѣль—изслѣдованіе великой, неизвѣстной до сихъ поръ, земной области, окружающей сѣверный полюсъ, а въ такомъ случаѣ безразлично, пройдетъ ли нашъ курсъ черезъ самый полюсъ или неподалеку отъ него, хотя, конечно, было-бы довольно любопытно сознавать, что находишься на самомъ полюсѣ и вертишься вмѣстѣ

*

съ землею вокругъ собственной оси, или наблюдать, какъ маятникъ проходитъ въ часъ уголъ ровно въ 15°."

Въ заключеніе Нансенъ поставилъ на видъ значеніе изслѣдованій полярной области для географіи, для обстоятельнаго изученія земного магнетизма и атмосфернаго электричества, для изученія сѣвернаго сіянія, солнечнаго спектра, полярныхъ

Нансенъ на льду въ лѣтней одеждѣ.

сумерекъ, для физической географіи моря, для метеорологіи, для зоологіи и ботаники, для палеонтологіи и геологіи, и окончилъ свой рефератъ такъ: „Норвежцы уже не мало потрудились для завоеванія новыхъ познаній объ арктическихъ странахъ; особенныя заслуги въ этомъ отношеніи приходятся на долю нашихъ смѣлыхъ моряковъ изъ Тромсё и Гамерфеста *),

*) См. предыдущую статью профессора Мона въ этой книгѣ.

но до сихъ поръ не случалось еще, чтобы норвежцы ходили на норвежскомъ суднѣ отыскивать сѣверный полюсъ.

Полярныя области должны быть изслѣдованы на всемъ ихъ протяженіи, и благородное состязаніе между народами не прекращается,—всѣмъ хочется быть первымъ у цѣли, которая рано или поздно будетъ таки достигнута.

Нансенъ на льду въ зимней одеждѣ.

Что, если-бъ норвежцы указали путь къ полюсу! Что, еслибъ первый флагъ, взвившійся надъ сѣвернымъ полюсомъ, былъ норвежскимъ!"

Въ ноябрѣ 1892 г. Нансенъ представилъ свой планъ на разсмотрѣніе другого географическаго общества, не столь юнаго, какъ норвежское, но всемірно извѣстнаго, не въ примѣръ прочимъ—Лондонскаго географическаго общества.

Это-же общество было первымъ, передъ которымъ Нансенъ

прочелъ въ іюнѣ 1889 г. докладъ о результатахъ своей Грёнландской экспедиціи, за что и получилъ отъ него въ 1891 г. медаль имени Викторіи; теперь молодому путешественнику предстояло доказать этому обществу основательность своихъ гипотезъ, и выполнимость плана новой своей экспедиціи.

Засѣданіе вышло блестящимъ по собравшимся на него крупнымъ свѣтиламъ, дѣятелямъ въ области расширенія арктическихъ изслѣдованій. Передъ Нансеномъ сидѣли всезнаменитые изслѣдователи, имена которыхъ уже принадлежали исторіи, посѣдѣвшіе и побѣлѣвшіе „завоеватели“, подвиги которыхъ были совершены еще до рожденія самого докладчика. Тутъ сидѣлъ и старый адмиралъ сэръ Джоржъ Нэрсъ, знаменитый командиръ „Алерта“ и „Дискавери“, подъ начальствомъ котораго Маркгамъ 12 мая 1876 г. достигъ до 83° 20′ с. ш., и старый адмиралъ сэръ Леопольдъ М' Клинтокъ, начальникъ экспедиціи 1857—58 гг., доставившей свѣдѣнія о судьбѣ Франклина, и адмиралъ сэръ Е. Инглефильдъ, который въ 1852 г. открылъ для полярныхъ изслѣдователей бассейнъ Кэна, и знаменитый полярный изслѣдователь сэръ Алленъ Юнгъ, сопровождавшій въ 1857 г. М' Клинтока, а въ 1875 г. побывавшій на „Пандорѣ“ (впослѣдствіи злополучная „Жанетта“) въ проливѣ Смита, чтобы узнать о судьбѣ экспедиціи Нэрса, и адмиралъ Оттанэй, и докторъ Рэй, и капитанъ Виггинсъ, извѣстный своимъ плаваніемъ по Енисею, и капитанъ Вартонъ и многіе другіе.

Докладъ Нансена былъ, какъ всегда, ясенъ, простъ, и одинаково увлекателенъ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Но не даромъ докладчикъ находился здѣсь лицомъ къ лицу съ цѣлымъ итогомъ собранныхъ путемъ опыта фактовъ, доказывающихъ недоступность отдаленнѣйшей арктической области—итогомъ, съ которымъ приходилось считаться, прежде чѣмъ можно было надѣяться, чтобы приверженцы прежнихъ взглядовъ согласились съ новымъ, выразителемъ котораго явился Нансенъ. И произошло то, чего можно было ожидать: почти всѣ знаменитые піонеры въ области арктическихъ изслѣдованій выступили одинъ за другимъ оппонентами Нансена.

Старый адмиралъ М' Клинтокъ открылъ пренія словами: „Полагаю, что выслушанный нами сейчасъ докладъ справедливо можно назвать самымъ фантастическимъ, сказочнымъ изъ

всѣхъ когда либо представлявшихся на обсужденіе Лондонскаго Королевскаго Географическаго общества. Передъ нами истинный викингъ, потомокъ тѣхъ отважныхъ норманновъ, которые когда-то столь часто жаловали къ намъ, оставляя по себѣ не совсѣмъ пріятныя воспоминанія". Словомъ, почтенный адмиралъ не одобрялъ плана Нансена и опасался, что судно его, если даже и дѣйствительно попадетъ въ то полярное теченіе, которое, по предположенію Нансена, проходитъ около полюса— будетъ раздавлено льдами, а не приподнято, какъ надѣялся докладчикъ.

Слѣдующій ораторъ, адмиралъ Нэрсъ, также сильно сомнѣвался въ возможности осуществленія изложеннаго плана; особенно сомнѣвался онъ въ томъ, чтобы судну удалось попасть въ это пресловутое полярное теченіе, которое должно пронести его черезъ полюсъ, и кончилъ предостереженіемъ докладчика отъ риска пуститься въ экспедицію по изложенному плану.

Адмиралъ Инглефильдъ высказался очень сочувственно докладчику, зато сэръ Алленъ Юнгъ въ своей рѣчи особенно напиралъ на всѣ опасности и затрудненія, которыя должна была встрѣтить предпринимаемая экспедиція. Адмиралъ полагалъ, что море около полюса мелководно, и кромѣ того мало довѣрялъ предположенію, что судно будетъ приподнято льдомъ. По его мнѣнію, вообще было крайне невыгодно направляться къ сѣверо-западу отъ Ново-Сибирскихъ острововъ.

Капитанъ Виггинсъ былъ также противъ такого курса, такъ какъ Ново-Сибирскіе острова крайне опасны, вслѣдствіе своего низкаго уровня, песковъ и тины; однимъ словомъ это „ужасныя мѣста!" Въ общемъ онъ, однако, вполнѣ одобрилъ планъ Нансена и отъ души пожелалъ ему всякаго успѣха.

Поддержалъ предположеніе Нансена относительно полярнаго теченія и извѣстный авторитетъ въ этой области, капитанъ Вартонъ, высказавшій въ заключеніе: „Люди иногда спрашиваютъ: какая польза отъ арктическихъ изслѣдованій? По моему, они представляютъ, между прочимъ, ту пользу, что порождаютъ предпріимчивость и выдвигаютъ истинныхъ дѣятелей. Сегодня вечеромъ мы видимъ передъ собой прекрасное подтвержденіе этого въ лицѣ доктора Нансена. Могу сказать ему только одно: въ добрый часъ!"

Отъ сэра Джорджа Ричарда и знаменитаго І. Д. Гукера были присланы письменныя заявленія, выражавшія ихъ сомнѣнія въ выполнимости плана и заканчивавшіяся предостереженіями Нансену. Гукеръ заканчивалъ свое обращеніе такъ: „Надѣюсь, что докторъ Нансенъ найдетъ возможность примѣнить свое замѣчательное мужество, знаніе и предпріимчивость на менѣе опасныхъ путяхъ къ раскрытію тайнъ арктической области.“

Было уже поздно, когда слово было, наконецъ, опять предоставлено Нансену. Отвѣтъ его на всѣ эти сомнѣнія и боязливыя предостереженія былъ какъ нельзя болѣе похожъ на него. Выражая повидимому полную готовность принять къ свѣдѣнію отдѣльныя, полезныя указанія, онъ въ главномъ не желалъ уступить ни на іоту и даже въ возраженіяхъ своихъ оппонентовъ находилъ новыя доказательства въ пользу выполнимости своего плана. Такъ въ отвѣтъ адмиралу Нэрсу, настаивавшему, что каждая арктическая экспедиція должна обезпечить себѣ надежный путь для отступленія, онъ сказалъ: «Я держусь какъ разъ противоположнаго мнѣнія. И Грёнландская экспедиція доказала, что возможно сдѣлать кое-что, и не обезпечивъ себя такимъ обратнымъ путемъ. Мы тогда сожгли за собою всѣ корабли и всетаки перешли Грёнландію. Надѣюсь, что счастье не покинетъ насъ и на этотъ разъ, когда мы сломаемъ за собою всѣ мосты.“

Дѣйствительно, въ этихъ словахъ чувствуется, — какъ это и замѣтилъ въ тотъ вечеръ адмиралъ Нэрсъ — кровь древнихъ викинговъ.

Знаменитый адмиралъ былъ также глубоко правъ, называя предпріятіе Нансена фантастическимъ, сказочнымъ. Планъ послѣдняго былъ, конечно, основанъ на научныхъ выводахъ, но ни чисто-научному дѣятелю, ни чистокровному спортсмэну никогда-бы не создать такого плана, не говоря уже о томъ, что у нихъ не хватило бы мужества отважиться на его выполненіе. Здѣсь все дѣло въ смѣлой и творческой фантазіи. Даръ провидѣнія—вотъ что окружаетъ полярную экспедицію Нансена такимъ особеннымъ ореоломъ, который заставляетъ весь цивилизованный міръ съ напряженіемъ ожидать ея исхода — побѣды или гибели. Если только, по пословицѣ, удача будетъ соотвѣтствовать риску, то Нансенъ побѣдитъ, и побѣда его будетъ велика.

Дома и на чужбинѣ.

Эскизъ Е. Веренскьольда.

Въ нашей книгѣ помѣщенъ цѣлый рядъ портретовъ Фритьофа Нансена различныхъ возрастовъ, и читателямъ, такимъ образомъ, дана возможность прослѣдить по фазисамъ развитія этого лица развитіе самой личности знаменитаго путешественника. На портретѣ, снятомъ въ студенческіе годы, видно задумчивое, но ясное и округленное юношеское лицо; на портретѣ, сдѣланномъ Веренскьольдомъ, появилось сосредоточенное, пытливое выраженіе; на бюстѣ работы Лессинга—болѣзненно-напряженное, и на большомъ портретѣ изъ Лондона, помѣщенномъ въ началѣ этой книги, грустное. Глядя на послѣдній портретъ, на эти впалыя щеки, на ввалившіеся глаза, на морщины лба, не хочешь вѣрить, что это лицо тридцатилѣтняго человѣка. Черты эти говорятъ, какъ будто о цѣлой

прожитой человѣческой жизни, полной тревогъ и страданій. Между тѣмъ въ дѣйствительности портретъ изображаетъ молодого, тридцатидвухлѣтняго человѣка, не вѣдавшаго въ жизни никакого особаго горя. Тревоги и волненія, положившія свою печать на это лицо, были тревогами и волненіями изслѣдователя и путешественника, морщины, избороздившія лобъ, являются слѣдами рождавшихся въ головѣ грандіозныхъ плановъ и ихъ упорнаго всесторонняго обдумыванія. Прибавьте ко всему этому еще непреодолимое влеченіе къ труду съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и—передъ вами истинный образъ человѣка, никогда въ сущности не знавшаго безпечности, мечтательнаго покоя и беззавѣтной жизнерадостности молодости. Передъ нимъ уже на самомъ порогѣ жизни встали серьезныя задачи, и вся юная свѣжесть жизненной энергіи сразу перешла у него въ кипучую дѣятельность, въ завоевывающее мужество. Къ его юности вполнѣ примѣнимо поэтическое опредѣленіе Бьёрнстьерне-Бьёрнсона:

Словно ястребъ въ небѣ рыщетъ,
Юность-удаль молодца!
Дѣла, битвы съ жизнью ищетъ:
Цѣлямъ, планамъ нѣтъ конца!

Послѣдняя строчка въ особенности какъ нельзя лучше можетъ служить эпиграфомъ къ юности Фритьофа Нансена. Въ ту эпоху, къ которой относится только что упомянутый портретъ, Нансенъ и готовился посвятить всѣ свои силы на достиженіе наиотдаленнѣйшей, наивысшей цѣли, о которой мечталъ уже много лѣтъ. Переходъ на лыжахъ черезъ материковый ледъ Грёнландіи былъ для него только пробой силъ, подготовленіемъ къ великой полярной экспедиціи. Онъ задался этой грандіозной задачей еще задолго до того, какъ имя его стало извѣстнымъ хотя-бы на родинѣ. Теперь разрѣшеніе задачи уже не за горами. Оттого-то этотъ лондонскій портретъ Нансена и носитъ смѣшанный отпечатокъ напряженія, вызваннаго затратой силъ на уже совершонный подвигъ, и грусти, вызываемой мыслью о еще несовершонномъ, носитъ выраженіе, свойственное лицу женщины, готовящейся стать матерью, художника, страдающаго муками творчества, изслѣдователя, стремящагося къ цѣли

Промежутокъ времени между Грёнландской экспедиціей и полярной прошелъ въ неустанномъ напряженномъ трудѣ. Во первыхъ Нансенъ былъ занятъ составленіемъ подробнаго отчета о Грёнландской экспедиціи, описаніемъ быта и нравовъ эскимосовъ, затѣмъ подготовленіемъ и разработкой плана полярной экспедиціи, чтеніемъ въ различныхъ европейскихъ городахъ рефератовъ о ней и, наконецъ, снаряженіемъ ея.

Тутъ ужъ было не до медоваго мѣсяца, и на другой-же день послѣ свадьбы новобрачные отправились черезъ Гётеборгъ, Копенгагенъ, Влиссингенъ и Лондонъ въ Ньюкэстль на географическій съѣздъ, продолжавшійся съ недѣлю, въ теченіи которой молодая жена Нансена имѣла полную возможность обсуждать на досугѣ предпочтеніе, оказываемое ея мужемъ „географіи“ передъ „любовью“ *). Изъ Ньюкэстля молодые вернулись въ Лондонъ и тутъ ужъ, махнувъ рукой на землю со всѣми ея открытыми и неоткрытыми областями, отдались своему счастью, наслаждаясь уединеніемъ, широко предоставляемымъ жизнью въ огромномъ городѣ, и всѣми удовольствіями послѣдней. Затѣмъ промелькнули шесть счастливыхъ дней въ Парижѣ. Въ началѣ октября молодые вернулись на родину, но 16-го опять двинулись въ путь, на этотъ разъ въ Стокгольмъ, на засѣданіе „Шведскаго Антропологическаго и Географическаго общества“. Общество это еще въ январѣ 1889 г. постановило наградить Фритьофа Нансена медалью „Вега“, и, пріѣхавъ въ Стокгольмъ, Нансенъ получилъ ее изъ рукъ короля, являясь по счету шестымъ лицомъ, удостоеннымъ этой медали (первые пять: Норденшёльдъ, Палландеръ, Стэнли, Пржевальскій и Юнкеръ). Секретарь общества, проф. Густавъ Реціусъ, высказалъ при этомъ слѣдующее:

„Доктору Нансену посчастливилось съ первой экспедиціей. Пожелаемъ-же ему, чтобы успѣхъ этотъ не сталъ для него второй „Нарвой“, которая-бы сдѣлала его слѣпымъ къ грозящимъ трудностямъ и привела его къ „Полтавѣ“. Пожелаемъ, чтобы за этой побѣдой онъ одержалъ и другія.“

Далѣе ораторъ заявилъ, что Нансенъ повидимому и не сдѣ-

*) Намекъ на комедію Бьёрнсона: „Географія и Любовь“.
Примѣч. перев.

лался черезчуръ самоувѣреннымъ, но остался такимъ-же, какимъ былъ два года тому назадъ, когда пріѣзжалъ въ Стокгольмъ, чтобы посовѣтоваться съ Норденшёльдомъ по поводу предстоявшей экспедиціи черезъ Грёнландію. Радоваться-же совершонному имъ подвигу очъ вправѣ: подвигъ этотъ дѣлаетъ честь не только ему лично, но и всей его родинѣ. Ареной для маленькихъ націй должно быть не поле брани, но область культуры, цивилизаціи, науки и искусства, открытая для всѣхъ; вотъ гдѣ имъ надо стремиться стать въ первые ряды, принять участіе въ состязаніи, вотъ гдѣ имъ надо искать случая отличиться и завоевать ссбѣ уваженіе великихъ націй!"

Медаль „Вега" явилась первымъ отличіемъ, выпавшимъ на долю Нансену. Семь лѣтъ тому назадъ онъ, въ качествѣ неизвѣстнаго охотника на тюленей, стоялъ среди Ледовитаго океана и глядѣлъ на знаменитое судно („Вегу"), на которомъ совершилъ свое плаваніе вокругъ Азіи Норденшёльдъ. Теперь онъ шагнулъ такъ далеко, что имя его произносится вслѣдъ за именемъ этого знаменитаго путешественника и грудь его украсилась медалью имени знаменитаго корабля, которая выдается обыкновенно въ годовщину возвращенія „Веги" на родину *).

Медаль „Вега" не осталась единственнымъ знакомъ отличія; Нансена выбрали членомъ многихъ географическихъ и ученыхъ обществъ, которыя также прислали ему золотыя медали и другіе знаки отличія. Такъ, напримѣръ, онъ получилъ медаль „Карла-Риттера" и медаль „Викторіи" отъ Лондонскаго Королевскаго Географическаго общества въ началѣ 1891 г. **) Присужденіе Нансену послѣдней медали было мотивировано знаменитымъ обществомъ очень характерно:

„Медаль „Викторіи" дается доктору Нансену за то: что онъ первый перешелъ черезъ материковый ледъ Грёнландіи, совершилъ опасное и смѣлое предпріятіе, потребовавшее нѣсколькихъ мѣсяцевъ пути, изъ которыхъ 37 дней были проведены на значительной высотѣ и въ климатическихъ условіяхъ арктической зимы.

*) Нансенъ въ свою очередь прочелъ въ „Обществѣ" докладъ о своей Грёнландской экспедиціи. См. „Имеръ", журналъ изд. „Svenska sällskapet för antropologi och geografi" IX, 6.

**) См. статью „По теченію" стр. 230.

За то, что онъ стоялъ во главѣ крайне опасной экспедиціи, во время которой не могло быть рѣчи объ отступленіи и была поставлена на карту, какъ его собственная жизнь, такъ и жизнь его спутниковъ. Для выполненія такой задачи надобно было обладать всѣми наилучшими качествами путешественника-изслѣдователя.

За то, что онъ при всѣхъ испытываемыхъ въ пути лишеніяхъ и трудностяхъ совершилъ цѣлый рядъ астрономическихъ и метеорологическихъ наблюденій, что̀ требовало исключительной силы, выносливости и выдающихся способностей въ связи съ выдающимися качествами, отличающими дѣятеля науки.

За то, что онъ пролилъ свѣтъ на физическій характеръ внутренней Грёнландіи и вообще достигъ своей экспедиціей многихъ цѣнныхъ научныхъ результатовъ".

Одинъ изъ видныхъ датскихъ общественныхъ дѣятелей, другъ Нансена, поздравляя его, по поводу отличія со стороны Лондонскаго общества, прибавилъ: „А теперь Вамъ больше нечего ждать отъ меня поздравленій, даже если Васъ пожалуютъ въ командоры или кавалеры какого-нибудь крупнаго ордена. Отличія послѣдняго рода достаются на долю многихъ, медаль же „Викторіи" дается не многимъ; получивъ ее, Вы очутились въ такой важной компаніи, что просто страсть!"

„Командорскій крестъ" вѣроятно, украситъ Нансена по возвращеніи его съ сѣвернаго полюса. Пока-же онъ состоитъ кавалеромъ орденовъ „Олафа" и „Даннеброга". Врядъ-ли будетъ нескромнымъ прибавить, что пожалованіе подобныхъ знаковъ отличія ему одному изъ всѣхъ членовъ Грёнландской экспедиціи произвело на самаго Нансена крайне тяжелое впечатлѣніе. Онъ живо сознавалъ, что товарищи его, наравнѣ съ нимъ ставившіе свою жизнь на карту и несшіе всѣ труды во время экспедиціи, достойны такихъ-же отличій. Дѣло это было, однако, не въ его власти.

„Христіанійское Общество наукъ" выбрало Нансена своимъ членомъ еще до возвращенія его изъ Грёнландіи. По возвращеніи-же на него посыпалась цѣлая масса почетныхъ дипломовъ и привѣтствій со стороны извѣстныхъ научныхъ дѣятелей въ области арктическихъ изслѣдованій. Приведемъ

здѣсь одинъ отрывокъ изъ письма знаменитаго арктическаго путешественника Маркгама отъ 11-го марта 1891 г.

„Я съ своей стороны считаю Грёнландскую экспедицію, съ точки зрѣнія географа, однимъ изъ величайшихъ подвиговъ нашего времени, подвигомъ, соединившимъ въ себѣ высшую смѣлость предпріятія съ обширнымъ научнымъ значеніемъ".

24-го Іюня 1891 г. „Institut de France" избралъ Нансена въ члены-корреспонденты на мѣсто Норденшёльда, избраннаго тогда-же „associé étranger".

Возвратившись изъ Стокгольма, Нансенъ съ женою поселились на два мѣсяца у Марты Ларсенъ, бывшей экономки родителей Фритьофа, нѣсколько разъ уже упомянутой въ этой книгѣ. Въ ея домѣ, гдѣ передъ нимъ какъ-бы оживали всѣ воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ, Нансенъ нашелъ точно мирную пристань. У Марты Ларсенъ жилъ онъ и той хлопотливой весной, когда въ потѣ лица готовился защищать диссертацію на доктора и возился съ приготовленіями къ Грёнландской экспедиціи. Здѣсь онъ отдыхалъ, бесѣдуя съ доброй женщиной по вечерамъ о давно минувшихъ дняхъ дѣтства... „Помнишь, Марта"—говорилъ онъ бывало вдругъ:—„какъ я пришелъ къ тебѣ однажды весь въ крови, порѣзавъ ногу?"—„Какъ не помнить! Ты сказалъ, что упалъ и порѣзался о какіе-то осколки".—„Нѣтъ, Марта! Теперь я разскажу тебѣ, какъ было дѣло. Мы съ Александромъ *) получили тогда новые матросскіе ножи; вотъ я и давай съ розмаха снимать своимъ ножомъ головки съ чертополоха, да вдругъ и всадилъ его себѣ прямо въ ногу. Только не могъ же я сказать этого тебѣ!"—„А, вѣдь ты вообще тогда не лгалъ!"... укоризненно говоритъ Марта.—„Ну знаешь, Марта, все въ мѣру! А новый матросскій ножъ чего нибудь да стоплъ!"...

Само собой разумѣется, что и на долю Марты Ларсенъ выпало „усладить" жизнь полярныхъ путешественниковъ во время ихъ долгаго плаванія къ полюсу. Не то, что она сама поѣхала съ ними, но она явилась добровольной поставщицей варенья для „Фрама". И Нансенъ, направляя курсъ на сѣверъ и посылая въ письмахъ послѣднія привѣтствія всѣмъ тѣмъ,

*) Братъ Фритьофа.

кто былъ ему особенно близокъ или игралъ въ его жизни значительную роль, не забылъ и Марту Ларсенъ, своего вѣрнаго друга съ дѣтства. 3-го августа 1893 г. онъ писалъ ей изъ Хабарова (на Югорскомъ шарѣ): „Готовясь оставить это послѣднее мѣсто, откуда еще можно послать письма на родину, не могу не написать тебѣ нѣсколькихъ словъ на прощанье и не поблагодарить тебя за всю твою доброту и дружбу ко мнѣ.“ Далѣе онъ называетъ эту дружбу „неутомимой“ и особенно выставляетъ на видъ готовность Марты Ларсенъ во всякое время пріютить и приласкать и его и его жену. Нельзя было не остановиться на этомъ письмецѣ, хотя оно и очень незначительно и просто: не всѣ-то знаменитые люди и выдающіеся дѣятели отличаются въ подобныя серьезныя минуты жизни такой свѣжей и благодарной памятью.

Отъ Марты Ларсенъ Нансенъ съ женою переѣхали на собственную квартиру на „Драмменсвейенѣ“. Но тамъ было слишкомъ мало солнца, слишкомъ много городского шума и цивилизаціи. Вотъ они и рѣшили выстроить себѣ собственный домикъ и купили для этой цѣли мѣстечко у „Черной бухты“, гдѣ Нансенъ мальчикомъ спживалъ, подкарауливая дикихъ утокъ. Пока-же шла постройка, молодые жили въ павильонѣ близъ станціи желѣзной дороги; впослѣдствіи павильонъ этотъ былъ обращенъ художникомъ Отто Синдингомъ въ уютный артистическій уголокъ съ прекрасной мастерской, въ то же время онъ совсѣмъ не походилъ на жилое помѣщеніе. Полъ былъ выстланъ прямо на землѣ, и въ помѣщеніи царствовалъ такой холодъ, что по ночамъ замерзала вода въ умывальникѣ. „Въ ту зиму онъ отучилъ меня мерзнуть“, говоритъ Ева Нансенъ. И въ этой-то собачьей конурѣ, при такой температурѣ Нансенъ проспживалъ цѣлыми днями, работая надъ своей книгой о Гренландіи; кстати ему не трудно было вообразить себя вновь на материковомъ льдѣ.

Если-же ему случалось оторваться отъ работы и пожить по человѣчески какой-нибудь часъ, онъ ужъ тотчасъ-же и раскапвался въ этомъ. Постройка новаго дома, впрочемъ, порядкомъ отвлекала его; онъ самъ входилъ въ каждую мелочь по устройству помѣщенія. Почетное мѣсто и кровать были украшены рѣзьбою по его собственнымъ рисункамъ въ

древне-сѣверномъ стилѣ; исполнялъ же работу извѣстный впослѣдствіи рѣзчикъ по дереву Боргерсенъ. Постройка дома велась по плану двоюроднаго брата Евы Нансенъ, архитектора Вельгавена, и окончилась въ Мартѣ 1880 г., но переѣхали въ него супруги еще задолго до этого. Имя дому далъ Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ; поднявшись съ почетнаго мѣста въ новомъ домѣ съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ, онъ провозгласилъ: „Назовемъ его „Готхобъ“!“ (Добрая Надежда.)

„Готхобъ“ — особнякъ, расположенъ на небольшомъ мысѣ, въ уютномъ и красивомъ мѣстечкѣ. Передъ домомъ лужайка съ разбросанными по ней деревьями, а дальше открытое море — широкое устье залива. Тутъ Нансену было полное раздолье и на сушѣ и на морѣ.

Но уже осенью того-же года онъ отправился съ женою въ большое путешествіе съ цѣлью читать доклады въ различныхъ городахъ Европы. Доклады были имъ прочитаны въ Копенгагенѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ и Гамбургѣ. О впечатлѣніи, которое Нансенъ производилъ своими докладами на спеціалистовъ, свидѣтельствуетъ весьма цѣнный отзывъ одного изъ наиболѣе извѣстныхъ въ Европѣ авторитетовъ по географіи, проф. ф. фонъ Рихтгофена. Изъ письма его отъ 7-го Мая 1896 г. къ издателямъ этой книги приведемъ слѣдующее:

„Не оправившись еще отъ болѣзни, не могу къ сожалѣнію дать Вамъ такого обстоятельнаго сообщенія о пребываніи Нансена въ Берлинѣ, какое-бы хотѣлось. Надѣюсь, что вы поэтому не посѣтуете за краткость изложенія.

Фритьофъ Нансенъ пріѣзжалъ сюда въ ноябрѣ 1890 г., т. е. два года спустя послѣ его достопримѣчательной Грёнландской экспедиціи. Его уже не разъ приглашали пріѣхать въ Берлинъ, но онъ все откладывалъ свой пріѣздъ, желая предварительно закончить свой трудъ по описанію экспедиціи. 8-го ноября онъ прочелъ свой докладъ въ засѣданіи географическаго общества. Нечего и говорить о томъ, какъ сердечно онъ былъ встрѣченъ здѣсь, гдѣ съ такимъ увлеченіемъ слѣдили за выполненіемъ имъ своего смѣлаго предпріятія. Чарующее впечатлѣніе, которое производитъ самая личность Нансена въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ, дало себя знать и во время чтенія

имъ доклада. Онъ сразу очаровалъ всѣхъ, произведя на всѣхъ впечатлѣніе человѣка съ непреклонной волею, стремящагося къ вполнѣ обдуманной имъ цѣли, упорно отстаивающаго хорошо составленный и всесторонне разработанный имъ планъ. Особенно бросалось это въ глаза при описаніи имъ начала экспедиціи, когда онъ, по собственному выраженію, „сжегъ свои ко-

Домъ Нансена.

рабли“, желая во что-бы-то ни стало совершить задуманный подвигъ, казавшійся тогда сумасбродствомъ. Собраніе съ всевозрастающимъ восторгомъ слѣдило затѣмъ за изложеніемъ докладчикомъ въ главныхъ чертахъ своего новаго грандіознаго плана сѣверной полярной экспедиціи. Многіе находили это предпріятіе черезчуръ смѣлымъ, считая предположенія докладчика, на которыхъ онъ основывалъ успѣхъ, не достаточно основательными, зато никто не спорилъ противъ того, что если вообще можно разсчитывать на выполненіе предпріятія по дан-

ному плану, то оно по плечу только одному Нансену. Отыскивая причины блестящаго исхода его перваго предпріятія, нельзя было не сознавать, что исходъ этотъ зависѣлъ отъ тщательной разработки плана во всѣхъ его подробностяхъ, отъ полной готовности экспедиціи встрѣтить всевозможныя случайности, отъ физической выдержки, давшей возможность побѣдить всѣ трудности, представляемыя условіями природы, отъ умѣнія пользоваться всѣми механическими средствами для передвиженія, главнымъ-же образомъ отъ силы непреклонной воли предводителя. Новый проектъ его по грандіозности и смѣлости далеко превосходилъ первый, зато, насколько можно было судить, и всѣ мѣры, могущія обезпечить предпріятію благополучный исходъ, были приняты въ соотвѣтствующихъ болѣе обширному предпріятію размѣрахъ.

Вотъ, уважаемый другъ, впечатлѣніе, которое здѣсь оставилъ по себѣ Нансенъ. Никто изъ слушавшихъ его докладъ, не забудетъ симпатичнаго молодого человѣка, такъ скромно разсказывавшаго о совершонномъ имъ подвигѣ и съ такой увѣренностью набрасывавшаго основной планъ другого, еще куда болѣе смѣлаго подвига. Всѣ присутствовавшіе глубоко сознавали, что все, что только въ силахъ выставить для побѣдоносной борьбы съ силою природы полярныхъ странъ сильная воля, физическая мощь и просвѣщенный умъ,—все будетъ выставлено Фритьофомъ Нансеномъ. Правда, нельзя вполнѣ увѣровать въ положительность гипотезъ, относительно мѣстныхъ условій природы, гипотезъ, на которыхъ въ значительной мѣрѣ основанъ самый планъ, но зато нельзя не вѣрить въ то, что Нансенъ сумѣетъ разобраться въ существующихъ на дѣлѣ условіяхъ и разумно ограничится выполненіемъ того, что̀ будетъ физически выполнимо, вмѣсто того, чтобы упорно держаться разъ принятаго въ основу плана. Уповая на это, мы твердо надѣемся, что Вашъ молодой, предпріимчивый землякъ вернется, достигнувъ богатыхъ результатовъ, и встрѣтитъ самое горячее сочувствіе всего образованнаго міра.

Скажу еще нѣсколько словъ о впечатлѣніи, производимомъ Нансеномъ. Особенно пріятно поражаетъ въ немъ счастливая смѣсь необычайной предпріимчивости и научнаго развитія. Эти драгоцѣнныя качества рѣдко идутъ рука объ руку, и въ наше время увле-

ченія спортомъ стало почти правиломъ, что наиболѣе выдающіяся проявленія физической мощи, какъ наприм. достиженіе наиболѣе недоступныхъ горныхъ вершинъ и ледниковъ, совершаются исключительно ради удали, ради удовлетворенія жажды приключеній. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ отдать должное тамъ, гдѣ преодолѣніе величайшихъ физическихъ трудностей совершается во имя высшихъ цѣлей. Въ своемъ докладѣ Нансенъ проявилъ глубокое пониманіе всѣхъ проблемъ, связанныхъ съ изслѣдованіемъ арктическихъ странъ. Особенно видно это изъ того, что онъ старался всесторонне изучить Грёнландію съ научной точки зрѣнія, и изъ того, что онъ ясно сознаетъ, какое значеніе представляетъ вообще для расширенія человѣческаго знанія изученіе полярныхъ странъ."

По возвращеніи Нансена изъ его научнаго турнэ по Европѣ, вышелъ въ свѣтъ послѣдній выпускъ его обширнаго труда: „На лыжахъ черезъ Грёнландію", обнимающаго слишкомъ 700 стр. большого формата. Этотъ трудъ вмѣстѣ съ книгой „Жизнь эскимосовъ" главнымъ образомъ и занималъ его во время первой половины промежутка между двумя главными событіями его жизни: Грёнландской экспедиціей и экспедиціей къ сѣверному полюсу. Поэтому умѣстно будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о его авторской дѣятельности и объ ея отношеніи къ другимъ сторонамъ его личности, какъ научнаго дѣятеля и спортсмэна.

Выше мы уже указывали на то, что Фритьофъ Нансенъ— натура поэтическая и въ высшей степени впечатлительная, не на столько впрочемъ, чтобы быть рабомъ впечатлѣнія, ослабѣвать подъ его вліяніемъ и колебаться въ разъ принятомъ рѣшеніи. Напротивъ, впечатлѣніе является, повидимому, для этой счастливо одаренной натуры только лишнимъ стимуломъ, побуждающимъ его дѣйствовать. И. пожалуй, самымъ характернымъ доказательствомъ этого является то, что обѣ его удивившія весь міръ экспедиціи только и могли быть задуманы творческой фантазіей. Взглядъ, высказанный однимъ нѣмецкимъ критикомъ по поводу бюста Нансена, поэтому, безъ сомнѣнія, вѣренъ. Онъ сказалъ:

„Даже не слыхавъ раньше ни о цѣляхъ Нансена, ни о его предпріятіяхъ, даже не подозрѣвая, чья голова изображена здѣсь скульпторомъ, можно сразу высказать предположеніе, что черты эти принадлежатъ человѣку съ желѣзной волей и всепокоряющей энергіей, и притомъ не только способному идти на встрѣчу величайшимъ опасностямъ, но и одаренному прозорливой фантазіей, внушающей ему и самыя смѣлыя мечты и твердую вѣру въ то, что онъ призванъ осуществить ихъ.“

Насколько намъ извѣстно, фантазія эта никогда не грѣшила какими либо поэтическими опытами. Напвныя слова въ одномъ изъ писемъ Нансена-юноши къ отцу: „Мнѣ, право, не о чемъ писать, а когда мнѣ не о чемъ писать, я и не могу вовсе писать“ характеризуютъ не только Нансена-юношу, но и Нансена-взрослаго и писателя. Какъ писатель, Нансенъ не можетъ создать что нибудь изъ ничего, не можетъ творить. Онъ берется за перо только тогда, когда есть о чемъ писать—будь то научное наблюденіе или предпріятіе. Тогда въ немъ сразу просыпается чрезвычайно живой разсказчикъ. Правда, воспоминанія иногда слишкомъ увлекаютъ его, такъ что изложеніе загромождается подробностями въ ущербъ художественной цѣлости. Зато сразу виденъ природный талантъ; видно, что молодой писатель успѣлъ уже пожить съ природой, и тамъ, гдѣ воспоминанія о ней захватываютъ его всецѣло, все несущественное отпадаетъ, изложеніе становится величественнымъ, подобно очертаніямъ покрытой снѣгомъ альпійской природы *).

Разсматривая его изложеніе въ книгѣ „На лыжахъ черезъ Грёнландію“, безъ сомнѣнія, узнаешь всѣ характерныя особенности его прежней манеры писать. Для него эта жизнь съ природою, на вольномъ воздухѣ, такъ привлекательна во всѣхъ ея подробностяхъ, что онъ съ чисто дѣтской радостью останавливается на мельчайшихъ вещахъ. И здѣсь, всякій разъ, какъ онъ подходитъ къ изображенію сильно охватившаго его настроенія, слогъ его становится болѣе рельефнымъ, изложеніе еще болѣе талантливымъ. Извѣстно, что образъ лыжебѣжца вырисовывается типичнѣе всего въ „большихъ прыжкахъ“; то

*) Ср. напр. приведенные въ этой книгѣ отрывки изъ его наброска «На лыжахъ изъ Босса въ Христіанію». Стр. 60—66.

же можно сказать и о стилѣ Нансена. Лучше всего врѣзываются въ память изъ его описаній наиболѣе рельефныя мѣста, вдохновленныя молніеносной быстротой бѣга на лыжахъ и дышащія изумительной силой и мѣткостью, но и, оцѣнивая весь трудъ въ цѣломъ, нельзя не признать за нимъ достоинствъ ровнаго и плавнаго изложенія. Трудъ этотъ выполненъ по широкому, даже слишкомъ широкому плану, если смотрѣть на него, какъ на художественное произведеніе. Если бы Нансенъ имѣлъ въ виду лишь драматическій интересъ читателя, ему пришлось бы отвести главное мѣсто описанію плаванія вдоль берега и самаго перехода черезъ материковый ледъ, включивъ это въ тѣсныя рамки. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ имѣлъ въ виду не художественное произведеніе, а географическій трудъ и потому долженъ былъ дать подробное, обстоятельное описаніе совершеннаго ради науки подвига и всѣхъ его научныхъ результатовъ. Для поясненія прибѣгнемъ къ сравненію. Отъ писателя-художника требуется совершенно иное описаніе животнаго, нежели отъ зоолога. Писатель-художникъ можетъ отмѣтить только наиболѣе существенное съ художественной точки зрѣнія необходимое для созданія эффектной картины. Отъ описанія же зоолога требуются всѣ мельчайшія подробности. Приблизительно съ такой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть и на трудъ Нансена. Онъ не предназначается для развлеченія праздныхъ читателей, но долженъ служить извѣстнаго рода научнымъ руководствомъ, и то, что въ немъ можетъ показаться излишнимъ обыкновенному читателю, можетъ представить величайшій научный интересъ для будущихъ арктическихъ изслѣдователей. Читателю, ищущему въ книгѣ только художественнаго наслажденія или сильныхъ ощущеній, можетъ показаться излишнимъ подробное описаніе снаряженія экспедиціи, разъ что она уже окончена, и достоинства снаряженія провѣрены; для науки же и ея дѣятелей въ области изслѣдованія неизвѣстныхъ полярныхъ странъ важна каждая подробность. Съ перваго взгляда можетъ также показаться, что глава въ 60 страницъ о бѣгѣ на лыжахъ, излагающая историческое развитіе этого спорта, мѣшаетъ цѣльности всего труда, прерывая ходъ развитія главной темы. Но стоитъ только припомнить, что бѣгъ на лыжахъ именно благодаря Грёнландской экспедиціи и пріобрѣлъ все-

мірное значеніе (теперь признано и его значеніе для военныхъ цѣлей), какъ одно изъ наилучшихъ средствъ передвиженія при научныхъ изслѣдованіяхъ подобныхъ областей, тогда и глава о развитіи этого спорта покажется вполнѣ умѣстной въ этой книгѣ. Еще съ большей справедливостью можно сказать то же самое о географическо-историческихъ обзорахъ, помѣщенныхъ въ той же книгѣ; они вполнѣ необходимы для того, чтобы выдвинуть, какъ должно, значеніе экспедиціи. И если Нансенъ, не смотря на спеціальный характеръ такихъ главъ, всетаки умѣетъ заинтересовать ими обыкновеннаго читателя, то это объясняется живостью и ясностью изложенія, талантливостью самого писателя, вообще обладающаго рѣдкимъ даромъ популярно излагать научный трудъ. Въ нашей литературѣ, крайне бѣдной подобными популярно изложенными трудами, Нансенъ занимаетъ поэтому весьма выдающееся мѣсто.

Въ концѣ своей книги о Грёнландіи онъ помѣстилъ отрывки изъ своихъ дневниковъ, веденныхъ во время пребыванія его въ Сардлокѣ и Кангекѣ.

„Я веду здѣсь вовсе не дурную жизнь“, — говорится между прочимъ, въ одномъ изъ такихъ отрывковъ *). — „Скоро, пожалуй, я совсѣмъ превращусь въ эскимоса. Я живу ихъ жизнью, ѣмъ ихъ пищу, учусь цѣнить ихъ лакомства, вродѣ сырого сала, сырой кожи флетана (hippoglossus), замороженной голубицы съ прогорклымъ жиромъ и др. Я болтаю съ ними какъ умѣю, бываю съ ними на охотѣ, рыбной ловлѣ, бѣгаю съ ними на лыжахъ, словомъ, все больше и больше осваиваюсь съ мыслью, что для европейца несовсѣмъ невозможно превратиться въ эскимоса, только бы хватило досуга.“

Между прочимъ онъ участвовалъ въ рыбныхъ ловляхъ и при морозахъ, отмораживавшихъ ему и носъ, и щеки, и подбородокъ. Въ концѣ февраля онъ находился въ Кангекѣ. „Пріятно“ — пишетъ онъ — „видѣть, какъ день все прибываетъ, какъ море начинаетъ блестѣть подъ лучами восходящаго солнца, чувствовать его чуть грѣющіе лучи, отправляться на ловлю на разсвѣтѣ, возвращаться къ вечеру и видѣть, что дню все еще не конецъ. Общество, сила пара, великія мысли и великія бѣдствія — все

*) „На лыжахъ черезъ Гренландію“, стр. 632.

одинаково далеко... Остается только жить на волѣ, да радоваться жизни, вотъ и все! *).

Заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь и отзывъ самихъ грёнландцевъ о Нансенѣ и его спутникахъ.

„Нансенъ выказалъ большіе успѣхи въ изученіи языка. Прошло всего $6^1/_2$ мѣсяцевъ съ того дня, какъ онъ высадился у насъ, а онъ уже почти все понималъ и, встрѣчая въ гавани возвращающіеся съ ловли каяки, или заходя къ намъ въ гости въ хижины, онъ объяснялся съ нами безъ особаго труда; и мы его легко понимали, и онъ насъ. Намъ очень жаль было разстаться съ ними, когда они уѣхали, и мы очень скучали по нихъ. Всѣ они были такіе красивые, что пріятно было смотрѣть на нихъ, да и они были довольны нами, такъ что мало по малу мы стали смотрѣть на нихъ какъ на земляковъ. Мы также часто навѣщали ихъ совсѣмъ запросто, когда бывало вздумается, и они были вовсе не брезгливы, охотно пробовали нашу пищу, если только она не была изготовлена изъ плохой или испорченной провизіи.“ Далѣе говорится, что Нансенъ скоро выучился управлять каякомъ и „одинаково хорошо справлялся съ нимъ и въ бурю и поздней ночью.“

Закончивъ описаніе своей грёнландской экспедиціи, Нансенъ подробно описалъ и свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ совмѣстной жизни съ эскимосами. Книга „Жизнь эскимосовъ“ (1891 г.) не только превосходно написана, и чрезвычайно занимательна по содержанію, но и представляетъ еще во многихъ отношеніяхъ крайне важный документъ въ смыслѣ освѣщенія самой личности Нансена. Онъ приводитъ въ предисловіи старое изреченіе: Amicus Plato, amicus Socrates, magis amica veritas“**). И надо признаться, что онъ высказываетъ то, что считаетъ истиной со свойственнымъ ему мужествомъ и не чуждымъ ему пренебреженьемъ къ общественной морали. Если-бы онъ хоть чуть заботился о своей популярности на родинѣ, онъ-бы смягчилъ, по крайней мѣрѣ, радикальность своихъ взглядовъ на цивилизацію и умѣрилъ-бы субъективность изложенія. Но это было не въ его характерѣ. Напротивъ, съ одной стороны онъ

*) „На лыжахъ черезъ Гренландію“, стр. 635, 626, 646.

**) Платонъ—другъ, Сократъ—другъ, но еще большій другъ—истина.

далъ полную волю своему восхищенію, съ другой — юношескому задору и пренебреженію. Его склонная къ вольной простой жизни первобытныхъ народовъ натура мѣшала ему смотрѣть на вещи вполнѣ безпристрастно. Но какъ разъ поэтому-то книга „Жизнь эскимосовъ“ и предлагаетъ весьма цѣнный матеріалъ для характеристики Нансена.

Онъ, впрочемъ, безъ сомнѣнія, правъ, выставляя на видъ преступленія, совершаемыя во имя такъ называемой цивилизаціи, противъ первобытныхъ народовъ. „Что изображаютъ теперь собой индійцы, гордые нѣкогда мексиканцы, высокоодаренные обитатели Перу? Куда дѣвалось первоначальное населеніе Тасманіи и въ какомъ положеніи находятся австралійскіе дикари? Скоро изъ нихъ не останется никого, чтобы возвысить голосъ для обвиненія расы, доведшей ихъ до гибели“.*)

Эскизъ Э. Верпескьольда.

Нельзя не раздѣлять возмущенія Нансена, читая въ газетахъ чуть не ежедневныя извѣстія о насиліяхъ, творимыхъ надъ первобытными народами во имя цивилизаціи, но нельзя вполнѣ согласиться съ нимъ, когда онъ всецѣло стоитъ за первобытное состояніе, считая грамотность несчастьемъ для эскимосовъ, такъ какъ ученіе отнимаетъ-де у нихъ понапрасну время и мѣшаетъ имъ оставаться такими-же искусными ловцами и охотниками, какъ прежде.

Чѣмъ-же объяснить столь враждебное отношеніе Нансена къ цивилизаціи, заставляющее его, научнаго дѣятеля и путешественника, одного изъ самыхъ отважныхъ піонеровъ цивилизаціи, говорить о ядовитомъ жалѣ цивилизаціи? Развѣ жизнь его сложилась такъ, что ему пришлось извѣдать какія нибудь

*) Жизнь эскимосовъ стр. 285.

печальныя столкновенія съ современной общественной жизнью и испить всю горечь цивилизаціи? Намъ неизвѣстно о такихъ столкновеніяхъ, и напрасно стараться напасть на слѣдъ таковыхъ, опираясь на отдѣльныя выраженія, встрѣчаемыя въ его книгѣ, вродѣ напримѣръ такихъ:

„Наблюдая эти вѣчныя ссоры и отвратительную перебранку партій въ ежедневныхъ органахъ печати, я иногда невольно думаю: что-бы сказали эти господа политики, если-бы познакомились съ грёнландскимъ обществомъ? Не покраснѣли-ли-бы они со стыда, поближе узнавъ этихъ людей, которыхъ строгій датскій священникъ Гансъ Эгеде нѣкогда обозвалъ „безчувственными идіотами, влачащими животную жизнь, не подозрѣвая, что такое религія, порядокъ, дисциплина?“ *). Какъ низко мы стоимъ въ сравненіи съ ними, и какъ могли-бы они презирать насъ, узнавъ, какими гнусными, бранными словами ругаются у насъ даже въ газетахъ. Сами они не бранятся вовсе; да это и мудрено было-бы, такъ какъ въ самомъ языкѣ ихъ нѣтъ этого рода словъ, столь богато развитого въ нашемъ“.

Безъ сомнѣнія, говоря это, Нансенъ вполнѣ искрененъ. Онъ самъ исто-норвежскій типъ, скорѣе, впрочемъ, приближающійся къ типу древнихъ норвежцевъ, чѣмъ къ типу нѣкоторыхъ современниковъ, въ которыхъ жажда борьбы выродилась въ потребность драться, и для которыхъ не столь важно нанести ударъ, какъ „подползти и оцарапать“. Онъ—мощная и въ то же время кроткая натура, о какихъ мы знаемъ изъ сагъ: увѣренная въ себѣ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы идти собственной дорогой, но безъ слѣда мелочной придирчивости. Ему, какъ и грёнландцамъ, „некогда тратить дорогое время по-пусту на ссоры, да на споры.“

Лично Нансенъ никогда не участвовалъ въ этой „войнѣ мышей съ лягушками“. И эта мелюзга въ сущности и не задѣвала его. Такъ что, когда онъ сѣлъ писать свою книгу объ эскимосахъ, онъ не былъ въ ссорѣ ни съ людьми вообще, ни съ норвежскимъ обществомъ въ частности. Но онъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ всегда чувствовалъ особое влеченіе ко всему первобытному, къ жизни съ природою. „Жизнь на волѣ“

*) Жизнь эскимосовъ стр. 91.

для него тождественна съ „жизнерадостностью“. Намъ было-бы не по силамъ мириться съ условіями жизни въ хижинѣ эскимоса: господствующая тамъ грязь и неряшество испугали-бы насъ. Для него-же это все пустяки. Онъ уже съ дѣтства привыкъ подолгу голодать, а затѣмъ насыщаться чѣмъ попало. Для него и безразлично, гдѣ жить—въ домѣ-ли, въ палаткѣ-ли, разъ за дверью его ждетъ дѣло, плаванье на каякѣ въ бурю, охота на моржа, на бѣлаго медвѣдя – все среди величественной природы. Онъ любитъ этотъ народъ за его симпатичныя стороны, за его братскія, истинно христіанскія взаимныя отношенія и глубоко преклоняется передъ нимъ за его побѣду надъ такой жестокой природой *). „Подчиненіе себѣ природы, вотъ—велпкая задача человѣка. Сѣверные народы выдвинуты на самые крайніе аванпосты человѣчества въ его постоянной борьбѣ съ природою. Такимъ народомъ являются и эскимосы, и это одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ народовъ въ свѣтѣ. Онъ—живое, краснорѣчивое доказательство способности человѣка приноравливаться ко всякимъ условіямъ и размножаться на землѣ. Эскимосъ, какъ сказано, занимаетъ крайній аванпостъ на самой границѣ мертвыхъ ледяныхъ странъ; и куда-бы насъ ни занесло на дальнемъ сѣверѣ, почти вездѣ мы находимъ слѣды этого выносливаго народа. Онъ овладѣлъ мѣстностями, всѣми пренебрегаемыми, и, неустанно борясь и медленно, но вѣрно развиваясь, научился многому, чему никто не научился лучше его.“

Тутъ мы у самой сути дѣла. Огромная симпатія Нансена къ первобытнымъ народамъ внушена ему не человѣконенавистничествомъ, но какою-то особенною двойственною любовью къ природѣ: онъ любитъ природу и жаждетъ побѣдить ее. Большинство изъ насъ смотритъ на культуру, какъ на источникъ тѣхъ наслажденій, благодаря которымъ жизнь становится для насъ истинно человѣческой жизнью. Но и Нансенъ отнюдь не вандалъ; онъ служитъ наукѣ и умѣетъ цѣнить искусство. Тѣмъ не менѣе наслажденіе плодами культуры всегда отступаетъ у него на задній планъ въ сравненіи съ трудомъ—служеніемъ ей. Трудъ вообще для него альфа и омега, будь то трудъ

*) „Жизнь эскимосовъ“, предисловіе VI. См. дальше стр. 92—93.

ученаго, сидящаго за микроскопомъ, или гребца, правящаго каякомъ—все равно. Безграмотность эскимосовъ не представляется для него несчастьемъ потому, что онъ разсуждаетъ: тѣмъ болѣе остается у нихъ досуга закалять себя ради того, чтобы подчинить себѣ природу.

* *
*

Если принять во вниманіе всю ту литературу, которую пришлось изучить Нансену прежде, нежели онъ могъ написать упомянутые здѣсь два труда, то и самое изученіе это представится порядочнымъ трудомъ. Очень характерно также, что Нансенъ самъ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ для „Petermanns Mittheilungen“, сообщеніе о своей Грёнландской экспедиціи, и самъ сдѣлалъ англійскій переводъ своей книги объ эскимосахъ—такой трудъ, который вообще считается излишнимъ для автора *).

*) Приводимъ здѣсь кстати полный списокъ трудовъ Нансена:

1884 г. Skitse af et isfjeld under kysten af Oest-Grönland. Nyt Mag for Naturv. b. 28 (1884) p. 54—56. Med. 1 pl.

1885 г. Bidrag til myzostomernes anatomi og histologi. P. 1—80 (folio) m. 9 pl. Udg. af. Bergens museum og belönnet med Ioach. Frieles guldmedalje.

1886 г. Forelöbig meddelelse om undersögelser af centralnervesystemets bygning hos ascidia samt hos myxine glutinosa. Bergens museums aarsberetning for 1885 p. 55—78.

— Preliminary communication on some inontigations upon the histological structure of the central nervous system in the Ascidia and in Myxine glutinosa. Ann. mag nat. hist. London. Ser. 5. Vol 18. p. 209—226.

1887 г. Den zoologiske station i Neapel. Naturen 1887 p. 39—46.

— Om hvirveldyrenes tredje öje, pandeöjet. Ib. pag. 65—71.

— Om drivisen, dens dannelse og grustransport. Ib. pag. 213—216.
(Sammen med I. Brunchorst desuden:

— Lavtstaaende dyrs og planters naturhistorie. I, II og III. Ib. p. 12—21, 106—112, 129—139).

1887 г. Nerveelementerne deres structur og sammenhaeng i centralnervesystemet! Med 1 pl. Nord. med. archiv. B. 19, nr 24 (26 p.).

— The structure and combination of the histological elements of the central nervous system. Bergens museums aarsberetning for 1886 (Bergen 1887) p. 28—215. Med. 9 of Nansen selv litograferede plancher.
(Samme afh. paa norsk som afh. for doctorgraden).

— Ueber das Nervensystem der Myxostomen. Iena'ische Zeitschr. für Naturwiss.

Но литературный трудъ не былъ особенно обременительнымъ и изнурительнымъ. Изнурялъ Нансена въ эти годы главнымъ образомъ трудъ по подготовленію грандіозной полярной экспедиціи. Подготовленія эти потребовали огромнаго умственнаго напряженія; нужно было всесторонне взвѣсить и обсудить все, начиная съ постройки корабля и кончая мельчайшими подробностями провіанта. Самый выборъ личнаго состава экипажа подалъ поводъ къ огромной перепискѣ. Желающихъ участвовать въ экспедиціи объявилось не менѣе 150. Первое мѣсто по числу занимаютъ англичане и американцы, затѣмъ нѣмцы, датчане, шведы, финны, итальянцы, французы и пр. Одинъ венеціанецъ писалъ Нансену: „Oh, Monsieur, faites moi vivre, ce que j'appelle vivre, et ne me condamnez pas à languir! Par prière!!“ (О милостивый государь, дайте мнѣ

1888 г. Grönlands indlandsis. Med. kart. Naturen p. 1–12.
— Grönlands indbyggere. Ib. p. 109—118.
1889 г. Den norske Grönlands-ekspedition. Naturen p. 208–215, 225—234.
1890 г. Plan til en ny polarekspodition. Naturen p. 65—92. Med. kart.
— Paa ski over Grönland. P. XII og. 1—704. 8 vo. Med. 4 karter. og talrige ill.
(Samme arbejde udgivet paa engelsk, tysk, fransk, svensk.).
1891 г. Fra Grönlandsfaerden. Det norske geogr. selsk. aarbog 1889—90, p. 1—18. Med 1 kart.
— Eskimoliv. P. VIII og. 1—293. 8 vo. Med illurtrationer af. O. Sinding.
(Samme arbejde udgivet paa engelsk, tysk, fransk, svensk.).
— Plan til en ny polarekspedition. Det norske geogr. selsk. aarbog 1889—90, p. 53—82. Med. kart.
1892 г. Om den kommende norske polarekspedition og dens udrustning. Ib. 1891—92, p. 91—118.
— Wissenschaftliche Ergebnisse von Dr. F. Nansens Durchquerung in Grönland 1888. Part I von. H. Mohn, Part. II (pag 53–101) von F. Nansen. 4-to Ergänzungsheft Nr 105 zu Petermanns Mittheilungen, 1892. 4 to.
1893 г. How can North polar region be crossed. Pag 1—32. Med 2 pl. Proceedings of the Royal geographical society and monthly Record of geograpby. Jan. 1893. (London),
1894 г. On the devellopment and structure of the whale. Part. I, Folio. (Глав. ная часть этого труда принадлежитъ, какъ упомянуто выше, проф. Гульдбергу.) Udg. af. Bergens museum.
Кромѣ того можно упомянуть статьи напечатанныя въ «Norsk Idraetsblad», «Illustreret tidende for börn», «Aftenposten» и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ статей упомянуты въ нашей книгѣ, для которой онѣ отчасти и послужили матеріаломъ

жить, жить такъ, какъ я это понимаю, а не осуждайте меня на празябаніе. Умоляю васъ!).

Но обо всемъ этомъ онъ разскажетъ когда нибудь самъ — мы твердо уповаемъ на это и, не желая забѣгать впередъ него ни въ чемъ, отмѣтимъ только, что подготовительная работа была колоссальной. Не предвидѣлось конца всѣмъ тѣмъ вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ лежало на немъ. Въ сравненіи съ этимъ трудомъ возню съ санками при переходѣ черезъ грёнландское плато можно было считать почти дѣтской забавой; настоящій трудъ не давалъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, поглощалъ добрую половину даже тѣхъ немногихъ часовъ, которые должны-бы были быть посвящены имъ домашней и семейной жизни, словомъ, требовалъ огромной затраты силъ и энергіи.

Въ началѣ 1892 г. Нансенъ опять предпринялъ турнэ, на этотъ разъ по Англіи, Шотландіи и Ирландіи съ цѣлью агитаціи въ пользу полярной экспедиціи. Читанные имъ въ Лондонѣ и въ другихъ значительныхъ городахъ,какъ-то Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Шеффильдѣ, Бирмингэмѣ, Гуллѣ, Ньюкэстлѣ, Эдинбургѣ, Бельфастѣ, Дублинѣ, Бристолѣ и проч. доклады привлекали массу слушателей и возбуждали величайшій интересъ. Вотъ отзывъ объ этихъ лекціяхъ, присланный намъ изъ Англіи.

„Владѣетъ онъ англійскимъ языкомъ замѣчательно. Его вездѣ прекрасно понимали. Читая лекціи, онъ, конечно, чаще всего прибѣгалъ къ запискамъ, но наибольшее впечатлѣніе произвелъ онъ всетаки, по моему, по окончаніи своего послѣдняго доклада въ географическомъ обществѣ своимъ импровизированнымъ прости англійскому обществу, высказаннымъ съ такимъ чувствомъ, что слушатели пришли въ полный восторгъ. Могу завѣрить Васъ, что когда Нансенъ вернется, его ждетъ здѣсь грандіозный пріемъ“.

Осенью того-же года былъ спущенъ на воду корабль экспедиціи.

26 октября поѣздъ, идущій изъ Христіаніи въ Ларвикъ, былъ биткомъ набитъ приглашенными присутствовать при спускѣ. *) Ночью термометръ показывалъ +10°, шелъ снѣгъ,

*) См. описаніе Густава Реціуса („Aftonbladet“ 3 Ноября 1892 г.).

и вся мѣстность была покрыта тонкою бѣлою пеленою. Утро было туманное, но затѣмъ солнце скоро разсѣяло туманъ. Нансенъ выѣхалъ на станцію Ларвикъ встрѣчать гостей. Въ гаванп стояло промысловое судно, назначенное для гостей. На самомъ берегу, обращенный кормою къ морю, стоялъ новый корабль. Это и былъ новый корабль Фритьофа Нансена, большое, широкое судно, выкрашенное внизу черной, а повыше бѣлой краской. Три огромныя мачты изъ американскихъ сосенъ лежали еще на набережной. На палубѣ были воздвигнуты три флагштока; на двухъ изъ нихъ уже развѣвались флаги, на третьемъ-же долженъ былъ взвиться флагъ съ неизвѣстнымъ еще именемъ корабля. Имя это интриговало многихъ; будетъ-ли это: „Ева“, „Лпвъ“, „Норвегія“, „Сѣверный полюсъ“?..

Тысячи людей собрались вокругъ верфи Колина Арчера, тысячи вскарабкались на окружающія ее скалы. А вокругъ большого судна, прикрѣпленнаго къ спусковому фундаменту желѣзными цѣпями, столпились группы сильныхъ, коренастыхъ людей въ рабочихъ костюмахъ. Тутъ промышленники, знакомые съ опасностями полярныхъ морей, и плотники, участвовавшіе въ постройкѣ судна; первые испытующе оглядываютъ судно со всѣхъ сторонъ, другіе съ гордостью любуются дѣломъ рукъ своихъ. Тутъ-же и главный строитель корабля, статный старикъ съ серьезнымъ благороднымъ лицомъ и длинной бѣлой бородой, Колинъ Арчеръ.

Но вотъ на подмостки, устроенные около носа корабля, поднимается Фритьофъ Нансенъ съ женой. Она подходитъ къ носу корабля, сильнымъ ударомъ разбиваетъ о него бутылку съ шампанскимъ и говоритъ громкимъ и яснымъ голосомъ: „Фрамъ *) имя ему!“ Въ ту-же минуту на пустомъ флагштокѣ взвивается флагъ съ именемъ корабля—бѣлыя буквы на красномъ полѣ. Быстро обрубаютъ всѣ канаты и подпорки, и большое, тяжелое судно начинаетъ скользить по наклону сначала медленно, затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, касается кормою воды, затѣмъ начинаетъ садиться все глубже и глубже. Одну минуту всѣхъ беретъ страхъ, какъ-бы оно не пошло ко дну, или не сѣло на мель. Но какъ только коснулся воды и носъ судна, корма под-

*) „Впередъ!“

нялась, и корабль плавно двинулся впередъ. Въ ту же минуту на берегъ плеснулъ цѣлый валъ, обдавшій зрителей, примостившихся поближе къ водѣ. Видно было потомъ, какъ они, словно мокрыя мухи, поползли вверхъ, по обрызганному волнами скалистому берегу. Большую лодку, переброшенную валомъ на скалу, съ трудомъ удалось благополучно вывести изъ опаснаго положенія.

Фритьофъ Нансенъ, высокій и стройный, продолжалъ стоять на подмосткахъ; рядомъ съ нимъ стояла его жена. Глаза всѣхъ присутствовавшихъ были обращены на нихъ; всѣхъ невольно занималъ вопросъ: какія чувства должны волновать ихъ въ эту минуту? Чувство радости по поводу счастливаго окончанія пролога великой драмы, которой еще предстояло разыграться среди долгой зимней ночи сѣвернаго полюса, чувство боли въ виду предстоящей долгой разлуки?..

Минута, когда „Фрамъ“, привѣтствуемый салютомъ орудій и раскатами „ура“, спустился въ море и затѣмъ горделивосвободно поплылъ по водѣ, захватила всѣхъ своей торжественностью. Многіе говорили потомъ, что въ жизни не испытывали болѣе торжественной минуты. Корабль спокойно, увѣренно понесся впередъ по серебряному зеркалу моря, и передъ глазами всѣхъ какъ-бы промелькнула блестящая будущая судьба корабля, которому суждено пролить свѣтъ на тѣ темные уголки нашей земли, куда еще не заглядывалъ глазъ человѣка, суждено бороздить волны, которыхъ не касался еще ни одинъ корабельный киль! Но свѣтлыя мысли должны были затѣмъ уступить мѣсто и серьезнымъ думамъ о тѣхъ опасностяхъ, которыя по всей вѣроятности ждутъ этотъ корабль и его экипажъ во время экспедиціи, о морозахъ, мракѣ, буряхъ, ледяныхъ горахъ и проч. На челѣ и въ свѣтломъ спокойномъ взорѣ Фритьофа Нансена не было, однако, и слѣда боязни или сомнѣнія. Онъ обладаетъ той вѣрой въ свое дѣло и той силой воли, „которыя двигаютъ горы“.

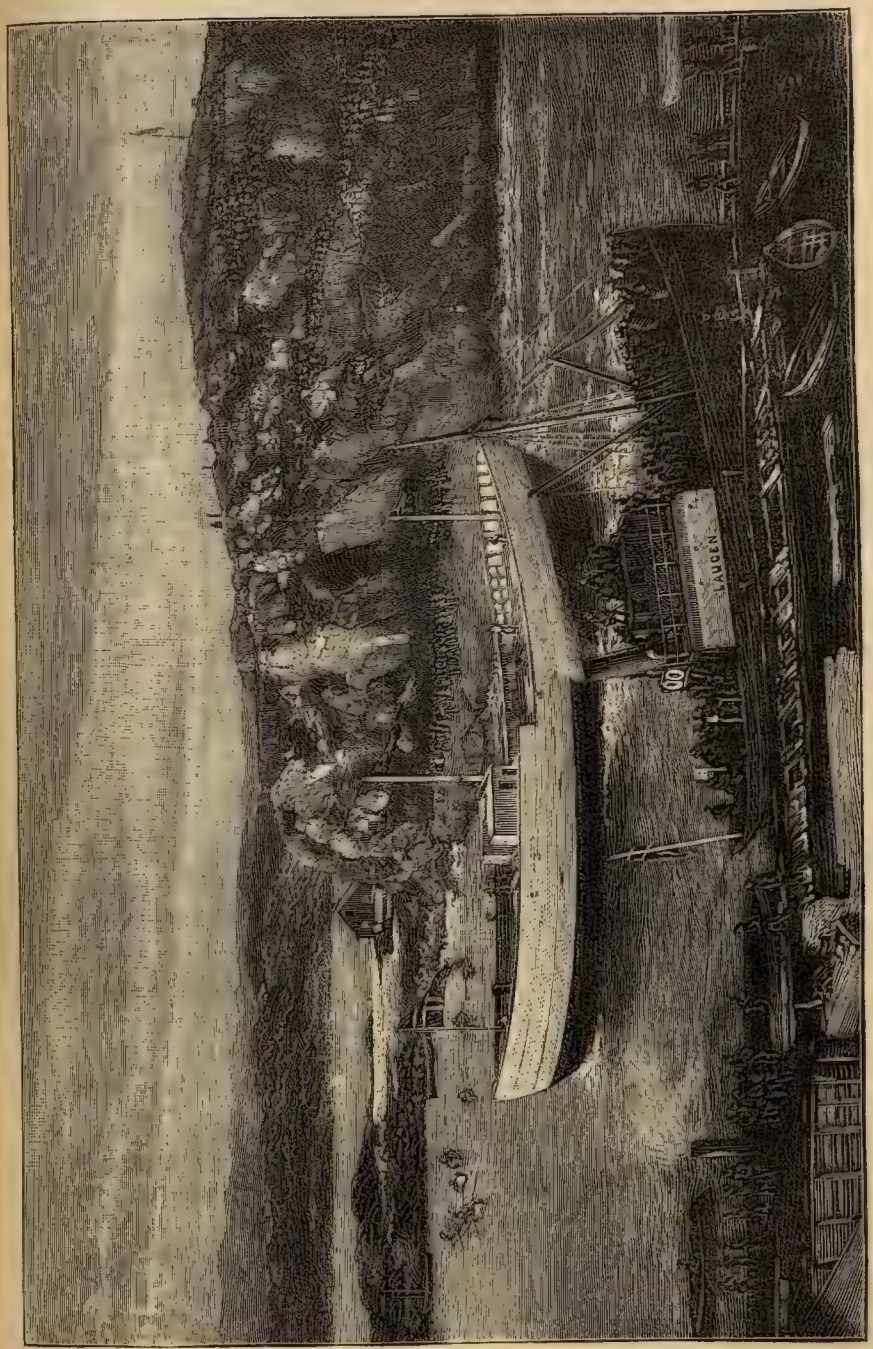
Колинъ Арчеръ, строитель „Фрама“, потомокъ шотландскаго рода. Имя его уже пользуется извѣстностью въ Норвегіи. Сравнительно недавно еще норвежская лоцманская лодка была очень далека отъ степени совершенства и по быстротѣ хода и по безопасности. Конструкція ея была не цѣлесообразна, по-

стройка слаба, и потому не рѣдко случалось, что такія лодки тонули вмѣстѣ съ лоцманами. Арчеръ поставилъ себѣ задачей выработать для нашихъ лоцмановъ такой типъ лодки, которая-бы и ходила лучше и была-бы вполнѣ безопасна въ бурю. Послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ работы, труды его увѣнчались такимъ успѣхомъ, что теперь лоцманы спокойно отправляются въ бурю на лодкѣ „Арчера“, и домашніе ихъ уже не трепещутъ за то, что „кормилецъ“ пойдетъ ко дну, когда буря разыграется во-всю.

Въ произнесенной Арчеромъ при спускѣ „Фрама“ рѣчи онъ сказалъ, между прочимъ, что ему не удалось-бы разрѣшить этой новой для него задачи безъ помощи самого Нансена. Съ другой стороны, вѣроятно, былъ правъ и Нансенъ, сказавъ при этомъ случаѣ, что до сихъ поръ еще не было построено столь приспособленнаго къ полярной экспедиціи корабля, какъ этотъ. Такъ будемъ-же надѣяться, что эта замѣчательнѣйшая изъ „лоцманскихъ лодокъ Арчера“, которой предстоитъ провести человѣчество черезъ неизвѣстныя водныя пространства и ледяныя поля, также окажется на высотѣ призванія.

„Фрамъ“, и въ самомъ дѣлѣ не мало напоминающій лоцманскую лодку, построенъ въ строгой соотвѣтственности съ планомъ полярной экспедиціи Нансена. Согласно этому плану, имѣлось въ виду построить не такой корабль, который-бы могъ прорваться черезъ ледяныя массы, а, напротивъ, такой, который могъ-бы спокойно дать льдамъ затереть себя и нестись съ ними. Дѣло сводилось, слѣдовательно, не къ быстроходности, а къ устойчивости и прочности судна, которое было-бы въ состояніи выдержать сильнѣйшій напоръ льдовъ. Конструкція его должна была быть такая, которая-бы не позволяла льдамъ надавливать на бока, а заставляла-бы ихъ подходить подъ киль и приподнимать судно. Вотъ почему бока судна такъ округлены и сильно покаты. Затѣмъ, ради приданія судну возможно большей силы сопротивленія, оно должно было быть возможно меньшихъ размѣровъ и, главнымъ образомъ, небольшой длины при значительной ширинѣ; это должно было облегчить поднятіе судна льдинами и затѣмъ и освобожденіе изъ нихъ.

Длина „Фрама“ по верхней палубѣ 39 метровъ, длина по ватерлиніи 34,5 м., киля 31 м.; наибольшая ширина 11 м. (по ватер-



Спускъ „Фрама“.

линіи, не считая обшивки); высота 5,25 м.; въ маломъ грузу судно сидитъ 3,75 м. „Фрамъ“ почти безъ киля, такъ какъ киль его, 14-ти вершковъ въ квадратѣ, на 11 вершковъ уходитъ въ корпусъ судна, а остающаяся часть округлена. Сдѣланъ киль изъ американскаго вяза; большая часть самого корпуса изъ итальянскаго дуба, пролежавшаго на верфи Гортена тридцать лѣтъ. Шпангоуты положены въ два ряда. Отдѣлка изъ американской сосны. Обшивка судна тройная: внутренняя ближайшая къ корпусу—трехвершковая дубовая, затѣмъ четырехвершковая дубовая и, наконецъ, наружная, которая должна защищать отъ льдовъ, изъ greenheart'а постепенно увеличивающейся отъ киля къ ватерлиніи толщины — отъ 3 до 6 вершковъ. Носъ и корма судна покрыты желѣзной броней.

Толщина боковыхъ стѣнокъ судна равняется такимъ образомъ 70—80 сантим.; достигаемая этимъ сила сопротивленія еще увеличивается большимъ количествомъ желѣзныхъ и дубовыхъ подпорокъ. Трюмъ корабля раздѣленъ тремя водонепроницаемыми переборками. Вообще по солидности постройки „Фрамъ“ является единственнымъ въ своемъ родѣ судномъ, и можно съ увѣренностью сказать, что еще ни одно судно не было такъ хорошо подготовлено къ борьбѣ со льдами.

* * *

Единственными часами отдыха для Нансена были въ эти годы тяжелыхъ трудовъ немногіе часы, посвященные друзьямъ. И эти праздничныя паузы останутся незабвенными для всѣхъ участниковъ ихъ. Кто изъ нихъ не помнитъ обѣда, когда по всему дому раздавались шутки и смѣхъ художниковъ: Веренскьольда, Эйлифа Петерсена, Скредсвига, Мунте и Спиднига, которые знать не хотѣли серьезныхъ рѣчей, и чуть кто выступалъ съ таковою, выскакивали въ кухню и принимались качать воду! Нансенъ, повидимому, чувствовалъ себя отлично въ обществѣ этихъ веселыхъ художниковъ; онъ самъ, вѣдь, по временамъ „мазалъ кистью“ и, когда жилъ въ Бергенѣ, работалъ нѣкоторое время подъ руководствомъ старика Шерца, видѣвшаго въ немъ задатки настоящаго художника *).

*) Нансенъ прекрасно рисуетъ и самъ изготовилъ всѣ рисунки для своихъ научныхъ трудовъ. Характернымъ указаніемъ на его энергію является и то

Не забудется и вечеръ, наканунѣ Иванова дня, когда Леммерсъ пѣлъ о великанѣ Роландѣ, а Нансенъ разложилъ на берегу костеръ.

Одному изъ составителей этой книги оссбенно памятенъ завтракъ въ домѣ Нансена на другой день послѣ спуска „Фрама".

„Ночью шелъ дождь, и дороги превратились въ мѣсиво. Нансенъ выѣхалъ встрѣчать насъ на станцію и былъ въ отличномъ настроеніи. Когда мы доѣхали до дома, расположеннаго въ ¼ часа ѣзды отъ станціи Люсакера, опять пошелъ дождь. Фьордъ смотрѣлъ мрачно и печально, сѣрое осеннее небо хмурилось надъ вершинами сосенъ. Но въ „каминной комнатѣ", собственной комнатѣ Нансена, гдѣ весело трещалъ огонь, было тепло и уютно.

Обстановка комнаты чисто сѣвернаго стиля; свѣтлая, рѣзная сосновая мебель исполнена, какъ уже сказано, по рисункамъ самого Нансена. Надъ почетнымъ мѣстомъ виситъ полотенце, вышитое древнимъ узоромъ.

Завтракъ былъ поданъ въ небольшой уютной столовой. За столомъ господствовало самое веселое настроеніе; гости отдавали должное стараніямъ хозяйки, а Нансенъ, съ своей стороны не преминулъ въ качествѣ хозяина, усладить бесѣду забавными разсказами. Онъ, конечно, еще находился подъ живымъ впечатлѣніемъ событія вчерашняго дня, и одинъ разсказъ смѣнялъ другой. Евѣ пришлось описать волновавшія ее чувства, когда она разбивала о носъ „Фрама" бутылку шампанскаго со словами: „„Фрамъ" имя ему!" Кто-то припомнилъ, какъ Арчеръ зажмурилъ глаза въ ту минуту, когда корпусъ судна зашевелился и проч. и пр.

За шампанскимъ Нансенъ провозгласилъ тостъ за присутствовавшаго проф. Реціуса.

Отвѣтную рѣчь свою Реціусъ закончилъ словами:

„У тебя тутъ прекрасный уголокъ, Нансенъ, и я не могу не проникнуться глубокимъ удивленіемъ тому, что у тебя хватаетъ духу оторваться отъ него, чтобы отправиться въ долгую

обстоятельство, что онъ, считая недостаточнымъ лично нарисовать всѣ рисунки для своихъ научныхъ трудовъ, выучился еще литографировать, такъ, что напр., атласъ, приложенный къ его главной статьѣ о нервной системѣ, литографированъ на камнѣ имъ самимъ.

*

зимнюю ночь, на встрѣчу невѣдомой судьбѣ. Это тѣмъ болѣе достойно удивленія, что ты вдобавокъ біологъ,—передъ тобой здѣсь цѣлое море съ самымъ соблазнительнымъ для вашего брата біолога содержаніемъ. У тебя передъ глазами вся богатая морская фауна, со всѣми твоими старыми друзьями: молюсками и морскими червями. И вотъ, и я и собратья мои по наукѣ, высоко цѣня заслуги Нансена-біолога, который съ такимъ успѣхомъ направилъ свой курсъ въ невѣдомыя глубины біологіи, въ области столь важной, какъ область нервной системы—не въ состояніи примириться съ мыслью, что ты готовишься покинуть эту область, уѣхать такъ далеко и на такой долгій срокъ.

Но ты самъ рѣшилъ такъ, самъ „направилъ волю своей судьбы“.

Да и то сказать когда полярный изслѣдователь вернется изъ своего сказочно-смѣлаго плаванія, біологъ найдетъ себѣ столь же богатое поле дѣятельности, какъ и прежде. Ты можешь быть увѣреннымъ, что мы, остающіеся здѣсь, не снимемъ съ него всю жатву; останется и на твою долю довольно: мы находимся, вѣдь, еще только въ самомъ началѣ работы.

Одного, впрочемъ, опасаюсь я—того, что Фритьофъ Нансенъ, по возвращеніи съ сѣвернаго полюса, догадается, что у земли остался *еще* одинъ полюсъ!“

Тутъ всѣ чокнулись и выпили. Но у всѣхъ зашевелились въ головѣ необычныя мысли. Вѣдь, *онъ* видѣлъ вокругъ себя этотъ близкій кружокъ друзей въ послѣдній разъ до своего возвращенія.

Нансенъ между тѣмъ былъ какъ всегда спокоенъ и простъ. И въ то время, какъ трапеза шла своимъ чередомъ, къ нему пристали съ просьбами разсказать что нибудь изъ своей жизни. Онъ обладаетъ недюжиннымъ талантомъ разсказчика; его разсказы очень живописны, пестрятъ мѣткими выраженіями и забавными подробностями. Сперва онъ разсказалъ о своихъ схваткахъ съ бѣлыми медвѣдями, затѣмъ кто-то навелъ рѣчь на экскурсію его съ Евой наканунѣ Новаго года на вершину скалы Норе.

„Да это было какъ разъ наканунѣ Новаго года, въ 1890 г.—Ева и я поѣхали въ горы немножко провѣтриться и вотъ, порѣшили отправиться на скалу Норе; на вершину, конечно. Пе-

реночевали мы въ Ольбергѣ, съ утра что-то залѣнились и выбрались со двора только около полудня. Сначала мы не очень спѣшили, вотъ день-то и прошелъ. Трудненько добраться до вершины и лѣтомъ, а зимой, когда дни короче, и вовсе надо приналечь, да приналечь, коль хочешь добраться туда засвѣтло. А мы еще выбрали такую дорогу, которая хоть и заставляла насъ изо всѣхъ силъ работать ногами, но далеко не была кратчайшей. Снѣгу вокругъ была масса, а проводника съ нами не было. Наконецъ, подъемъ сталъ такъ крутъ, что пришлось снять лыжи и тащить ихъ на плечахъ. Но добраться до цѣли все-таки было надо; не вернуться же съ полдороги, сколько бы тутъ ни было сугробовъ! Послѣдній конецъ дороги былъ ужъ совсѣмъ плохъ: надо было шагъ за шагомъ вырубать ступеньки палкой отъ лыжъ. Я шелъ впередъ, Ева за мной, и каждый шагъ впередъ—какъ писала въ сочиненіи одна дѣвочка—стоилъ двухъ шаговъ назадъ. Наконецъ, мы таки достигли вершины!

Да, наконецъ, мы достигли ея ночью, послѣ того, какъ шли безостановочно съ 10 до 5 часовъ, не ѣвши. Но провизіи у насъ было съ собой вдоволь—смѣси сыра съ пеммиканомъ. И вотъ, мы принялись за нее тамъ въ темнотѣ.“

— Благодарите Бога,—вставила Ева:—что васъ не угощаютъ сегодня этой смѣсью!

— Да, вотъ ты все твердишь, что это „жестокая смѣсь“,—заворчалъ на нее мужъ,—а право, къ ней надо только привыкнуть.

Затѣмъ, пока мы продолжали пить шампанское и лакомиться десертомъ, Нансенъ продолжалъ свой разсказъ.

„Вотъ мы сидѣли вдвоемъ въ сугробѣ на вершинѣ скалы Норе, такъ на высотѣ 5000 футовъ надъ уровнемъ моря. Морозъ и снѣгъ щипалъ насъ за щеки; мракъ все сгущался. Далеко на западѣ чуть виднѣлось точно слабое отраженіе дня—послѣдняго въ году. Пора была отправиться въ путь.

Главное дѣло было вѣрно выбрать направленіе къ долинѣ Эгге. Отъ Гегеварда *) до самой долины приблизительно съ милю, такъ что пройти это разстояніе днемъ сущій пустякъ.

*) Вершина скалы Норе.

Теперь же, ночью, дѣло обстояло иначе. Но отправиться все-таки надо было, и мы отправились.

Мы рванулись впередъ, въ ночную тьму; я впереди, Ева за мной. Стрѣлой неслись мы по горамъ и по скаламъ, а надо было держать ухо востро. Когда освоишься съ мракомъ, кажется, что снѣгъ чуть чуть свѣтитъ; свѣтъ-то это, впрочемъ, не свѣтъ, а такъ что-то вродѣ отблеска. Да, Богъ знаетъ, какъ иногда удается выпутаться изъ бѣды, и мы, наконецъ, почти спустились. Вдругъ мнѣ пришлось остановиться и крикнуть Евѣ. Скатъ сталъ слишкомъ крутъ для лыжъ, и оставалось одно: сѣсть да катиться внизъ на собственныхъ полозьяхъ. Такой способъ спуска отзывается на панталонахъ, но зато онъ вѣрнѣе—особенно въ темнотѣ.

Понеслись; вѣтеръ свисталъ въ ушахъ, а снѣгъ такъ и кололъ ихъ,—нельзя, вѣдь, сказать, чтобы была оттепель.

Вдругъ, въ самый разгаръ нашего спуска, у меня слетѣла съ головы шапка—маленькая, сѣрая шапка, какую я обыкновенно ношу.

Пришлось мигомъ затормозиться и подняться на ноги. Далеко вверху что-то чернѣло. Я добрался туда ползкомъ, цапъ рукой и—ударился о камень. Такъ шапка гдѣ нибудь дальше. А! вотъ она! Цапъ и—опять рукой о камень. Потомъ, куда ни посмотрю—все шапки да шапки, а только хочу схватить да надѣть—опять камень. Камень вмѣсто хлѣба—худое дѣло, но и камни вмѣсто шапки не лучше.

Нечего дѣлать, пришлось пуститься дальше безъ шапки.

Ева все сидѣла на томъ-же мѣстѣ. „Ева!“ крикнулъ я, „Ева!“ Откликнулось гдѣ-то далеко внизу.

Милѣ этой просто не было конца, но панталоны еще держались, и пришлось имъ выдержать до конца. Время отъ времени мы пользовались лыжами. Вдругъ опять стало такъ круто, что мы невольно остановились. И во-время—передъ самымъ обрывомъ. Но глубокъ ли онъ, было не видать. Кувырнулись впередъ разъ, другой, третій. Снѣгъ къ счастью былъ глубокій, а тогда можно выйти цѣлымъ и невредимымъ изъ невѣсть какихъ кувырканій.

Того, что называется направленіемъ, для насъ не существовало; мы знали только одно, что надо было спускаться. Вдругъ

мы застряли. Снова Евѣ пришлось сидѣть и дожидаться, пока я отыскивалъ выходъ. Я долго ходилъ ощупью въ потьмахъ Вдругъ меня озарила мысль: „А если Ева заснетъ?“ Подобное бываетъ на морѣ, а она, вѣдь, успѣла умаяться. „Ева, Ева!“ крикнулъ я. Ничего; она и на этотъ разъ отвѣтила, но откуда-то издалека. Засни она, не легко было бы мнѣ отыскать ее. Но на этотъ разъ я таки добрался до нея, да еще съ утѣшеніемъ, что нашелъ русло рѣки. Надо, впрочемъ, сознаться, что русло рѣки не изъ лучшихъ скатовъ для лыжъ, особенно во тьмѣ, на пустой желудокъ и—тяжелую совѣсть. Въ сущности это было, вѣдь, безбожное дѣло,—мы рисковали жизнью. Но просто невѣроятно, какъ иногда выпутываешься; въ концѣ концовъ мы благополучно миновали и русло.

Выбравшись на дорогу мы почувствовали себя совсѣмъ хорошо.

Брели, брели, набрели на хижину. Мнѣ она показалась очень милой и уютной на видъ, но Ева нашла ее гадкой. Теперь она ужь привередничала и спѣшила дальше. Женщины всегда такъ.

И долго еще шли мы, пока, наконецъ, не дошли до двора звонаря въ долинѣ Эгге.

Пришлось разбудить хозяевъ. Звонарь скорчилъ ужасную гримасу, когда узналъ, что мы свалились къ нимъ съ вершины горы Норе.

Ева на этотъ разъ оказалась не особенно взыскательной на счетъ ночлега. Едва она успѣла опуститься на стулъ какъ тутъ же и заснула; вѣдь, она пробыла на ногахъ 14 часовъ.

— Парнишка твой, кажется, заморился!—сказалъ звонарь. На Евѣ былъ сѣрый костюмъ для бѣганья на лыжахъ—короткая юбка и панталоны.

— Это жена моя!—сказалъ я.

Вотъ смѣху-то было!

— Ай, ай, ай! Да неужто? Таскать съ собой жену на вершину Норе въ ночь подъ Новый годъ!

Но тутъ подали поѣсть, и какъ только Ева пронюхала, что здѣсь не пахнетъ сыромъ съ пемпканомъ—она живо проснулась.

Послѣ того мы отдыхали у звонаря три дня. Да, вотъ вамъ

и прогулка на Норе въ ночь подъ Новый годъ! По моему, это была славная прогулка; не знаю, что скажетъ Ева...

Назадъ мы съ „парнишкой“ поѣхали черезъ долину Нуме въ Конгсбергъ при 23 градусахъ мороза, и тутъ „парнишка“ чуть не замерзъ у меня.

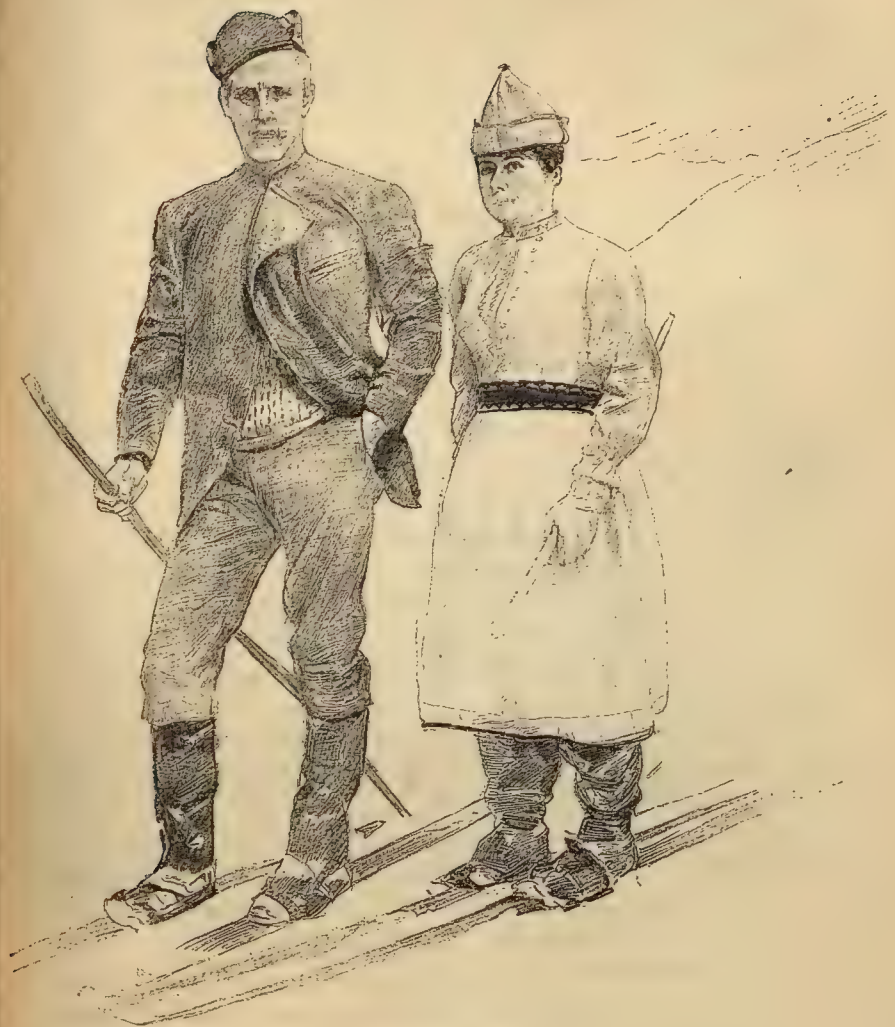
Но послѣ труда—отдыхъ слаще. А не узнавши холода не узнаешь, что̀ такое тепло.“

* * *

Но срокъ отъѣзда въ дальній путь все близился. Настало и лѣто 1893 г. „По вечерамъ секретарь сидитъ по уши въ работѣ,

Свердрупъ. Эскизъ Е. Верейскьольда.

самъ Нансенъ то и дѣло заходитъ къ нему съ разными указаніями, но находитъ время сбѣгать и на холмъ передъ домомъ. Тамъ идетъ посадка кустовъ крыжовника, смородины, яблонь и грушевыхъ деревьевъ. Нансенъ самъ указывалъ садовнику, куда посадить каждое деревцо, каждый кустъ. „Земля благодатная!“—говоритъ работникъ, разгребая землю, смѣшанную съ водорослями. „Да, да, надѣюсь, что привьется!“—говоритъ на это Нансенъ. Мощные стволы сосенъ бросаютъ при вечернемъ солнцѣ длинныя тѣни, волны фьорда медленно катятся къ берегу... Дѣвушка проноситъ въ домъ Ливу, которую пора укладывать спать. Дѣвочка миловидна, а имя ея наводитъ на разныя мысли...“



Нансенъ и его жена на лыжахъ

Какія тѣни будутъ бросать эти только-что посаженные кусты и деревья къ тому времени, когда онъ вернется вновь? Сколько разъ сядетъ за этими горами солнце, прежде чѣмъ волны и вѣтеръ принесутъ его корабль на родину? Вечеръ за вечеромъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ?.." *).

* * *

Въ Ивановъ день „Фрамъ" стоялъ въ Пипервикенѣ (близъ Христіаніи), готовый къ отплытію. Немного христіанійцевъ собралось проводить взглядомъ неуклюжее судно, которое стояло на мѣстѣ куда дольше назначеннаго срока.

Дѣло всегда, вѣдь, кажется незначительнымъ, пока оно не совершено. А вотъ вернись „Фрамъ" обратно—все, что только способно двигаться въ Христіаніи, приползетъ сюда. Люди всегда остаются вѣрны себѣ. Какъ будто это ничего не стоющее дѣло—создать такой грандіозный планъ, взять на себя такую огромную отвѣтственность, перенести всѣ тяжести, сопряженныя съ подготовленіемъ плана и все-таки стоять такимъ стройнымъ и смѣлымъ на мостикѣ, какъ Фритьофъ Нансенъ! Да, немногіе въ этотъ день припомнили сказанное при спускѣ „Фрама" старое изреченіе: „Великихъ людей оцѣниваютъ по заслугамъ, а не по счастью" **).

Но среди лицъ, пожаловавшихъ сюда, находились зато члены норвежскаго стортинга. Послѣ двухъ засѣданій народное собраніе вотировало на экспедицію Нансена 280,000 кронъ, сумму, весьма почтенную для такого маленькаго народа. Сегодня собраніе прервало занятія, чтобы проститься съ главой экспедиціи. Но Нансенъ не былъ предупрежденъ объ этомъ, не успѣлъ во-время вернуться на судно, и, прождавъ его нѣсколько часовъ, члены стортинга такъ и отбыли не простившись съ нимъ.

У Нансена даже въ послѣднюю минуту оказалась масса неоконченныхъ дѣлъ. Все утро прошло, а ему едва-ли удалось обмѣняться съ женою и парою словъ. Прощанье было короткимъ. Когда онъ вошелъ въ домъ, ему поднесли улыбающуюся Ливъ. Онъ взялъ ребенка на руки:—„Да, да, ты смѣешься, Ливъ, а я!.." И онъ зарыдалъ.

*) Нансенъ у себя дома (В. С. Брёггера: „Verdens Gang" 24 Іюня 1893 г)
**) Magnos homines virtute mitimur, non fortuna.

Затѣмъ онъ бросился въ свою маленькую паровую шлюпку, поплылъ по фьорду къ „Фраму“, пересѣлъ въ него, затѣмъ, не глядя ни на кого, взошелъ на мостикъ и приказалъ сняться.

Тотъ, кто видѣлъ тогда его лицо, не забудетъ его никогда!

* * *

За это долгое время ожиданія, намъ не разъ приходила на умъ картина изъ разсказа Нансена о его прогулкѣ съ женою на лыжахъ въ ночь подъ Новый годъ: *она* сидитъ одна на горѣ и долго, долго напряженно смотритъ въ непроницаемую мглу... И вдругъ, издалека, сос нѣжнаго ската, раздается голосъ... Вотъ онъ! Онъ идетъ!..

Баронъ Эдуардъ Ф.-Толь и экспедиція Нансена къ сѣверному полюсу.

Въ концѣ 1892 г. С.-Петербургская академія наукъ снарядила экспедицію на Ново-Сибирскіе острова и побережье Ледовитаго океана, поручивъ начальство надъ нею барону Э. ф.-Толю.

Это была уже вторая экспедиція барона Толя, который еще въ 1885—1886 г.г. имѣлъ возможность ознакомиться съ данной мѣстностью и со способами передвиженія по ней.

Въ декабрѣ того-же 1892 года, баронъ Толь получилъ запросъ отъ Нансена—нельзя-ли послать ему въ Норвегію изъ Сибири хорошихъ ѣздовыхъ собакъ, или нельзя-ли устроить дѣло такъ, чтобы онъ могъ получить этихъ собакъ около устьевъ Лены или у береговъ Ново-Сибирскихъ острововъ, если „Фрамъ“ пристанетъ туда. Баронъ Толь предложилъ вопросъ на обсужденіе компетентныхъ лицъ, и было рѣшено, что лучше всего будетъ отправить собакъ въ мѣстечко Хабарово на Югорскомъ Шарѣ, какъ въ пунктъ, котораго „Фрамъ“ не могъ миновать. Устройство-же подобнаго депо гдѣ нибудь дальше на востокѣ было признано не цѣлесообразнымъ въ виду того, что „Фрамъ“ могъ быть затертъ льдомъ въ Карскомъ морѣ и такимъ образомъ лишонъ возможности добраться до депо и столь необходимыхъ для экспедиціи собакъ. Извѣщая Нансена передъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга объ упомянутомъ рѣшеніи, баронъ Толь обѣщалъ также послѣднему устроить подобное-же депо съ собаками еще у устья Оленека (въ Восточной Сибири), такъ

какъ установлено, что восточно-сибирскія ѣздовыя собаки вообще представляютъ значительныя преимущества передъ западно-сибирскими.

Среди лицъ, съ которыми баронъ Толь совѣтовался по этому поводу, находился В. А. Тройницкій, бывшій губернаторъ Тобольска, и послѣдній указалъ на тюменскаго коммерсанта Эдварда Вардроппера, какъ на лицо, которое можетъ въ данномъ случаѣ оказаться очень полезнымъ. Проѣзжая черезъ Тюмень, баронъ Толь не преминулъ послѣдовать указанію г. Тройницкаго, и Э. Вардропперъ направилъ его на нужнаго человѣка, тобольскаго мѣщанина Тронтхейма, съ которымъ баронъ Толь и заключилъ контрактъ относительно закупки у остяковъ ѣздовыхъ собакъ и доставки ихъ на мѣсто.

Какъ оказалось впослѣдствіи, трудно было напасть въ данномъ случаѣ на болѣе подходящаго человѣка. Тронтхеймъ, уроженецъ Риги, нѣмецъ по происхожденію, поселился въ Сибири съ 1876 г. Въ 1878-79 г.г. онъ сопровождалъ внизъ по Оби, въ качествѣ переводчика, путешественниковъ: Генриха фонъ-Тейгнера, камергера датскаго двора, и Христофора Гага. Затѣмъ онъ поступилъ на службу къ извѣстному сибирскому богачу и меценату, много сдѣлавшему для изученія полярныхъ странъ, А. М. Сибирякову и совершилъ вмѣстѣ съ нимъ плаваніе на пароходѣ „Обь“ сначала на Югорскій Шаръ, а затѣмъ въ Швецію и Норвегію. Въ 1888 г. Тронтхеймъ служилъ на пароходѣ „Лабрадоръ“, который, подъ командой капитана Виггинса достигъ устьевъ Енисея. На Югорскомъ Шарѣ Тронтхеймъ оставилъ корабль, чтобы сопровождать молодого отважнаго путешественника сэра Моріера (сына англійскаго посла при русскомъ дворѣ), который задался цѣлью пройти, имѣя подъ рукою только лыжи, да ружья, черезъ тундры вглубь материка, перевалить черезъ Уральскій хребетъ и добраться до Березова. Тронтхеймъ охотно бы согласился участвовать и въ экспедиціи Нансена, если-бы этому не помѣшали обстоятельства, о которыхъ будетъ сказано ниже.

16-го января 1893 г. Тронтхеймъ уже прибылъ въ Березовъ, гдѣ въ это время начался сборъ ясака, и было большое стеченіе остяковъ и самоѣдовъ. Пользуясь стеченіемъ инородцевъ, Тронтхеймъ присмотрѣлъ собакъ и послѣ тщательнаго выбора

и испытанія купилъ 33 собаки, съ которыми затѣмъ доѣхалъ до села Мужей, расположеннаго у нижней Оби, откуда расчитывалъ направиться черезъ Уралъ къ Югорскому Шару.

Поѣздка Тронтхейма описана съ его словъ въ брошюрѣ г. А. Крылова, озаглавленной „На встрѣчу Нансена“. Въ сообщеніи барона Толя шведскому посланнику Рейтершёльду приведены изъ нея значительныя извлеченія.

4 апрѣля Тронтхеймъ выѣхалъ изъ с. Мужей, нанявъ предварительно зырянина со стадомъ оленей въ 450 головъ, изъ которыхъ 30 должны были послужить въ пути пищей для собакъ. Послѣднія были привязаны къ нартамъ, *) по 4 штуки къ каждой нартѣ. Везли-же нарты олени; караванъ двинулся вверхъ по рѣкѣ Войкару, а отъ истоковъ ея сталъ подыматься на Уральскій хребетъ, черезъ проходъ Хойла, послѣ чего пошелъ сначала по рѣкѣ Лембѣ до ея впаденія въ Усву. Сюда добрались 22-го апрѣля и простояли здѣсь до 7-го мая: такого продолжительнаго отдыха требовало плохое состояніе оленей, изнуренныхъ трудной ѣздой по гололедицѣ, а также отощавшихъ, вслѣдствіе недостатка корма.

Въ ночь на 7-го мая Тронтхеймъ снова двинулся въ путь и на другой день достигъ рѣки Варкута. Берега ея еще были покрыты довольно высокимъ лѣсомъ, но дальше на сѣверъ лѣсъ становился все мельче и мельче. 16-го мая караванъ достигъ безлѣсной тундры, гдѣ первоначально пришлось довольствоваться для топлива мелкимъ кустарникомъ; но у рѣки Каратайки, въ необычайно болотистой мѣстности, прекратился и этотъ матеріалъ для топлива.

2-го іюня караванъ достигъ Балбинскаго озера, откуда берутъ свое начало р. Сыльва, впадающая въ Усву, и р. Кара, впадающая въ Карское море. 27-го іюня Тронтхеймъ увидѣлъ на сѣверѣ открытое море. На слѣдующій день достигли Сибиряковскаго селенія, а въ полночь 28-го іюня и Хабарова.

Здѣсь Тронтхеймъ узналъ успокоительную вѣсть, что въ Югорскій Шаръ до сихъ поръ никакого парохода или судна еще не заходило. Въ слѣдующіе затѣмъ дни сѣверный вѣтеръ заполнилъ весь проливъ и все море вплоть до горизонта льдомъ.

*) Сани.

Только 10-го іюля море снова стало свободнымъ ото льда, и Тронтхеймъ съ нетерпѣніемъ сталъ изо дня въ день искать въ морѣ „Фрама".

„Фрамъ", между тѣмъ только 21-го іюля (новаго стиля) ушелъ изъ Вардё и направилъ курсъ къ южной оконечности Новой-Земли, чтобы избѣжать столкновенія со льдами при входѣ въ Югорскій Шаръ. Въ полночь корабль попалъ въ густой туманъ, заставившій его бросить якорь и простоять на мѣстѣ двое сутокъ, въ продолженіи которыхъ Нансенъ и спутники его усердно занимались различными наблюденіями и изслѣдованіями. Рано утромъ 25-го іюля туманъ нѣсколько разсѣялся, и на горизонтѣ впервые показался ледъ, который скоро, однако, опять скрылся изъ глазъ. Едва кораблю удалось пройти 20 миль, онъ снова попалъ въ густой туманъ и снова долженъ былъ бросить якорь. Когда туманъ черезъ нѣсколько часовъ разсѣялся, корабль очутился въ широкой полосѣ сплошного льда.

„Было истиннымъ удовольствіемъ"—пишетъ секретарь Нансена, О. Христоферсенъ, сопровождавшій его на „Фрамѣ" до Югорскаго Шара,—„смотрѣть, до какой степени приспособлена постройка корабля къ плаванію среди ледяныхъ массъ полярныхъ морей. Трудно описать, до чего легко и безпрепятственно прорѣзывалъ „Фрамъ" волны, подымавшія при столкновеніи съ льдинами оглушительный шумъ. Ходъ „Фрама" ни на минуту не замедлялся даже тогда, когда фарватеръ казался совершенно непроходимымъ вслѣдствіе скученности льдинъ. Корабль шелъ спокойно впередъ, пролагая себѣ путь своимъ мощнымъ стальнымъ носомъ, такъ что льдины, вѣсомъ свыше 100 тоннъ, отлетали въ сторону, какъ мячики, между тѣмъ какъ на „Фрамѣ" не было замѣтно при этомъ ни малѣйшаго сотрясенія. Казалось, что море спокойно, и киль свободно скользитъ по волнамъ".

Нетерпѣніе Тронтхейма, между тѣмъ, увеличивалось изо дня въ день. Наконецъ, 30-го іюля (18-го іюля стараго стиля), онъ увидѣлъ на морѣ дымокъ, а скоро затѣмъ и пароходъ. Не могло быть сомнѣнія, что пароходъ этотъ „Фрамъ". Тронтхеймъ взялъ маленькую самоѣдскую лодку и отправился на встрѣчу. Когда онъ подплылъ къ пароходу и назвалъ себя по имени,

его тотчасъ-же приняли на палубу, гдѣ къ нему подошелъ высокій, необычайно энергичный на видъ человѣкъ, въ замасленной рабочей куртке. Тронтхеймъ сначала принялъ его за одного изъ матросовъ или машинистовъ, но скоро понялъ, что передъ нимъ самъ Нансенъ. Нансенъ встрѣтилъ его чрезвычайно любезно и разспросилъ о подробностяхъ его трудной поѣздки. Затѣмъ онъ поспѣшилъ на берегъ, осмотрѣть заготовленныхъ для него собакъ.

Личность Нансена, какъ это видно изъ упомянутой выше брошюры, произвела на Тронтхейма необыкновенно сильное впечатлѣніе.

„Нансенъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, высокаго роста. Каждое его движеніе, каждое его слово говорятъ объ энергіи, силѣ воли и стойкости. Его обращеніе съ подчиненными, подобранными молодецъ къ молодцу, отличается душевностью и любовью. Повидимому это одна семья, соединенная одной идеей, страстно стремящаяся къ ея осуществленію. Весь тяжелый черный трудъ раздѣленъ между экипажемъ поровну, и тутъ уже нѣтъ различія между простымъ рабочимъ-матросомъ, капитаномъ и самимъ начальникомъ экспедиціи, подающимъ всегда и во всемъ примѣръ. Въ общей работѣ участвуетъ и докторъ. И эта общность труда, это отсутствіе ранговъ является связующимъ звеномъ всего экипажа“. Такія отношенія между экипажемъ произвели на Тронтхейма самое благопріятное впечатлѣніе, подавая ему надежду, „что въ трудную минуту путешествія экипажъ сумѣетъ постоять за себя“.

„Фрамъ“ простоялъ въ Хабаровѣ нѣсколько дней въ ожиданіи шкуны „Уранія“, которая должна была доставить ему запасъ угля. Временемъ стоянки Нансенъ воспользовался отчасти для ознакомленія съ положеніемъ льдовъ въ открытомъ морѣ, отчасти для охоты и собиранія минералогическихъ коллекцій по берегу. Въ это время Тронтхеймъ ежедневно бывалъ на „Фрамѣ“, обѣдая и завтракая тамъ. Нансенъ, познакомившись съ этимъ дѣльнымъ и знающимъ человѣкомъ поближе, предложилъ ему поступить на „Фрамъ“ матросомъ на 3 года за жалованье 70 р. въ мѣсяцъ. Неподготовленный къ такому предложенію, Тронтхеймъ отказался, такъ какъ у него не были устроены дѣла въ Тобольскѣ.

3-е августа было послѣднимъ днемъ стоянки „Фрама“ въ Хабаровѣ. Въ этотъ день на „Фрамѣ“ перегружали уголь изъ трюма въ кочегарскую. Въ этой работѣ участвовалъ весь экипажъ съ самимъ Нансеномъ во главѣ; затѣмъ Нансенъ съ спутниками отправились на берегъ пробовать собакъ. Въ нарту запрягали по 8 штукъ и садились на нее по 3 человѣка. Испы-

Экспедиція барона Э. фонъ-Толя на Ново-Сибирскіе острова.
(Моментальная фотографія).

таніе закончилось къ полному удовольствію Нансена, и собакъ перевезли на корабль. Когда Тронтхеймъ сталъ просить о выдачѣ ему удостовѣренія въ точномъ и добросовѣстномъ исполненіи возложеннаго на него порученія, Нансенъ сказалъ: „Аттестата и удостовѣренія тутъ мало! Вы исполнили порученіе въ высшей степени добросовѣстно, и тѣмъ оказали экспедиціи большую услугу. Мнѣ поручено передать вамъ золотую медаль, пожалованную Вамъ Е. В. королемъ за ту немалую помощь, которую вы вызвались оказать намъ.“ И вслѣдъ за

тѣмъ Нансенъ передалъ Тронтхейму золотую медаль короля Оскара II и кромѣ того весьма лестный аттестатъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Заключивъ, что „Уранія“ гдѣ нибудь задержана льдами, Нансенъ рѣшилъ сняться съ якоря, не дожидаясь ея.

Тронтхеймъ высадился на берегъ вмѣстѣ съ секретаремъ Нансена, О. Христоферсеномъ, и такъ какъ имъ по всей вѣроятности предстояло еще нѣкоторое время дожидаться прибытія „Уранін“, которая должна была доставить ихъ въ Вардё, Нансенъ щедро снабдилъ ихъ провизіей. Секретарь получилъ также отъ Нансена 79 телеграммъ, адресованныхъ во всѣ концы свѣта и предназначавшихся къ отправкѣ изъ Вардё.

До сихъ поръ погода стояла все время тихая, безвѣтренная, но къ вечеру даннаго дня произошла перемѣна. Поднялся сильный вѣтеръ, перешедшій къ ночи въ штормъ. Ровно въ 12 ч. ночи „Фрамъ“ далъ отходной свистокъ и направился къ выходу въ открытое море. Самъ Нансенъ отправился на паровой шлюпкѣ впередъ, чтобы сдѣлать промѣрку и вывести „Фрамъ“ изъ пролива.

Баронъ Толь, однако, не удовольствовался оказаніемъ экспедиціи Нансена того содѣйствія черезъ посредство Тронтхейма, о которомъ уже сказано, но принялъ еще цѣлый рядъ мѣръ, могущихъ оказаться полезными экспедиціи въ случаѣ несчастнаго исхода ея, а именно позаботился, помимо организованія депо собакъ на устьѣ Оленека, объ устройствѣ спасательныхъ провіантныхъ депо на Ново-Сибирскихъ островахъ.

Въ г. Иркутскѣ, гдѣ баронъ Толь совѣтовался объ этихъ мѣрахъ съ А. М. Сибиряковымъ, онъ познакомился также съ компаньономъ послѣдняго Н. Ф. Кельхомъ. Когда баронъ Толь объяснилъ Кельху, какое значеніе могли-бы имѣть для экипажа „Фрама“, въ случаѣ, если послѣднему суждено раздѣлить судьбу „Жанетты“, устроенныя на Ново-Сибирскихъ островахъ провіантныя депо, Кельхъ выразилъ полное сочувствіе плану и готовность съ своей стороны помочь его осуществленію. Въ виду того, что маршрутъ барона Толя захватывалъ тѣ мѣстности, откуда туземцы лѣтомъ ежегодно отправляются на

южный изъ Ново-Сибирскихъ острововъ, и путешественнику такимъ образомъ представлялась возможность нанять по пути людей, которые бы взяли на себя устройство депо, Кельхъ тотчасъ-же вручилъ барону Толю 1,500 рублей на расходы по закупкѣ и доставкѣ всего нужнаго.

Провіантъ былъ закупленъ въ Якутскѣ и отправленъ на сѣверъ къ устью Яны. Но когда самъ баронъ Толь прибылъ туда, оказалось, что не такъ то легко найти надежныхъ людей, которымъ-бы можно было поручить устройство трехъ проэктированныхъ депо. Одинъ изъ промышленниковъ, Михаилъ Санниковъ, уже не разъ бывавшій лѣтомъ на Ляховскихъ островахъ, взялся въ виду плохого состоянія своихъ собакъ и малаго запаса собачьяго корма, устроить только одно депо, именно ближайшее, на Маломъ Ляховскомъ островѣ.

Тогда баронъ Толь рѣшился самъ добраться до острова Котельнаго, самого сѣвернаго изъ Ново-Сибирскихъ острововъ и лично устроить остальныя депо. Якутскій купецъ Я. Ѳ. Санниковъ пожертвовалъ для совершенія этого путешествія три нарты и 36 ѣздовыхъ собакъ съ упряжью и такимъ запасомъ корма для нихъ, какой только можно было заготовить на скорую руку.

Проэктированныя три депо должны были находиться: одинъ въ станѣ Дурново на западномъ берегу о. Котельнаго, подъ 75°36' с. ш., второй на 100 километровъ южнѣе на 74°55' у рѣки Урассалаха и третій на южномъ берегу Малаго Ляховскаго острова.

Въ случаѣ крушенія „Фрама“ и высадки экипажа на самый сѣверный изъ Ново-Сибирскихъ острововъ, Нансенъ нашелъ-бы въ первомъ депо запасъ провіанта для двѣнадцати человѣкъ на восемь дней, что дало-бы ему возможность предпринять переходъ вдоль берега до находящагося на 100 километровъ южнѣе второго депо. Здѣсь экипажъ нашелъ-бы въ построенномъ барономъ Толемъ еще въ 1886 г. домикѣ запасъ провіанта на мѣсяцъ. Третье-же депо, устроенное въ домикѣ на южной оконечности Малаго Ляховскаго острова, снабдило-бы экипажъ провіантомъ на два мѣсяца, что дало-бы ему возможность добраться до материка.

Въ письмѣ къ баронессѣ Толь, отправленномъ съ Айджер-

*

гайдаха, у подножья южнаго склона горъ Святого Носа, и любезно предоставленномъ въ распоряженіе издателей этой книги, баронъ Толь даетъ живое описаніе своей экспедиціи, которая по обилію приключеній далеко превосходитъ экспедицію Тронтхейма изъ с. Мужей въ Хабарово.

Не желая понапрасну тревожить жену, баронъ Толь скрылъ отъ нея настоящую цѣль своей поѣздки и, лишь благополучно совершивъ путь, описалъ ей, какъ все было. „Да, намъ есть за что благодарить Бога“,—пишетъ онъ между прочимъ: „и Онъ помогаетъ всякому, кто желаетъ помочь ближнему и стремится сдѣлать хорошее дѣло—ты увидишь здѣсь вѣсскія доказательства этого“.

Далѣе онъ пишетъ:

“16-го апрѣля, отправляя отсюда почту, я былъ готовъ выѣхать въ путь, и упомянутое въ телеграммѣ „мѣсто нахожденія остатковъ мамонта“, которое я „хотѣлъ изслѣдовать“, были—Ново-Сибирскіе острова; названные же въ телеграммѣ къ ф. Рейтершёльду „надежные промышленники“—мы сами. Я поступился въ данномъ случаѣ правдой, ради того лишь, чтобы не подвергать тебя тревогѣ. Ты навѣрное простишь мнѣ это; я не могъ поступить иначе. Прежде всего нужно было сдержать данное слово. Разъ Санниковъ испугался и пошелъ на попятный, некому было больше исполнить дѣла, кромѣ меня самого. Ни Джергели, ни Омунджа *) не поѣхали бы на о. Котельный безъ меня, да и кромѣ того одни они никогда-бы не устроили депо, какъ должно. А что было-бы, еслибъ Нансенъ, лишившись своего корабля, поспѣшилъ на о. Котельный и не нашелъ тамъ ничего“?

Какъ уже сказано, баронъ Толь получилъ только 36 собакъ, три нарты и часть того корма для собакъ, которымъ надо было запастись въ 36-дневный путь. Остальной кормъ онъ долженъ былъ найти отчасти на Большомъ Ляховскомъ островѣ, гдѣ его должны были оставить рабочіе Санникова, отчасти же на Маломъ Ляховскомъ, куда взялся доставить его М. Санниковъ. Самыя собаки были въ довольно жалкомъ состояніи; изъ нартъ одна была коса и крива еще до отъѣзда, другая съ заплатой на днѣ, третья же хоть и исправна, но тяжела.

*) Два ламута-проводника, о которыхъ пойдетъ рѣчь ниже.

Экспедиція состояла изъ начальника—барона Толя, его помощника—лейтенанта Шилейко, казака Расторгуева, двухъ ламутовъ: Джергели и Омунджи, сопровождавшихъ барона Толя и во время его поѣздки въ 1886 г., и якута Уйбана. Послѣдній былъ плотникомъ и опытнымъ „каюромъ“ *) но, захворалъ какъ разъ передъ самымъ отъѣздомъ, и барону Толю пришлось его оставить, взявъ на его мѣсто тунгуса Максима. Вотъ что пишетъ баронъ ф. Толь о своихъ проводникахъ-туземцахъ:

„Друзья мои ламуты знаютъ только своихъ оленей, а съ собаками и обращаться не умѣютъ, не то что править ими. Пришлось поэтому мнѣ съ Шилейко и Расторгуевымъ придти на помощь нашимъ каюрамъ. Джергели ѣхалъ на нартѣ со мною, Максимъ съ Шилейко, а Омунджа съ Расторгуевымъ. Просто смѣшно было смотрѣть на нашихъ каюровъ: ни одинъ изъ нихъ не зналъ, которую изъ собакъ пустить впередъ. Джергели перепробовалъ въ первые же дни всѣхъ своихъ собакъ, пока, наконецъ, не остановился на двухъ изъ нихъ, а именно на собственной своей любимой охотничьей собакѣ, которую взялъ съ собой, и на маленькой пестрой ѣздовой собачкѣ. Парочка эта съ начала до конца путешествія отличалась достойной уваженія послѣдовательностью, во первыхъ въ нежеланіи обращать вниманіе на обычные возгласы каюра: „нано, нано“ (налѣво) и „токъ, токъ“ (направо), а во вторыхъ въ непреодолимомъ желаніи наѣзжать на самые невозможные „торосы“ **) вмѣсто того, чтобы обходить ихъ. Передъ отъѣздомъ изъ Айджергайдаха Джергели срѣзалъ себѣ предлинную каюрную палку, но всякій разъ, какъ мы трогались въ путь, онъ тщательно привязывалъ ее къ нартѣ и ни разу не примѣнилъ къ дѣлу; да она и не годилась: была и длинна и тяжела. Когда надо было остановить собакъ, слышались только его безпомощные крики „той! той“! (стой, стой), и при крутыхъ заворотахъ, мы всегда были предоставлены заботамъ благосклонной судьбы. И правда, вывалились мы всего разъ; Джергели оказался подъ нартой; на его счастье, она была нагружена не двадцатью пудами, а всего двумя, такъ какъ случилось это на обратномъ пути.

*) Человѣкъ, правящій запряжкой собакъ.

**) Кочки.

Джергели не переставалъ гордиться своей охотничьей собакой, которая ухищрялась на бѣгу ловить попадавшихся мышей. Охота шла очень успѣшно, и бѣжавшая въ парѣ съ охотничьей маленькая собачка разъ до того объѣлась, что совсѣмъ отяжелѣла и не могла даже мало-мальски сносно исполнять свои обязанности ѣздовой собаки, пока не освободилась отъ излишка непереварившихся въ желудкѣ мышей.

Омунджа, не смотря на свою положительную ненависть ко всѣмъ животнымъ, неукрашеннымъ оленьими рогами, проявлялъ таланты настоящаго каюра. Онъ отлично выдрессировалъ своихъ собакъ палкой и вообще неупотребляемымъ при такой ѣздѣ кнутомъ, такъ что его нарта, прозванная „исправительной ротой“, всегда была впереди моей. Доброе сердце Джергели, напротивъ, позволило ему побить своихъ собакъ только разъ за все время пути. Само собой разумѣется, что моя нарта вслѣдствіе этого всегда оставалась позади. Максимъ, тотъ все больше старался подѣйствовать на своихъ собакъ словомъ. Онъ то и дѣло разсказывалъ имъ длинныя исторіи, которыя всѣ сводились къ одному и тому-же: „кара баръ оль тугуй, кара баръ оль тугуй“, т. е. „тамъ чернѣетъ что-то, тамъ чернѣетъ что-то“... Онъ пытался обманомъ заставить собакъ ускорить бѣгъ, суля имъ вдали несуществующую дичь. Зато Шилейко и далъ ему прозвище „кара“ (черный). Лейтенантъ вообще отлично уживался съ Максимомъ и отъ души забавлялся, глядя на его полуплаксивую, полусмѣющуюся физіономію.“

20 апрѣля (стараго стиля) экспедиція тронулась въ путь изъ Чай-Поварни, отъ подножья Св. Носа, и при хорошей погодѣ проѣхала по льду въ тридцать часовъ 70 верстъ до Малаго Зимовья на островѣ Ляховѣ, откуда то въ буранъ, то въ дождь продолжала путь до вечера 24 апрѣля, когда достигла „Мишина Стана“, хижины Михаила Санникова на юго-западномъ берегу Малаго Ляховскаго острова. Утромъ 28 апрѣля путники благополучно достигли Медвѣжьяго мыса на южномъ берегу о. Котельнаго, и затѣмъ продолжали путь почти безъ роздыха до первой главной своей цѣли—Урассалаха, гдѣ стоялъ построенный барономъ Толемъ въ 1886 г., домикъ, предназначенный для депо.

„Я надѣялся было“—пишетъ баронъ Толь въ упомянутомъ

выше письмѣ къ своей женѣ—„пожить нѣсколько дней въ домикѣ и немедленно заняться устройствомъ депо, но это оказалось не такъ-то легко. Всѣ три комнатки домика были биткомъ набиты снѣгомъ до самой крыши. Самая задняя комнатка, служившая мнѣ въ 1886 г., банею, показалась мнѣ наиболѣе подходящей для склада провіанта. Но прежде всего нужно было заняться уборкой снѣга, и такъ какъ мы съ Шиплейко подавали хорошій примѣръ, то на второй-же день былъ по крайней мѣрѣ прочищенъ проходъ до бани. Казакъ нашъ былъ главнымъ распорядителемъ, Джергели орудовалъ парой тунгусскихъ лопатъ, вродѣ игрушечныхъ, и пренаивно восклицалъ: „Какъ тутъ сдѣлаешь больше?“ Омунджа и Максимъ приносили не больше пользы, и тутъ-то особенно дало себя почувствовать отсутствіе хорошаго работника; но личнымъ примѣромъ и пожертвованіемъ половины нашего запаса спиртныхъ напитковъ—полбутылки коньяку—намъ все-таки удалось настолько подбодрить нашихъ помощниковъ, что они не сложили рукъ въ отчаяніи передъ непреодолимостью труда. Въ ночь на 4 мая я могъ, наконецъ, двинуться дальше. Омунджа самъ пожелалъ остаться, чтобы окончательно привести въ порядокъ освобожденную ото льда и снѣга баньку и уложить провіантъ; Максимъ-же долженъ былъ сопровождать насъ до стана Дурново, помочь намъ тамъ при устройствѣ депо и затѣмъ тотчасъ-же вернуться на нартѣ къ Омунджѣ, пособить ему поскорѣе покончить съ укладкой провіанта и надежнѣе закрыть и забить самый домикъ.

5-го мая экспедиція достигла стана Дурново на 75° 36′ с. ш., гдѣ въ ямѣ, вырытой на 20 вершковъ въ глубину, былъ поставленъ ящикъ съ слѣдующими припасами:

„12 ф. шоколада, 6 жестянокъ съ гороховыми консервами, 3 плитки кирпичнаго чая, 10 ф. масла въ жестянкѣ, 6 ф. сахару, 1 ф. соли, 5 пачекъ спичекъ, 1 ф. сушеныхъ кореньевъ, 2 ф. дроби, 7 ф. пороху, 280 пистоновъ. Яму закрыли возможно плотнѣй, чтобы защитить отъ разграбленія медвѣдями. Сначала мы положили обледенѣвшую доску, на нее снѣгу, который поливали водой, пока онъ не превратился въ ледъ, сверху наложили еще бревенъ, глины, снѣгу, опять полили водой и еще положили глины. Надо всѣмъ этимъ воздвигли

небольшой деревянный срубъ. Въ самый ящикъ мы вложили записку съ привѣтствіемъ. „Fram“ med Gud, т. е. „Впередъ съ Богомъ!“ Рядомъ-же вогнали въ землю мачту-стволъ, которую можно было видѣть издалека, и прибили къ ней доску съ надписью: „Депо Нансена № 1. Станъ Дурново. Къ мачтѣ приставили кирку и лопату.“

Баронъ Толь предполагалъ было остаться здѣсь на нѣкоторое время, ради различныхъ научныхъ наблюденій, но кормъ для собакъ изсякъ, и 7-го мая ему пришлось отправиться въ обратный путь. У устья рѣки Чукотской сдѣлали привалъ, который, вслѣдствіе разразившейся пурги, продолжался съ 8-го по 11-го мая; собакъ пришлось свести на полупорціи. Ночью 12 мая снова двинулись въ путь, но снѣгъ такъ растаялъ, что не могло быть и рѣчи о ѣздѣ; пришлось идти пѣшкомъ. Шилейко отправился на охоту и застрѣлилъ бѣлаго медвѣдя, мясо котораго съ лихвой и вознаградило собакъ за постъ.

Наконецъ, опять добрались до Урассалаха.

„Омунджѣ, между тѣмъ, пришлось пробыть одному вмѣсто трехъ дней цѣлыхъ восемь, такъ какъ Максимъ, задержанный бураномъ, вернулся одновременно съ нами. Непривычное одиночество вмѣстѣ съ небезпричиннымъ, хотя для насъ европейцевъ и непонятнымъ страхомъ передъ бѣлыми медвѣдями, страшно подѣйствовали на старика Омунджу. Онъ былъ совершенно неузнаваемъ и выглядѣлъ выходцемъ изъ гроба. Какъ настоящее дитя природы, онъ излилъ всю свою злобу на меня за то, что я оставилъ его одного, даромъ что онъ самъ проспался остаться, считая работу въ Урассалахѣ куда легче дальнѣйшаго путешествія. Мало по малу онъ, однако, пришелъ въ себя и подъ вліяніемъ Джергели пересталъ быть глухимъ къ доводамъ. Потомъ онъ не разъ просилъ у меня прощенія за то, что по неразумію своему свалилъ всю вину на меня и обвинялъ меня въ равнодушіи къ нему.

„Шилейко-же дорого обошлась его удачная охота. Онъ страдалъ глазами еще въ станѣ Дурново, а на второй день послѣ нашего прибытія въ Урассалахъ, они и вовсе закрылись; онъ не былъ въ состояніи раскрыть вѣки и страдалъ невыносимо. Мнѣ было очень тяжело смотрѣть, какъ мой

спутникъ страдаетъ отъ этой мучительной снѣжной слѣпоты, тѣмъ болѣе, что я сознавалъ за собою вину. Заготовляя въ Айджергайдахъ въ дорогу небольшой запасъ необходимыхъ лекарствъ, я взялъ также и капель атропина, но налилъ ихъ въ стклянку слишкомъ много, такъ что, когда онѣ на морозѣ замерзли, стклянка лопнула, и мнѣ пришлось выбросить ее.

Въ Урассалахѣ.

Такимъ образомъ изъ глазныхъ средствъ у меня оставался только сулемать. Но я позабылъ пропорцію, въ которой это средство употребляется. Одинъ мой другъ, петербургскій окулистъ, приводилъ мнѣ ее въ 1884 г., но съ тѣхъ поръ я совсѣмъ позабылъ объ этомъ средствѣ, тѣмъ болѣе, что во время моей первой экспедиціи ни я, ни спутники мои ни разу не страдали отъ снѣжной слѣпоты. Главной причиной страданій Шилейко были его астрономическія работы, измѣреніе солнечной высоты; а къ этому прибавилось еще то, что онъ натрудилъ себѣ глаза на охотѣ за бѣлымъ медвѣдемъ и

во время тяжелаго пѣшаго пути до Урассалаха по рыхлому снѣгу—все безъ очковъ."

Наконецъ, я больше не могъ смотрѣть на его страданія, не попытавшись облегчить ихъ. Я рѣшился прибѣгнуть къ сулимату, и мнѣ показалось, что я припомнилъ пропорцію, но я ошибся и вмѣсто $^3/_{10}$ % раствора приготовилъ $^3/_4$ %. Для начала я капнулъ только въ правый глазъ, и въ теченіе сутокъ со страхомъ ожидалъ результатовъ. Когда эти ужасныя сутки прошли—настало улучшеніе. Благодаря Бога, Шилейко могъ открывать глаза, боли значительно уменьшились, и представь себѣ: правый глазъ былъ таки лучше лѣваго!

Улучшеніе глазъ Шилейко послужило намъ сигналомъ къ отправкѣ дальше. Скоро пришлось окончательно убѣдиться въ необычайно раннемъ наступленіи лѣта. Еще 8 мая мы замѣтили первыхъ перелетныхъ птицъ—большую серебряную чайку. Но я утѣшалъ качавшихъ головами старинковъ-проводниковъ нашихъ поговоркой: „одна чайка еще не приноситъ лѣта". 12-го мая въ Урассалахѣ насъ привѣтствовала первая чета гусей, 15-го мы увидѣли стаю турухановъ (sommateria spectabilis), несшихся съ сѣвера. Наконецъ, 16-го у Медвѣжьяго мыса привѣтствовала меня своимъ грустнымъ турлёканьемъ моя любимая птица—куликъ (trinda islandica). Все это, однако, еще не предвѣщало ничего опаснаго, кромѣ трудноватой обратной поѣздки и, въ самомъ крайнемъ случаѣ, потери времени въ ущербъ Анабарской экспедиціи.

Итакъ, 14-го мы двинулись изъ Урассалаха — (Депо Нансена № 2) въ томъ-же дружелюбномъ, хорошемъ настроеніи, въ какомъ и прибыли сюда. На этотъ разъ я, вѣроятно, навсегда простился съ старымъ своимъ домикомъ, въ которомъ я прожилъ въ 1886 г. почти три мѣсяца и теперь опять проспалъ нѣсколько ночей. У Медвѣжьяго мыса мы провели Троицу и хорошо поработали. 17-го мая вечеромъ мы окончательно распростились съ островомъ Котельнымъ. Погода стояла ясная, и островъ лежалъ весь озаренный мягкимъ свѣтомъ; эта прекрасная картина глубоко врѣзалась намъ въ память. 18-го мая мы сдѣлали привалъ на льду приблизительно въ 45 верстахъ отъ острова, пройдя этотъ путь пѣшкомъ въ

10 часовъ. Торосы, между тѣмъ, то и дѣло предательски высовывались изъ подъ снѣжнаго покрова. Прежній твердый снѣжный путь сталъ мягкой снѣжной кашей пополамъ съ водой, въ которой мы тонули по поясъ. На другой день послѣ нашего привала пошелъ дождь, вслѣдствіе чего воды между торосами еще прибыло.

Приведу изъ моего дневника слѣдующую выдержку: "19-го мая 6½ ч. утра. На льду между о. Котельнымъ и Малымъ Ляховскимъ, гдѣ именно—неизвѣстно. Фатальное положеніе: измокшіе до костей заблудились въ снѣжной пустынѣ; кругомъ торосы, которые изводятъ насъ и собакъ; нѣтъ топлива; температура 0°; совсѣмъ замерзли. Съ послѣдней стоянки прошли, пожалуй, верстъ 15 въ 8 часовъ. Сначала шли на востокъ, затѣмъ на юго-востокъ. Напали на слѣды оленя, по которымъ и прошли назадъ. Опять начались торосы съ мокрымъ снѣгомъ, скорѣе водой, въ промежуткахъ; вязнемъ на каждомъ шагу по поясъ; вдобавокъ еще сверху сыплется мокрый снѣгъ и изморозь. Собаки тащатъ нарты только тогда, если самъ берешься за нарты, или подталкиваешь ихъ сзади. Верстахъ въ 7-ми отъ мѣста стоянки вдали показалась какая-то туманная полоска. Омунджа согласился съ моимъ предположеніемъ, что это должно быть Малый Ляховскій островъ, но тѣмъ не менѣе взялъ направленіе на югъ. Скоро затѣмъ полоска изчезла, мы потеряли дорогу и совершенно измокли. Пройдя верстъ 18, мы остановились для совѣщанія. Разбили палатку. Джергели безъ моего вѣдома, пока я шелъ впереди, бросилъ взятое нами съ собой топливо, предполагая, что островъ всего верстахъ въ 20-ти. Теперь и онъ и Омунджа сильно пріуныли, сознавая, что сдѣлали глупость. Пришлось подбадривать ихъ—во-первыхъ порціей шоколада въ дорогѣ, во вторыхъ чашкой теплаго какао въ палаткѣ и въ третьихъ—послѣднимъ средствомъ успокоенія для туземцевъ—напоминаніемъ, что въ Мишиномъ станѣ ждетъ водка, которую успѣлъ за это время привезти туда Михаилъ Санниковъ. На это Омунджа сказалъ мнѣ: „Ладно, господинъ, но если мы придемъ туда, да не найдемъ водки, мы помремъ. А если ты дашь намъ попить, такъ до сыта!"

Вода такъ и течетъ отовсюду; все въ водѣ, и ни малѣй-

шей надежды обсушиться при нашемъ жалкомъ огнѣ. Мы двое еще въ хорошемъ настроеніи, но остальные совсѣмъ нахохлились.

Какъ разъ, пока я писалъ это, раздался радостный крикъ Джергели: онъ увидалъ островъ! Туманъ разошелся, до сѣвернаго берега Малаго Ляховскаго острова всего 10 верстъ! Надо покормить собакъ, а затѣмъ въ путь."

Денекъ выдался для нихъ тяжелый. „Вчера при выступленіи"—говорится въ дневникѣ дальше—„я такъ замерзъ—да и другіе, пожалуй, не меньше—что только моей командой: „музыка впередъ", т. е. моимъ громкимъ пѣніемъ и подражаніемъ барабанамъ, флейтамъ и пр., а также притопываньемъ, удалось кое-какъ поднять упавшій духъ отряда.

23-го мая мы вышли и 25-го дошли до „Малаго Зимовья", гдѣ нашли настоящее лѣто: въ рѣкѣ шумѣла растаявшая снѣжная вода, и на берегу широкой полосой стояла надпочвенная вода. Къ 27 мая мнѣ хотѣлось имѣть подъ ногами твердую почву, чтобы съ чистой совѣстью отпраздновать день твоего рожденья. Такъ и вышло.

25-го мая при ясномъ свѣтѣ полуночнаго солнца и легкомъ морозцѣ мы начали послѣдній переходъ по льду. Сначала шлепали по водѣ, затѣмъ пошли по довольно крѣпкому льду, пока не дошли до торосовъ. Тутъ опять началось старое шлепанье по водѣ. При выступленіи нашемъ, горы Св. Носа, цѣль нашихъ стремленій, сіяли яркимъ золотымъ блескомъ; теперь-же позади нихъ образовался болѣе темный фонъ, на которомъ онѣ выступали рѣзкими контурами. Теперь видно было, что только верхняя часть горъ покрыта снѣгомъ, тогда какъ нижняя уже свободна отъ снѣга и отливала какими-то темноголубыми тонами. Темный фонъ неба заставилъ обоихъ нашихъ стариковъ повѣсить носы еще передъ выступленіемъ. Изъ него выплыло теперь тяжелое, точно грозовое облако, и направилось на югозападъ, противъ вѣтра.

Въ 5 ч. утра Св. Носъ потемнѣлъ; туча дошла до него и черезъ полчаса совершенно заволокла его. Въ 6 часовъ совсѣмъ стемнѣло, а еще черезъ нѣсколько минутъ разразилась гроза; сперва градъ, потомъ ливень. Морозъ только-что отпустилъ, и наши полуголыя ноги въ изорванной обуви всюду

ступали между торосами въ воду. Отъ ливня все у насъ опять смокло. Мнѣ еще удалось во-время прикрыть палаткой нарты съ инструментами; но постели уберечь нельзя было. Собаки прямо отказались отъ службы, и нечего другого не оставалось, какъ сдѣлать привалъ, хотя пройдено было всего 30 верстъ. Въ палаткѣ настроеніе людей нѣсколько поднялось, благодаря глотку водки; сами-же мы, не смотря на потоки воды сверху, сзади, снизу, отовсюду, еще не падали духомъ: это, пожалуй былъ, вѣдь, нашъ послѣдній привалъ въ палаткѣ на льду и предпослѣдній переѣздъ на собакахъ. На другой день, 26-го, удалось даже подкрѣпиться сномъ. Въ полночь мы выступили; погода снова разгулялась, туманъ исчезъ, горы на материкѣ стояли передъ нами озаренныя яркимъ свѣтомъ и до нихъ оставалось пройти только верстъ 30–40.

Послѣ $8^1/_2$ часового перехода, то по гладкому, слегка покрытому сверху водой, льду, то между ужасными торосами, то, наконецъ, по колѣна въ водѣ при температурѣ 0^0, мы достигли материка въ самый день твоего рожденія и отпраздновали его въ Чай-Поварнѣ вмѣстѣ съ счастливымъ окончаніемъ нашей поѣздки.

Здѣсь, у подножія самой восточной изъ скалъ Св. Носа, Чаптагайтара, мы нашли большое оживленіе. Санниковъ выслалъ намъ на встрѣчу 15 оленей съ вожакомъ Уйбаномъ, успѣвшимъ за это время оправиться. Три артели промышленниковъ разбили здѣсь палатки и ждали лишь удобной минуты, чтобы отправиться на оленяхъ на Большой Ляховскій островъ. Они высоко нагрузили свои нарты, чтобы самимъ сидѣть повыше и спастись отъ сырости въ дорогѣ. Промышленниковъ оставалось здѣсь только восемь человѣкъ, такъ какъ остальные, при видѣ высокаго уровня надпочвенной воды, вернулись обратно. Двое изъ остававшихся восьми пытались накануѣ нашего пріѣзда двинуться по пройденному нами пути, но вернулись обратно. Лишь 1-го іюня послѣ того какъ разразившаяся при сильномъ пониженіи температуры 31 мая пурга снова окутала всю мѣстность зимнимъ покровомъ, удалось имъ двинуться впередъ. Мы также воспользовались удобной минутой и важно покатили на оленяхъ вдоль берега къ западному мысу Св. Носа. Теперь мы были избавлены отъ

возни съ собаками. Но что-же сталось съ этими славными животными, которыя почти безъ отдыха, при плохомъ кормѣ, тащили насъ, или по крайней мѣрѣ наши пожитки цѣлыхъ 38 дней и, конечно, тоже заслуживали хорошей награды за свою службу? Почти всѣ онѣ нашли у Чай-Поварни свою могилу! Корма на всѣхъ собакъ не могло хватить, а пустить ихъ на волю въ тундру было рискованно,—въ жилахъ ихъ течетъ, вѣдь, волчья кровь, и онѣ скоро стали-бы преслѣдовать и домашнихъ и дикихъ оленей и тѣмъ еще увеличили-бы бѣды, чинимыя волками. Поэтому оставалось только предать ихъ смерти, хоть это и было вопіющей несправедливостью. Пощадили только нѣсколькихъ изъ нихъ. Джергели, конечно, выпросилъ жизнь своей любимицѣ, на мой взглядъ возмутительному животному, которое во весь путь почти не везло, а устроило себѣ изъ поѣздки охоту для своего личнаго удовольствія. Прекрасной старой полярной собакѣ, которая уже второй разъ возила меня на островъ, я самъ даровалъ жизнь; но при одной изъ многихъ переправъ черезъ бушевавшія во время разлитія рѣки бѣдное животное утонуло."

Позже въ томъ-же году было куплено по порученію барона ф. Толя и на счетъ г. Кельха еще 26 восточно-сибирскихъ собакъ, которыхъ доставилъ къ устьямъ Оленека норвежецъ Іоганъ Торгерсенъ. Послѣдній ждалъ здѣсь „Фрама" съ начала августа по 15 сентября, но корабль не зашелъ туда. По наблюденіямъ барона Толя, лѣто 1893 г. было особенно благопріятно для плаванія въ Ледовитомъ океанѣ, и поэтому весьма вѣроятно, что Нансенъ, обогнувъ мысъ Челюскинъ, направилъ курсъ прямо на сѣверъ или сѣверо-востокъ отъ Карскаго моря, можетъ быть, по направленію къ острову Уединенія.

Земляки Нансена, навѣрное, съ особымъ удовольствіемъ прочтутъ это живое описаніе трудностей и опасностей, съ которыми была сопряжена экспедиція барона Толя на Ново-Сибирскіе острова. Эти единственныя въ своемъ родѣ жертвы, принесенныя ради нашего земляка иностранцемъ, являются особенно яркимъ доказательствомъ того участія, съ которымъ за-границей слѣдятъ за его отважнымъ предпріятіемъ.

Новая Сибирь и Сѣверный полюсъ.

(Статья барона Эдуарда ф. Толя).

— Тангара́ (Богъ, властелинъ міра) слишкомъ великъ для того, чтобы самому заботиться обо всемъ. Какъ великому господину обойтись безъ приказчика?

Такъ сказалъ однажды, въ бесѣдѣ со мной, старый пріятель мой, Джергели, когда мы съ нимъ въ ноябрѣ 1886 г., на возвратномъ пути съ Ново-Сибирскихъ острововъ, сидѣли въ палаткѣ у огонька. За стѣнами палатки свистѣлъ вѣтеръ, и разразившійся надъ тундрой буранъ такъ и сыпалъ во всѣ щели и дыры палатки снѣгъ на наши одежды и одѣяла.

Со свойственной этому маленькому гибкому человѣчку живостью движеній, Джергели быстро отставилъ чайную чашку, послѣ того какъ съ наслажденіемъ опорожнилъ ее въ десятый разъ, затѣмъ, протягивая ко мнѣ полѣнцо, которымъ помѣшивалъ костеръ, разбрасывавшій при этомъ кучу искръ во всѣ стороны, продолжалъ:

— Тойонъ (господинъ)! Откуда по твоему этотъ пловучій лѣсъ? И кто посылаетъ лѣтомъ на острова оленей? Кто зарылъ на нихъ кости (мамонтовые клыки)? Не самъ-же Тангара́? Нѣтъ, это сдѣлалъ птшитэ (духъ) острововъ, а тамъ на материкѣ есть свой птшитэ. Какъ-же можно, чтобы у Тангары́ не было своихъ приказчиковъ, приставленныхъ каждый къ своему дѣлу? Вотъ это и есть птшитэ. Но приказчикъ всегда остается приказчикомъ и задаромъ ничего для людей не дѣлаетъ. Вотъ мы послѣ хорошей охоты и даемъ птшитэ что́ слѣдуетъ. Все равно,

какъ вотъ святымъ ставимъ свѣчки, чтобы они приготовили намъ на небѣ хорошее мѣстечко.

Джергели схватилъ свою берестянку съ табачкомъ, понюхалъ и на нѣсколько минутъ задумчиво уставился въ одну точку.

— Тойонъ!—вдругъ обратился онъ ко мнѣ, снова возвращаясь къ своей излюбленной темѣ:—А на землѣ Санникова *) тоже есть пловучій лѣсъ, и олени, и кости?

Я объяснилъ ему, что, по моему мнѣнію, на западномъ берегу Санниковой земли долженъ быть пловучій лѣсъ, а, можетъ быть, есть также и олени и мамонтовая кость. Все лицо Джергели вспыхнуло, выразивъ какую-то страстную тоску и внутреннее восхищеніе, безъ сомнѣнія, вызванныя перспективой охоты на оленей и собиранія мамонтовой кости на островѣ, гдѣ еще никто никогда не охотился и не собиралъ ничего.

Но скоро это впечатлѣніе смѣнилось серьезнымъ раздумьемъ. Мнѣніе свое Джергели резюмировалъ такъ:—Значитъ, пловучій лѣсъ идетъ туда съ Лены; это вѣрно. И разъ эти американы (американцы) нашли оленій рогъ на другой землѣ Санникова (о. Беннетта), отчего-жь не быть оленямъ и на этой? А что до костей, такъ понятно,—прибавилъ онъ, руководимый собственною мудростью—что она должна быть и тамъ; и тамъ, вѣдь, былъ потопъ.

— Что ты хочешь сказать этимъ?—спросилъ я, съ большимъ любопытствомъ ожидая его дальнѣйшихъ объясненій.

— Очень просто, тойонъ. Когда Ноа построилъ ковчегъ, надо было вогнать туда всѣхъ звѣрей; но построилъ-то онъ плохо, ковчегъ вышелъ больно малъ, и мамонтъ не могъ влѣзть въ него. Вотъ бѣдныя животныя и плыли за ковчегомъ, пока не выбились изъ силъ и не потонули. Потомъ, какъ вода-то сбыла, мамонтовыя туши и остались лежать тутъ во льдахъ, вмѣстѣ съ принесеннымъ потопомъ пловучимъ лѣсомъ. А если здѣсь всѣ острова были подъ водой, то вѣрно была подъ водой и Санникова земля.

Чтобы отстоять оригинальность взгляда моего пріятеля

*) Островъ, виднѣющійся далеко на сѣверъ отъ о. Котельнаго, но еще не достигнутый никѣмъ.

Джергели, я долженъ прибавить, что онъ и не слыхалъ о книгѣ Howorth'a: The Mammoth and the Flood *). Взгляды Джергели на этотъ вопросъ, какъ и все его философское міровоззрѣніе, являются смѣсью библейскихъ и другихъ преданій въ связи съ древне-языческими взглядами и собственными наблюденіями. Джергели могъ также представить еще большее число научныхъ доказательствъ своего мнѣнія, нежели вышеупомянутый авторъ, опираясь на свои личныя наблюденія, свидѣтельствовавшія, что такъ называемый „Ноевъ лѣсъ" является постояннымъ спутникомъ мамонтовыхъ костей. Впрочемъ, впослѣдствіи, въ 1893 г., когда я показалъ Джергели красивыя еще украшенныя листьями и шишками ольховые кусты (alnus fruticosa), отъ 5 до 6 метровъ длины, высовывавшіяся изъ постпліоценовыхъ отложеній, залегающихъ на льду, онъ самъ сознался шаткость своего положенія. Онъ согласился, что эти растительные остатки не могли быть принесены сюда потопомъ, и убѣдился въ томъ, что на Ново-Сибирскихъ островахъ въ одно время съ мамонтами существовала и растительность, которая въ настоящее время встрѣчается только на материкѣ, на нѣсколько градусовъ широты южнѣе, гдѣ теперь граница лѣсной полосы. Теперь Джергели дошелъ до того, что различаетъ попадающіеся на Ново-Сибирскихъ островахъ растительные остатки: современный плавучій лѣсъ, постпліоценовые остатки, т. е. такъ называемый „Ноевъ лѣсъ" и третичные растительные остатки, свидѣтельствующіе о болѣе южной флорѣ въ ту эпоху.

Въ виду той важной роли, которую въ наше время играетъ плавучій лѣсъ въ хозяйственномъ обиходѣ жителей этихъ сѣверныхъ областей, а также того значенія, которое онъ имѣетъ, какъ путеводитель для смѣлыхъ полярныхъ мореплавателей, не безъинтересно будетъ познакомиться съ исторіей этихъ растительныхъ остатковъ. Ради этого придется вернуться къ древнѣйшимъ временамъ земли, отъ которыхъ сохранились въ полярныхъ странахъ растительные остатки. Для большей ясности углубимся въ геологическую исторію этихъ мѣстностей настолько, насколько это позволяетъ намъ неполное знаніе геологіи полярныхъ странъ.

*) Говоритъ: „Мамонтъ и потопъ".

Наиболѣе древнѣйшими отложеніями съ окаменѣлостями являются въ полярныхъ странахъ (не считая нѣкоторыхъ находящихся на материкѣ на $71^1/_2{}^0$ с. ш. кэмбрійскихъ *) отложеній у рѣки Оленека и, быть можетъ, одновременныхъ съ ними Гекла-Гукскихъ отложеній на Шпицбергенѣ) отложенія силурійскаго **) періода на островахъ къ сѣверу отъ Америки и въ землѣ Гриннеля (за 80° с. ш.), а по другую сторону полюса — на о. Котельномъ (76°), сложеннаго изъ слоевъ силурійскаго известняка; эти силурійскія отложенія всѣ отложены подъ моремъ и не содержатъ никакихъ растительныхъ остатковъ. То же можно сказать объ отложеніяхъ слѣдующаго девонскаго ***) періода, отложенныхъ на нѣкоторыхъ островахъ сѣверо-американскаго архипелага, на Новой Землѣ, въ сѣверной части Урала и на о. Котельномъ. И въ слѣдующій каменноугольный періодъ полярное море покрывало собою Шпицбергенъ, Новую Землю и Уралъ, распространяясь на востокъ къ устьямъ Лены.

По этимъ даннымъ можно отчасти заключить, что въ древнѣйшія времена палеозойской эры (силурійскій и девонскій періоды) окружающее полюсъ море покрывало полярныя страны, между тѣмъ, какъ въ слѣдующія, болѣе поздніе времена той-же эры, изъ него тамъ и сямъ уже проглядывала суша. Къ этимъ временамъ прежде всего относятся остатки knorria, calamites и lepidodendron ***), тѣ же характерныя формы которыя найдены сохранившимися на Исландіи, на Медвѣжьихъ островахъ, на крайнемъ сѣверѣ и въ Сибири у Енисея подъ 55° с. ш. Эти растительные остатки помогаютъ намъ нарисовать себѣ картину материковаго періода съ его обширными лѣсами, совпадающаго съ промежуточнымъ временемъ между девонскимъ и каменноугольнымъ періодами, и такъ называемымъ ярусомъ „Урсы“.

*) Кэмбрійская и силурійская формаціи являются старѣйшими земными формаціями съ окаменѣлостями.

**) Названія: кэмбрійскія, силурійскія и девонскія отложенія (отъ Девоншира) заимствованы изъ Англіи, гдѣ впервые описаны эти отложенія.

***) Calamites — растеніе, родственное современнымъ Equisetaceae, представляло въ каменноугольный періодъ большія древо-образныя породы; knorria и lepidodendron — растенія, родственныя современнымъ lycopodium, также образовывали во время каменноугольнаго періода лѣса съ мощными деревьями.

Подъ конецъ палеозойской эры, въ пермскій *) періодъ въ полярныхъ областяхъ снова проявилось болѣе рѣзкое разграниченіе моря и суши; такъ, пермскія морскія отложенія распространены на Шпицбергенѣ и Новой Землѣ, и это доказываетъ, что въ тѣ времена здѣсь было море. Напротивъ, на востокъ, по другую сторону Урала, во всей сѣверной части материка Сибири, не найдено и слѣда пермскихъ морскихъ отложеній. Здѣсь въ пермскій періодъ и находился, по всей вѣроятности, обширный материкъ, флора котораго главнымъ образомъ извѣстна по содержащимъ графитъ отложеніямъ у Нижней Тунгуски.

Материкъ этотъ былъ во время слѣдующаго тріасоваго періода (въ началѣ мезозойской или средней эры) окруженъ огромнымъ моремъ, покрывавшимъ половину сѣверо-восточной Азіи отъ устьевъ Амура до Лены, слѣдовательно, сплошнымъ пацификъ-арктическимъ океаномъ.

Въ слѣдующій затѣмъ періодъ мезозойской эры (во время юрскаго **) періода и первой части мѣловаго) полярныя страны и сѣверо-восточная Азія были покрыты такимъ-же пацификъ-арктическимъ океаномъ.

Именно эта-то область сѣверо-восточной части Сибири, покрытая подъ конецъ палеозойской и во время большей части мезозойской эры моремъ, поднялась въ болѣе поздніе времена въ видѣ цѣлаго ряда горныхъ хребтовъ, тогда какъ старый западно-сибирскій материкъ, напротивъ, образовалъ ровное плоскогоріе, раздѣленное на отдѣльныя плато, время возникновенія которыхъ уходитъ въ кэмбрійскій періодъ.

Плоскогоріе это было во время юрскаго періода покрыто густой растительностью, остатки которой прекрасно сохранились въ столь богатыхъ растительными остатками юрскихъ отложеніяхъ около Иркутска. Рѣки этого сибирскаго юрскаго материка уносили, какъ и теперь, древесные стволы къ берегамъ тогдашняго полярнаго моря, гдѣ они подъ конецъ пошли ко дну и сохранились въ отложенныхъ подъ моремъ слояхъ

*) Названіе это взято отъ Пермской губерніи, гдѣ значительно распространены отложенія этого періода.

**) Это названіе взято отъ горъ Юры, въ которыхъ встрѣчается масса отложеній этого періода.

того времени. Такимъ образомъ у устьевъ рѣки Анабара подъ 72° с. ш. въ морскихъ осадкахъ юрскаго возраста находятся древесные стволы, которые, будучи вымыты теченіемъ рѣки изъ рыхлаго песчаниковаго слоя, часто поразительно напоминаютъ современный плавучій лѣсъ, между тѣмъ какъ они на милліоны лѣтъ старше его, даромъ что лежатъ теперь вмѣстѣ. Въ томъ фактѣ, что упомянутые растительные остатки, какъ здѣсь, такъ и въ слояхъ, отложенныхъ моремъ, покрывавшемъ въ тѣ времена Шпицбергенъ, Землю Франца-Іосифа и Грёнландію, исключительно, повидимому, принадлежатъ къ различнымъ хвойнымъ породамъ—можно, кажется, найти подтвержденіе того предположенія, что уже въ юрскій періодъ существовали климатическіе пояса, и что упомянутое арктическое море относилось къ холодному (бореальному) поясу; сохранившіеся же остатки какъ сѣверной (грёнландской), такъ и южной (ново-зеландской) растительности мѣловаго періода свидѣтельствуютъ объ одновременномъ существованіи въ этихъ областяхъ теплаго климата.

Подъ конецъ мезозойской эры береговая линія великаго пацификъ-арктическаго океана все болѣе и болѣе отступала: найденные на всѣхъ арктическихъ архипелагахъ растительные остатки третичнаго періода доказываютъ, что всѣ эти архипелаги должны были въ то время составлять обширный материкъ, связанный съ материкомъ Сибири. На Ново-Сибирскихъ островахъ и на островѣ Бенетта также найдены остатки растительности (ископаемый бурый уголь), подтверждающіе это предположеніе. Безъ сомнѣнія, вѣрно то, что во время третичной эры, климатъ, какъ въ Грёнландіи (у Атанекердлука, приблиз. на 70° с. ш., найдены прекрасно сохранившіеся остатки 200 растеній), такъ и на Шпицбергенѣ (около 78°) и на землѣ Гриннеля (81° 42′), былъ гораздо мягче, чѣмъ теперь, какъ это и доказываютъ сохранившіеся растительные остатки. Тамъ, гдѣ теперь не растетъ никакихъ деревьевъ, водились тогда, по изслѣдованіямъ Геера, Натгорста и др., болотные кипарисы (растущіе теперь во Флоридѣ), грецкіе орѣхи, тополь, дубъ, магнолія, орѣшникъ, липа, вязъ, ясень, виноградная лоза и другія деревья, которыя теперь растутъ только въ гораздо болѣе южныхъ широтахъ. По Гееру средняя годовая температура Грёнландіи въ тотъ періодъ третичной эпохи, когда были

отложены сохранившіе остатки растительности слои въ Атанекердлукѣ, равнялась приблизительно +12° С., средняя-же температура зимы—приблизительно +5° С., тогда какъ теперь средняя годовая температура приближается къ — 8° С., а средняя январская къ — 15° с. О меньшей разницѣ въ температурѣ свидѣтельствуютъ, повидимому, остатки растительности третичной эры, найденные по другую сторону полюса (на Камчаткѣ, на Сахалинѣ и въ Японіи). Если и у самого полюса найдется остатокъ раздробившагося теперь обширнаго арктическаго материка временъ третичнаго періода то открытіе тамъ остатковъ растительности пособитъ разрѣшенію важнаго вопроса: не было-ли положеніе полюса въ третичный періодъ инымъ, нежели теперь?

Теперь мы дошли до послѣдняго періода развитія земли; но прежде нежели вкратцѣ описать его, мы бросимъ бѣглый взглядъ назадъ на рядъ сдѣланныхъ уже изслѣдованій, чтобы имѣть хоть нѣкоторое представленіе о геологическомъ строеніи (тектоника) „арктики“.

Въ тектоническомъ отношеніи лучше всего изъ арктическихъ областей изслѣдованъ Шпицбергенъ. Намъ теперь извѣстно, что онъ представляетъ плато, прорѣзанное цѣлой системой линій резрыва, имѣющихъ направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ и соотвѣтствующихъ общему направленію дислокацій *) этихъ острововъ.

Сѣверно-сибирскій материкъ представляетъ въ главномъ подобную-же картину. На западъ отъ большой линіи разрыва въ земной корѣ, соотвѣтствующей, приблизительно, направленію рѣки Лены, имѣются отдѣльные куски раздробившагося плато; и между этими отдѣльными кусками большого плато прорывались изъ глубины земли черезъ расщелины и трещины потоки вулканической лавы, которые и разлились мощными слоями поверхъ отдѣльныхъ тектоническихъ зве-

*) Земная кора во многихъ мѣстахъ прорѣзана различно направленными трещинами, благодаря которымъ отдѣльные куски ея являются словно мозаичными; часто такіе куски перемѣщены одинъ относительно другого (приподняты, опущены-передвинуты въ горизонтальномъ направленіи, сжаты въ болѣе или менѣе сложныя складки и т. п.). Всякое такое перемѣщеніе отдѣльныхъ участковъ земной коры называется дислокаціей.

ньевъ плато, поверхъ кэмбрійскихъ, силурійскихъ, пермскихъ, тріасовыхъ и юрскихъ отложеній.

На западъ-же отъ вышеназванной линіи разрыва мы находимъ кусокъ сморщенной земной коры, отдѣльныя морщины (горные кряжи) которой идутъ вообще съ сѣвера на югъ.

Въ Грёнландіи также есть мѣста, гдѣ первоначальное правильное горизонтальное положеніе слоевъ измѣнено позднѣйшими передвиженіями земной коры, также по направленію съ сѣвера на югъ; и то-же самое направленіе дислокацій находимъ опять на Ново-Сибирскихъ островахъ, образующихъ продолженія горной цѣпи Верхоянска.

Прямую противоположность представляетъ южная Сибирь, которая по своему строенію приближается къ Центральной Азіи, и основныя геологическія линіи которой идутъ съ запада на востокъ.

Можно было-бы назвать направленіе полярныхъ горныхъ цѣпей уральскимъ въ противоположность альпійскимъ горнымъ цѣпямъ tethudis'скихъ странъ, группирующихся около теперешняго и древняго Средиземнаго моря (tethus).

Уральская полоса арктическихъ горныхъ цѣпей указываетъ, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ фактовъ, на первоначальную связь между нынѣшними отдѣльными остатками земли въ полярныхъ областяхъ. Для окончательнаго рѣшенія вопроса: считать-ли всѣ арктическіе острова—Грёнландію, Шпицбергенъ, Землю Франца-Іосифа и пр.—остатками прежняго нераздѣльнаго материка, слѣдуетъ по моему подвергнуть подробнѣйшему изслѣдованію поразительное сходство въ геологическомъ строеніи всѣхъ этихъ арктическихъ острововъ и сибирскаго материка. По моему, всѣ эти острова представляются скорѣе остатками обширнаго арктически-сибирскаго материка, нежели отдѣльнаго обширнаго полярнаго материка.

Какими-же представлялись арктическія области въ послѣтретичный періодъ (въ ледниковый періодъ)? Да, много еще найдется вопросовъ, требующихъ отвѣта.

На сибирскомъ материкѣ и дальше на Ново-Сибирскихъ островахъ можно прослѣдить одну и ту-же формацію послѣтретичнаго періода. Острова эти составляли нѣкогда вмѣстѣ съ мате-

рикомъ Сибири одну нераздѣльную землю, питавшую стада вымершихъ теперь исполинскихъ млекопитающихъ, вродѣ мамонта, покрытаго шерстью носорога и пр. И сохранившіеся остатки мамонтовыхъ клыковъ служатъ въ настоящее время причиной трудныхъ и опасныхъ экскурсій промышленниковъ на эти малогостепріимные острова.

Существовала-ли данная фауна одновременно съ фауной интервала между двумя главными ледниковыми періодами Европы, или же являлась скорѣе потомствомъ ея—вопросъ, который до нѣкоторой степени остается открытымъ. Былъ ли архипелагъ острововъ, лежащій на сѣверъ отъ Новой Сибири, покрытъ въ то время моремъ подобно Таймырскимъ и Печорскимъ *) землямъ? Или на сѣверъ отъ Новой Сибири и земли Санникова находился обширный материкъ, увѣнчанный огромной ледяной шапкой, подобно Грёнландіи, а мамонтъ и мускусный быкъ были вытѣснены оттуда во время передвиженія на югъ покрова материковаго льда?...

„Найдутся-ли и тамъ мамонтовые клыки?“ Вотъ важный вопросъ, отвѣта на который съ такимъ нетерпѣньемъ дожидается мой пріятель старикъ Джергели, хотя имъ-то, конечно, руководятъ болѣе практическіе интересы. И если онъ когда нибудь узнаетъ, что отрядъ изъ тринадцати отважныхъ людей вернулся оттуда съ богатой добычей—хотя и болѣе идеальнаго свойства, нежели та, о которой мечтаетъ онъ самъ—то мой философъ-пріятель вѣрно придетъ къ тому заключенію, что Тангара̀ такъ великъ, такъ добръ и такъ мудръ, что повсюду заставляетъ своихъ „итшитэ“ заботиться объ истинно „великихъ островныхъ путешественникахъ“, и хранить ихъ цѣлыми и невредимыми даже среди полярныхъ льдовъ, въ продолженіе трехъ полугодовыхъ зимнихъ ночей, которыхъ не переживалъ до нихъ еще ни одинъ человѣкъ.

*) Въ этихъ земляхъ волны покрывавшаго ихъ нѣкогда моря смыли слѣды ледниковаго періода, и лишь изрѣдка можно встрѣтить подъ новѣйшими морскими осадками отчетливые ледниковые шрамы отъ движенія льдовъ.

„Фрамъ“ въ Бергенѣ

Экипажъ „Фрама“ и отъѣздъ Нансена.

(Статья В. С. Брёггера)

Противный вѣтеръ дулъ весь день съ самаго нашего отплытія изъ Ландегоде. Сначала мы крейспровали на всѣхъ парусахъ по Западному фьорду, затѣмъ повернули и пустились прямо противъ теченія на юго-востокъ къ Скровену.

Свѣжій морской вѣтеръ разогналъ облака и всклокочилъ пѣнистыя кудри волнъ, однообразно плескавшихъ о широкій носъ „Фрама“, который тяжело и неуклюже, точно старое голландское коммерческое судно, и въ то-же время прямо, устойчиво, какъ копье, прорѣзывалъ ихъ.

По мостику спокойно прохаживался взадъ и впередъ лоцманъ Гогенсенъ, время отъ времени отдавая приказанія рулевому; фарватеръ былъ, впрочемъ, настолько чистъ, что лоцману не предстояло особенныхъ хлопотъ.

На концѣ мостика Нансенъ устроилъ себѣ мастерскую на вольномъ воздухѣ, поставивъ тутъ мольбертъ и пару ящиковъ съ пастельными красками. И вотъ, онъ сидѣлъ тутъ весь вечеръ, далеко за полночь, въ своемъ сѣро-желтомъ шелковомъ непромокаемомъ плащѣ, совершенно поспѣвъ отъ вѣтра, который, впрочемъ, понемногу стихалъ. Нансенъ до такой степени увлекся работой, что, растирая на песочной бумагѣ краски кончиками пальцевъ, подъ конецъ стеръ съ нихъ кожу, и сочившаяся изъ пальцевъ кровь совершенно произвольно проложила широкую красную полосу по всему небу нарисованнаго художникомъ вида.

А этотъ видъ стоилъ того, чтобы изобразить его! Перо безсильно набросать вѣрную картину этой роскоши и безконечнаго разнообразія очертаній и красокъ.

На востокѣ освѣщенныя лучами заходящаго солнца высились мощныя горныя вершины материка; дальше на сѣверо-востокѣ смутно рисовалась вдали покрытая снѣгомъ шапка Тильторна; затѣмъ, нѣсколько ближе, вырисовывались зубцы и пики скалистаго острова Гаммера и темные дубы острова Лунда; прямо передъ нами была несравненной красоты изящная, словно вылѣпленная рукой художника, скала Стеггиндъ, а на заднемъ планѣ мощный хребетъ Ганекамменъ (Пѣтушій гребешокъ), точно рогъ изобилія, изъ котораго сыпался на обѣ стороны снѣгъ; потомъ цѣлый рядъ Фольденскихъ скалъ, вплоть до низкихъ остроконечныхъ вершинъ острова Мола, и, наконецъ, совсѣмъ вдали уходящая съ горизонта, похожая на темное пятно, широкая колонна Ландегоде.

На западѣ грозно высилась, покрытая снѣгомъ, безконечная цѣпь Лофоденскихъ скалъ, точно кусокъ цѣпи альпійскихъ

горъ, брошенный въ море. Солнце было уже такъ низко, что скалы эти лежали совсѣмъ въ тѣни и выступали на ежеминутно мѣняющемъ свои нѣжные, свѣтлые тона фонѣ вечерняго неба какими-то темно-фіолетовыми силуэтами.

Надъ высочайшими остріями вершинъ громоздились тяжелыя, сѣроватыя облака, то сливаясь съ полосатыми снѣжными сугробами, напоминавшими тонко сплетенный кружевной воротникъ на плечахъ великана, то рдѣя яркимъ румянцемъ отъ вечерняго солнца, которое далеко внизу въ направленіи острова Москенеса бросало широкую золотую бахраму на блестящія дюны изъ тумана, — словно отблескъ горѣвшаго вдали моря.

Надъ нами разстилалось блѣдное, представлявшее всѣ переходы отъ зеленовато-синихъ къ нѣжнѣйшимъ розовымъ тонамъ, вечернее небо, такое безоблачное, точно Господь Богъ нарочно хотѣлъ показать Нансену съ товарищами родную природу въ полной красѣ, безъ малѣйшаго изъяна, передъ долгой разлукой съ ней.

Подъ нами волновалось чудное, слегка изпещренное бѣлыми гребнями волнъ, темно-синее море, то самое море съ китами и тюленями, со стаями доршей и сельдей, что издавна служило намъ дорогой „къ славѣ и могуществу“, а теперь послужитъ и „Фраму“ дорогой къ „безсмертію“!

„Фрамъ“, между тѣмъ, все шелъ по направленію къ Скровену. Часъ за часомъ странная, острая вершина ея словно шла на насъ, но всетаки какъ будто не приближалась ни на шагъ, точно разстояніе между нами все увеличивалось по мѣрѣ того, какъ мы плыли къ ней. „Фрамъ“, какъ извѣстно, судно не изъ быстроходныхъ, да ему и некуда спѣшить: передъ нимъ цѣлые годы. Такъ и надо „Фрамъ“! Тише ѣдешь, дальше будешь! Qui va piano, va sano; qui va forte, va in morte *).

„Фрамъ“ былъ вычищенъ и вымытъ и выглядѣлъ почти франтомъ. Свердрупъ самъ руководилъ чисткой, посвятивъ на это все послѣобѣденное время; онъ поливалъ изъ кишки, а Гьёртсенъ усердствовалъ шваброй, такъ что по всей палубѣ разлились настоящія рѣки, унесшія съ собой все лишнее. Не

*) Пословица вродѣ: „Кто ѣдетъ тихо — ѣдетъ не лихо; кто поспѣшитъ — къ смерти прибѣжитъ“. *Примѣч. перев.*

обошлось и безъ того, чтобы капля другая не брызнула на пастели Нансена, когда чистка дошла до области мостика, но ужь тутъ не до этого было. „Фраму“ слѣдовало прибраться передъ приходомъ въ Тромсё, а его такъ отдѣлали при перегрузкѣ угля въ Нэрёзундѣ, что приходилось отмывать день за днемъ.

Теперь весь запасъ угля уже находился подъ замкомъ въ трюмѣ; успѣли также очистить носъ и корму судна отъ валявшейся тамъ сушеной рыбы, такъ что явилась надежда скоро привести судно опять въ надлежащій видъ.

Скоттъ-Гансенъ.

Вообще же это стоило не малаго труда. Экипажъ былъ не великъ, и у каждаго изъ людей были полны руки дѣла. Къ тому-же плаваніе только-что началось, а грузъ „Фрама“ былъ до невѣроятности разнообразенъ; такъ можно себѣ представить чего стоило окончательное его размѣщеніе! Приходилось зорко слѣдить за распредѣленіемъ и уборкою, чтобы не пришлось потомъ въ часъ опасности стать втупикъ—гдѣ искать нужный предметъ. Каждому, такимъ образомъ, была поручена своя часть уборки помимо текущихъ дѣлъ, такъ что трудовой день по обыкновенію далъ себя знать, когда наступилъ вечеръ.

Нѣкоторые все еще не покончили съ своей дневной работой. Первый штурманъ стоялъ и столярничалъ. „Маленькій Скоттъ-Гансенъ“ былъ общимъ любимцемъ; слишкомъ юный для та-

кой экспедиціи—ему только что минуло 25 лѣтъ—онъ, однако, исполнялъ свое дѣло не хуже другихъ. Всегда онъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа, всегда одинаково милъ и привѣтливъ со всѣми. Да, молодецъ этотъ Гансенъ! Глаза его всегда сіяли, особенно-же, когда смотрѣли на барографы, хронометры и прочіе любимые его инструменты, находившіеся подъ его попеченіемъ въ штурманской рубкѣ. Ему предстояло быть и метеорологомъ, и астрономомъ, и первымъ штурманомъ и—всѣмъ понемножку. Профессоръ Монъ обѣщалъ зайти къ нему завтра въ Лёдпингенѣ, и онъ теперь усердно мастерилъ клѣтку для термометровъ; стружки такъ и летѣли во всѣ стороны, и онъ не замѣчалъ какъ время шло.

Но, наконецъ, клѣтка была готова и повѣшена на мѣсто. Это что-ли такъ обрадовало юношу? Или мысль о предстоящемъ свиданіи? Не съ Номомъ,—хотя, конечно, онъ и его ждалъ съ радостью—а съ невѣстой, которая должна была встрѣтить его въ Тромсё.

На „Фрамѣ“ просто не было свободнаго уголка, гдѣ бы не было свалено чего-нибудь. Почти весь бакъ загромождали подпорки отъ шлюпокъ, надстройки и разный хламъ, вродѣ огромныхъ раздувальныхъ мѣховъ, запасной обсерваціонной бочки какого-то ящика и проч. Еще хуже было на шханцахъ. Тамъ во первыхъ возвышалась гора изъ бревенъ, досокъ и ящиковъ съ пивомъ (число послѣднихъ, впрочемъ, правильно убывало съ каждымъ днемъ), лежали огромный запасный руль и резервные винты, затѣмъ различные резервуары съ керосиномъ и петролеемъ *), одна изъ лодокъ и, наконецъ, подъ самымъ мостикомъ, цѣлая куча сушеной рыбы, приготовленной въ пищу ѣздовымъ собакамъ, дожидавшимся судна въ Югорскомъ Шарѣ.

Но около руля всетаки отыскался уголокъ, отгороженный палубнымъ грузомъ, гдѣ таки можно было достать ногами самую палубу „Фрама“, и посидѣть въ защитѣ отъ вѣтра. Сюда-то и собирались по вечерамъ поболтать и покурить свободные отъ занятій люди.

*) На случай, если изсякнетъ запасъ угля, нужнаго для вырабатыванія электрической энергіи для освѣщенія.

И теперь въ этомъ уголкѣ, въ то время, какъ „Фрамъ“ пробирался по озерамъ вдоль Лофодской стѣны, сумерничали Гендриксенъ, Гьертсенъ (второй штурманъ), Якобсенъ, Христіансенъ и я. Всѣ покурпвали трубочки, и у насъ шла оживленная бесѣда.

Якобсенъ былъ прекраснымъ разсказчикомъ, если только удавалось расшевелить его, что случалось не каждый день. Онъ таки поѣздилъ по бѣлу свѣту между южнымъ и сѣвернымъ полюсами; немудрено, что у него накопился богатѣйшій матеріалъ

Якобсенъ.

Гендриксенъ.

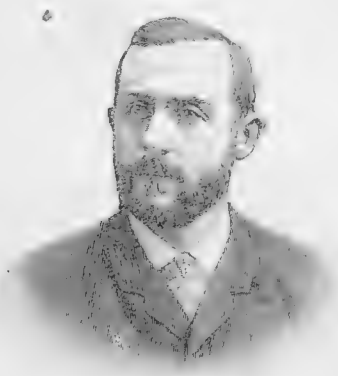
для разсказовъ. И разсказывалъ ли онъ о своихъ приключеніяхъ среди маори Новой Зеландіи или о своихъ плаваніяхъ между льдами на сѣверѣ отъ Новой Земли, онъ всегда удивительно умѣлъ заставить слушателей переживать съ нимъ всѣ его приключенія. Въ этотъ вечеръ онъ разсказывалъ о своихъ охотахъ на Шпицбергенѣ вмѣстѣ съ принцемъ Бурбонскимъ и нарисовалъ намъ замѣчательно живой образъ бѣлаго медвѣдя со всѣми его свойствами, капризами, дерзостью и грубымъ лукавствомъ. Впослѣдствіе я читалъ, что принцъ подарилъ ему на прощанье свои золотые часы; но объ этомъ онъ не обмолвился, и я такъ ни разу и не видалъ на немъ этихъ часовъ во все время нашего совмѣстнаго плаванія на „Фрамѣ“.

Бесѣда, такимъ образомъ, шла о медвѣдяхъ и охотѣ на

нихъ; то тотъ, то другой изъ кружка вставлялъ свое слово,—у всѣхъ имѣлось кое что разсказать изъ пережитого.

— Сколько ты всего-на-всего убилъ медвѣдей, Гендриксенъ? — спросилъ вдругъ второй штурманъ.

Гендриксенъ былъ изъ Бальсфьорднига и, судя по коренастому сложенію, могъ постоять за себя во всякомъ дѣлѣ. Съ 19-ти лѣтняго возраста онъ, втеченіе четырнадцати лѣтъ подрядъ, каждое лѣто плавалъ въ Ледовитомъ океанѣ; за всѣ эти годы онъ не зналъ что̀ такое погрѣться на солнцѣ, пока не вернулся сюда недавно, чтобы помочь снарядить „Фрама“ въ путь.



Могстадъ.

Онъ былъ довольно не словоохотливъ; но изъ его немногочисленныхъ рѣчей можно было всетаки вывести, что онъ не охотникъ повторять этотъ новый экспериментъ—грѣться на солнцѣ. Недаромъ же онъ былъ однимъ изъ тѣхъ на „Фрамѣ“, кто обыкновенно устраивался на ночь въ одной изъ „палубныхъ гостинницъ“: или въ „Грандъ-Отелѣ“ или въ „Гравесенѣ“,—такъ прозвали обѣ шлюпки. Дно ихъ было порядочно устлано всякими мѣхами, такъ что лежать тамъ, пожалуй, было очень мягко и сладко—если только удавалось дорыться до мѣховой подстилки сквозь цѣлый ворохъ лыжъ, каяковъ и другихъ арктическихъ бездѣлушекъ, уложенныхъ въ этихъ воздушныхъ висячихъ гостинницахъ à la Семирамида.

На вопросъ сколько онъ убилъ бѣлыхъ медвѣдей, великанъ-Гендриксенъ отвѣтилъ уклончиво:—Не знаю, не считалъ хорошенько.

— Пожалуй, съ полсотни!—сказалъ штурманъ.

— Нѣтъ, куда! Хотя всетаки, пожалуй, около сорока... Однихъ бѣлыхъ, вѣдь!—прибавилъ онъ въ такомъ тонѣ, точно о бѣлыхъ медвѣдяхъ не стоило и говорить.

— А кто нибудь изъ васъ охотился и на бурыхъ?—спросилъ въ свою очередь я.

— Да, Могстадъ положилъ ихъ порядочно!—началъ штурманъ.—Перваго-то онъ одолѣлъ не одинъ, но тогда ему и было всего 16 лѣтъ; а вотъ пять, шесть лѣтъ спустя, онъ на цѣлый мѣсяцъ законопатилъ одного медвѣдя въ берлогѣ, потомъ выпустилъ его и спалъ на бѣгу. О, этотъ Могстадъ такой хитрецъ, ловкачъ на счетъ всякихъ выдумокъ.

— Кажется, и Свердрупъ ходилъ на бурыхъ медвѣдей?—вставилъ слово Христіансенъ, стоявшій у руля и не проронившій до тѣхъ поръ ни слова. Онъ былъ землякомъ Свердрупа и не утерпѣлъ выставить его въ данномъ случаѣ; а вообще-то онъ больше помалчивалъ. Какъ видно, онъ сильно колебался—не пойти ли и ему вмѣстѣ съ другими къ сѣверному полюсу, хотя онъ уже заранѣе объявилъ, что не поѣдетъ дальше Тромсё. И не потому, что его напугала Грёнландская экспедиція; нѣтъ, повидимому, у него были другія причины.

Капитанъ Свердрупъ смѣнилъ лоцмана и ходилъ теперь по мостику взадъ и впередъ ровными и медленными шагами. Отъ него вѣетъ чѣмъ-то безконечно солиднымъ и увѣреннымъ, какъ отъ „Фрама“. Въ сущности они не мало походятъ другъ на друга: толстые, крѣпкіе борта, зато внутри за ними—и тепло и уютно. Иногда онъ подходилъ къ Нансену и посматривалъ, какъ тотъ смѣшиваетъ краски, но все молча; затѣмъ, снова отходилъ и, бросивъ быстрый испытующій взоръ впередъ на фарватеръ, продолжалъ свою мѣрную прогулку.

Кто видѣлъ Свердрупа на „Фрамѣ“, понимаетъ, что болѣе подходящаго командира для этого судна и не найти. „Фрамъ“ не изящная яхта, и Свердрупъ тоже не придворный кавалеръ съ виду; но можно быть спокойнымъ, что всюду „гдѣ только проплыветъ корабль, онъ будетъ первымъ среди первыхъ!“

Между тѣмъ въ нашемъ уголкѣ около руля, бесѣда шла своимъ чередомъ безъ всякой помѣхи со стороны вѣтра или погоды. Время отъ времени, когда вѣтеръ усиливался, снасти трещали подъ раздувавшимися парусами, между тѣмъ, какъ стукъ машины продолжалъ свой ровный однозвучный аккомпаниментъ. Изъ-за кучи бревенъ и лодки, что̀ лежали между нами и бортомъ судна, слышался иногда, какъ будто

звукъ „квикъ“; это грёнландская собака выражала во снѣ свои чувства. За звукомъ „квикъ“, видимо выражавшимъ удовольствіе, слѣдовало отрывистое чавканье. Ей, вѣрно, снились лакомые куски, да потасовки, а о томъ, что она съ „Фрамомъ“ подвигается все ближе и ближе къ сѣверному полюсу, ей навѣрно не снилось.

— Этакая дрянная собака!—заворчалъ штурманъ.—Слопала сегодня подошвы у пары новёхонькихъ туфель, что̀ получилъ отъ жены въ дорогу Амундсенъ.

„Квикъ“ была общей любимицей на суднѣ; но за ней води-

Петерсенъ.

Амундсенъ.

лась скверная привычка пожирать все, что̀ только ей попадалось изъ кожаныхъ или мѣховыхъ издѣлій, чьи-бы они ни были. Ремни отъ биноклей, подошвы, кожаные чемоданы и футляры, словомъ все, что пахло кожей или шкурой животныхъ, было для нея такимъ лакомствомъ, противъ котораго ей трудно было устоять, хоть она и знала, что потомъ получитъ трепку. Ну да, вѣдь, ей надо было подкрѣпиться на дорогу. Не смотря на свои молодые годы, она уже пострaнствовала по бѣлу-свѣту больше другихъ собакъ, да и многихъ людей: сперва она сдѣлала путь изъ восточной Грёнландіи въ Копенгагенъ съ экспедиціей Рюдера, затѣмъ изъ Копенгагена въ Люсакеръ, а теперь изъ Люсакера плыла къ сѣверному полюсу.

— Амундсенъ, вѣдь, семейный?—спросилъ я.

— Еще-бы! Больше насъ всѣхъ! У него и жена и шестеро ребятъ! Трудновато уѣхать на такой долгій срокъ отъ такого большого хозяйства!

Свердрупъ.

— А онъ прежде-то бывалъ на сѣверѣ?

— Конечно. Онъ плавалъ въ Ледовитомъ океанѣ годъ на „Діанѣ“, затѣмъ въ прошломъ году ходилъ на Енисей съ грузомъ изъ Шпильда. Онъ въ Ледовитомъ океанѣ, какъ у себя дома.

— А буфетчикъ Юль тоже женатъ?

— Какъ-же! И жена и дѣти есть!—сказалъ Гьёртсенъ.—Та бойкая женщина, что̀ ѣхала съ нами отъ Христіаніи до Гортена, и есть его жена. Гдѣ-то она съ нимъ ни плавала. Прошлый годъ она была съ нимъ у самаго Золотого берега, и какъ стали высаживаться—Юль подумалъ было, что ужь и не видать ему ея больше—гребцы, негры-то эти самые, голёшенькіе, какъ вотъ рука моя, схватили ее въ охабку и спрыгнули съ ней въ воду... Юль, какъ сказано, такъ и положилъ, что пропала баба. Она, надо вамъ сказать, была такая красивенькая, полненькая, а онъ думалъ, что негры-то эти людоѣды, каннибалы, какъ ихъ тамъ зовутъ.

— Однако, изъ васъ много женатыхъ!—сказалъ я.

— Да, каждый изъ насъ кое-кого оставляетъ!—отвѣтилъ Гендриксенъ.—Амундсенъ, кажется, всѣхъ перещеголялъ по этой части; у него пятеро или шестеро ребятъ; у Нордаля тоже пятеро, у Юля и у меня по четверо у каждаго, потомъ у Петерсена—сколько? Двое-что-ли? Затѣмъ...

— Затѣмъ у Нансена и у меня по одному! добавилъ второй штурманъ.

Мнѣ невольно вспомнилась Ливъ, и я повернулъ голову по направленію къ тому, кто сидѣлъ на мостикѣ, весь погруженный въ свои пастели, точно онъ всю свою жизнь только этимъ и занимался. Онъ снялъ для удобства шапку, и то отнялъ картинку рукой, то смотрѣлъ на нее въ кулакъ, чтобы получить болѣе вѣрное впечатлѣніе отъ красокъ. Онъ сидѣлъ прямо, и очертанія большой короткоостриженной головы его отчетливо вырисовывались на ясномъ фонѣ вечерняго неба.

Чѣмъ въ это время были заняты его мысли? Отдаленной-ли цѣлью его стремленій или семьею и спавшею теперь въ постелькѣ Ливъ?

Блѣдныя лѣтнія сумерки! Сколько разъ вы раскинете свой прозрачный покровъ надъ моремъ и скалами прежде, нежели „Фрамъ“ снова направитъ свой курсъ на югъ? Сколько разъ вы украсите золотой бахромой облачныя цѣпи на горизонтѣ, прежде нежели тяжелое судно съ своимъ драгоцѣннымъ грузомъ броситъ якорь у родныхъ береговъ?

Вечерній воздухъ сталъ холодѣть. Я всталъ, чтобы пройти

въ каюту и достать верхнюю одежду. Но, какъ уже сказано, не такъ-то просто было добраться до шханцовъ „Фрама“, и я сказалъ шутя:

— На „Фрамѣ“ впору имѣть четыре ноги или крылья, чтобы перебраться черезъ всѣ препятствія цѣлымъ и невредимымъ.

— А вы сдѣлайте, какъ Іогансенъ!—сказалъ Гансенъ.—Онъ на дняхъ *на рукахъ* поднялся по трапу изъ каюты на бакъ, прошелъ такъ по всей палубѣ, поднялся по трапу на шханцы, затѣмъ спустился внизъ въ каюту и—честное слово!—хоть-бы покраснѣлъ отъ натуги, когда опять всталъ на ноги въ салонѣ!

— Іогансенъ! Ему это нипочемъ; онъ, вѣдь, первый гимнастъ въ Норвегіи!—замѣтилъ Гьёртсенъ.—Въ Парижѣ онъ перепрыгнулъ черезъ 42 человѣка! Французы думали, что отъ него только мокренько останется, а онъ себѣ всталъ, какъ ни въ чемъ ни бывало! Зато ему золотую медаль дали! Да, и Амундсенъ не изъ послѣднихъ, дѣтки! Помните, что онъ сдѣлалъ надняхъ въ Рёрвикѣ, когда мы перегружали уголь? Кто-бы подумалъ! Онъ сидѣлъ на верху, на гротъ-мачтѣ, и понадобилось ему спуститься на палубу. И что-жь онъ сдѣлалъ? Спустился прямо по канату съ гротъ-мачты на фокъ-мачту, вися все время только на рукахъ. Ни одинъ изъ насъ не сдѣлалъ-бы этого. Но зато и ручищи у него, словно изъ дубленой кожи! Конечно, вѣсомъ-то онъ будетъ полегче меня, къ слову сказать!

Такъ какъ я не мастеръ на кунстштюки, вродѣ упомянутыхъ, то мнѣ пришлось приложить всѣ усилія, чтобы пробраться цѣлымъ и невредимымъ черезъ загромождавшія путь препятствія, мимо штурманской рубки, за открытыми дверями которой были въ это время выставлены для сушки бочки съ порохомъ, и внизъ въ каюту. Трапъ, ведшій туда, хоть и не требовалъ для безопаснаго спуска ловкости первокласснаго гимнаста, все-же не былъ таковъ, чтобы его можно было рекомендовать людямъ, страдающимъ подагрой, или излишнею дородностью.

Трапъ проходилъ мимо камбуза (кухни), гдѣ Юль какъ разъ занимался стряпней. Изъ дверей неслся горячій соблазнительный запахъ кушанья, и я шмыгнулъ въ кухню, чтобы немножко отогрѣться и поболтать.

*

— Хорошо, тепло тутъ, Юль!—сказалъ я въ видѣ вступленія.

— Тепло! Нечего сказать! Когда всѣ горшки закипятъ къ обѣду, тутъ такая жара, что самъ чортъ поджаритъ себѣ носъ, если сунется сюда. Хуже этого мнѣ еще въ жизни не приходилось. Много я ѣздилъ по свѣту, а поваромъ ѣду въ первый п—дай Богъ только вернуться цѣлымъ и невредимымъ—въ послѣдній разъ. Да, спаси васъ Богъ, господинъ профессоръ, поступить когда нибудь въ повара!

— Нѣтъ, нѣтъ, Юль! „Не всѣмъ-же быть портными“! И я не думаю также, чтобъ у меня были—пока что—особенные шансы попасть въ повара. Но когда вы вернетесь, надѣюсь принять участіе въ томъ, чтобы угостить васъ, какъ слѣдуетъ, и отблагодарить за всѣ хорошіе обѣды на „Фрамѣ“!

— Покорно васъ благодарю!—сказалъ Юль.—„Но до этого еще долго. Только-бы уцѣлѣлъ „Пейкъ“, тогда, надѣюсь, какъ нибудь справимся.

„Пейкъ“—популярное прозвище особаго аппарата для варки кушаній, долго сохранявшаго тепло и изготовленнаго по модели Финнеса. Нансенъ живо интересовался этимъ аппаратомъ, и самъ нѣсколько разъ, пока я находился на кораблѣ, участвовалъ въ приготовленіи кушаній, чтобы напрактиковаться въ обращеніи съ „Пейкомъ“. И „Пейкъ“ варилъ много хорошихъ вещей. Вообще столъ на „Фрамѣ“, не смотря на всѣ оханья Юля, былъ положительно превосходнымъ и очень разнообразнымъ. Меню обѣдовъ, состоявшихъ обыкновенно изъ супа и мясного блюда, или чаще всего изъ рыбы и мяса, да полбутылки пива на приборъ (пока хватало запасовъ его), были часто довольно таки оригинальными. Вотъ, напримѣръ, меню перваго обѣда, въ которомъ я принималъ участіе: рыбный пудингъ изъ Ставангера (консервъ), австрійскіе кролики (консервъ) и дикія утки, застрѣленныя въ пути Нансеномъ. Для суповъ употребляли въ большихъ количествахъ сушеную нѣмецкую зелень, а въ видѣ приправы къ мяснымъ блюдамъ подавали иногда варенье изъ американской клюквы, и т. п. Продовольствіемъ „Фрамъ“ былъ снабженъ, какъ и всѣмъ прочимъ, обильно и обдуманно до мельчайшихъ подробностей. Особенное вниманіе было обращено на обиліе запасовъ зелени

и жира, такъ что въ нынѣшнюю экспедицію Нансену не грозитъ, какъ это было въ Грёнландскую, голодъ отъ недостатка жира; только бы „Фрамъ“ остался цѣлъ. Масла взято не менѣе 6,000 килогр.: 2,000 килогр. лучшаго датскаго столоваго масла и 4,000 килогр. превосходнаго маргарина (подарокъ отъ Пеллерина и К°). Все время, пока я былъ на „Фрамѣ“, подавали только маргариновое масло, но оно было такого превосходнаго качества, что, не зная заранѣе, нельзя было бы его и принять за искусственное.

Словомъ, на „Фрамѣ“ ни въ чемъ не было недостатка; все имѣлось въ изобиліи. Впрочемъ, нѣтъ, одного на „Фрамѣ“ не было—спирта, годнаго для питья. Спирта особаго рода, взятаго для сохраненія морскихъ животныхъ, нельзя, вѣдь, причислить къ спиртнымъ *напиткамъ*. Въ Троньемскомъ фьордѣ, намъ перебросили со встрѣчнаго парохода бутылку портвейна съ просьбой осушить ее у сѣвернаго полюса, и эта бутылка, не считая ящиковъ съ пивомъ, котораго по расчету могло хватить всего на два-три мѣсяца, и была на „Фрамѣ“ единственной представительницей хмѣльнаго.

— Надо-же тебѣ купить въ Тромсё хоть пару бутылокъ шампанскаго, Нансенъ, чтобы выпить за здоровье старой Норвегіи, когда ты водрузишь флагъ въ земную ось! —сказалъ я ему однажды въ шутку.

— Я и самъ думаю достать потихоньку въ Тромсё пару бутылокъ коньяку для сочельника!—отвѣтилъ онъ.—Но ты молчи; не надо, чтобы люди знали объ этомъ!—Потомъ такое-же намѣреніе сообщилъ мнѣ корабельный докторъ и тоже подъ секретомъ. Оба имѣли въ виду сдѣлать сюрпризъ.

И я такъ и вижу передъ собою корабельный салонъ въ сочельникъ и миску съ горячимъ пуншемъ на столѣ. Насколько я знаю Нансена, врядъ-ли порціи будутъ особенно велики.

* *
*

Какъ живо вспоминается мнѣ этотъ маленькій уютный низенькій салонъ, съ примыкающими къ нему каютами! Салонъ! Названіе это въ сущности черезчуръ громко. Это—помѣщеніе 14 ф. въ длину, 17 ф. въ ширину въ передней части, 11 ф.

въ задней и 8 ф. въ вышину. Въ немъ едва-ли 50 кубическихъ метровъ воздуха; чистая каморка, которая по размѣрамъ не удовлетворила-бы, пожалуй, людей средняго достатка. Но воздухъ въ этомъ небольшомъ пространствѣ былъ какъ-бы насыщенъ думами о великихъ цѣляхъ, и это какъ-бы приподымало самый потолокъ и давало просторъ мыслямъ и фантазіи куда больше, чѣмъ это могла сдѣлать любая роскошно убранная, обширная гостинная. Впрочемъ, само по себѣ это было премилое помѣщеніе, и удивительно уютное, особенно когда, бывало, спасешься туда съ палубы отъ холодной, вѣтренной или дождливой погоды.

Часто бывая тамъ, я успѣлъ изучить ея обстановку. Кое-кто изъ читателей, пожалуй, заинтересуется ею: не каждый, вѣдь, день снаряжаются экспедиціи на сѣверный полюсъ, такъ что даже и мелкія подробности, могущія хоть отчасти пролить свѣтъ на жизнь такихъ отважныхъ путешественниковъ, представляютъ интересъ для многихъ.

У передней стѣны салона, между двумя входными дверями, помѣщался большой диванъ, обитый толстой клѣтчатой матеріей, яркихъ норвежскихъ цвѣтовъ; высокую спинку его украшали по бокамъ рѣзныя головы драконовъ. Передъ диваномъ стоялъ длинный и узкій обѣденный столъ. Потѣснившись за него могли усѣсться всѣ заразъ, исключая тѣхъ, кто былъ на вахтѣ. Сервировка была всегда одна и та-же для всѣхъ блюдъ: эмальпированная желѣзная тарелка и такая-же чашка.

Надъ диваномъ, посерединѣ стѣны, висѣла въ рамкѣ картина Герхарда Мунте, представлявшая трехъ сказочныхъ принцессъ, застигнутыхъ врасплохъ тремя превращенными въ медвѣдей принцами. По обѣимъ сторонамъ этого маленькаго шедѣвра висѣли: слѣва небольшой пейзажъ Эйлифа Петерсена, а направо повыше тонко нарисованный цвѣтными карандашами эскизъ Скредсвига: молъ у Люсакера неподалеку отъ дома Нансена, а подъ нимъ небольшой набросокъ скалы Едернъ, работы Китти Кьелландъ. У правой боковой стѣны стояла фисгармонія Нюстрёма и К°. Къ ней была придѣлана ручка, такъ что можно было играть на ней и какъ на фортопьяно, и какъ на шарманкѣ. Въ репертуарѣ послѣдней насчитывалось больше ста пьесъ, начиная менуэтомъ изъ „Донъ-Жуана“

и аріей изъ „Волшебнаго стрѣлка“ и кончая самыми избитыми плясовыми мотивами. Инструментъ этотъ, насколько я могъ замѣтить, не былъ въ большомъ фаворѣ; во всякомъ случаѣ, общее мнѣніе клонилось къ тому, чтобы пріобрѣсть въ Тромсё шахматы, и, кромѣ того возлагалось не мало надеждъ на скрипку Могстада, который долженъ былъ сѣсть на корабль въ Тромсё.

Надъ фисгармоніей висѣла картина Ганстена, а между входомъ въ уютную и съ большимъ вкусомъ обставленную каюту „маленькаго Гансена“ и задней стѣной салона—небольшой пейзажъ того-же Ганстена; наконецъ, надъ печкой (изъ трубъ системы Блунка, нагрѣваемыхъ петролеумомъ; служитъ также вентиляціоннымъ аппаратомъ) висѣла третья картина Ганстена—березовый лѣсъ.

Лѣвую боковую стѣнку—между дверями въ каюту доктора Блессинга и въ каюту Свердрупа—украшала арматура изъ семи карабиновъ Крага-Юргенсена, составлявшихъ лишь незначительную часть всего арсенала „Фрама“; на послѣднемъ имѣются 32 ружья и 24 револьвера, первѣйшаго сорта, затѣмъ двѣ пушки и масса боевыхъ снарядовъ.

Надъ арматурой опять висѣла прекрасная картина Скредсвига, изображавшая сосны передъ домомъ Нансена—прелестный зимній видъ.

Посреди салона, близъ обѣденнаго стола, уходилъ изъ пола въ потолокъ стволъ массивной мачты; вокругъ него шло узкое мягкое сидѣніе, которымъ, впрочемъ рѣдко кто пользовался; кромѣ того, тамъ и сямъ были разбросаны табуретки.

Освѣщеніе по вечерамъ бывало электрическое: лампочки (накаливанія) надъ диваномъ. Большая-же лампа надъ столомъ при мнѣ не горѣла.

И вотъ еще одно, чего не слѣдуетъ забыть: иллюминаторъ надъ каминомъ былъ украшенъ норвежскимъ львомъ на красномъ полѣ.

Вотъ вамъ и весь салонъ „Фрама“, небольшой, узкій и настолько низкій, что Гьёртсенъ, Гендриксенъ и Юль доставали въ шляпахъ до потолка; двигаться-же въ немъ можно было мимо другъ друга лишь бочкомъ.

Какъ врѣзались мнѣ въ память разныя мелочи—отъ полуиспуганнаго, полулюбопытнаго выраженія лицъ принцесъ на картинѣ Мунте, до клѣтчатой обивки сидѣнія дивана, которое Нансенъ ежедневно поворачивалъ низомъ кверху, находя, что испачканные углемъ и смолой панталоны ужъ черезчуръ ясно отпечатываются на узорѣ, въ ущербъ яркости и свѣжести красокъ матеріи.

Нордаль.

Блессингъ.

— Ее должно хватить до самаго возвращенія, такъ что нужно немножко поберечь ея красоту! —говаривалъ онъ.

Когда я вошелъ въ салонъ, столъ стоялъ еще накрытымъ, хотя было уже довольно поздно; но тутъ ужинали машинисты; они только что отбыли вахту и теперь прохлаждались себѣ. Да и не грѣхъ было: кочегарская на „Фрамѣ“, которая безъ сомнѣнія будетъ чистымъ раемъ въ морозы полярной ночи, въ нашихъ широтахъ и въ лѣтнее время скорѣе походила на адъ.

Тутъ какъ разъ и сидѣли оба упомянутые гимнаста—поручикъ запаса и кочегаръ „Фрама“ Іогансенъ и первый машинистъ Амундсенъ. Ихъ смѣнили теперь у машины Петерсенъ и Нордаль—электротехникъ „Фрама“. Скоро къ намъ присое-

динились „маленькій Гансенъ“ съ корабельнымъ докторомъ Блессингомъ; мы получили отъ Юля по чашкѣ горячаго чая и энергично взялись за ужинъ—я ужъ во второй разъ въ тотъ день.

Въ этотъ вечеръ мнѣ было какъ-то не по себѣ. Я зналъ, что мнѣ предстоитъ, вѣроятно, еще не болѣе одного раза ужинать на „Фрамѣ“, и на меня нахлынулъ цѣлый потокъ мыслей и чувствъ: впечатлѣнія быстро пролетѣвшихъ дней сливались съ

Іогансенъ.

Юль.

различнаго рода думами о будущихъ, покрытыхъ мракомъ неизвѣстности дняхъ на „Фрамѣ“. Ужинъ между тѣмъ шелъ своимъ чередомъ, а съ нимъ и бесѣда. Юль то входилъ, то выходилъ, хлопоча то о томъ, то о другомъ. Говорили по обыкновенію о томъ, да о семъ, больше-же всего о „Фрамѣ“, и о всемъ его касавшемся. Теперь на очереди была керосиновая лодка. Одинъ находилъ, что она никуда не годится, что надо возиться съ ней полдня, чтобы мало-мальски привести ее въ порядокъ. Другой отстаивалъ ея пользу и говорилъ, что она своимъ быстрымъ ходомъ можетъ сослужить большую службу, когда надо будетъ дѣлать рекогносцировки.

Затѣмъ заговорили о томъ, какъ надо держать ухо востро, когда пробираешься по полыньямъ между льдинъ во время тумана.

Мнѣ не предстояло участвовать ни въ чемъ подобномъ, и

я не могъ участвовать въ бесѣдѣ, а потому я всталъ и сказалъ, обращаясь къ доктору: „Спасибо за ужинъ, господинъ докторъ. Пожалуй, много воды утечетъ до тѣхъ поръ, пока мы съ вами опять поужинаемъ на „Фрамѣ“—если это вообще когда нибудь случится!

— Я думаю черезъ два года!—сказалъ докторъ съ свойственной ему смѣлой увѣренностью.

— При особой удачѣ вы, пожалуй, вернетесь къ будущей осени!—сказалъ я.

— На это нужно особое счастье!—былъ отвѣтъ.

— Не пророчьте, пожалуйста!—перебилъ Амундсенъ.—Чтобы заработать кое-что на этой поѣздкѣ надо проплавать по крайней мѣрѣ два года!

Искренній, дружный смѣхъ вознаградилъ Амундсена за эту невольную откровенность. Что-жъ, и это тоже была своего рода точка зрѣнія на предпріятіе и, пожалуй, не онъ одинъ изъ участниковъ раздѣлялъ ее. Во всякомъ случаѣ воззрѣніе это не пахло трусостью и не было лишено практичности.

Послѣ ужина я ушелъ въ каюту, чтобы немножко отдохнуть, да кстати накинуть пальто или пледъ, прежде чѣмъ опять подняться на палубу. Нансенъ уступилъ мнѣ свою каюту, а самъ все время, пока я находился на кораблѣ, спалъ на верху въ рубкѣ. Дверь въ его каюту была первой дверью направо при входѣ въ салонъ, и какъ всѣ двери на „Фрамѣ“, чрезвычайно массивна и съ высокимъ порогомъ. Въ самой каютѣ не было оконъ, какъ и въ другихъ каютахъ,—стѣны корабля были вѣдь 38 вершковъ въ толщину—и для вентиляціи служило только нѣсколько просверленныхъ въ дверяхъ отверстій. При закрытыхъ дверяхъ въ каютахъ господствовалъ поэтому полнѣйшій мракъ, если не были зажжены электрическія лампочки.

Войдя въ каюту я повернулъ стержень, и лучи электрическаго свѣта, мгновенно обдавъ все помѣщеніе, освѣтили прекрасный рисунокъ Веренскьольда, изображавшій Еву Нансенъ съ дочкой на колѣняхъ. Могъ-ли упасть взоръ Нансена при входѣ въ каюту на болѣе дорогіе предметы, чѣмъ на эти два

лица жены и ребенка! Они первые приковывали его взоръ, едва онъ просовывалъ въ дверь каюты голову. Я живо помню, какъ однажды утромъ онъ зашелъ ко мнѣ, когда я еще лежалъ въ постели. Онъ уже въ дверяхъ повернулъ стержень и, хоть и говорилъ со мной, но глаза и мысли его были прикованы къ другому. Этотъ добрый, теплый, полный любви взглядъ, устремленный на портретъ, такъ и говорилъ, что душой онъ унесся домой къ двумъ существамъ, которыя для него дороже всего на свѣтѣ, не исключая и сѣвернаго полюса, и „Фрама“!

Подъ портретомъ была скамейка, служившая диваномъ днемъ и постелью ночью: тутъ не было никакихъ мягкихъ пружинныхъ матрацовъ, а только обитая волосомъ доска, пара теплыхъ одѣялъ и одна единственная маленькая подушка. Но какъ спалось на этомъ простомъ ложѣ, если только не было качки, и ты не просыпался отъ толчка, сбрасывавшаго тебя на полъ! Бывало, вѣдь, и это!

Качать „Фрамъ“ былъ вообще мастеръ, да еще какъ; по крайней мѣрѣ до перегрузки его въ Нэрёзундѣ.

Гансенъ разсказывалъ, что въ качку подъ Листеромъ онъ отмѣтилъ уголъ въ 46 градусовъ. Славная, вѣрно, была ночка! Весь бакъ былъ залитъ водой, а палубный грузъ такъ и плавалъ изъ стороны въ сторону, отъ борта къ борту; подъ конецъ не оставалось ничего другого, какъ выбросить за бортъ порядочное количество бочекъ изъ-подъ парафина. По счастью, это были пустыя бочки, приготовленныя для укладки въ нихъ въ будущемъ шкуръ бѣлыхъ медвѣдей, тюленей, моржей и другихъ животныхъ, и ихъ еще осталось на „Фрамѣ“ достаточно. Я самъ разъ испыталъ порядочную качку, хотя въ ту ночь не было ни особеннаго вѣтра, ни волненія на морѣ. Зато въ западномъ фьордѣ, гдѣ дулъ свѣжій вѣтеръ, судно, плывя на всѣхъ парусахъ, держалось просто въ струнку. Да, это было въ самомъ дѣлѣ какое-то особенное судно. Свердрупъ, вообще довольно молчаливый, на этотъ разъ не выдержалъ и излилъ свое изумленіе и удовольствіе отрывистымъ восклицаніемъ: „Экое славное судно!“

Но я не досказалъ о каютѣ Нансена. Въ концѣ ея съ одной стороны стоялъ шкафъ, въ которомъ находился денежный сундукъ съ цѣнными бумагами, книжками для отмѣтокъ и пр.

ключъ отъ него хранился у самого Нансена. Съ другой стороны около изголовья постели, была полка съ богатымъ выборомъ книгъ различнаго содержанія. На „Фрамъ“ было прислано множество книгъ въ даръ отъ норвежскихъ, шведскихъ и датскихъ издателей и отъ другихъ лицъ. Такимъ образомъ составилась довольно богатая библіотека для развлеченія экипажа. Кромѣ того у доктора Блессинга была своя библіотека изъ медицинскихъ книгъ, у Гансена въ штурманской рубкѣ коллекція картъ и книгъ по метеорологіи и астрономіи, и, наконецъ, Нансенъ взялъ для себя лично немало спеціальныхъ сочиненій по географіи, геологіи и зоологіи, *) и кромѣ того беллетристическихъ и философскихъ книгъ. Тутъ были произведенія Ибсена, Бьёрнсона, Винье, Іонаса Ли, Рунеберга, и др. сѣверныхъ писателей, затѣмъ творенія Теннисона, Китса, Байрона, книга Фрауенштедта о Шопенгауерѣ и т. д. Въ долгія арктическія ночи найдется досугъ для чтенія.

Когда я вошелъ въ кратковременное владѣніе каютой, книги эти по большей части лежали на полу въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ. Я и взялся за разборку и установку ихъ, причемъ самъ усердно пользовался этой избранной библіотекой, особенно ложась въ постель. И въ этотъ вечеръ, ложась отдохнуть послѣ ужина, я взялъ на угадъ одну изъ первыхъ попавшихся подъ руку книгъ. Она оказалась брошюрой Нансена: „How can the north polar region be crossed?“**) съ его докладомъ, читаннымъ въ географическомъ обществѣ въ Лондонѣ и возраженіями знаменитыхъ англійскихъ моряковъ ***). Эти свѣдѣнія попались мнѣ впервые и произвели на меня какое-то особенное захватывающее впечатлѣніе здѣсь въ собственной каютѣ Нансена.

Послѣ чтенія меня потянуло наверхъ посмотрѣть на *него*.

*) Я отмѣтилъ изъ этого выбора слѣдующія довольно характерныя заглавія: A. Geikie: Textbook of geology, E. Suess: Antlitz der Erde, A. Heim: Gletscherkunde, K. A. Zittel: Handbuch der Paleontologie, Darwin: поѣздка вокругъ земли, Müller: Unter den Tungusen und Jakuten, v. Richthofen: Führer für Forschungsreisende, Neumayer: Anleitung zu wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen, Vega-expeditionens vetenskapliga iakttagelser и т. д.

**) Какъ пройти черезъ сѣверно-полярную область.

***) См. статью «По теченію».

До сихъ поръ я не могъ выяснить себѣ хорошенько, что въ сущности за предпріятіе эта экспедиція къ сѣверному полюсу. Самъ Нансенъ былъ всегда такъ простъ, все на „Фрамѣ“ шло такъ просто и буднично, безъ всякихъ ходуль, и я прямо таки терялъ ощущеніе, что за всѣмъ этимъ скрывается всетаки что-то необычайное. Экспедиція въ Грёнландію, къ сѣверному полюсу, на край свѣта—все было нипочемъ этимъ людямъ, точно нашему брату увеселительная загородная прогулка.

Изъ салона доносилась бойкая трескотня Юля, акомпанировавшая юмористическимъ разсказамъ доктора; на палубѣ кто-то возился съ ящикомъ изъ-подъ пива; изъ машиннаго отдѣленія раздавался мѣрный стукъ поршня и шумъ винта, въ то время, какъ „Фрамъ“ прорѣзывалъ волны медленно, но вѣрно, словно двигаемый какимъ-то закономъ природы впередъ, впередъ къ неизвѣстной цѣли.

Нансенъ одолжилъ мнѣ на время моего пребыванія на кораблѣ куртку изъ верблюжьей шерсти; она была очень тепла, и стоило накинуть ее на себя, чтобы мигомъ согрѣться. „Слава Богу! Ему нечего бояться ни холода, ни голода, пока только цѣлъ „Фрамъ“, подумалъ я про себя.

А если „Фрамъ“ разобьется, какъ предсказалъ одинъ изъ англійскихъ адмираловъ?

„Тогда мы перейдемъ на шлюпки!“—отвѣтилъ ему на это Нансенъ.

„Но шлюпки слишкомъ громоздки и тяжелы!“—возразилъ другой адмиралъ.

„У насъ будутъ съ собой пять, шесть лодокъ поменьше; наконецъ, въ крайнемъ случаѣ мы устроимся на льдинѣ: мнѣ не впервые!“—отвѣтилъ Нансенъ.

Ну какъ-же было, прочитавъ это, не пойти на верхъ, не взглянуть на него, не побыть съ нимъ то короткое время, которое еще отдѣляло насъ отъ разлуки. И я отправился по трапу мимо чадныхъ паровъ камбуза, на палубу, на вольный воздухъ!

„Фрамъ“ такъ и раскачивался, словно разнѣженный прелестью этой лѣтней ночи. Мы, наконецъ, подходили къ скалистому острову Гаммеръ, такъ что уже видны были зеленыя

подножія его скалъ Вершины скалъ и горъ материка были озарены роскошнѣйшимъ пурпурнымъ сіяніемъ; дальше внизъ шли переливы всѣхъ оттѣнковъ отъ нѣжныхъ фіолетовыхъ полутоновъ до сѣрыхъ у самаго уровня темноголубого, подернутаго легкой зыбью моря. На вершинахъ бѣлѣли тамъ и сямъ снѣга и клочья бѣлыхъ облаковъ, точно мягкіе пуховики и неподвижно распластавшія крылья птицы, отдыхающія подъ яснымъ блѣднозеленымъ небосклономъ.

На сѣверѣ горныя вершины окутывались мглистымъ покровомъ, подъ которымъ туманныя очертанія ихъ словно сливались съ небомъ и водой. Вотъ онъ путь къ невѣдомому, къ загадкамъ, къ будущему, къ чему „Фрамъ“ все приближается на всѣхъ парусахъ! Но какъ далеко ему еще до цѣли!

Царила какая-то странная тишина. На бакѣ корабля ничто не шевелилось; на югѣ не было видно ничего, кромѣ неба и воды... Душу охватило молчаливое настроеніе, навѣянное этою лѣтнею ночью, и я долго простоялъ у борта, прежде чѣмъ взошелъ на мостикъ къ Нансену.

Мнѣ вдругъ почему-то вспомнился оборванный парнишка, который попался мнѣ на глаза недѣли полторы тому назадъ, когда я дожидался „Фрама“. Онъ бродилъ себѣ по песчаному берегу, грязный и оборванный, но веселый, беззаботный, пышащій здоровьемъ, и пѣлъ во все горло:

„Куда ни пойду, вездѣ грозитъ бѣда“.

Затѣмъ въ моей памяти всплыли дни конфирмаціи, когда я самъ сидѣлъ въ церкви и распѣвалъ вмѣстѣ съ другими тотъ же псаломъ: „Куда ни пойду, вездѣ грозитъ бѣда!“ подъ аккомпаниментъ мощныхъ звуковъ органа, словно говорившихъ о гнѣвѣ Господнемъ...

Вдругъ позади меня послышалось веселое насвистываніе; это летѣлъ веселый Петерсенъ съ рукомойникомъ и полотенцемъ, раздѣтый до пояса, не смотря на вѣтеръ и ночную стужу. Онъ безъ всякой церемоніи тутъ-же принялся смывать съ себя сажу и копоть. Вотъ такъ спина! А руки-то! Что за мускулы! Онъ тоже былъ уже знакомъ съ Ледовитымъ океаномъ, и я, глядя на него, все болѣе убѣждался въ томъ, что такіе молодцы справятся и съ мракомъ, и съ туманомъ, и съ морозомъ, и со

льдами. Въ немъ, пожалуй, пѣли теперь другіе мотивы, нежели вертѣвшійся у меня въ головѣ. Какое славное, веселое лицо! Каждая черта его какъ будто пѣла:

„Ликуй, когда тебѣ судьба
Бросаетъ вызовъ!.. Чѣмъ борьба
Ожесточеннѣй, тяжелѣе
Тѣмъ и побѣда, вѣдь, славнѣе!“ *).

И мнѣ казалось, что всѣ остальные, начиная съ того, кто стоялъ у руля и кончая лежавшими по койкамъ, подхватываютъ хоромъ послѣднюю строчку:

„Тѣмъ и побѣда, вѣдь, славнѣе!“

Нѣтъ, теперь надо непремѣнно пойти къ *нему*. Я въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа перепрыгивалъ черезъ бочки, ящики и сушеную рыбу, не останавливаясь, пока не преодолѣлъ всѣ препятствія и не взобрался на мостикъ.

Онъ все сидѣлъ тамъ, на вѣтру, въ своемъ шелковомъ непромокаемомъ плащѣ. Увидавъ меня, онъ всталъ и кивнулъ мнѣ, точно желая извиниться за то, что такъ увлекся рисованьемъ.

— Сейчасъ кончу!—сказалъ онъ и сейчасъ же прибавилъ:— Не безподобный-ли вечеръ? Да, намъ везетъ на счетъ погоды!

— Наша родина чудо, какъ хороша!—сказалъ я.—Ты непремѣнно постарайся вернуться назадъ, чтобы получше разсмотрѣть ее въ другой разъ! Но дай-ка взглянуть на твою мазню.

— Тутъ у меня цѣлая куча,—отвѣтилъ онъ.—Я дамъ тебѣ ихъ всѣ. Отвези Евѣ!

Вотъ, значитъ, о чемъ онъ думалъ!

— А я лежалъ тамъ въ каютѣ и читалъ,—продолжалъ я.— Мнѣ попалась твоя англійская брошюра съ планомъ экспедиціи. Нельзя сказать, чтобы тебя особенно поддержали въ Лондонѣ.

— Ну, они не очень и противорѣчили. Впрочемъ, стоило-ли

*) Первая строфа стихотворенія Бьёрнстьерне Бьёрнсона (см. письмо его къ Г. Х. Андерсену.—«Собраніе сочиненій Андерсена», т. IV, стр. 399).
Примѣч. перев.

обращать вниманіе на ихъ возраженія. То же самое было, когда я собирался въ Грёнландію, а та экспедиція, по моему, была куда хуже этой. Теперь мы, слава Богу, веземъ съ собой кое-что, такъ что, надѣюсь, намъ не придется ни мерзнуть, ни голодать.

Ни мерзнуть, ни голодать! Вотъ всегда такъ: точно другихъ опасностей и не предстояло!

Онъ съ простодушной улыбкой смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, и, точно читая мои мысли, сказалъ медленно и внушительно:

— Не хочу хвастаться, но никогда ни одно судно не было снаряжено для полярной экспедиціи лучше „Фрама".

Затѣмъ онъ собралъ свои рисунки и краски, и мы сошли внизъ.

* * *

Два дня спустя, 12 іюля вечеромъ мы разстались въ Тромсё. Весь день шелъ поперемѣнно то дождь, то снѣгъ, и все пространство, отъ самой вершины Тромсдаля вплоть до садовъ у фьорда, было покрыто слоемъ снѣга въ цѣлый вершокъ. Свѣжая листва березы и зеленый дернъ одѣлись бѣлымъ плащомъ. Съ сѣвера дулъ пронизывающій вѣтеръ, и весь Зундъ словно покрывался дымомъ всякій разъ, какъ надъ нимъ проносилась туча.

Мы съ Нансеномъ цѣлый день ѣздили по городу, дѣлая разныя покупки. Завернули по пути и въ Тромсэйскій музей—поучиться геологіи, и въ погребокъ Макка—попить винца; вообще воспользовались временемъ наилучшимъ образомъ.

Послѣ обѣда я побывалъ на „Фрамѣ" и простился съ каждымъ уголкомъ на немъ, стараясь хорошенько запечатлѣть все въ памяти. Тутъ же я познакомился съ Могстадомъ, который здѣсь присоединился къ экипажу и долженъ былъ смѣнить Гогенсена и Христіансена. Онъ произвелъ на меня своимъ смѣлымъ, неустрашимымъ видомъ отличное впечатлѣніе, и несомнѣнно являлся цѣннымъ подкрѣпленіемъ экипажа.

Когда я укладывалъ въ каютѣ свой чемоданъ, вошелъ Нансенъ съ своими акварельными эскизами, предназначенными для отсылки Евѣ. Онъ вложилъ ихъ въ большой атласъ, по-

дарокъ Норденшёльда съ его собственноручной надписью, и сказалъ, вручая мнѣ пакетъ:

— Лучше, кстати, отвезти Евѣ и атласъ Норденшёльда. Это такая дорогая вещь, что жаль было бы потерять ее, еслибы случилась бѣда и намъ пришлось оставить „Фрамъ“.

Онъ говорилъ это такимъ спокойнымъ тономъ, точно рѣчь шла о томъ, чтобы оставить у полюса старую куртку или пару изношенныхъ сапогъ.

На „Фрамѣ“. Е. В.

— Тебѣ все-таки надо постараться привезти назадъ и „Фрамъ!“—сказалъ я.

— Понятно, мы не броснмъ судна, пока не заставитъ неволя. Но, вѣдь, можетъ случиться, что льды такъ скрутятъ его, что намъ нельзя будетъ протащить его. А въ такомъ случаѣ досадно было бы бросить съ нимъ больше, чѣмъ это необходимо.

Ночью Нансенъ и Свердрупъ проводили меня на пароходъ „Вестероленъ“, и мы выпили на прощанье по стакану горячаго пунша.

Обнялись и распрощались.

— Поклонъ твоей женѣ! И тысячу поклоновъ Евѣ, Ливъ и домику!

— Дай мнѣ слово не слишкомъ рисковать! Будь осторожнымъ насколько возможно! И счастливаго возвращенія тебѣ и „Фраму“! Да благословитъ тебя Богъ, дорогой другъ!..

Раздается третій свистокъ. Ровно въ полночь „Вестероленъ“ устремляется на всѣхъ парахъ къ югу. Нансенъ и Свердрупъ стоятъ въ лодкѣ другъ подлѣ друга. Еще минуту мелькаетъ передо мною свѣтлый непромокаемый плащъ Нансена, затѣмъ онъ и Свердрупъ сливаются вмѣстѣ въ одинъ образъ на фонѣ, покрытаго слоемъ изморози и снѣга, словно зимняго моря. Еще разъ промелькнулъ въ туманѣ „Фрамъ“ и затѣмъ скрылся.

Когда-то увижу я *его* снова?

Возвращеніе.

(Статья А. и П. Ганзенъ.)

Грустныя ноты, прорывавшіяся то тамъ, то сямъ, въ предыдущихъ главахъ книги, составленной друзьями и почитателями Нансена, три года не подававшаго никакихъ извѣстій, были заглушены кликами восторженнаго ликованія, вызваннаго внезапнымъ возвращеніемъ Нансена изъ счастливо оконченной экспедиціи.

Тѣмъ не менѣе и къ этому шумному ликованію примѣшивалась сначала грустно-тревожная нота, вызываемая вопросомъ: гдѣ „Фрамъ“ съ остальными участниками экспедиціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ дать одинъ Нансенъ. Онъ, по его словамъ, не видя возможности достичь области сѣвернаго полюса на суднѣ, рѣшился попытаться проникнуть туда на саняхъ, на лыжахъ и пѣшкомъ, оставилъ вмѣстѣ съ поручикомъ Іогансеномъ корабль еще въ прошломъ году $^{2}/_{14}$ марта, на 83°59′ сѣв. шир. и 102°27′ вост. долг. и теперь, вернувшись изъ пятнадцатимѣсячнаго отчаянно-смѣлаго путешествія, имѣлъ основанія полагать, что нечего тревожиться за участь „Фрама“ и остальныхъ товарищей, ввѣренныхъ его второму „я“, капитану Свердрупу. Увѣренность Нансена въ благополучномъ и правильномъ плаваніи судна была настолько велика, что онъ расчитывалъ уже застать „Фрамъ“ въ Вардё при своемъ прибытіи туда, узнавъ же, что судно еще не приходило, заявилъ, что въ такомъ случаѣ оно должно благополучно прибыть въ скоромъ времени. Онъ, вѣдь, уже имѣлъ возможность

убѣдиться въ прочности „Фрама“ и въ способностяхъ его капитана, такъ что могъ не опасаться за судьбу своихъ товарищей. Въ самомъ дѣлѣ, если ужъ онъ самъ не побоялся оставить 17 мѣсяцевъ тому назадъ, на такой высокой сѣверной широтѣ, столь надежное, испытанное въ теченіе двухъ лѣтъ убѣжище, снабженное, какъ оказывалось, провіантомъ на срокъ, почти вдвое большій, нежели предположенный, то что же ему было безпокоиться за судьбу этого убѣжища?

И дѣйствительно, не прошло и недѣли, какъ увѣренность Нансена оправдалась самымъ блестящимъ образомъ. $^{2}/_{14}$ августа телеграфъ возвѣстилъ о благополучномъ возвращеніи на родину самого Нансена, а $^{5}/_{20}$ того-же мѣсяца о благополучномъ прибытіи „Фрама“ со всѣмъ экипажемъ въ добромъ здоровьѣ.

Теперь восторгамъ и ликованіямъ не стало предѣловъ. Нансенъ, находившійся уже на пути въ Христіанію, гдѣ ему готовили блестящую встрѣчу, поспѣшилъ вернуться назадъ на встрѣчу своимъ сотоварищамъ и „Фраму“. На послѣднемъ вѣсть объ опередившемъ ихъ прибытіе возвращеніи вождя экспедиціи было встрѣчено съ безпредѣльнымъ восторгомъ и пушечными выстрѣлами; самая встрѣча была глубоко трогательной.

И вотъ, начался рядъ національныхъ торжествъ въ Норвегіи. Весь путь слѣдованія „Фрама“ по роднымъ водамъ обратился въ сплошной тріумфъ. Со всѣхъ военныхъ кораблей и крѣпостей салютовали, по приказанію короля, проходящему мимо „Фраму“ тринадцатью пушечными выстрѣлами,—высшая честь, какая только можетъ быть вообще оказана судну. Жители всѣхъ городовъ и мѣстечекъ, лежавшихъ на пути слѣдованія „Фрама“ въ Христіанію, настоятельно требовали, чтобы Нансенъ съ товарищами завернулъ къ нимъ, далъ бы имъ возможность принять участіе въ чествованіи его всей страною. Удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, разумѣется, оказалось немыслимымъ, и „Фраму“ пришлось ограничиться посѣщеніемъ лишь нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ городовъ.

Каждый городъ, въ который заѣзжали славные путешественники, старался принять ихъ какъ можно радушнѣе, выразить имъ свою радость и гордость, по поводу совершеннаго ими подвига, какъ можно задушевнѣе и горячѣе.

Города же и мѣстечки, лишонные радости привѣтствовать путешественниковъ у себя, тѣмъ не менѣе убрались по праздничному къ моменту прохожденія „Фрама“ мимо нихъ, чтобы хоть тѣмъ показать Нансену и его спутникамъ свое участіе въ общей радости.

На торжество, устроенное въ честь Нансена и его спутниковъ въ г. Тромсё $^{11}/_{23}$ августа, собралось столько народа, сколько могло вмѣстить помѣщеніе. Особенное впечатлѣніе произвела отвѣтная рѣчь Нансена въ честь Свердрупа. Глубоко взволнованный Нансенъ, оканчивая рѣчь, поднялъ Свердрупа на руки и воскликнулъ при бурныхъ одобреніяхъ присутствовавшихъ: „Вотъ онъ, кого я ставлю выше всѣхъ!“ Затѣмъ, подчиняясь настойчивому единодушному желанію участниковъ торжества видѣть Еву Нансенъ, онъ поднялъ на руки и жену и обнесъ на рукахъ вокругъ всей залы при восторженныхъ кликахъ гостей. По окончаніи пиршества, всѣхъ членовъ экспедиціи поочередно носили, согласно древнему норманскому обычаю, въ золоченыхъ креслахъ вокругъ залы.

Въ Троньемѣ, $^{13}/_{25}$ августа, пріемъ Нансена и его товарищей вышелъ также очень торжественнымъ и, главное, носилъ такой сердечный характеръ, какой только можетъ носить истинно національное торжество. На набережной у пристани, куда долженъ былъ пристать „Фрамъ“, заранѣе собралось до 20,000 народа. На берегу была воздвигнута тріумфальная арка, подъ которой и прошли чествуемые герои. На привѣтственную рѣчь представителя населенія Нансенъ, головой выдававшійся изъ окружавшихъ, отвѣтилъ со свойственной ему простотой и сердечностью. Затѣмъ онъ и всѣ его спутники сѣли въ экипажи и отправились въ отель.

Очевидцы этой встрѣчи отмѣчаютъ общую радость, выраженную народомъ, при видѣ дышащихъ здоровьемъ и весельемъ лицъ отважныхъ путешественниковъ, возвратившихся изъ полярныхъ дебрей. Кортежъ экипажей по всему пути до отеля былъ привѣтствуемъ восторженными возгласами; тѣми же возгласами встрѣчалъ народъ и послѣдній экипажъ съ Евой Нансенъ, женою Свердрупа и невѣстою Гансена.

Огромная масса народа собралась и передъ самой гостиницей, съ крыльца которой Нансенъ и его товарищи смо-

трѣли на устроенную въ честь ихъ болѣе чѣмъ 40 обществами и корпораціями торжественную процессію со знаменами и значками. Не смотря на огромное стеченіе народа, порядокъ былъ образцовый. Всѣ находились подъ впечатлѣніемъ торжественности минуты, и у многихъ на глазахъ навертывались слезы.

Торжественность этого народнаго чествованія, многочисленность участниковъ процессіи, знаменъ, и безпредѣльный восторгъ заставляли забыть, что эта манифестація происходитъ въ сравнительно небольшомъ городѣ. Чувствовалось, что тутъ самъ народъ чествуетъ своихъ доблестныхъ сыновъ, и краткіе равномѣрные крики „ура“, сопровождавшіе прохожденіе каждой отдѣльной корпораціи, раздавались отъ всего сердца.

Вечеромъ былъ устроенъ народный праздникъ въ городскомъ саду; на праздникѣ между прочимъ было повторено старинное чествованіе героевъ—ношеніе членовъ экспедиціи въ золоченыхъ креслахъ, что вызвало нескончаемые восторги. Во время ужина рѣчамъ и тостамъ не было конца. Нансенъ въ своей отвѣтной рѣчи высказалъ между прочимъ слѣдующее: „Когда „Фрамъ“, крѣпко засѣвшій во льдахъ, несло къ югу, по направленію къ родинѣ, на суднѣ замѣчался общій упадокъ духа; совершенно обратное было, когда насъ несло, куда слѣдовало—къ сѣверу.“ Затѣмъ онъ горячо выставилъ на видъ то большое значеніе, которое имѣетъ для подростающаго поколѣнія сильно развившаяся за послѣднее время потребность въ физическихъ упражненіяхъ.

Въ теченіе всего вечера Нансенъ и его товарищи были предметомъ самыхъ трогательныхъ овацій со стороны собравшагося на праздникъ въ огромной массѣ простого народа. Въ этихъ простыхъ, искреннихъ оваціяхъ такъ и сквозило сознаніе національнаго значенія подвига.

На другой день городъ далъ путешественникамъ обѣдъ и послѣ него концертъ въ старомъ соборѣ; но устроенная въ тотъ же день манифестація со стороны дѣтей затмила своей торжественностью и трогательностью всѣ остальныя манифестаціи. Наканунѣ въ газетахъ появился обращенный къ дѣтямъ призывъ принять участіе въ торжествѣ, и какъ дѣти, такъ и родители ихъ, настолько горячо откликнулись на этотъ при-

зывъ, что на другой день къ гостинницѣ, гдѣ проживалъ Нансенъ съ товарищами, направилось шествіе изъ 1,500 чел. дѣтей, пестрѣющее цѣлымъ лѣсомъ флаговъ.

Когда процессія установилась, какъ то позволило мѣсто, передъ гостинницей, одинъ изъ учителей кратко, но образно, обрисовалъ дѣтямъ подвигъ, совершонный лицами, которыхъ дѣтямъ предстоитъ чествовать, и едва онъ кончилъ свою рѣчь, слова его покрылись взрывомъ восторженнаго „ура“ со стороны дѣтей. Малолѣтніе манифестанты кричали „ура“ и махали флагами съ такимъ энтузіазмомъ, что увлекали за собою и взрослыхъ. Чистый юный восторгъ молодого поколѣнія произвелъ захватывающее впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, не говоря уже о самихъ виновникахъ торжества. Пропѣвъ любимую національную пѣснь: „Да, мы любимъ эти скалы“ (слова Б. Бьёрнсона), дѣти мирно разошлись по домамъ. Болѣе симпатичной демонстраціи трудно было и придумать; помимо того, что дѣтямъ въ данномъ случаѣ также была дана возможность чествовать доблестныхъ сыновъ своей родины, они вынесли изъ этого всенароднаго торжества такія впечатлѣнія, которыя не могутъ не имѣть для многихъ изъ нихъ самыхъ благихъ послѣдствій въ будущемъ.

Встрѣча въ Бергенѣ ($\frac{21\text{ авг.}}{2\text{ сент.}}$) вышла не менѣе многолюдной и торжественною, чѣмъ въ Троньемѣ. Нансенъ, въ отвѣтъ на обращенныя къ нему привѣтственныя рѣчи, высказалъ между прочимъ слѣдующее: „Сегодня экспедиція вернулась въ свою колыбель, — здѣсь, въ этомъ городѣ мореходовъ, зародился въ долгіе зимніе вечера планъ экспедиціи, здѣсь, въ этомъ бьющемся сердцѣ норвежской предпріимчивости, я почувствовалъ чего можно достигнуть при помощи твердой воли и добраго согласія. Да здравствуетъ Бергенъ, городъ, который послѣ моего роднаго города для меня дороже всѣхъ, и куда меня и моихъ товарищей влекло, послѣ роднаго города, всего сильнѣе.“

Послѣ патріотической рѣчи извѣстнаго норвежскаго композитора Эдварда Грійга, весь народъ обнажилъ головы и пропѣлъ: „Да, мы любимъ эти скалы“.

Особенною же торжественностью отличалось празднество, устроенное въ честь Нансена въ залѣ Бергенскаго музея, гдѣ онъ прежде былъ консерваторомъ. На привѣтственную рѣчь

нынѣшняго директора музея Армауеръ-Гансена Нансенъ отвѣтилъ тостомъ за музей, которому онъ обязанъ своимъ научнымъ образованіемъ. Затѣмъ онъ высказалъ надежду вновь вернуться къ той наукѣ, которую на время оставилъ, и благодарилъ каждаго изъ профессоровъ музея, руководившихъ его на первыхъ порахъ.

Послѣ того докторъ Брокгорстъ привѣтствовалъ рѣчью присутствовавшаго на праздникѣ барона ф. Толя, оказавшаго такую существенную поддержку предпріятію Нансена. Баронъ ф. Толь въ свою очередь привѣтствовалъ Нансена отъ имени Русской Академіи Наукъ, на что Нансенъ отвѣтилъ рѣчью, въ которой горячо благодарилъ барона ф. Толя за его содѣйствіе, напомнилъ присутствовавшимъ о трудахъ знаменитыхъ русскихъ піонеровъ-изслѣдователей арктическихъ областей и въ заключеніе провозгласилъ тостъ за Россію.

Послѣднею рѣчью была теплая рѣчь коммерсанта Сундта, посвященная памяти покойнаго директора музея Даніельсена.

На торжественную встрѣчу Нансена и его сотоварищей въ Христіаніи стортингъ ассигновалъ 32,000 кр., сумму довольно внушительную для такой маленькой страны. Король Швеціи и Норвегіи рѣшилъ лично принять участіе въ народномъ торжествѣ, а королева отвела въ Христіанійскомъ дворцѣ помѣщеніе для Евы Нансенъ съ дочкой и матерью, жены Свердрупа и дѣтей прочихъ участниковъ экспедиціи.

Погода въ день встрѣчи $\frac{26 \text{ августа}}{7 \text{ сентября}}$ стояла съ утра пасмурная, но затѣмъ къ полудню выглянуло солнышко, и величественная церемонія прошла при великолѣпной погодѣ. Столица Норвегіи разукрасилась на славу. Вдоль всего пути, по которому долженъ былъ слѣдовать торжественный кортежъ, были воздвигнуты шпалерами щиты и флаги съ надписями: на синемъ фонѣ серебряными буквами имена участниковъ экспедиціи или на фонѣ національныхъ цвѣтовъ золотая буква N; кромѣ трехъ главныхъ грандіозныхъ тріумфальныхъ воротъ, въ различныхъ пунктахъ пути красовались арки меньшихъ размѣровъ, перекрещивались цвѣтныя гирлянды и цѣпи и проч., такъ что весь путь представлялся сплошными тріумфальными воротами.

Съ ранняго утра всѣ магазины и конторы были закрыты, и улицы кишѣли разодѣтымъ народомъ; болѣе предусмотритель-

ные зрители спозаранку унизали также всѣ прилегающіе къ морю скаты и набережную

Первая встрѣча на морѣ представляла великолѣпное зрѣлище. Около десяти часовъ утра собравшаяся для встрѣчи „Фрама“ флотилія чуть ли не въ сотню пароходовъ, биткомъ набитыхъ пассажирами, двинулась въ два ряда внизъ по гладкому, какъ зеркало, фіорду. Впереди всѣхъ шли два парохода съ членами стортинга, городского управленія и другими почетными представителями столицы. Послѣ двухчасоваго плаванія флотилія встрѣтилась съ „Фрамомъ“, предшествуемымъ почетной эскардой изъ военныхъ кораблей и цѣлой массой частныхъ судовъ.

„Фрамъ“ шелъ на буксирѣ за пароходомъ „Гологоландомъ“; при громовыхъ раскатахъ „ура“ знаменитое судно прошло между двумя рядами салютовавшихъ ему судовъ, которыя затѣмъ примкнули къ сопровождавшей его флотиліи. Недалеко отъ Христіанійской гавани буксирный пароходъ оставилъ „Фрамъ“, и послѣдній медленно и неуклюже направился впередъ, чтобы бросить якорь въ гавани, тогда какъ остальные суда прослѣдовали дальше къ мѣстамъ, назначеннымъ для высадки пассажировъ.

Павильонъ, воздвигнутый у пристани, наполнился, между тѣмъ, избранными лицами, близкими членамъ экспедиціи. Среди нихъ выдавались Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ съ женою и 86 лѣтняя мать Евы Нансенъ, г-жа Сарсъ. Жена Нансена съ дочерью, женою Свердрупа и дѣтьми прочихъ членовъ экспедиціи наблюдали въѣздъ во фьордъ изъ оконъ дворца.

Несмотря на огромнѣйшее скопленіе народа (однихъ пріѣзжихъ прибыло въ Христіанію свыше 100,000 чел.), порядокъ все время былъ образцовый и ни въ содѣйствіи полиціи, ни въ услугахъ отрядовъ, снаряженныхъ Обществомъ Краснаго Креста, не встрѣтилось надобности.

Въ $2^1/_2$ часа съ крѣпости раздался пушечный выстрѣлъ, подхваченный выстрѣлами съ пароходовъ и кораблей, и возвѣстившій о прибытіи „Фрама“ въ гавань.

Члены экспедиціи спустились съ „Фрама“ въ двѣ лодки и поплыли между двумя рядами разукрашенныхъ парусныхъ ло-

докъ на встрѣчу развѣвающимся въ рукахъ восторженной толпы бѣлымъ платкамъ, флагамъ и крикамъ „ура“.

Первая лодка подвезла къ убранной съ царскою роскошью пристани шестерыхъ членовъ экспедиціи; изъ нихъ сразу выдѣлилась высокая стройная фигура вождя экспедиціи, ласково и нѣсколько смущенно отвѣчавшаго поклонами на поклоны и привѣтствія.

Изъ второй лодки высадились остальные товарищи Нансена, уже при звукахъ огромнаго хора пѣвчихъ, исполнявшихъ старинный хоралъ: „Нашъ Богъ—наша твердыня и оплотъ!“ за которымъ послѣдовала національная пѣснь: „Да, мы любимъ эти скалы!“ Подъ звуки этой пѣсни, подхваченной всѣмъ народомъ, Нансенъ во главѣ своихъ товарищей поднялся по ступенямъ лѣстницы въ павильонъ.

Какъ перемѣнился за эти три года отсутствія знаменитый путешественникъ! Отличавшихъ его прежде нѣсколько размашистыхъ движеній уже не было больше. Тутъ выступалъ не сіяющій тріумфаторъ, благосклонно принимающій чествованіе народа, а простой смертный, и глубокая грустная дума, залегшая въ его глазахъ, лучше всего свидѣтельствовала о томъ, какъ тяжело отозвались на немъ уединеніе и мракъ полярной пустыни.

Нансенъ горячо пожалъ руку Бьёрнсона и затѣмъ низко склонился къ рукѣ престарѣлой Маренъ Сарсъ.

Предсѣдатель городского управленія, коммерсантъ Лунде произнесъ привѣтственную рѣчь отъ имени всего столичнаго населенія, покрытую громовыми „ура“.

Нансенъ отвѣтилъ на нее слѣдующею рѣчью:

„Земляки норвежцы!

Трудно выразить тѣ чувства, которыя въ эту минуту волнуютъ меня и моихъ товарищей.

Всѣмъ вамъ извѣстно съ какими чувствами въѣзжаютъ въ Христіанійскій заливъ *).

Мнѣ памятенъ день нашего отплытія—сѣрый дождливый день. Въ воздухѣ какъ бы нависли горе и заботы объ отплы-

*) Христіанійскій заливъ славится своей красотой и живописностью открывающагося съ него вида.

вающихъ. Тяжело было и отплывать—и потому, что тутъ оставалась семья, и потому, что я сознавалъ отвѣтственность за тѣхъ, кого бралъ съ собою; въ этотъ день отплывала часть счастья молодой Норвегіи.

Да, отвѣтственность была велика. Измѣни мы своей задачѣ, мы измѣнили бы родинѣ. Но я зналъ, что идущіе за мной пойдутъ до конца.

Скажу теперь, какое чувство овладѣло мной при возвращеніи на родину, по завершеніи нашей задачи. Я чувствую, что поднялся ступенью выше, чувствую, что мы дома!

Планъ, положимъ, былъ мой, но честь удачи принадлежитъ тѣмъ, кто послѣдовалъ за мной. Никогда никого не сопровождали на сѣверъ лучшіе сподвижники.

Сердечно благодарю васъ за почетный пріемъ, самый почетный, который когда либо выпадалъ на долю норвежца. Мы только выполнили свой долгъ и я, благодаря за пріемъ, провозглашаю „ура“ въ честь Норвегіи и высказываю пожеланіе, чтобы родной городъ нашъ часто отправлялъ такихъ молодцовъ, какихъ далъ мнѣ въ товарищи!“

Девятикратное „ура“ покрыло эту простую, безъискуственную рѣчь, произнесенную громкимъ, звучнымъ голосомъ.

Послѣ того члены экспедиціи сѣли въ экипажи, по двое въ каждый, причемъ въ первый помѣстились Нансенъ и Свердрупъ, а въ послѣдній жена Нансена съ женой Свердрупа, невѣстой Гансена и Колиномъ Арчеромъ, и кортежъ, при несмолкаемыхъ кликахъ ликованія, направился по тріумфальному пути.

Первыя тріумфальныя ворота были живыя: онѣ состояли изъ возвышающихся ступенями площадокъ, усѣянныхъ членами гимнастическихъ обществъ—мужчинами и дамами въ бѣлыхъ одѣяніяхъ; мущины махали флагами, а дамы осыпали героевъ цѣлымъ дождемъ цвѣтовъ.

У университета была сдѣлана остановка; ректоръ университета привѣтствовалъ Нансена и его спутниковъ теплою рѣчью, которую закончилъ словами: „Добро пожаловать на родину! Поздравляю съ счастливымъ окончаніемъ экспедиціи! Да здравствуетъ Нансенъ и его товарищи!“

Когда замолкло девятикратное „ура“ присутствовавшихъ, Нансенъ, видимо взволнованный, произнесъ: „Благодарю васъ,

за себя и за моихъ товарищей, за эту сердечную встрѣчу! Вы вѣрно сказали, что я чувствовалъ себя во время экспедиціи піонеромъ науки.

И теперь, очутившись снова у норвежскаго очага науки, я не нахожу словъ, чтобы выразить мои чувства.

Позвольте же мнѣ этимъ рукопожатіемъ поблагодарить васъ за сердечный пріемъ; я никогда не забуду этой минуты!"

Затѣмъ Нансенъ направился было къ экипажу, чтобы продолжать путь, но былъ остановленъ предсѣдателемъ гимнастическаго и фехтовальнаго студенческаго общества, который со словами: „Товарищи! Увѣнчаемъ героевъ, вернувшихся изъ полярныхъ пустынь!" надѣлъ Нансену лавровый вѣнокъ. Вице-предсѣдатель въ свою очередь увѣнчалъ Свердрупа, а другіе члены остальныхъ участниковъ экспедиціи.

Торжественный кортежъ снова двинулся дальше по направленію къ дворцу. Въ залѣ дворца уже ожидалъ экспедицію король съ наслѣднымъ принцемъ и членами государственнаго совѣта.

Встрѣтивъ членовъ экспедиціи радушнымъ „добро пожаловать", король самъ вручилъ Нансену большой крестъ ордена Св. Олафа, Свердрупу командорскій крестъ того же ордена, лейтенантамъ Гансену, Іогансену и доктору Блессингу кавалерскіе кресты *) и остальнымъ участникамъ экспедиціи спеціально выбитыя въ память подвига „Нансеновскія медали".

За парадньмъ обѣдомъ во дворцѣ, даннымъ королемъ членамъ экспедиціи, король произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Сегодняшній день воистину достопамятный день. Память о немъ врѣжется глубокими золотыми рунами въ гранитныя скрижали норвежской исторіи.

Великія географическія открытія, безъ сомнѣнія, стоятъ наряду съ величайшими побѣдами науки вообще, являясь событіями, принадлежащими, какъ по своимъ косвеннымъ выгодамъ, такъ и по прямымъ послѣдствіямъ, не исключительно какой нибудь отдѣльной странѣ, но всему человѣчеству.

*) Такой-же орденъ получили въ тотъ-же день и строитель «Фрама» Колинъ Арчеръ и консулъ Гейбергъ, одинъ изъ крупныхъ жертвователей на снаряженіе экспедиціи.

Лейфъ Эйриксонъ, Васко де Гамма, Колумбъ, Кукъ, Парри, Стэнли, Норденшёльдъ, Фритьофъ Нансенъ—все это побѣдоносные носители культурнаго труда, представляющаго значеніе для всего міра. Это общее значеніе не исключаетъ, однако, того, чтобы та страна, тотъ народъ, сыновья котораго совершили подвигъ, служа этому культурному труду, не имѣли права привѣтствовать ихъ съ особой гордостью и радостью.

Поэтому-то наше привѣтствіе теперь, когда тебя, Фритьофъ Нансенъ, и твоихъ отважныхъ товарищей привѣтствуетъ весь свѣтъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, нежели привѣтствія другихъ, а именно—восторгъ, основанный на любви къ родинѣ, воодушевляющій насъ потому, что подвигъ совершонъ сынами Норвегіи и такимъ образомъ въ полномъ значеніи слова является *норвежскимъ*.

Когда „Фрамъ“ покидалъ родные берега, его провожали самыя горячія пожеланія, самыя смѣлыя ожиданія, но къ нимъ примѣшивались также тревожныя чувства. Надежды наши не могли отдѣлаться отъ сомнѣнія—увѣнчаетъ-ли счастье это смѣлое предпріятіе. Тѣмъ не менѣе надежды были живы, поддерживаемыя тою ясностью мысли, тою предусмотрительностью, основательною научною подготовкою и отвагою, которыя были проявлены при снаряженіи экспедиціи. Мы только не могли вполнѣ освободиться отъ опасенія, что маленькое судно не устоитъ въ борьбѣ съ мощными стихіями полярнаго міра, будетъ сокрушено льдами и погибнетъ. Но „Фрамъ“, построенный Колиномъ Арчеромъ, управляемый Отто Свердрупомъ и направляемый при свѣтѣ полярныхъ звѣздъ Фритьофомъ Нансеномъ, побѣдилъ всѣ опасности. Ихъ было много, но противъ нихъ сплотился кружокъ отважныхъ людей, которые раздѣлили опасность съ начала до конца—не говорю: отъ перваго до послѣдняго,—тутъ не было послѣднихъ; всѣ они въ одинаковой мѣрѣ раздѣляли опасность, въ одинаковой мѣрѣ должны раздѣлять и честь.

Опасностей и затрудненій было много, больше, чѣмъ я могу перечислить, а еще больше, пожалуй, было случаевъ соблазна, вызванныхъ тоской по родинѣ, окрылявшей мысли, когда онѣ въ холодныя, освѣщенныя лишь слабымъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія, полярныя ночи неслись къ югу, къ уютному домашнему

очагу на родинѣ, гдѣ любящія жены, невѣсты, родители, братья, сестры, дѣти, родные и друзья томились тревогою, тщетно вперяя тоскливые взоры вдаль, къ сѣверу, черезъ глубокую морскую пучину, отдѣляющую ихъ отъ странствующихъ среди полярныхъ льдовъ родныхъ и друзей.

„Фрамъ“ поднялся сѣвернѣе всѣхъ другихъ судовъ, когда-либо прорѣзавшихъ полярные льды, а еще дальше къ сѣверу проникъ безстрашный вождь экспедиціи съ однимъ лишь товарищемъ, перенеся съ нимъ въ теченіи пятнадцати мѣсяцевъ такія лишенія и преодолѣвъ такія опасности, одна мысль о которыхъ вызываетъ въ насъ и ужасъ и безусловное преклоненіе.

Всемогущее Благое Провидѣніе бодрствовало надъ нашими земляками, странствующими вдали отъ насъ, и Податель всѣхъ благъ даровалъ и имъ счастье вернуться обратно. Въ эти дни много говорятъ о счастьѣ, объ удачѣ, сопровождавшихъ экспедицію. Я не отрицаю удачи, но не слѣдуетъ придавать ей преобладающаго значенія. Удача чаще всего присоединяется къ уму и мужеству, и гораздо справедливѣе было бы въ данномъ случаѣ упирать не на удачу, а на изумительную точность разсчетовъ, въ силу которыхъ „Фрамъ“ и его вождь достигли родныхъ береговъ почти въ одинъ день.

И вотъ, среди норвежскихъ скалъ раздался двойной взрывъ радости и привѣтствій возвратившимся славнымъ землякамъ. Слѣдованіе „Фрама“ вдоль береговъ Норвегіи стало тріумфальнымъ шествіемъ, столь же единственнымъ въ своемъ родѣ, сколь и заслуженнымъ, и завершоннымъ сегодня, когда „Фрамъ“ бросилъ якорь въ Христіанійской гавани, изъ которой отплылъ три съ четвертью года тому назадъ. Вернулся онъ обратно съ полнымъ составомъ экипажа, не потерпѣвъ никакихъ поврежденій, съ запасомъ провіанта, котораго хватило бы еще на долгій срокъ, что одно уже служитъ яркимъ доказательствомъ той предусмотрительности, которая, проявляясь какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ, явилась причиной успѣха экспедиціи.

Теперь вы, сыновья нашей старой Норвегіи, собрались здѣсь въ королевскомъ дворцѣ, и король Норвегіи считаетъ своей священной обязанностью, какъ и неотъемлемымъ правомъ,

выразить волнующія въ эту минуту весь норвежскій народъ чувства. Итакъ, примите черезъ меня искреннюю и горячую благодарность всего народа за то, что вы сдѣлали, за ту радость, которую вы доставили норвежскимъ сердцамъ, за тотъ блескъ славы, который, благодаря вамъ, отражается теперь на вашемъ отечествѣ.

Эта народная благодарность не умретъ вмѣстѣ съ народнымъ восторгомъ; она переживетъ насъ, будетъ передаваться изъ рода въ родъ, пока стоятъ норвежскія скалы.

Трижды тройное „ура“ въ честь Нансена и его спутниковъ!“

На другой день въ часъ пополудни король и кронпринцъ посѣтили „Фрамъ, на которомъ пробыли около часа.

За два часа передъ тѣмъ въ честь Нансена и его товарищей была устроена манифестація со стороны дѣтей столицы. Воспитанники и воспитанницы 45 школъ въ теченіе полутора часа дефилировали передъ участниками экспедиціи, размахивая флагами и крича „ура“ вслѣдъ за своимъ предводителемъ, инспекторомъ учебныхъ заведеній, который привѣтствовалъ Нансена и его спутниковъ возгласомъ: „За мужество и силу! За трудъ и побѣду! Ура!“

Затѣмъ, въ этотъ же день, былъ данъ отважнымъ путешественникамъ обѣдъ отъ города.

Послѣ тостовъ за короля и стортингъ, профессоръ Монъ произнесъ привѣтственную рѣчь чествуемымъ гостямъ; обрисовавъ самую экспедицію и главные научные результаты ея, онъ закончилъ рѣчь слѣдующими словами:

„Фритьофъ Нансенъ! Передъ отъѣздомъ вы сказали, что расчитываете плыть по теченію. И дѣйствительно вы плыли по теченію въ вашемъ полярномъ морѣ. Но съ того дня, какъ вы высадились въ Вардё, а „Фрамъ“ бросилъ якорь въ Скервё, вамъ приходится плыть на встрѣчу теченію, потоку, который льется изъ всѣхъ сердецъ и который теперь обнимаетъ васъ всѣхъ единодушнымъ кликомъ: добро пожаловать, Фритьофъ Нансенъ съ товарищами, въ столицу Норвегіи!“

Вслѣдъ за этою рѣчью была пропѣта написанная для даннаго случая пѣснь, а по окончаніи ея сказалъ рѣчь Нансенъ.

„Земляки! Сердечно благодарю васъ отъ имени моихъ товари-

щей и моего за сказанное здѣсь слово, за теплый привѣтъ и за весь тотъ потокъ добрыхъ чувствъ, который лился намъ на встрѣчу съ той минуты, какъ мы ступили на родную почву.

Говорятъ, мы совершили подвигъ во славу родины. Не знаю, такъ ли это; знаю только, что мы выполнили свой долгъ. Говорятъ также, что мы сдѣлали кое-что въ пользу наукѣ. Съ этимъ я еще, пожалуй, могу согласиться; но, если мы прибавили къ ея хартіямъ новый листочекъ, то подносимъ его той странѣ, которая снарядила насъ въ путь—нашей дорогой родинѣ.

Меня осыпаютъ похвалами; не думаю, чтобы я заслужилъ ихъ. Довольно легко нестись по теченію, разъ оно найдено, а вотъ нелегко было послѣдовать за человѣкомъ, котораго многіе называли безумцемъ. Одинъ иностранецъ, считающійся авторитетомъ, прямо нашелъ мой планъ сумасброднымъ и заявилъ, что мнѣ не удастся найти никого, кто бы рискнулъ тутъ своей жизнью. Но я зналъ лучше его, что въ странѣ, откуда я самъ, посмотрятъ на дѣло иначе; я зналъ, что найду людей и нашелъ. Я взялъ двѣнадцать человѣкъ, и лучшихъ спутниковъ не имѣлъ никто никогда. Вы бы посмотрѣли на нихъ, какъ они улыбались, встрѣчая опасность; они помнили, что, преодолѣвая опасности по мѣрѣ силъ, они вплетали новые лавры въ вѣнокъ страны, снарядившей ихъ въ путь. Вы бы посмотрѣли, какъ они грустили, когда насъ несло назадъ.

Одно облегчало нашъ путь—согласіе, объединявшее экипажъ: лучшаго согласія не могло быть среди членовъ какой либо другой экспедиціи.

Всѣхъ насъ воодушевляла одна мысль, одно желаніе—сдѣлать честь нашей родинѣ. Правда, разъ мы сѣли на корабль, намъ было мало дѣла. Оставалось только крѣпко держаться судна, которое несло насъ, и мысли наши часто невольно возвращались на родину, и къ ея прошлому. Я думалъ о ней, и чѣмъ дальше несло насъ къ сѣверу, тѣмъ крѣпче я привязывался къ ней. Такъ прошу васъ, земляки, провозгласить тостъ за страну, воспитавшую силы, за которыя ей въ будущемъ скажутъ спасибо. Я знаю, что въ ней есть силы, которыя возьмутъ свое. Да здравствуетъ наша родина, Норвегія будущаго, наше драгоцѣннѣйшее сокровище!"

Рѣчь эта была покрыта восторженными одобреніями при-

сутствующихъ и тушемъ оркестра, послѣ чего была пропѣта пѣсня: „Да, мы любимъ эти скалы“.

Бургомистръ Кристи произнесъ юмористическую рѣчь въ честь „Фрама“ и его славнаго строителя Колина Арчера, въ которой напомнилъ между прочимъ зловѣщія предсказанія о гибели „Фрама“ на томъ основаніи, что онъ-де „отправился въ плаваніе съ злополучнымъ числомъ 13. Экипажу изъ 13 лицъ не можетъ быть удачи! И вотъ, всетаки „Фрамъ“ благополучно вернулся. Дѣло въ томъ, что въ экспедиціи было не тринадцать участниковъ, а четырнадцать. Четырнадцатымъ былъ самъ „Фрамъ“!“

Въ отвѣтъ на тостъ архитектора Вельгавена за женъ, невѣстъ, матерей и родственницъ членовъ экспедиціи, Нансенъ сказалъ, что тостъ этотъ вполнѣ заслуженъ. Онъ самъ зналъ по опыту, какую жертву принесли эти женщины, отпуская близкихъ имъ людей сопутствовать ему, ведшему ихъ на встрѣчу невѣдомымъ опасностямъ и страданіямъ. „Всѣ мы видимъ“— прибавилъ онъ:—„что за каждымъ великимъ дѣломъ стоятъ женщины. И я знаю, что за тѣмъ, что сдѣлано нами, тоже стоятъ женщины. Большія жертвы едва-ли когда-либо были принесены женщинами!“

Особенное же впечатлѣніе изъ рѣчей въ честь Нансена и его товарищей произвела своимъ глубокимъ содержаніемъ и неожиданною радостною новостью рѣчь одного изъ составителей данной книги, друга Нансена, профессора Брёггера.

„Въ эти дни воздухъ наполненъ именами Нансена, его товарищей и „Фрама“. Норвежскій народъ радуется и гордится этими людьми и ихъ подвигомъ, разнесшимъ по свѣту имя Норвегіи, заставившимъ это имя звучать такъ громко, какъ никогда прежде.

Мы гордимся достигнутыми научными результатами, мы счастливы совершеннымъ норвежцами подвигомъ, мы чествуемъ въ данномъ случаѣ пробуждающую наше національное чувство силу, и мы видимъ, какъ укрѣпляется этимъ наше государственное положеніе и значеніе.

Обо всемъ этомъ столько сказано, напечатано и пропѣто, что я не стану больше распространяться насчетъ этого.

Но я желаю обратить вниманіе вотъ на что: на ту *удиви-*

тельную, имѣющую значеніе для цѣлаго народа, даже для цѣлаго человѣчества, возвышающую душу силу, которую можетъ заключать въ себѣ дѣло одного человѣка. Всѣ мы знаемъ, всѣ мы чувствуемъ, какъ вообще обстоятъ у насъ дѣла въ будничное время, да и не у насъ однихъ, а вездѣ. Каждый живетъ, такъ сказать, въ своей загородкѣ, одинъ съ своими интересами, съ своимъ дѣломъ, будь то портной, купецъ, профессоръ, кто бы то ни было. Мы суетимся въ своихъ загородкахъ съ утра до вечера, съ колыбели до могилы и чаще всего почти и не выбираемся изъ этихъ загородокъ.

Но какъ обстоятъ дѣла въ данные дни? Всѣ мы почувствовали, что есть что-то хорошее и внѣ нашихъ загородокъ, что есть болѣе обширная, обобщающая всѣхъ насъ загородка — наша *родина*, а за нею еще болѣе обширная—*все человѣчество*. Передъ нами открылись широкіе виды, мы ощутили въ себѣ лучшіе, благороднѣйшіе порывы, такъ что мы почти готовы обниматься съ первымъ встрѣчнымъ, хотя бы ему не было никакого дѣла до нашей загородки.

Да, вотъ въ чемъ главная могучая сила, заключающаяся въ мысли, въ дѣлѣ одного человѣка. Она способна пробудить въ насъ, вызвать изъ насъ все, что есть въ насъ хорошаго, научить насъ видѣть великія цѣли, широкіе горизонты, простирающіеся надо всѣмъ человѣчествомъ. Вотъ что, по моему, является чуть-ли не величайшимъ результатомъ дѣла, совершеннаго Нансеномъ и его спутниками."

Закончилъ свою прекрасную рѣчь профессоръ Брёггеръ совершенно неожиданнымъ сообщеніемъ, бывшимъ для Нансена самымъ радостнымъ сюрпризомъ.

„Мнѣ пришло въ голову, что настала самая удобная минута направить весь этотъ благодатный потокъ ликованій и восторговъ въ такое русло, которое соотвѣтствовало бы предмету торжества и не дало бы дѣлу кончиться одними празднествами и торжественными обѣдами. Теперь-то какъ разъ, когда сердца открыты для великихъ чувствъ, для великихъ идей болѣе, чѣмъ въ обыкновенное время, можно было бы дать нашему народу и всему человѣчеству нѣчто великое, прочное, что послужило бы наилучшимъ прославленіемъ какъ самого Нансена, такъ и „Фрама" со всѣмъ его экипажемъ.

Въ то время, когда я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, занятый этой мыслью, ко мнѣ зашелъ консулъ Аксель Гейбергъ. Онъ просидѣлъ у меня съ часъ, и этотъ часъ останется незабвеннымъ, оставитъ по себѣ слѣдъ въ культурной жизни норвежскаго народа. Въ этотъ часъ возникла и была разработана идея объ основаніи „*Нансеновскаго фонда для поощренія наукъ*".

Основаніемъ этого фонда мы думаемъ создать болѣе свѣтлыя условія для дѣятелей науки у насъ, а также создать не только болѣе широкое будущее для нашей родины, но для всего человѣчества, увеличивая этимъ возможность внесенія такихъ крупныхъ вкладовъ въ культурную жизнь человѣчества, какой внесъ Нансенъ.

Наука, вѣдь, есть развитіе, прогрессъ, и трудъ ради преуспѣянія науки есть трудъ ради преуспѣянія всего человѣчества.

Гейбергъ былъ въ восторгѣ отъ этой мысли и тутъ же подписалъ 50,000 кронъ, чѣмъ дѣло было сразу обезпечено. Такой готовый перейти въ дѣло восторгъ не могъ не явиться заразительнымъ примѣромъ."

Упомянувъ затѣмъ о другихъ жертвователяхъ въ новый фондъ имени Нансена, ораторъ произнесъ: „Итакъ, имѣю честь и радость теперь же сообщить тебѣ, Фритьофъ Нансенъ, первый результатъ подписки— она дала уже 200,000 кронъ. Это значительная сумма, но на ней дѣло не остановится. Какъ далеко оно пойдетъ, я не могу еще сказать, это покажетъ будущее, но оно уже и теперь дѣлаетъ честь твоему имени, и это прекраснѣйшая вѣсть, какую только я могъ передать тебѣ!"

Послѣ тостовъ за трехъ главныхъ присутствующихъ меценатовъ-жертвователей Гейберга, Ферилея и Рингнеса, которые неустанно и словомъ и дѣломъ содѣйствовали осуществленію великой цѣли, коммерсантъ Сунде, обращаясь къ барону ф. Толю, привѣтствовалъ въ лицѣ его иностранныхъ представителей науки.

Въ отвѣтной рѣчи баронъ ф. Толь особенно выставилъ на видъ манифестацію со стороны дѣтей, которая тронула его больше всего: „Счастлива та страна, гдѣ молодое поколѣніе воспитывается такъ, что можетъ воодушевляться тѣмъ, что содѣйствуетъ преуспѣянію и благу родины".

На четвертый день торжествъ, Нансена и его „ученый штабъ" чествовало обѣдомъ Географическое общество; на обѣдѣ присутствовали также всѣ пріѣзжіе, какъ норвежскіе, такъ и иностранные, ученые и представители различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій.

Вечеромъ, въ тотъ же день, въ христіанійскомъ театрѣ состоялся парадный спектакль, въ программу котораго входили, между прочимъ, написанныя на данный случай Нордалемъ Рольфсеномъ драматическія сцены „На зарѣ".

По окончаніи спектакля студенты устроили въ честь Нансена и его спутниковъ торжественный и многолюдный факельцугъ.

На пятый день, въ воскресенье $^{1}/_{13}$ сентября, торжества закончились народнымъ праздникомъ на обширной площади передъ крѣпостью.

Народу собралось свыше 40,000; особенно густо толпился народъ у парадной трибуны, съ которой должны были произноситься рѣчи. Первымъ взошелъ на трибуну маститый поэтъ Бьёрнстьерне Бьёрнсонъ, привѣтствуемый восторженными кликами. За нимъ поднялся Нансенъ и другіе члены экспедиціи. Пока онъ подымался, стоявшія на трибунѣ молодыя дѣвушки, опоясанныя шарфами національныхъ цвѣтовъ, осыпали его цвѣтами. Многочисленный хоръ пропѣлъ пѣснь Бьёрнсона „Норвегія", положенную на музыку Сельмерсомъ, затѣмъ съ трибуны зазвучалъ мощный голосъ самого Бьёрнсона, долетавшій до самыхъ заднихъ рядовъ толпы.

„Многое изъ того, что намъ приходилось читать о Нансенѣ и его спутникахъ пугало насъ. Меня особенно пугало огромное количество медвѣжьяго мяса, которое пришлось имъ переварить. Мнѣ сдавалось, что̀ подъ конецъ оно должно было претить имъ. Поэтому я отъ души радовался тому, что ихъ теперь такъ хорошо угостили. Но все-таки, пожалуй, если бы кто нибудь спросилъ ихъ теперь, когда имъ угрожаетъ новая торжественная рѣчь, что̀ они предпочтутъ—рѣчь или мясо бѣлыхъ медвѣдей, они, сдается мнѣ, схватились бы за мясо. Такъ пособите же имъ, вы, стоящіе здѣсь и имѣющіе простоять, пока я не кончу, переварить эту рѣчь!

Еслибы всю ту бурю восторговъ и ликованія, которая про-

неслась надъ Нансеномъ, можно было превратить въ національный капиталъ, всѣ сказали бы: Норвегія не бѣдна. Если бы трепетъ, съ какимъ провожали экспедицію въ путь, радость, съ какою ее встрѣтили, можно было превратить въ теплоту, всѣ сказали бы: Норвегія не холодная страна!

Это именно и сдѣлано. Вспомните, что́ Нансенъ писалъ сестрицѣ: „Будемъ, пока хватитъ силъ, трудиться во славу и честь Норвегіи!“ Кто видѣлъ въѣздъ—скажетъ, что это былъ народный разсчетъ за сдержанное обѣщаніе. Они сдержали данное слово. Никто не ожидалъ, чтобы маленькая Норвегія могла участвовать въ такомъ великомъ дѣлѣ; это предоставлялось великимъ націямъ; но разъ самъ народъ принялъ этотъ планъ, то это могло лишь пробудить новыя силы, новое мужество. Сдается мнѣ, что за все это время, въ теченіе котораго вниманіе всего міра было приковано къ прорѣзавшему гдѣ-то мракъ и льды маленькому суденышку, у насъ, наша норвежская молодежь ни разу не подвязывала зимою лыжъ, не бросалась лѣтомъ въ море, не взбиралась на скалы, чтобы не вспомнить о Нансенѣ и его товарищахъ. И я знаю и по себѣ и отъ тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ случалось бесѣдовать объ этомъ, что за всѣ эти три года ни одинъ сочельникъ не проходилъ безъ того, чтобы мы не посылали на сѣверъ пожеланій счастливаго сочельника, не устремляли взоровъ вдаль, какъ бываетъ, когда отворяешь окно и ищешь во тьмѣ глазами дорогого человѣка.

Когда затѣмъ началось-было состязаніе *), появились другіе, желавшіе достигнуть той же цѣли, наша молодежь думала: „Нѣтъ, норвежцы должны быть впереди всѣхъ!“ И вотъ, въ тотъ мигъ, когда напряженіе достигло высшихъ предѣловъ, вынырнула изъ моря у Вардё бѣлокурая голова Нансена. Въ этотъ день всѣ телефонные звонки въ странѣ звонили сами собою, телеграфные аппараты сами выстукивали: Нансенъ! Нансенъ! А едва перестали звонить телефонные звонки, грянули два пушечныхъ выстрѣла съ „Фрама“, такъ что старушки на сѣверѣ подпрыгнули въ кроватяхъ. Тогда-то навстрѣчу возвратившимся хлынулъ мощный потокъ народнаго ликованія. Даже погода и та сіяла, точно отражая нашу радость.

*) Намекъ на Андре.

Частенько спрашиваютъ: гдѣ норвежскій народъ, что̀ изображаетъ норвежскій народъ? Но тутъ онъ былъ на лицо. Совершилось нѣчто такое, что поняли и дѣвушки, и парни, и старики, и старухи, и къ чему, казалось имъ, и они всѣ были причастны малую толику. Теперь я и спрошу молодежь, пережившую все это, не прониклась-ли она бо̀льшимъ уваженіемъ къ мужеству, выдержкѣ и самообладанію, не поставитъ-ли себѣ теперь болѣе великихъ цѣлей, нежели до сихъ поръ? Если горячность ея намѣреній превратится въ національное богатство, не увеличится-ли благосостояніе родины? Норвегіи принадлежитъ большая доля заслуги въ подвигѣ, совершонномъ экспедиціей. Добросовѣстность снаряженія ея и глубокое чувство долга, проявленное ея участниками—порожденія многихъ поколѣній. Много поколѣній должны были участвовать въ созданіи этихъ качествъ; не одинъ отдѣльный родъ, а много родовъ.

Добросовѣстность и чувство долга—самыя драгоцѣннѣйшія, благороднѣйшія украшенія народа. И норвежскій народъ вправѣ принять на свою долю часть похвалъ, сыплющихся теперь на Нансена и его товарищей за добросовѣстное выполненіе ими долга. Когда читаешь пять-шесть строкъ описанія Нансена о томъ, какъ имъ пришлось убавить себѣ дневные пайки, перепрыгивать съ льдины на льдину, почти не видя выхода и видя передъ собой лишь выполненіе долга во что бы то ни стало, или сообщеніе Свердрупа о томъ, что впереди, на сколько можно было видѣть въ лучшую подзорную трубу, громоздился одинъ ледъ, а они всетаки шли впередъ, потому что этого требовалъ долгъ—понимаешь, что *такая* выдержка, *такая* настойчивость въ выполненіи долга ведутъ свое начало не со вчерашняго дня, а имѣютъ глубокіе корни. Въ любой хижинѣ, и среди шхеръ, и въ скалахъ, вездѣ вы найдете кое-что родственное.

Вынесенныя этими людьми невзгоды, претерпѣнныя ими опасности и страданія далеко не всѣ еще намъ извѣстны, но намъ довольно знать и того, что, по утвержденію старыхъ опытныхъ полярныхъ мореходовъ, прожить и одну зиму въ полярныхъ пустыняхъ почти сверхъ человѣческихъ силъ, а эти молодцы прожили три и были готовы прожить и четвертую и пятую. Намъ довольно прочесть описаніе того, какъ выглядѣли

Нансенъ и Іогансенъ, когда наткнулись на людей на землѣ Франца-Іосифа, чтобы судить о томъ, что́ они вынесли ради чести Норвегіи и пользы науки. Довольно остановиться на томъ моментѣ, когда Нансенъ съ своимъ спутникомъ покинули твердую точку опоры—свое судно и своихъ товарищей и ринулись на встрѣчу невѣдомому, довольно, говорю я, взять этотъ моментъ, чтобы понять что такое мужество.

Напомню здѣсь еще объ одномъ. Иное дѣло выказать мужество среди бѣлаго дня, иное—среди мрака. Иное дѣло выказать мужество, когда теплота сообщаетъ твоему тѣлу гибкость, душѣ твоей бодрость, иное—выказать его среди льдовъ, гдѣ все стынетъ отъ холода. Иное дѣло выказать мужество, когда знаешь, что, преодолѣвъ опасность, найдешь знакомый уголъ, теплую постель, и иное—выказать его на такомъ пути, какъ они, зная, что, преодолѣвъ опасность, они проберутся въ мѣста, еще болѣе неизвѣстныя, холодныя, пустынныя! Вотъ это мужество!

И смѣю сказать, что эти двое людей *) достигли наивысшихъ градусовъ—человѣческаго мужества, какіе только вообще могутъ быть достигнуты!..

Когда стало извѣстнымъ, что въѣздъ состоится 9-го сентября, одинъ изъ моихъ друзей спросилъ меня въ письмѣ: не 9-го ли сентября 1000 года разыгралось сраженіе подъ Свольдеромъ. На это я не могъ дать ему отвѣта, но знаю, что сраженіе это было осенью 896 лѣтъ тому назадъ и что въ немъ участвовало величайшее судно того времени, управляемое высокимъ, стройнымъ мужемъ, величайшимъ мужемъ того вѣка, олицетворявшимъ тогдашній идеалъ героя, поставившимъ себѣ величайшую задачу, какую можно было поставить себѣ тогда **).

Вспомните теперь въѣздъ 9 сентября нынѣшняго года, и скажите—сохранила ли наша раса идеалы своей юности? Не только сохранила, но достигла кое-чего большаго. Нынѣшнихъ борцовъ не постигло пораженіе. Они напрягли всѣ силы до крайняго предѣла, но не перешли его. Вотъ чѣмъ и объяс-

---

*) Нансенъ и Іогансенъ.

**) Олафъ Трюгвесенъ, король Норвегіи, геройски павшій въ этой битвѣ. При немъ было введено въ Норвегіи христіанство.

ляется побѣда. Мнѣ сдается, что Нансенъ своей экспедиціей какъ будто говоритъ норвежской молодежи: стремитесь все къ болѣе и болѣе великимъ цѣлямъ, напрягайте для достиженія ихъ всѣ силы, но не выбирайте цѣлей сверхъ силъ!

Не будемъ говорить о научныхъ результатахъ экспедиціи. Намъ довольно знать, что они, по словамъ первѣйшихъ авторитетовъ, принадлежатъ къ такимъ, которые дѣлаютъ эпоху. Нансенъ указалъ путь къ сѣверному полюсу, и теперь достиженіе его—лишь собачій вопросъ *). Но вотъ что мы хотимъ сказать: если-бы теперь, по возвращеніи изъ экспедиціи, Нансенъ и его спутники не могли разсказать ничего другого, кромѣ того, что они проникли на сѣверъ до такихъ-то и такихъ-то градусовъ широты, то экспедиція его не имѣла бы значенія для всего человѣчества. Мы приняли бы его тогда съ восторгомъ, но не съ такимъ, какъ теперь.

Такъ вотъ, чтобы выразить этимъ людямъ свою благодарность, обнажимъ головы. Примите наше спасибо за то, что вы по мѣрѣ силъ потрудились во славу и честь Норвегіи; за то, что умножили богатство страны, умноживъ въ народѣ любовь къ ней и вѣру народа въ собственныя силы; за все то, что сдѣлали для науки и за то, что превратили насъ на время какъ бы въ одну семью, счастливую общимъ счастьемъ. Соединимъ-же всѣ наши спасибо въ долгое, дружное „ура“ Фритьофу Нансену съ товарищами!“

Рѣчь эту не разъ прерывали восторженныя одобренія слушателей, а конецъ ея покрылся могучимъ, долго несмолкавшимъ „ура“.

Народная масса представляла поистинѣ захватывающее зрѣлище: всѣ головы обнажены, всѣ лица, сіяющія восторгомъ, благодарностью, умиленіемъ, обращены къ нимъ, чествуемымъ героямъ.

Нансенъ горячо поблагодарилъ оратора за высказанныя чувства и провозгласилъ „ура“ въ честь Норвегіи, послѣ чего начались новыя овацiи, новыя ликованія и пѣсни. Чествовали поочередно каждаго изъ членовъ экспедиціи. Закончился праздникъ блестящимъ фейерверкомъ.

*) Юмористическій намекъ на недостатокъ собакъ, задержавшій Нансена въ его стремленіи къ полюсу.

Вообще пріемъ въ Христіаніи былъ достойнымъ этой безпримѣрной экспедиціи, приведшей, какъ передаетъ телеграфъ слова профессора метеорологическаго института въ Христіаніи Мона, къ огромнымъ научнымъ результатамъ. Въ ожиданіи обнародованія этихъ результатовъ во всѣхъ подробностяхъ остановимся на краткомъ резюмэ ихъ, сдѣланномъ Моном послѣ бесѣды съ Нансеномъ по прибытіи послѣдняго въ Вардё *). Результаты сводятся въ общихъ чертахъ къ слѣдующему:

Въ области географіи: Открытъ новый островъ въ сѣверной части Карскаго моря, а также нѣсколько острововъ около береговъ Сибири на востокъ отъ Оленека, окруженныхъ мелями. Затѣмъ констатировано, что карта Пайера, снятая имъ съ сѣверной части земли Франца-Іосифа, крайне недостовѣрна и нуждается въ коренномъ исправленіи.

По геологіи: Нансенъ открылъ на сибирскомъ берегу поддонныя морены (ледниковые завалы) и странствующія глыбы. Находящіяся надъ водой слои не представляли слѣдовъ ледниковыхъ шрамовъ вслѣдствіе вывѣтриванія, зато ледниковые шрамы были найдены на подводныхъ слояхъ. Открытіе это опровергаетъ прежнее предположеніе, что въ Сибирской низменности никогда не было ледниковъ.

По біологіи: Выдающимся фактомъ является присутствіе органической жизни въ лужахъ, образовывавшихся на поверхности льдинъ въ полярной области, между тѣмъ какъ на большой глубинѣ въ морѣ таковой не оказалось; вообще, по свидѣтельству Нансена, на самомъ крайнемъ сѣверѣ вовсе нѣтъ животной жизни. Перелетныя птицы и другіе гости изъ животнаго царства далеко не доходятъ до широтъ, достигнутыхъ экспедиціей.

По астрономіи и мореплаванію: Постоянными измѣреніями и наблюденіями, какъ во время свободнаго плаванія „Фрама“, такъ и во время несенія его льдами, значительно расширены свѣдѣнія объ земномъ магнетизмѣ.

*) Предлагаемая книга была, какъ уже упомянуто, вполнѣ готова къ выходу въ свѣтъ, когда пришла первая вѣсть о возвращеніи Нансена. Послѣднюю главу, необходимую для полноты книги, пришлось поэтому составить наскоро на основаніи имѣющихся пока газетныхъ свѣдѣній.

По океанографіи: И въ этой области сдѣланы важныя открытія. Оказывается, что на сѣверо-западъ отъ Ново-Сибирскихъ острововъ находится море, глубина котораго доходитъ мѣстами до 3,800 метр. Замѣчательная особенность этого до сихъ поръ почти неизвѣстнаго моря та, что температура верхняго теченія—до 200 метр. глубины—равняется—$1^1/_2{}^0$ С., между тѣмъ какъ подъ этимъ холоднымъ теченіемъ температура воды достигаетъ даже $+^1/_2{}^0$ С.

Самъ же Нансенъ видитъ главный результатъ своей экспедиціи въ томъ, что ею найденъ единственно вѣрный путь и способъ къ достиженію наивысшихъ полярныхъ широтъ. Систематически открытаго фарватера, по которому можно было бы дойти до нихъ на кораблѣ, какъ оказывается, не существуетъ, и для достиженія цѣли необходимо запастись каяками, санками, лыжами, ѣздовыми собаками, различными спеціальными инструментами и приспособленіями и, наконецъ, привычкой къ образу жизни эскимосовъ, усвоеніемъ ихъ обычаевъ, чтобы быть въ состояніи противостоять климатическому воздѣйствію.

Монъ заключаетъ свое резюмэ интереснымъ сообщеніемъ со словъ Нансена о причинахъ скорбута. По мнѣнію Нансена, болѣзнь эта главнымъ образомъ вызывается отравленіемъ организма старымъ негоднымъ провіантомъ. Поэтому-то Нансеномъ и было принято столько мѣръ, чтобы обезпечить экипажу свѣжій и здоровый провіантъ на все время экспедиціи, и этимъ-то мѣрамъ онъ и приписываетъ главную причину того, что никто изъ участниковъ экспедиціи не подвергся скорбуту.

Вообще Нансенъ въ своихъ заботахъ о снабженіи „Фрама“ достаточнымъ количествомъ провіанта проявилъ столько предусмотрительности, что, какъ потомъ выяснилось, провіанта хватило бы экипажу не на 5 лѣтъ, какъ было предположено, а на цѣлыхъ 8.

Оттого-то Нансенъ и могъ спокойно покинуть свой „Фрамъ“, не тревожась за участь судна и экипажа: послѣдній былъ обезпеченъ провіантомъ еще на 6 лѣтъ, а самое судно уже на столько блестяще зарекомендовало себя въ борьбѣ со льдами, что нечего было опасаться за него и въ будущемъ—особенно при такомъ капитанѣ, какъ Свердрупъ. Нансенъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ расчитывалъ на то, чтобы „Фрамъ“

былъ не только хорошимъ ледорѣзомъ, но и вообще представлялъ для экипажа вполнѣ надежное убѣжище среди полярныхъ льдовъ. Самая конструкція судна была поэтому, какъ помнятъ читатели *), приноровлена къ тому, чтобы противостоять самой страшной опасности, угрожающей кораблямъ въ Ледовитомъ океанѣ—напору льда, который и долженъ былъ, по расчетамъ строителей, „выпирать“ судно наверхъ. Разсчеты эти сильно оспаривались знаменитыми англійскими арктическими мореплавателями при докладѣ Нансена въ Лондонскомъ географическомъ обществѣ **), утверждавшими, что судно не будетъ приподнято, а раздавлено. Оказалось, однако, что Нансенъ былъ правъ. Вотъ что разсказываетъ онъ самъ въ краткомъ своемъ сообщеніи въ норвежскую газету „Verdens Gang“ (По бѣлу-свѣту).

„4 августа 1893 г. „Фрамъ“ вышелъ изъ Югорскаго Шара и долженъ былъ пробить себѣ путь черезъ собравшійся у береговъ Сибири густой ледъ. Въ Карскомъ морѣ былъ открытъ островъ, а вдоль берега до мыса Челюскина еще нѣсколько. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были найдены несомнѣнные слѣды ледниковаго періода; ясно видно, что сѣверная часть Сибири на большомъ протяженіи была нѣкогда покрыта материковымъ льдомъ.

15 сентября мы проходили неподалеку отъ устьевъ Оленека, но, въ виду поздней осенней поры, не рѣшились зайти туда за приготовленными для насъ собаками, опасаясь, что корабль будетъ затертъ тамъ льдами, и намъ придется зазимовать, что задержало бы экспедицію на цѣлый годъ. Поэтому мы прямо пробрались въ открытое море на сѣверъ, мимо Ново-Сибирскихъ острововъ, до 78°50′ сѣв. шир. и 133°37′ вост. долготы. Здѣсь мы причалили судно къ льдинѣ, дали льдамъ затереть насъ, и плавучій ледъ медленно понесъ насъ, какъ и было расчитано по плану, по направленію къ сѣверо-западу. Напоръ льдовъ временами былъ чрезвычайно силенъ, но „Фрамъ“ не поддавался. Температура стала быстро падать и всю зиму стояла очень низкая; ртуть замерзала на цѣлыя недѣли; самая низкая

*) См. главу „Дома и на чужбинѣ“.

**) См. главу „По теченію“.

температура была — 56,6° С. Здоровье участниковъ экспедиціи было все время превосходное. Энергія для электрическаго освѣщенія вырабатывалась вѣтрянымъ двигателемъ, вполнѣ оправдавшимъ возлагавшіяся на него надежды. Время проходило прекрасно, при наилучшихъ условіяхъ; каждый съ радостью исполнялъ свое дѣло и долгъ; лучшихъ людей для экспедиціи трудно было подобрать.

До 79° сѣв. шир. глубина моря оказывалась мѣстами не болѣе 90 сажень, но дальше къ сѣверу глубина повсюду колебалась между 1600 и 1900 саж., что опровергаетъ теорію о меляхъ арктическаго океана. Дно морское поразило насъ отсутствіемъ органической жизни. Условія плаванія какъ нельзя болѣе благопріятствовали различнымъ важнымъ наблюденіямъ. Гансенъ и Іогансенъ сдѣлали замѣчательный по полнотѣ рядъ метеорологическихъ, магнетическихъ и астрономическихъ наблюденій; докторъ Блессингъ наблюдалъ сѣверное сіяніе; кромѣ того были сдѣланы ботаническія и зоологическія изслѣдованія и собраны коллекціи, сдѣланы измѣренія глубины и температуры воды и содержанія въ ней соли, изслѣдованія образованія льдовъ, измѣренія скорости ихъ движенія и проч.

Всѣ эти наблюденія должны въ немалой степени измѣнить существующія представленія объ арктическомъ океанѣ. Скорость движенія плавучихъ льдовъ оказалась, какъ и ожидали, наибольшею зимою и весною, между тѣмъ какъ лѣтомъ она замедлялась сѣвернымъ вѣтромъ. 18 іюня 1894 года мы достигли 81°52′ сѣв. шир.; затѣмъ опять понеслись по направленію къ югу, и только 21 декабря прошли 82°, въ сочельникъ 83° и, нѣсколько дней спустя, 83°,24′—самый сѣверный пунктъ, достигнутый до того времени.

4 и 5 января „Фрамъ“ подвергся самому сильному напору льдовъ. Судно въ то время было приковано къ льдинамъ, толщиною свыше 30 фут., на которыя нагромоздились тяжелыя глыбы, съ страшной силой напиравшія на корму судна, угрожая затопить и даже смять его окончательно. Мы поспѣшили перенести на ледъ необходимый провіантъ, парусные каяки и другіе предметы и приготовились, какъ только окажется необходимымъ, покинуть корабль, чтобы продолжать путь на льдинѣ. Но „Фрамъ“ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Когда на-

поръ льда достигъ высшаго напряженія, и льдины нагромоздились уже выше бортовъ судна, послѣднее вдругъ высвободилось и медленно приподнялось изъ своего ледянаго ложа безъ малѣйшаго поврежденія. Послѣ этого опыта я считаю „Фрамъ“ почти неуязвимымъ для льдовъ. Съ тѣхъ поръ ледъ больше не напиралъ на насъ, и насъ быстро понесло по направленію къ сѣверу.

Предвидя, что „Фрамъ“ скоро достигнетъ высшей сѣверной широты, до которой вообще можетъ дойти, я рѣшилъ покинуть корабль, чтобы изслѣдовать море дальше къ сѣверу. Іогансенъ вызвался сопровождать меня, и болѣе подходящаго во всѣхъ отношеніяхъ товарища мнѣ было трудно найти. Дальнѣйшее управленіе экспедиціей на „Фрамѣ“ я передалъ капитану Свердрупу. Вполнѣ довѣряя его способностямъ, я нисколько не сомнѣвался въ томъ, что онъ благополучно доставитъ на родину весь экипажъ, даже въ случаѣ гибели „Фрама“, которую считалъ невѣроятной.“

Въ глубокопрочувствованной рѣчи своей на празднествѣ въ Вардё (еще до прибытія „Фрама“) Нансенъ прямо заявилъ, что не будь Свердрупа, не имѣй онъ возможности сложить на этого испытаннаго еще въ Грёнландскую экспедицію товарища свои обязанности начальника экспедиціи и заботы о доставленіи экипажа обратно—на „Фрамѣ“ или безъ „Фрама“—онъ никогда не рѣшился бы предпринять отдѣльной экспедиціи на саняхъ, не входившей въ планъ общей экспедиціи. И глаза Свердрупа, какъ разсказываетъ Нансенъ, засверкали отъ радости, когда Нансенъ передалъ ему полную власть надъ „Фрамомъ“.

А каково-то было въ эту минуту самому Нансену? Онъ, вѣдь, покидалъ сравнительно безопасное, вѣрное убѣжище, чтобы пуститься въ невѣдомый путь по льдамъ, зналъ, что ужъ больше ему не вернуться въ это убѣжище, разставался съ „Фрамомъ“, быть можетъ, навсегда!.. Тѣмъ не менѣе увѣренность двухъ смѣльчаковъ въ счастливомъ исходѣ ихъ безумно-отважнаго предпріятія была такъ велика, что они взяли даже телеграммы отъ товарищей, оставшихся на кораблѣ, надѣясь доставить ихъ на родину раньше возвращенія туда „Фрама“. 17 мѣсяцевъ спустя, когда Нансенъ съ Іогансеномъ послѣ невѣроятныхъ трудовъ и лишеній благополучно добрались до

телеграфной станціи въ Вардё, телеграммы эти и были отправлены по назначенію.

Вотъ какъ разсказываетъ о своемъ путешествіи самъ Нансенъ.

„14 марта 1895 г. мы оставили „Фрамъ“ на 83°59', сѣв. шир. и 102°27' вост. долготы. Цѣлью нашей было изслѣдовать море къ сѣверу, достигнуть возможно высшей сѣверной широты и направиться черезъ землю Франца-Іосифа къ Шпицбергену, гдѣ мы навѣрно могли расчитывать застать какой нибудь корабль. Мы взяли съ собой 28 собакъ, 3 саней, 2 парусныхъ каяка, кормъ для собакъ на 30 дней и провіантъ для себя на 100 дней.

Первое время мы шли по цѣлымъ днямъ. Съ виду движеніе льда было незначительно. 22 марта мы достигли уже до 85°10' сѣв. широты, но здѣсь ледъ сталъ менѣе ровнымъ, и насъ начало относить къ югу. 29 марта мы достигли только до 85°30'. Отсюда насъ повидимому быстро понесло къ югу. Ледъ пришелъ въ движеніе и со всѣхъ сторонъ напиралъ на насъ, такъ что пришлось безъ конца возиться надъ проложеніемъ путей и перетаскиваньемъ саней черезъ высоко нагромоздившіяся одна на другую ледяныя глыбы.

4 апрѣля мы достигли 86°3', и надѣялись было тутъ напасть на болѣе удобный ледъ, но онъ становился все хуже и хуже и 7 апрѣля оказался настолько неровнымъ, что мы сочли рискованнымъ продолжать путь дальше къ сѣверу; находились мы въ этотъ день на широтѣ 86°14'. Тѣмъ не менѣе мы попытались пуститься впередъ на лыжахъ, но не оказалось никакой возможности пробиться дальше: впереди виднѣлись высоко нагромоздившіяся льдины. Температура все время стояла низкая; въ теченіе трехъ недѣль она держалась приблизительно на ÷ 40° С, и морозъ частенько пробиралъ насъ въ нашихъ легкихъ шерстяныхъ одѣяніяхъ,—ради облегченія возки съ поклажей мы оставили шубы на кораблѣ. Минимальная температура была въ мартѣ ÷ 24, въ апрѣлѣ ÷ 20° С. Нигдѣ не было видно и слѣда земли. Ледъ, повидимому, несся безпрепятственно на пространствѣ многихъ миль.

8 апрѣля мы направились къ землѣ Франца-Іосифа. 12-го хронометры наши остановились вслѣдствіе черезчуръ продол-

жительныхъ переходовъ. Послѣ этого мы не знали навѣрное на какой долготѣ находимся, но надѣялись, что взяли приблизительно вѣрное направленіе. Къ югу полыньи участились, что очень замедлило нашъ путь. Особенно донимали насъ полыньи въ іюнѣ: путь такъ испортился, что почти невозможно было двигаться дальше; но у насъ не было выбора, и мы тащились впередъ насколько хватало силъ, убавивъ пайки, какъ себѣ, такъ и собакамъ, до минимума.

Со дня на день мы ожидали увидѣть землю и все напрасно. 31 мая мы находились на 82°31′ сѣв. шир.; 4 іюня на 82°18′ и 15-го, когда насъ опять понесло къ сѣверо-западу, на 82°26′ сѣв. ш. и, какъ я предполагалъ, на долготѣ мыса Флигели, но мы по прежнему не видѣли и слѣда земли, что казалось все болѣе и болѣе загадочнымъ. Путь все ухудшался.

22 іюня мы убили тюленя и рѣшили сдѣлать привалъ. До сихъ поръ мы питались все соленымъ мясомъ; тутъ же мы убили еще трехъ бѣлыхъ медвѣдей, такъ что могли накормить до сыта и оставшуюся у насъ единственную пару собакъ.

23 іюня мы двинулись въ путь и на другой день увидѣли, наконецъ, неизвѣстную намъ землю. Находились мы тогда приблизительно на 82° сѣв. шир. Ледъ повсюду былъ разбитъ на небольшія площадки; полыньи также были биткомъ набиты маленькими глыбами, и пробираться по нимъ въ каякахъ оказалось невозможнымъ. Приходилось съ большимъ трудомъ переходить съ льдины на льдину. Только 6 августа мы достигли 81°38′ сѣв. шир. и 63° вост. долготы, гдѣ набрели на три покрытыхъ снѣгомъ островка, которые я назвалъ „Виттенландъ“ (Hvittenland). Оттуда мы направились на западъ въ свободное отъ льда море и 11 августа открыли обширную землю, простиравшуюся съ юго-востока на сѣверо-востокъ.

Такъ какъ мы не имѣли никакой возможности ориентироваться, то могли только предполагать, что находимся на долготѣ пролива Австріи. Справившись по картѣ Пайера, мы, однако, не нашли подтвержденія своимъ предположеніямъ и подумали, что зашли на неизвѣстный западный берегъ земли Франца-Іосифа. Сначала мы направились на западъ черезъ заливъ на 81°30′ сѣв. шир., а затѣмъ повернули на юго-западъ вдоль

западнаго берега земли, надѣясь скоро получить возможность направиться къ Шпицбергену. На западѣ не было видно земли.

Въ теченіе недѣли мы были затерты льдами и только 26 августа добрались до 81°12′ сѣв. шир. и 56° вост. долг. до земли, показавшейся намъ подходящею для зимовки. Тутъ мы рѣшили сдѣлать привалъ и приготовиться къ зимовкѣ, такъ какъ въ такое позднее время года нечего было разсчитывать пуститься въ долгій путь къ Шпицбергену. Зима прошла благополучно, и здоровье наше было превосходно. Мы построили себѣ домикъ изъ камней, земли и мха, а вмѣсто крыши покрыли его моржевыми шкурами; пищей служило намъ мясо убитыхъ нами медвѣдей, сало же ихъ и моржей шло на отопленіе и освѣщеніе.

Наконецъ, настала весна съ солнечнымъ блескомъ и открытымъ фарватеромъ на западѣ и юго-западѣ. Намъ улыбался быстрый переѣздъ на каякахъ къ Шпицбергену, и мы стали готовиться къ плаванію, приготовлять одежду, спальный мѣшокъ и пр. Пищей намъ все служило медвѣжье мясо и сало, но дорогой мы надѣялись увеличить наши запасы, стрѣляя дичь. 19 мая мы были готовы къ отплытію. 23-го мы нашли открытое море на 81°5′ сѣв. широты, но до 3 іюня были задержаны бурями.

На 81° мы добрались на западѣ до обширной земли, отъ сѣверной части которой разстилалось открытое море. Мы предпочли отправиться на югъ по льду черезъ неизвѣстную намъ землю. Добравшись до южной ея части, мы нашли и тамъ открытое море на западѣ. Мы плыли и на парусахъ, и на веслахъ по этому направленію, надѣясь достигнуть Шпицбергена, и вдругъ 17 іюня наткнулись на экспедицію Джексона—неожиданная и радостная встрѣча.

Насъ приняли очень радушно, и мы узнали, что находились на мысѣ Флора и что прошли черезъ страну Франца-Іосифа на западъ отъ пролива Австріи. Оказалось также, что опредѣленія долготы были сдѣланы нами довольно вѣрно, но что карта Пайера была не вѣрна и сбивчива. Переѣздъ въ Вардё былъ очень пріятенъ и быстръ.“

Вотъ первые краткіе безыскуственные отчеты Нансена о завершонной, безпримѣрной въ лѣтописяхъ арктическихъ из-

слѣдованій экспедиціи. Разсказъ его вообще такъ простъ, какъ будто рѣчь идетъ тутъ о самой обыкновенной экскурсіи, а не объ экспедиціи, приковывавшей вниманіе всего цивилизованнаго міра цѣлыхъ три года и вызвавшей теперь своимъ благополучнымъ исходомъ безпредѣльный восторгъ на родинѣ и радость повсюду.

Въ дополненіе къ разсказамъ Нансена приведемъ еще описаніе встрѣчи его съ Джексономъ, письмо Іогансена, извлеченіе изъ сообщенія Свердрупа о дальнѣйшемъ плаваніи „Фрама“ безъ Нансена и сообщеніе одного нѣмецкаго корреспондента, которому удалось побесѣдовать съ Нансеномъ еще въ Вардё.

Въ Вардё Нансена доставилъ пароходъ Уиндвортъ, привезшій припасы экспедиціи Джексона, одинъ изъ членовъ которой, ботаникъ Гарри Фишеръ, и опубликовалъ подробности встрѣчи Джексона съ Нансеномъ.

„Было это 17 іюня. Мы только-что отобѣдали и еще сидѣли за столомъ, покуривая и бесѣдуя. Погода стояла пасмурная, туманная, но не очень холодная. Вдругъ, только что вышедшій отъ насъ, чтобы заняться въ обсерваторіи, астрономъ нашъ Армитэжъ просунулъ въ дверь голову и крикнулъ: „Сколько васъ здѣсь? Я сейчасъ видѣлъ человѣка среди пловучихъ льдовъ!“ Мы пересчитали всѣхъ присутствующихъ—всѣ были на лицо—и стали ломать голову—кто бы это былъ. Джексонъ же вскочилъ и со словами: „Кто бы онъ ни былъ, я пойду!“ выбѣжалъ изъ хижины.

Всѣ мы вскорѣ послѣдовали за нимъ, вооружившись подзорными трубами и биноклями; нѣкоторые изъ насъ взобрались на скалы, чтобы лучше разсмотрѣть незнакомца. Въ теченіе первыхъ двадцати минутъ никому и въ голову не приходила мысль, что это Нансенъ. Затѣмъ мы съ Армитэжемъ высказали это предположеніе. Джексонъ въ это время отошелъ уже такъ далеко, что онъ и незнакомецъ едва чернѣли вдали. Въ бинокли видно было, какъ они оба жестикулировали, все больше и больше приближаясь другъ къ другу. Мы скоро догадались, что незнакомецъ не могъ быть никѣмъ инымъ, какъ норвежскимъ путешественникомъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ ружье, въ другой бамбуковую трость и съ изумительною ловкостью

перепрыгивалъ съ льдины на льдину. Мы всѣ направились къ мѣсту встрѣчи и когда приблизились, Джексонъ закричалъ намъ: „Это докторъ Нансенъ!“ Мы принялись кричать отъ радости, пока не охрипли. Узнавъ, какъ далеко онъ пробрался къ сѣверу, мы три раза прокричали въ честь его ура.

Затѣмъ можно было и разсмотрѣть Нансена поближе. Онъ до того измѣнился, что его не узналъ бы ближайшій родственникъ. Бѣлокурые волосы и борода сдѣлались темнокоричневыми, на лицѣ и на рукахъ не было бѣлаго пятнышка; онъ былъ похожъ на негра, до того лицо его закоптѣло отъ ворваннаго чада. Одежда его, которую онъ носилъ, не снимая, 15 мѣсяцевъ, вся заскорузла отъ крови и сала.

Сцена встрѣчи между Джексономъ и Нансеномъ была единственной въ своемъ родѣ. Пожавъ Нансену руку, Джексонъ воскликнулъ:—Ужасно радъ васъ видѣть!

Нансенъ:—И я тоже.

Джексонъ:—У васъ здѣсь корабль?

Нансенъ:—Нѣтъ.

Джексонъ:—Сколько васъ?

Нансенъ:—У меня неподалеку одинъ товарищъ.

Тогда Джексонъ, все болѣе и болѣе приходившій къ убѣжденію, что передъ нимъ Нансенъ, воскликнулъ:—Да вы не Нансенъ-ли?

— Да, Нансенъ.

— Вотъ радость-то! Ужасно радъ васъ видѣть!

— Благодарю васъ! Вы очень добры!

За Іогансеномъ тотчасъ же отправились, и скоро и онъ присоединился къ экспедиціи, съ которой онъ и Нансенъ провели полтора мѣсяца до прихода парохода Уиндворта. Послѣдній и въ этотъ разъ, какъ въ первый, въ 1894 г. и во второй въ 1895 г. захватилъ съ собою на всякій случай почту для Нансена, котораго ожидали встрѣтить въ этихъ мѣстахъ.

Яльмаръ Іогансенъ пишетъ одному своему земляку слѣдующее:

„На „Фрамѣ“ мы чувствовали себя прекрасно. Конечно, насъ отдѣляло отъ всего остального міра замерзшее море, конечно, ледъ иногда поступалъ съ нами круто, такъ что мы не разъ приготовлялись совсѣмъ покинуть нашъ дорогой „Фрамъ“, но

въ общемъ мы вели вполнѣ безпечальное житье. Провіанта было вдоволь, голодать не приходилось; была и одежда и хорошій, теплый домъ, который защищалъ насъ отъ холода какой бы ни стоялъ морозъ въ ледяной пустынѣ. Случалось, что насъ посѣщали бѣлые медвѣди. Эти животныя никогда не знаютъ отдыха, странствуютъ себѣ день и ночь, зиму и лѣто. Мясо ихъ считалось лакомымъ блюдомъ, разнообразившимъ нашъ столъ, состоявшій изъ консервовъ. Въ началѣ насъ медленно несло на сѣверъ; пронеся насъ порядочный конецъ, вѣтеръ бывало опять снесетъ насъ обратно къ югу. Правильнаго теченія подо льдомъ въ области, окружающей полюсъ, нѣтъ, но несомнѣнно, что въ продолженіе года тамъ преобладаютъ главнымъ образомъ юго-восточные вѣтры, которые приводятъ ледяныя массы въ движеніе по направленію къ сѣверу черезъ сѣверный полюсъ и оттуда къ восточному берегу Грёнландіи *); нужно, однако, такое судно, какъ „Фрамъ“, чтобы оно могло устоять противъ натиска этихъ ледяныхъ массъ, когда вѣтеръ приведетъ ихъ въ движеніе и начнетъ громоздить другъ на друга и тискать одна о другую. Да, пожалуй, и „Фрамъ“ не выдержалъ бы напора, не будь онъ построенъ такъ, что ледъ выпиралъ его наверхъ. Когда Нансенъ и я оставили судно, ледъ подъ килемъ достигалъ 30—40 футовъ въ толщину.

Въ первый разъ мы отправились въ концѣ февраля, еще до окончанія въ тѣхъ мѣстахъ полярной ночи, но два раза возвращались прежде чѣмъ оставили судно окончательно. Въ первый разъ мы успѣли отъѣхать только небольшой конецъ, какъ у насъ сломались однѣ изъ саней, и намъ пришлось вернуться. Во второй разъ мы вернулись послѣ четырехдневнаго отсутствія, чтобы освободиться отъ излишка взятаго провіанта; въ третій же разъ мы отправились окончательно и больше не возвращались.

О томъ, что намъ пришлось перенести во время нашей поѣздки по пловучему льду, легко можете составить себѣ понятіе, прочитавъ телеграмму Нансена. Но можно перенести

*) По мнѣнію нѣкоторыхъ участниковъ экспедиціи „Фрамъ“ и достигъ бы полюса, если-бы онъ успѣлъ, прежде чѣмъ замерзнуть во льдахъ къ западу отъ Ново-Сибирскихъ острововъ, подняться еще выше къ сѣверо-востоку.

больше, чѣмъ думаешь самъ, разъ заставитъ нужда. Помню разъ я при 40° мороза упалъ въ воду ночью, въ то время, какъ мы возились съ санями, стараясь перетащить ихъ черезъ полынью. Однѣ сани благополучно переправили, но тутъ льдины въ полыньѣ раздвинулись, и я очутился въ водѣ. Выбрался я уже на другую сторону полыньи, тогда какъ Нансенъ остался на противоположной. Такимъ образомъ мы разъединились, и только черезъ нѣсколько часовъ удалось намъ, сдѣлавъ огромный обходъ, опять сойтись вмѣстѣ и собрать всѣхъ собакъ и всѣ трое саней. Славно было послѣ этого забраться въ спальный мѣшокъ и согрѣться теплымъ питьемъ. Одежда моя, конечно, торчала коломъ, и прошло нѣсколько дней пока она опять отмякла.

Да, не разъ таки приходилось намъ туго, но теперь все забыто; я живъ и здоровъ по прежнему и могу только радоваться, что все обошлось благополучно."

О дальнѣйшемъ плаваніи „Фрама" безъ Нансена извѣстно изъ сообщенія Свердрупа.

„Въ первое время послѣ того, какъ Нансенъ и Іогансенъ оставили судно, ледъ былъ спокоенъ, но въ концѣ апрѣля пришелъ въ движеніе и понесъ насъ на западъ; 22 іюня „Фрамъ" находился уже на 84° 50′ сѣв. шир. и 73° вост. долг. Затѣмъ вѣтеръ началъ дуть съ юга-запада и понесъ „Фрамъ" на востокъ и сѣверъ.

Въ октябрѣ началось благопріятное для судна движеніе льдовъ, продолжавшееся всю осень и зиму. 16 октября 1895 г. нами была отмѣчена наивысшая широта, а именно 85° 57′ сѣв. шир. на 66′ вост. долг. Тутъ судно простояло почти до мая, когда ледъ понесъ его на югъ; 19 іюля судно находилось на 83° 14′ сѣв. шир. и 14° вост. долг. Здѣсь мы взорвали сковывавшій „Фрамъ" ледъ, и судно стало выбиваться изъ льдовъ.

Во время плаванія „Фрамъ" часто подвергался весьма сильному напору льдовъ, но сильнѣе того, что былъ около Новаго года, еще до ухода Нансена, все-таки не было. Въ мартѣ ледъ вокругъ судна сталъ трескаться повсюду и скоро затѣмъ началъ напирать на судно, но потомъ опять разошелся, такъ что въ концѣ іюля „Фрамъ" очутился почти въ свободномъ отъ льда фарватерѣ. Сковывавшія его льдины были взорваны миной, и

какъ только раздался взрывъ, „Фрамъ“ при крикахъ „ура“ экипажа выскользнулъ изъ льдовъ и поплылъ по водѣ съ такимъ шумомъ, точно судно, спущенное съ верфи.

Добравшись въ августѣ мѣсяцѣ до удобнаго мѣста для зимовки, мы дали судну замерзнуть въ льдахъ. Въ іюнѣ, когда движеніе льда вдругъ усилилось, „Фрамъ“ подвергся весьма серьезнымъ испытаніямъ отъ напора льдовъ. Въ теченіе сутокъ судно правильно выпиралось льдами раза по два, поднимаясь при этомъ на высоту 7—8 футовъ, такъ что дно его показывалось надъ льдомъ. Внутри судна не раздавалось, однако, при этомъ ни малѣйшаго треска, и даже при сильнѣйшемъ напорѣ льдовъ никто изъ спавшихъ въ это время людей не просыпался; только выйдя на палубу можно было замѣтить, насколько судно приподымалось надъ льдомъ.

Время шло какъ нельзя лучше, и врядъ-ли можно представить себѣ болѣе удобный способъ совершать экспедиціи. Когда ледъ нынѣшнимъ лѣтомъ сталъ расходиться, намъ пришлось сильно поработать, чтобы высвободить „Фрамъ“; судно было такъ крѣпко сковано льдами, что намъ удалось выбиться только послѣ усиленныхъ трудовъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, да еще при помощи подводныхъ минъ. Съ 19 іюля по 13 августа на протяженіи 40 миль мы пробивались черезъ густой и довольно толстый ледъ.“

Относительно самаго образа жизни на „Фрамѣ“ во время несенія его льдами нѣмецкій корреспондентъ сообщаетъ со словъ Нансена слѣдующія подробности:

„Вставали на „Фрамѣ“ въ 8 ч. утра, затѣмъ завтракали: пили кофе, шоколадъ или какао со свѣжеиспеченнымъ хлѣбомъ, ѣли различные сорта сыровъ и мясныя блюда—баранину или свинину (въ консервахъ).

Послѣ завтрака, въ которомъ, какъ и въ другихъ трапезахъ, участвовалъ весь экипажъ заразъ (о ходѣ судна заботиться было нечего,—его несло льдомъ), работали до 1 ч. дня, совершали обязательную двухчасовую прогулку пѣшкомъ или на лыжахъ, добывали свѣжую воду, слѣдили за собаками, чтобы тѣ не перегрызлись, разгребали снѣгъ и проч.

Въ часъ подавался обѣдъ изъ супа, рыбы (консервъ) или рыбнаго пудинга, приготовленнаго на молокѣ съ масломъ или

съ маргариномъ, картофеля, имѣвшагося на суднѣ въ изобилiи и въ свѣжемъ и въ сушономъ видѣ, и, наконецъ, сладкаго, до котораго норвежцы большiе охотники. Напитки всѣ сводились къ фруктовому лимонаду, но команда ухитрилась сдѣлать годнымъ для питья часть спирта, взятаго для препаратовъ, и, настоявъ на немъ морошку, приготовляла изъ него пуншъ.

Послѣ обѣда былъ отдыхъ до 3 час. Затѣмъ опять работали до 6 и ужинали.

Этого режима экипажъ строго держался во все время пока судно было затерто льдами, т. е. съ 22 сентября 1893 г. до конца iюня 1896 г. Какъ бы ни былъ силенъ морозъ, терпѣть было можно; онъ не превышалъ, впрочемъ, — 52° С. Самою теплою температурою была температура въ + 2° С. Тогда снѣгъ таялъ, и на поверхности льдинъ образовывались лужи, дававшiя наилучшую воду для питья. Въ этихъ-то лужахъ и было отмѣчено присутствiе органической жизни.

Нансенъ привезъ большiя коллекцiи инфузорiй и зародышей, отчасти неизвѣстныхъ до сихъ поръ. Птицъ имъ было видѣно весьма немного; изрѣдка появлялись чайки, изрѣдка же и бѣлые медвѣди, такъ что послѣднихъ за всѣ три года было убито лишь 29 штукъ; видѣли также и одну полярную лисицу. Медвѣди подходили къ судну на 90 фут. Команда разъ поймала одного живьемъ, но съ нимъ не было никакого слада, и пришлось его убить.

Одежда участниковъ экспедицiи была шерстяная; сапоги изъ оленьихъ шкуръ, шубы изъ волчьяго мѣха; въ большiе морозы люди прикрывали лица платками. Очки-консервы носили только лѣтомъ.

На вопросъ—намѣренъ-ли онъ снова отправиться въ полярную экспедицiю, Нансенъ отвѣтилъ: „Этого я еще не знаю, да, и знай—не сказалъ бы!“ Онъ вообще очень сдержанъ въ сообщенiяхъ, но близко знающiе его люди говорятъ, что онъ не уймется, пока не достигнетъ полюса, и полагаютъ, что онъ вскорѣ снарядитъ новую экспедицiю. Главное во время такихъ экспедицiй, по словамъ Нансена, поддерживать бодрость въ командѣ и строго придерживаться извѣстнаго режима, включающаго достаточно работы и движенiя,—разъ только явится разслабленiе и упадокъ

духа— конецъ всему. Самое же судно выдержитъ, по мнѣнію Нансена, не одно такое плаваніе."

Въ самомъ дѣлѣ состояніе „Фрама" поистинѣ изумительное. Если-бы не стертая мѣстами съ боковъ судна краска, никто бы и не сказалъ, что оно выдержало такую борьбу съ льдомъ; нигдѣ не отщеплено отъ него ни кусочка. Свердрупъ нарочно не сталъ его теперь красить, чтобы всѣ убѣдились въ томъ, какъ прекрасно оправдало судно возлагавшіяся на него надежды. Самъ Свердрупъ готовъ былъ немедленно пуститься на „Фрамѣ" въ новую экспедицію на поиски за Нансеномъ, если бы оказалось, что онъ не вернулся.

Въ настоящее время, конечно, трудно еще вообще разобраться въ значеніи и результатахъ экспедиціи, но и появившихся краткихъ свѣдѣній достаточно, чтобы весь цивилизованный міръ отдалъ дань высокаго уваженія славнымъ путешественникамъ и привѣтствовалъ вмѣстѣ съ ихъ родиной счастливое возвращеніе ихъ изъ тѣхъ областей, гдѣ человѣка на каждомъ шагу стережетъ смерть.

Экспедиція Нансена была расчитана, какъ извѣстно, приблизительно на два года, но прошло три, а о ней не было ни слуха, ни духа, и это обстоятельство заставило многихъ вспомнить зловѣщія предсказанія „опытныхъ людей", предрекавшихъ Нансену неминуемую гибель, все чаще и чаще стали раздаваться голоса, утверждавшіе, что пророчества сбылись, и экспедиція погибла. Самихъ друзей Нансена начала охватывать тревога. Не то, что бы они потеряли вѣру въ геній Нансена, но когда задача такъ грандіозна, когда счастливое разрѣшеніе ея сулитъ такую побѣду человѣческаго духа надъ природою, ревниво оберегающею свои тайны — простительно поддаться нѣкоторой тревогѣ и волненію, особенно представивъ себѣ ту природу, которую предстояло побѣдить экспедиціи. Тамъ, вѣдь, человѣка на каждомъ шагу стерегутъ предательскія трещины, полыньи, рушащіяся ледяныя горы и разныя морскія чудовища. Одно изъ такихъ—моржъ—и дѣйствительно чуть было не положило конецъ жизни предводителя экспедиціи, сотни разъ избѣгнувшаго другихъ смертельныхъ опасностей. Случилось это еще до зимовки Нансена и Іогансена на землѣ Франца-Іосифа; моржъ пробилъ клыками каякъ Нансена, и послѣдній „едва

успѣлъ спасти инструменты, фотографическіе снимки и себя самого".

И вотъ, друзья Нансена, ища успокоенія въ обуревавшей ихъ тревогѣ, вновь перебрали въ памяти все прошлое Нансена и всѣ обстоятельства, сопровождавшія полярную экспедицію—все, говорившее въ пользу счастливаго исхода ея, и вѣрно разсудили, что нѣтъ лучшаго средства разсѣять общія сомнѣнія и страхъ за участь „Фрама", а также подготовить умы къ счастливому возвращенію его, какъ ознакомить весь читающій міръ съ личностью Нансена и планомъ самой экспедиціи.

Но Нансенъ опередилъ доброе намѣреніе своихъ друзей и вернулся прежде, чѣмъ составленная ими книга успѣла выйти въ свѣтъ. Зато другая цѣль этой книги—помочь обществу вѣрнѣе оцѣнить личность Нансена и совершонный имъ теперь подвигъ—навѣрно будетъ достигнута.

Въ самомъ дѣлѣ, кто, познакомившись съ замѣчательною личностью Нансена, съ его трудами и подвигами, совершонными во служеніе наукѣ въ такіе сравнительно молодые годы (Нансену теперь 35 лѣтъ), когда другіе ученые часто только еще подготовляются къ нимъ, не согласится, что Нансенъ—одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей нашего времени и что на него можно возложить самыя смѣлыя надежды въ будущемъ. Опочить на лаврахъ—не въ духѣ Нансена. Какъ только одна цѣль достигнута, ему уже мерещится впереди другая, еще болѣе высокая. Недаромъ же профессоръ Ретціусъ высказалъ передъ отъѣздомъ Нансена: „Одного, впрочемъ, опасаюсь я—того, что Фритьофъ Нансенъ, по возвращеніи съ сѣвернаго полюса, догадается, что у земли остался еще одинъ полюсъ!" *)—Дѣйствительно, едва вернувшись изъ трехлѣтней экспедиціи, Нансенъ уже завелъ рѣчь, какъ передаютъ газеты, о вторичной экспедиціи къ сѣверному полюсу, которую онъ полагаетъ совершить на лыжахъ отъ земли Франца-Іосифа, а также объ экспедиціи къ южному полюсу.

Такъ не мудрено, что вся Норвегія ликуетъ, привѣтствуя возвращеніе такого доблестнаго сына. У всѣхъ норвежцевъ теперь на устахъ слова того-же профессора Ретціуса, сказанныя имъ при врученіи Нансену золотой медали „Вега" за Грёнландскую экспедицію:

*) См. главу „Дома и на чужбинѣ" стр. 260.

„Ареной для маленькихъ народовъ должно быть не поле брани, но область культуры, цивилизаціи, науки и искусствъ, открытая для всѣхъ; вотъ гдѣ имъ надо стремиться стать въ первые ряды, принять участіе въ состязаніи, вотъ гдѣ имъ надо искать случая отличиться и завоевать уваженіе великихъ націй!“ *)

Здѣсь будетъ кстати привести прекрасную характеристику подвига Нансена, данную предсѣдателемъ знаменитаго Лондонскаго Географическаго Общества, извѣстнымъ путешественникомъ Маркгамомъ, въ письмѣ къ норвежскому профессору Ингвару Нильсену, а также оцѣнку, даваемую этому подвигу датской газетой „Nationaltidende“.

Первый пишетъ:

„Пишу Вамъ, чтобы поздравить Васъ съ великимъ торжествомъ, которое, благодаря подвигамъ Нансена и его отважныхъ спутниковъ, выпало на долю Вашей родины.

Больше всего меня поражаетъ и восхищаетъ та послѣдовательность, съ которой Нансенъ привелъ въ исполненіе свой планъ. Планъ этотъ былъ основанъ на всестороннемъ изученіи предмета, чрезвычайно тщательно обдуманъ до мельчайшихъ подробностей и приведенъ въ исполненіе съ такимъ умѣніемъ, такой твердостью и непоколебимой стойкостью, что трудно отыскать имъ равныхъ. Подвигъ же, совершонный Нансеномъ и его товарищемъ по оставленіи „Фрама“, не имѣетъ, насколько мнѣ извѣстно, примѣра въ обширныхъ и славныхъ лѣтописяхъ арктическихъ изслѣдованій. Безъ сомнѣнія, и достигнутые экспедиціей результаты не преминутъ вполнѣ соотвѣтствовать тому героизму, который былъ проявленъ для ихъ достиженія. Продолжительное медленное несеніе „Фрама“ льдами по совершенно неизвѣстной дотолѣ области полярныхъ странъ должно было какъ нельзя болѣе благопріятствовать въ высшей степени важнымъ для науки наблюденіямъ — особенно по гидрографіи и метеорологіи, отраслямъ, представляющимъ въ данномъ случаѣ особенное значеніе для науки. Нансенъ рѣдко одаренъ отъ природы, а путемъ тщательнаго саморазвитія еще умножилъ

*) См. главу «По теченію» стр. 236.

свои дарованія и усвоилъ себѣ всѣ первоклассныя качества великаго путешественника. Весь цивилизованный міръ находится въ большомъ долгу у него за то примѣненіе, которое онъ далъ своимъ дарованіямъ. Я приношу норвежскому народу самыя горячія поздравленія. 24-го я пріѣду въ Христіанію и останусь тамъ, пока мнѣ не удастся пожать руку Нансену."

Въ „Nationaltidende" же напечатано слѣдующее:

„Несомнѣнно, что Нансену и его отважнымъ товарищамъ сопутствовало счастье и удача, но нельзя забыть, что эта такъ называемая удача скорѣе всего является въ данномъ случаѣ результатомъ всесторонняго знанія дѣла, многолѣтняго опыта и напряженныхъ трудовъ въ связи съ непоколебимой волей, феноменальнымъ мужествомъ, изумительнымъ развитіемъ всѣхъ нервовъ и мускуловъ, словомъ — наивысшаго, всесторонняго развитія человѣческой личности.

Глубоко преклоняясь предъ тѣми изумительными качествами и свойствами человѣческой личности, которыя такъ ярко выступаютъ въ данномъ случаѣ, нельзя не отдать должнаго и силѣ того національнаго духа, который въ наивысшей степени проявился въ этихъ истинныхъ сынахъ Норвегіи. Выказанная ими энергія въ связи съ охватывающимъ въ настоящее время весь норвежскій народъ восторгомъ — такія данныя, которыя несомнѣнно не замедлятъ оставить глубокіе слѣды въ историческомъ развитіи народа."

Національное значеніе подвига Нансена выставляется и въ другой статьѣ, принадлежащей перу датскаго публициста О. Дуса и служащей также прекраснымъ опроверженіемъ не разъ высказывавшагося и прежде и теперь мнѣнія — будто бы подвиги Нансена являются въ сущности подвигами спортсмэна, а не научнаго дѣятеля.

О. Дусъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „крайне неумѣстно объяснять подвиги Нансена увлеченіемъ спортсмэна. Человѣка, рискующаго жизнью ради служенія наукѣ, нельзя назвать спортсмэномъ, какъ нельзя назвать спортсмэномъ воина за то, что и онъ тренируетъ себя въ извѣстномъ направленіи. Кромѣ того, насколько мнѣ извѣстно, Нансенъ никогда не занимался хотя бы бѣгомъ на лыжахъ въ качествѣ спортсмэна. Въ то время, какъ его сверстники состязались въ

бѣгѣ на лыжахъ на призы *), онъ отправлялся въ одиночку черезъ горы изъ Бергена въ столицу и обратно, ночевалъ въ снѣгу, совершалъ головоломные прыжки на лыжахъ — все не ради призовъ, не изъ увлеченія спортомъ, но преслѣдуя отдаленную цѣль—достиженіе арктическихъ областей, для чего ему нужно было закалить себя. Если подобное преслѣдованіе цѣли можно назвать спортомъ, то и всякое систематическое упражненіе, и умственное, и физическое, будетъ спортомъ. Въ томъ-то и дѣло, что Нансенъ столь же чуждается спорта, какъ и рекламы. Не его вина, что его теперь рекламируютъ другіе; какъ видно изъ газетъ его не оставляютъ въ покоѣ ни на минуту.

Что же касается до національнаго значенія подвига Нансена, то оно безъ сомнѣнія превзойдетъ научное значеніе его экспедиціи, какъ бы высоко ни оцѣнили послѣднее. Проявленныя въ этомъ подвигѣ личная сила и воля — такой національный капиталъ, съ которымъ ничто не сравнится. И руководящій въ данномъ случаѣ народомъ инстинктъ, замѣняющій ему сознательную оцѣнку подвига Нансена, куда вѣрнѣе всякихъ соображеній и критическаго отношенія. Всѣмъ намъ извѣстно по личному опыту воздѣйствіе энергіи на энергію и то, что людей создаютъ не слова, а примѣры. Воля и энергія, проявленныя Нансеномъ, не могутъ не быть заразительнымъ примѣромъ для того народа, среди котораго онъ родился и выросъ, не могутъ не послужить для него могучимъ импульсомъ."

Прибавимъ отъ себя, что примѣръ этотъ можетъ оказаться дѣйствительнымъ не для одного норвежскаго народа, но и для всего человѣчества. Все оно нуждается въ такихъ дѣятеляхъ, какъ Нансенъ, подымающихъ душу людей изъ области обыденнаго въ область идеаловъ, дѣятелей, зажигающихъ души людей пылкимъ стремленіемъ къ уразумѣнію, достиженію непзвѣстнаго, невѣдомаго.

С.-Петербургъ,
7 сентября 1896 г.

*) См. напр. главу «Въ Бергенѣ», стр. 60.

ОПЕЧАТКИ.

страница	*строка*	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
21	1 снизу	карловой	Карловой
27	3 сверху	тоже	то же
37	6 снизу	немногое.	немного.
„	2 „	сначало	сначала
38	2 сверху	борты	борта
41	5 „	отошеніи	отношеніи
54	10 сверху	полгода	полтора года
67	14 снизу	большемъ	большомъ
76	5 сверху	стецени	степени
118	12 „	*человѣкъ.*	*человѣкъ*
121	18 „	(въ 1881 г.)	(въ 1886 г.)
122	20 „	описалъ,	описалъ
260	6 „	морскми	морскими

Дополнительное примѣчаніе.

Отсутствіе портрета тринадцатаго участника экспедиціи, Берита Берггсена, требуетъ слѣдующаго разъясненія, полученнаго послѣ отпечатанія книги. Берггсенъ первоначально былъ приглашенъ идти на „Фрамѣ“ только до Хабарова, и зачисленіе его въ команду состоялось лишь въ Тромсё, гдѣ сошелъ съ „Фрама“ Гьёртсенъ. Портрета Берггсена, такимъ образомъ, не могло быть въ группѣ портретовъ членовъ экспедиціи, снявшихся въ Христіаніи передъ отплытіемъ „Фрама“, и составителямъ книги вообще не удалось въ свое время достать ни портрета Берггсена, ни какихъ либо обстоятельныхъ свѣдѣній о немъ, кромѣ того, что онъ опытный и дѣльный матросъ, бывалый въ полярныхъ экспедиціяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	V
Фритьофу Нансену (стихотвореніе Бьёрнстьерне Бьёрнсона)	VII
Предки	3
Дѣтство Фритьофа Нансена	17
Нормаркенъ	24
Въ Ледовитомъ океанѣ (по путевому дневнику Нансена)	34
Въ Бергенѣ	51
Въ Неаполѣ	69
Нансенъ-біологъ (статья Густава Ретціуса)	78
Грёнландія	87
Ледниковый періодъ	99
Подготовленія къ Грёнландской экспедиціи	120
На лыжахъ черезъ Грёнландію	137
Научное значеніе Грёнландской экспедиціи	157
Ева Нансенъ. Неудавшееся интервью (Нордаля Рольфсена)	165
Историческій обзоръ полярныхъ экспедицій (Акселя Арсталя)	185
Вклады норвежскихъ моряковъ въ географію арктическихъ странъ (статья проф. Г. Мона)	213
По теченію	224
Дома и на чужбинѣ	233
Баронъ Эдуардъ ф.-Толь и экспедиція Нансена къ сѣверному полюсу	268
Новая Сибирь и сѣверный полюсъ (статья барона Эдуарда ф.-Толя)	287
Экипажъ „Фрама“ и отъѣздъ Нансена (статья В. С Брёггера)	296
Возвращеніе (статья А. и П. Ганзенъ)	323

Масштабъ 1:20,000000.

Лит. Хорна, С.П.Б.

Лит. Хорна С.П.Б.

Наибольшее распространеніе материковаго льда въ Европѣ во время великаго ледниковаго періода